

ПРОГНОЗИΣ

ЖУРНАЛ О БУДУЩЕМ

Номер 1 (5) • Весна 2006 • выходит 4 раза в год

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
АЛЕКСАНДР ПОГОРЕЛЬСКИЙ

ШЕФ-РЕДАКТОР
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ВАСИЛИЙ ЖАРКОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
МИХАИЛ БЛИНКИН,
ВЯЧЕСЛАВ ГЛАЗЫЧЕВ,
ГЕОРГИЙ ДЕРЛУГЯН,
ВЛАДИМИР ПОПОВ,
АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВ,
РУСЛАН ХЕСТАНОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ
ФОНД «ТЕРРИТОРИЯ
БУДУЩЕГО»

ХУДОЖНИК
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

**ИЗГОТОВЛЕНИЕ
ОРИГИНАЛ-МАКЕТА**
СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

E-MAIL РЕДАКЦИИ:
LOGOS@ORC.RU
HTTP://WWW.PROGNOSIS.RU

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО»
МОСКВА, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

3 *Александр Погорельский.* Апология страха

МИРОПОРЯДОК

8 *Иммануил Валлерстайн.* Утопийское, или
Исторические возможности XXI века

57 *Роберт Купер.* Постсовременное государство
и мировой порядок

85 *Герффрид Мюнклер.* Империи. Логика
мирового господства — от Древнего Рима
до Соединенных Штатов

117 *Максим Момот.* Неамериканский век.
Псевдодемократия и социализм лишают
Запад будущего

АНАТОМИЯ НАШИХ ПРОБЛЕМ

133 *Майкл Урбан.* Социальные идентичности.
Конструирование или самоорганизация

143 *Михаил Афанасьев.* Государственный строй
России в помыслах отечественной элиты

160 *Евгений Крутиков.* Конец Потсдамской эпохи

181 *Сергей Маркедонов.* Год Дагестана на Кавказе

193 *Мейндерт Феннема.* Правые популистские
партии

223 *Роберт Мертон.* Самоисполняющееся
пророчество

»»»»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН
В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО
НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
И ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ. СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПИ № ФС 77-18936
ОТ 10 НОЯБРЯ 2004

ПОДПИСКА НА 2006 Г.
БУДЕТ ОСУЩЕСТВЛЯТЬСЯ
ПО КАТАЛОГУ
АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»
НА 2-е ПОЛУГОДИЕ 2006 ГОДА,
ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
18063
ВКЛЮЧЕННЫЕ В ЭТОТ
КАТАЛОГ 4 НОМЕРА
СОСТАВЯТ ПОЛНЫЙ ГОДОВОЙ
КОМПЛЕКТ ЖУРНАЛА.
ПОДПИСКА ПО РОССИИ
В ЛЮБОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ

ОТПЕЧАТАНО В ППП
«ТИПОГРАФИЯ "НАУКА"»
121099, МОСКВА,
ШУБИНСКИЙ ПЕР., 6
ЗАКАЗ № 0000

ТЕРРОРИЗМ

- 239 *Шамсудин Мамаев.* На грани «четвертой мировой» войны с террором
- 253 *Ариэль Мерари.* Терроризм как стратегия борьбы: прошлое и будущее
- 266 *Александр Погорельский.* Бизнес вокруг террора
- 276 *Виталий Куренной.* Война, терроризм и медиа
- 313 *Ким Крэйг, Сара Дэйли.* Динамика террористической угрозы: Оценка групповых мотиваций и возможностей в меняющемся мире

АВТОРСКИЙ ЛИСТ

- 328 *Михаил Маяцкий.* Курорт Европа (I)

ИЗ МАТЕРИАЛОВ WWW.PROGNOSIS.RU

- 348 *Евгений Крутиков.* Независимость Чечни — дело времени
- 352 *Сергей Романенко.* Славянский Союз не нужен
- 356 *Андрей Рябов.* Справедливость: мировой тренд-2006
- 359 *Михаил Маяцкий.* Глас индийских богов

АПОЛОГИЯ СТРАХА

Еще два года назад, когда многие «дела» нынешней российской власти только начинались, газета «The Washington Post» констатировала: «Русские снова боятся Кремля!». А сегодня разговоры о том, что «в джунгли вернулся страх», стали общим местом среди отечественных и западных публицистов. Никто уже не станет спорить с тем, что пусть и не «как в советские годы», но страха стало больше. Вопрос в том, как к этому относиться?

В истории было немало тех, кто использовал страх, как одно из важнейших средств управления и организации общества. И речь идет не только о Гитлере, Муссолини, Сталине и других тоталитарных правителях. Как показывает практика, в обществах, где были слабы или полностью отсутствовали традиции самоорганизации, страх играл роль определяющего фактора, способного удержать такое общество от распада. Казалось бы, все тривиально: страх подавляет свободу, значит, страх — это абсолютное зло, с которым нужно непременно бороться. Между тем, очевидно, что многие атрибуты «зла» носят системообразующий характер, о чем писали такие представители западноевропейской мысли, как С. Керкегор, З. Фрейд, Ж. Батай, М. Вебер.

Создатель теории «дисциплинарной власти» Мишель Фуко, описывая механизмы функционирования власти, в качестве «дисциплинарной мечты» приводил «Паноптикум» Иеремии Бентама, написанный в конце XVIII в. Согласно проекту Бентама, Паноптикум — это архитектурное сооружение, в центре которого находится башня, а вокруг неё располагается кольцеобразное здание. В башне обязательны большие окна, из которых хорошо видно все, что происходит в соседнем здании, состоящем из комнат-камер на одного человека. В каждой камере должно быть по два окна: одно, внешнее — для естественного освещения, а напротив него — внутреннее, обращенное на башню, так, чтобы находящийся в ней надзиратель мог легко видеть все, что делает человек, помещенный внутри. Освещение в Паноптикуме устроено так, чтобы надзиратель видел своих подопечных, но при этом сам был скрыт в тени. Ибо, по замыслу Бентама, наблюдаемые не видят надзирателя, но они все время чувствуют, что находятся под наблюдением, постоянно просвечиваются. При этом само наблюдение не обязательно должно быть непрерывным, надзиратель вполне может выйти по своим делам, — не ведающий об этом наблюдаемый все равно убежден, что за ним все время присматривают. И страх постоянно быть замеченным, заставляет обитателя Паноптикума действовать так, как нужно надзирающей за ним власти.

Социально-архитектурный проект Бентама годится не только для тюрьмы или психиатрической лечебницы (отметим, что идея «Паноптикума» реально воплощена в проекте тюрьмы Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, из которой за все годы существования не сбежал ни один заключенный). По мнению М. Фуко, «Паноптикум» есть идеал власти, которая постоянно стремится «все видеть, оставаясь невидимой», т.е. фактически стремится своим контролем заместить страх Божий, который столетия до этого выполнял ту же регулирующую функцию. Находясь под постоянным страхом, убежденный в неотвратимости наказания, человек постепенно привыкает ежедневно выполнять установленные правила, соблюдать законы, избегать несанкционированных поступков. Так формируется человек «цивилизованного» общества, что делает жизнь в этом обществе относительно сносной.

Анализируя историю многих стран, приходится признать: ничто так внутренне не дисциплинирует общество, как многовековая привычка к страху. Опыт России демонстрирует это с особой наглядностью — здесь страх был неотъемлемой частью общественной жизни, основным методом государственного и хозяйственного управления. Более того, он представлял собой некую национальную ценность. Неслучайно в России выражение «страх потерял» носит негативную окраску. Так говорят о человеке, который что-то серьезно нарушает, не желает соблюдать элементарные нормы общественной жизни.

Опыт 90-х показал, что бывает, когда у наших людей пропадает страх: солдаты перестают подчиняться командирам, работники — хозяевам и менеджерам, дети — родителям, парламент хамит президенту, губернаторы игнорируют федеральный центр, предприниматели не платят налоги... В развитых, модернизированных обществах с более глубокими традициями люди понимают, почему нужно подчиняться главе государства или платить налоги, и это выношенное внутреннее понимание делает ненужным повседневный страх. У нас страх зачастую заменяет и правила общежития, и ценности, и систему сдержек и противовесов.

Безусловно, страх присутствует в жизни любого общества. В развитых странах человек боится потерять работу, социальный статус, деловую репутацию, бизнес. Однако «русский страх» имеет свою важную особенность — постоянство угрозы физической расправы. Пытки и побои до сих пор остаются нормальной практикой силовых органов. Страх быть физически битым, униженным сидит в подкорке русского человека независимо от его социального положения или занимаемой государственной должности.

На страхе держится сформировавшееся в России *посттоталитарно-рыночное общество*. Дело в том, что российский производительный класс, фактически вся российская бизнес- и административная элита, как бы противоречиво это не звучало, остаются *классом в подполье*. В силу неразберихи в законодательстве и полукриминальной практики отечественного бизнеса в 90-е годы все люди, добившиеся успеха, сделавшие карьеру в годы реформ, постоянно живут под угрозой расправы. Преследованию может быть подвергнут практически любой предприниматель, совершивший в те годы хотя бы

несколько сделок, любой чиновник, подписавший хотя бы несколько документов. Сегодня грамотный юрист, отработывая заказ, может отобрать ответственность у любого предпринимателя, а его самого — отправить в тюрьму. При этом первыми под удар попадают «слабые», не в смысле эффективности менеджмента и самого бизнеса, а в смысле отсутствия доступа к тем или иным кабинетам. И постоянный страх, который они испытывают, — это, пожалуй, самый злокачественный страх в сегодняшней России, мешающий ей стать цивилизованной страной.

Похоже, что такое положение, устраивает сегодняшнюю российскую власть. Запуганными людьми проще управлять. Однако на них нельзя опереться. Подавленные интересы различных групп общества не пропадают, а начинают проявляться в многообразных, зачастую уродливых формах коррупции, саботажа решений власти, оттока капитала за рубеж и др.

Макс Вебер утверждал, что государство претендует на «монополию на насилие». Однако в современном мире государственная власть вынуждена уступить целый ряд монополий, в том числе монополию на страх, другим субъектам. Корпоративные коммерческие и некоммерческие организации, более или менее автономные средства массовой информации, независимые правозащитники и природоохранители, разномастные клубы политических и экономических экспертов превратились в самостоятельных производителей страха. Лоббируя собственные узкокорпоративные интересы, конкурируя между собой, они так же, как и государство, играют на чувствах страха и уязвимости населения. Тем более что страх сам по себе — универсальный метод убеждения. Рядом с государством, таким образом, развилась практически неконтролируемая индустрия страха. Новые производители страха активно участвуют в создании культуры, важной чертой которой становится параноидальная фиксация на проблемах безопасности — культуре коллективной паники и отсутствия здравого смысла.

В качестве наиболее яркого примера этой новой культуры можно привести казус с птичьим гриппом. От официальных представителей государств мы слышим, что эпидемия находится под надежным контролем. Однако многие экспертные и общественные организации утверждают, что в скором времени, если не будут приняты «должные меры», жертвы будут неисчислимы. При этом упускается из виду, что от обычного гриппа в мире сегодня умирает, куда большее число людей, чем от птичьего. Любящая сенсации пресса, предлагает все более изощренные сюжетные повороты, утверждая, например, что «птичий грипп» — это форма современной экономической войны, цель которой — разрушение отечественного сельского хозяйства. В свою очередь, потерявшая монополию на страх власть начинает пугать общество своими конкурентами — неправительственными организациями, продажными журналистами, экологами, иногда ставя их в один ряд с террористами.

Конкуренция между производителями страха стала настолько острой, что многочисленные угрозы лишили страх всякой предметности. Универсальность культа страха сегодня, в частности, выражается в том, что «безо-

пасность» является базовой программой и общим местом: с этим термином успешно спрыгается и экономика, и политика, и энергетика, и экология, и само общество. Ставшая столь расплывчатой «безопасность» потеряла свою осмысленность.

Если полное отсутствие страха ведет к развалу и упадку, то избыточный внесистемный страх способствует общественной стагнации. К тому же жизнь в условиях постоянного страха делает человека нечувствительным к опасностям. Российский бизнесмен ежедневно идет на такие риски, от которых нормальный человек на его месте просто сошел бы с ума. Как говорил один герой Михаила Зощенко, «высшую меру я, действительно, плохо переношу, все остальное — с Божьей помощью». Нашего человека уже не испугаешь и тюрьмой — жизнь на воле зачастую не намного лучше тюремной, да и нравы зоны, начиная с 90-х годов, во многом перенесены на жизнь всей России.

Видимо, понимая это, современная российская власть стремится к подержанию некоего оптимального уровня страха. Дозируя страх в обществе, государство не прибегает к массовому террору, но использует разнообразные демонстрационные эффекты. Можно выборочно сменить собственника и руководство крупной телевизионной компании, показательно отправить в тюрьму отдельно взятого олигарха, сменить главного редактора газеты — остальные сразу поймут, как следует себя вести. При этом никакого формального ограничения свободы нет, но страх заставляет людей ограничивать самих себя, прибегая к самоцензуре. Сигналы власти правильно понимаются обществом, веками привыкшим к страху. Вся грязная подготовительная работа уже была выполнена предшественниками сегодняшней российской власти в предыдущие эпохи.

Страх — оружие обоюдоострое, и потому легко может захватить в свою очередь и тех, кто пугает. Власть сегодня запугана не меньше, чем общество, она боится всего — террористов, политических конкурентов, товарищей по партии. Каждый, кто участвовал в захвате чужой собственности при помощи насилия и беззакония, понимает, что в любую минуту так же могут поступить с ним, а страх потерять власть становится равным страху физического уничтожения. Неслучайно «шок Беслана» стал таким мощным потрясением для верхушки власти. Внезапно стало ясно, что охрана ненадежна и того и гляди доберутся до «тебя любимого». Такое положение зачастую приводит к неадекватным действиям со стороны самой власти.

И, пожалуй, последнее: степень наличия страха в государстве и обществе — хороший критерий степени зрелости этого государства и этого общества. В современной психологии существует теория, согласно которой свойственная детям рассеянность, несобранность, неспособность доводить начатое до конца, связана с нехваткой адреналина в крови ребенка и веками компенсировалась телесными наказаниями и связанным с ними страхом. Сегодня в развитых странах адреналиновый дефицит у детей корректируется медикаментозными методами, при помощи специальных пищевых добавок. С возрастом дефицит адреналина пропадает, и человек сознательно и ответственно справляется со своими обязанностями за счет внутренних

стимулов. Таким образом, необходимость страха для нормального функционирования общества указывает на инфантильность большого числа людей и общества в целом. Такому обществу предстоит, как минимум, взрослеть.

В повзрослевшем обществе граждане добровольно и сознательно выполняют обязанности перед государством, понимая, что тем самым выполняют обязательства друг перед другом. В развитых обществах сохраняется страх перед автономной силой закона, а не перед произволом чиновника и подтасованными судебными решениями. Должны быть заданы и гарантированы четкие «правила игры», те принятые большинством общества рамки, в пределах которых человек может себя чувствовать безопасно, быть свободным от страха. Выход за эти рамки должен быть сопряжен с неотвратимым наказанием.

Иными словами, задача состоит в том, чтобы ввести страх в берега. Бесконечный страх, как и страшный конец уже не могут никого испугать. Порядок в применении законов, процедур и правил, единых для всех и принятый всеми, канализирует энергию страха, направляя его в созидательное и скоординированное коллективное действие. Это и есть именно то, что может вывести страну из шока, обеспечить ей ясное и благополучное будущее.

*Александр Погорельский,
главный редактор журнала «Прогнозис»*

Иммануил ВАЛЛЕРСТАЙН

УТОПИЙСКОЕ, ИЛИ ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ XXI ВЕКА¹

1. НЕСБЫВШИЕСЯ МЕЧТЫ ИЛИ ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ?

Утопии? Утопийское? Разве это не простая игра со словами? Я так не думаю. Утопия, как известно, — это слово, придуманное сэром Томасом Мором, и оно буквально означает «нигде». На самом деле проблема всех известных мне утопий заключается не только в том, что они нигде прежде не существовали, но и в том, что они кажутся мне и многим другим людям мечтами о невозможном на земле рае.² Утопии имеют религиозные функции, и иногда они также могут служить механизмами политической мобилизации. Но в политическом отношении они, как правило, оказывают обратное воздействие. Ибо утопии ведут к возникновению иллюзий и, следовательно, к неизбежным разочарованиям. И утопии могут использоваться и обычно используются для оправдания ужасных зол. Меньше всего нам нужны новые утопические идеи.

Под утопийским, придуманным мною словом-заменой, понимается нечто совершенно иное. Утопийское — это серьезная оценка исторических альтернатив, вынесение нашего суждения относительно сущностной рациональности возможных альтернативных исторических систем. Оно представляет собой трезвую, рациональную и реалистическую оценку социальных систем, их недостатков и областей, открытых для человеческого созидания. Не облик совершенного (и неотвратимого) будущего, а облик альтернативного, наверняка лучшего и исторически возможного (но вовсе не предопределенного) будущего. В нем одновременно сочетаются наука, политика и мораль. Если тесная связь между наукой, политикой и моралью кажется чем-то не отвечающим духу современной науки, я приведу слова Дюркгейма, сказанные им о науке: «Если же наука не может помочь нам в выборе лучшей

1 Immanuel Wallerstein, *Utopistics, or, Historical Choices of the Twenty-First Century* (New York: New Press, 1998).

2 Я рассмотрел социальные функции и недостатки утопий в своей статье: Immanuel Wallerstein, «Marxisms as Utopias: Evolving Ideologies», in *Unthinking Social Science: The Limits of Nineteenth-Century Paradigms* (Cambridge: Polity Press, 1991), 170–184. В этой статье сравниваются представления об утопии Мора, Энгельса и Мангейма.

цели, то как же может она указать нам лучший путь для ее достижения? Почему станет она нам рекомендовать наиболее быстрый путь предпочесть наиболее экономичному, наиболее верный наиболее простому, или наоборот? Если она не может руководить нами в определении высших целей, то она так же бессильна, когда дело касается этих второстепенных и подчиненных целей, называемых средствами».³

И, конечно, наши моральные правила также предполагают, что мы предложим путь к лучшим целям. А политика связана с земным достижением этих целей или, по крайней мере, притязаниями на таковое. Утопийское связано с согласованием того, что мы знаем из науки, морали и политики о том, какими должны быть наши цели — наши общие цели, а не второстепенные и подчиненные цели, называемые средствами. Последние, несомненно, также важны, но они составляют неизменные проблемы нормальной жизни исторической системы. Установление общих целей — непростое предприятие. Только в моменты системной бифуркации, исторического перехода, возможность становится реальной. Именно в эти моменты того, что я называю временем/пространством преобразования,⁴ утопийское становится не просто важной, но и главной нашей заботой. И сейчас как раз такой момент.

Следует сказать несколько слов о сущностной рациональности — понятии, предложенном Максом Вебером в противопоставление понятию формальной рациональности. Под ним он подразумевал выбор целей по критерию «ценностных постулатов» (*wertende Postulate*). Вебер говорит нам, что такое понятие «глубоко неоднозначно» и что «существует бесконечное число возможных ценностных шкал для этого типа рациональности». В этом смысле, добавляет он, «понятие “сущностная”... является абстрактным, общим понятием».⁵ Эти ценности, как свидетельствует исходное немецкое словосочетание, являются «постулатами», и очевидно, что мы можем не соглашаться с постулатами. Здесь наши моральные предпочтения прямо ведут к политической борьбе.

Когда же в дело вступает наука? Как социологическое знание может помочь нам в принятии этих моральных и политических решений? На политической арене в широком смысле слова никто не ограничивается простыми заявлениями о существовании политических возможностей. По крайней мере в современном мире всем нам приходится обращаться за поддержкой наших идей к более широкой группе людей, а не только к тем, кто разделяет наши непосредственные интересы и предпочтения. В этом и заключается легитимность. Легитимность — это результат длительного процесса, который связан, прежде всего, с особым рода убеждением: он связан с убеждением тех, чье

3 Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М., 1990. С. 448.

4 См.: Immanuel Wallerstein, «The Invention of the TimeSpace Realities: Towards an Understanding of our Historical Systems», in *Unthinking Social Science: The Limits of Nineteenth-Century Paradigms* (Cambridge: Polity Press, 1991), 135–148.

5 Max Weber, *Economy and Society*, New York: Bedminster Press, 1968, I, 85–86. См. также мое рассмотрение этого понятия: Валлерстайн И. *Общественные науки и современное общество. Исчезающие основания рациональности* // Валлерстайн И. *Конец знакомого мира: Социология XXI века*. М., 2003. С. 187–211.

положение незавидно в краткосрочной перспективе, что им будет лучше, даже намного лучше, в некоей долгосрочной перспективе именно благодаря структуре системы и что, следовательно, они должны поддерживать дальнейшее функционирование системы и существующего в ней процесса принятия решений. Именно эта утрата легитимности составляет, на мой взгляд, важный фактор системного кризиса, в котором мы теперь оказались. (Вос) создание некоего социального порядка — это не просто вопрос конструирования альтернативной системы, но и, в весьма значительной степени, легитимации самой этой сконструированной системы.

Можно легитимировать системы — и мы по-прежнему иногда так поступаем — при помощи обращения к авторитету или мистическим истинам. Но сегодня мы также легитимируем системы во многом благодаря так называемым рациональным доводам. Эти доводы восходят к дискурсу науки и утверждают свою обоснованность, исходя из общепризнанного научного знания. Конечно, не все из того, что ученые объявляют истинным, обязательно верно. И имеются серьезные сомнения насчет обоснованности выводов, которые делаются людьми на политической арене из того, что они считают — или делают вид, что считают — научно доказанным. Таким образом, обоснованность нашего коллективного знания, и особенно выводов, которые мы можем сделать, опираясь на него, о наших исторических системах, представляет собой основную проблему в борьбе за то, что составляет сущностную рациональность. Поэтому утопийское предполагает внимательное рассмотрение структур знания и того, что нам действительно известно о том, как действует социальный мир.

Как только у нас появились мечты — большие мечты, политические мечты, — нам суждено было испытать разочарование. Великая французская революция привела в движение многие миллионы людей и вызвала изумление у всех, кто принял в ней участие. Она казалась зарей новой эры. И спустя не так много времени один из ее ранних поклонников Уильям Вордсворт написал свою горькую поэму — «Прелюдию» — об ужасных разрушениях, причиненных ею. Октябрьская революция, которая началась с «Десяти дней, которые потрясли мир», стала для многих в следующем поколении «Богом, обманувшим надежды». И эта история, столь очевидная для шумных Великой французской и Октябрьской революций, без конца повторяется для многих других политических событий, которые мы называем «революциями» в современном мире.

Для консервативных мыслителей, начиная с Берка и де Местра, это является отражением того, что неизбежно происходит в результате социальной инженерии. И чем больше амбиции, тем больше вред, говорят они. Суть консерватизма как современной идеологии сводится к убеждению, что риски сознательного коллективного вторжения в существующие социальные структуры, которые постепенно развивались в ходе истории, чрезвычайно высоки. В лучшем случае, утверждают они, могут быть осуществлены некоторые изменения, при условии, что они оцениваются с величайшей осторожностью и считаются абсолютно необходимыми. И даже тогда они должны проводиться очень осторожно и в минимальной степени. В этой консервативной доктрине смешиваются теологические сомнения насчет человеческого

вмешательства в божественный мир и скептицизм насчет человеческой способности быть разумным или, скорее, человеческой способности принимать обоснованные и разумные коллективные решения.

Нет никаких сомнений в том, что для подобного скептицизма имеются серьезные исторические основания. И можно считать, что разумные и неравнодушные люди могут прийти к выводу о том, что в целом лучше проводить политические изменения медленно, чтобы не сделать хуже. Проблема такого искреннего консерватизма заключается в том, что он представляет позицию (и интересы) тех, кому в настоящий момент лучше всего с точки зрения экономического и социального положения и всех остальных вопросов, связанных с качеством жизни. Всем менее благополучным и особенно реально нуждающимся советуют просто набраться терпения и надеяться на какое-то скорое улучшение положения. Но поскольку, согласно консервативной доктрине, терпение не ограничивается какими-то временными пределами (и консерваторы часто говорят о неизбежности социальной иерархии и вытекающем отсюда вечном социальном неравенстве), она едва ли способна предложить улучшения, осуществимые в течение жизни большинства взрослых людей в мире и даже в течение жизни их детей.

Причины так называемых революционных потрясений в современном мире — сложный и спорный вопрос, и, что касается меня, то я готов признать, что эти потрясения по большей части были не стихийными восстаниями угнетенных масс, стремящихся изменить мир, а скорее использованием возможности — по крайней мере поначалу — отдельными группами в моменты распада государственного порядка (которому эти группы способствовали лишь иногда). И во время этих революций удержаться удавалось тем, кто способен был привлечь значительную народную поддержку. Я полагаю, что у этой *post hoc* поддержки есть простое объяснение. Терпение, которого советовали набраться консервативные мыслители менее благополучным, никогда не получало широкого или глубокого распространения, и вера, что такие подчиненные группы действительно сознают важность традиционных структур и их лидеров, была достаточно ограничена. Скорее подчиненные группы терпели власти, считая их, в худшем случае, неизбежными или, в лучшем случае, с трудом подвергающимся изменениям, не говоря уже о свержении. Революционные потрясения предлагают людям, которых они намерены представлять и на моральную и политическую поддержку которых они пытаются опереться, разрушение социальных ожиданий, неожиданное вторжение надежды (даже великой надежды), что все (или по крайней мере многое) действительно может быть изменено и изменено достаточно быстро в направлении большего общественного равенства и демократизации. Если мы не поймем, что именно на такие перемены к лучшему — для себя самих и своих детей — надежались «вязальщицы», наблюдая за казнями аристократов, мы не сможем понять политическую историю последних двух веков современной миротсистемы.

Это не значит, что простые люди приветствовали террор или Гулаг. Некоторые, но не многие. Некоторые сознательно поддерживали террор; некоторые поддерживали революции, несмотря на террор; и многие убеждали себя,

что ничего не знают о терроре. Но они действительно поддерживали революции, по крайней мере долгое время, и именно потому, что революции давали надежду в ситуациях, которые при иных обстоятельствах показались бы безнадежными, причем безнадежными не просто до революций, но и безнадежными в будущем, после всех контрреволюций.

Безусловно, революции всех мастей вели к ухудшению положения по внешним и внутренним причинам. Внешне они вели борьбу, причем яростную. Изнутри все они вырождались. Среди тех, кто находился у власти, возникали глубокие разногласия — отчасти из-за тактики, но в значительной степени из-за борьбы за власть. Революции начинали пожирать своих детей, показывать свое уродливое лицо и утрачивать большую часть полученной ими поддержки.

Сегодня многие, хотя и не все, считают, что Великая французская революция не была буржуазной, а Октябрьская революция — пролетарской революцией. В таком случае, какими же они были? И были ли они революциями? Конечно, все зависит от того, что понимается под (политической и/или социальной) революцией. Само понятие современной революции предполагает важность государственных границ для анализа и деятельности, а также относительную автономию в развитии. Принято считать, что государства в современном мире можно описывать как феодальные, капиталистические и социалистические или какие-то еще. Отсюда следует, что мы можем говорить о разрывах, которыми отмечено преобразование всякой отдельной государственной структуры, и называем такие разрывы революциями. Отсюда также следует, что мы можем сознательно вызывать (или пытаться вызвать) такие разрывы.

В сущности, именно это и подразумевается под революциями и революционной деятельностью. Конечно, существуют серьезные разногласия относительно того, каким образом следует проводить различие между так называемыми обычными политическими изменениями (даже если при этом используются насильственные средства) и так называемыми подлинными революционными изменениями. Но такие разногласия не касаются двух основных составляющих этой модели — представления, что основные преобразования могут происходить на государственном уровне и что на самом деле (для многих, если не для большинства, аналитиков) подобные изменения могут происходить *только* на государственном уровне. Я предложу иную модель, которая основывается на том, что в государствах, входящих в современную миросистему, вообще не было и не могло быть революций, если понимать под революциями изменения, которые преобразуют основополагающую социальную структуру и способ функционирования государства, якобы пережившего революцию. Я покажу, что тем не менее эти так называемые революции были чрезвычайно важной составляющей развития истории современной миросистемы, потому что они действительно изменили важные параметры развития миросистемы в целом. И, наконец, я покажу, что в результате этой смены акцента ни иллюзии, ни разочарования не имеют оправдания и, следовательно, не отражают разумного отношения к этим политическим событиям.

Современная миросистема, то есть капиталистическая мировая экономика, восходит в своих истоках к долговому XVI веку. Первоначально она охватывала

не весь мир, а только большую часть Европы и западного полушария. Со временем она расширялась вследствие внутренней динамики и постепенно включила в свою структуру остальные регионы мира. Современная миросистема стала географически глобальной только в конце XIX века, и только во второй половине XX века произошла интеграция всех потаенных уголков и отдаленных областей мира.

Создание структуры государств (так называемых суверенных государств, действующих в рамках межгосударственной системы) было неотъемлемой составляющей создания и структурирования капиталистической мировой экономики. Развитие государственных структур, их способность к внутреннему укреплению и к укреплению по отношению к другим государствам миросистемы, отражало развитие современной миросистемы как единого целого. Государства никогда не были автономными сущностями; скорее они были важной институциональной особенностью миросистемы. У них была власть, но не неограниченная власть, и, конечно, одни государства имели больше власти, чем другие. Только миросистема в целом может иметь определенный способ производства. Современная миросистема была и остается капиталистической системой, то есть системой, которая опирается на бесконечное накопление капитала при помощи бесконечного превращения в товар всего и вся.

Государства в этой системе являются институтами системы, потому, независимо от конкретных форм, они в какой-то степени отвечают этому основному капиталистическому стремлению. Следовательно, если под революцией понимается превращение феодального государства в капиталистическое или превращение капиталистического государства в социалистическое, то здесь следует говорить не об операциональном значении, а об ошибочном описании реальности. Безусловно, существует множество возможных политических режимов, и, несомненно, для людей, проживающих в конкретных государствах, природа этих режимов очень важна. Но эти различия не отменяют того основного факта, что все эти режимы были действующими составными частями современной миросистемы, то есть капиталистической мировой экономики. Их нельзя разделять.

Я предвижу возражения. Я слышал их много раз. Как можно утверждать, что бывшие социалистические государства (или на самом деле те, которыми правили марксистско-ленинские партии) были (или остаются) капиталистическими? Как можно утверждать, что государства, которыми по-прежнему правят традиционные иерархии, являются капиталистическими? Я не делал таких утверждений, потому что я не считаю, что государства могут иметь такие атрибуты. Я утверждаю, что эти государства находятся в миросистеме, действующей в соответствии с капиталистической логикой, и что если государственные политические структуры, государственные предприятия или государственные бюрократии попытаются принимать решения в соответствии с какой-то иной логикой (и, конечно, они зачастую поступают таким образом), им придется за это жестоко поплатиться. В результате, они либо изменят свой образ действий, либо лишатся власти или своей способности влиять на систему. Я бы сказал, что в этом состоит очевидный урок, который

мы можем извлечь из так называемого краха коммунизма, хотя я не считаю, что закон стоимости начал эффективно действовать в этих областях только после отстранения коммунистических партий от власти. Я полагаю, что они действовали на этой основе задолго до этого.

Постоянно выдвигаемое возражение против такого описания так называемых социалистических режимов заключается в том, что оно *может* быть верным, но оно не обязательно *должно* быть верным. Утверждается, что эти режимы не были «чистыми», что они не были по-настоящему социалистическими и даже что они предали мечту. Я не согласен с этими утверждениями. Конечно, большинство революционеров изначально собиралось быть революционерами. Но большинство революционных режимов на самом деле не собиралось изменить мир. Они не предавали своих идеалов. Они обнаружили, что, как индивиды и как режимы, они ограничены структурами миросистемы и вынуждены вести себя определенным образом и в определенных параметрах, иначе они перестанут быть важными участниками миросистемы. И они рано или поздно приводили свои намерения в соответствие с реальностью.

Все сводится к пониманию того, как действуют системы. Системы имеют границы, даже если они меняются. Системы имеют правила, даже если они развиваются. И системы имеют встроенные механизмы возврата равновесия, чтобы относительно *существенные* отклонения — продуманные или случайные — от ожидаемых образцов приводили к относительно *несущественным* среднесрочным изменениям. Это не значит, что системы статичны. Вовсе нет. Они имеют внутренние противоречия, и, пытаясь справиться с ними, системы обнаруживают длительные тенденции. Поэтому в долгосрочной перспективе системы постепенно отдаляются от равновесия и, когда это происходит, они больше не могут оставаться прежними. Они достигают точки бифуркации и неизбежно преобразуются в другие системы или сменяются ими.

Основной вопрос связан с проведением границы между нормальной продолжающейся жизнью системы и двумя моментами ее преобразования: в начале и в конце. Великая французская и Октябрьская революции, как и все остальные, рассмотренные нами, произошли при нормальном течении жизни капиталистической мировой экономики. Хотя они представляли собой относительно существенные отклонения от ожидаемых образцов, они приводили к относительно несущественным среднесрочным изменениям. Восхищение революциями, выказываемое одними, и огромная враждебность со стороны других были всего лишь механизмами системы. Рост восхищения был одним механизмом; разочарование в революции — другим. Революции никогда не развивались так, как надеялись их сторонники или как опасались их противники. Это не значит, что они не имели значения. В действительности, повторение таких потрясений было важным элементом установления определенных долгосрочных тенденций в системе, долгосрочных тенденций, воздействие которых мы начали ощущать только сейчас — после 1945 года или даже после 1989 года.

Большинство иллюзий и разочарований, связанных с Великой французской и Октябрьской революциями (и большинством работ о них), касалось воздействия, которое было оказано ими на Францию и Россию, а споры об оценках произошедшего связаны с риторикой полностью противоположных точек зрения. Я оцениваю внутреннее воздействие с точки зрения *longue durée* — точки зрения, близкой к той, что занимал Токвиль. При сравнении этих стран за двадцать лет до революции и через двадцать лет после нее не вполне понятно, какие значительные перемены произошли в них по сравнению со странами, избежавшими так называемой революции. Однако в том, что касается миросистемы в целом, дело обстоит несколько иначе. Можно заметить серьезные изменения, произошедшие в геокультуре миросистемы в результате этих двух революций, изменения, которые отражают долгосрочные тенденции миросистемы в целом. И это несмотря на «провал» революций в целом в том смысле, что революционные правительства (и их непосредственные преемники, которые называли или действительно считали себя продолжателями начатого) были свергнуты контрреволюцией.

Нам известны основные требования французских революционеров. Они выступали против наследственных привилегий. Они выступали за моральное и юридическое равенство всех людей. Они настаивали на главенстве идеи гражданства, то есть членства в сообществе, называемом нацией, которое в принципе предполагало равные права для участия в политической жизни (по крайней мере для всех взрослых мужчин). Несомненно, эти требования были выражением более серьезного давления, нежели простое давление народа, совершившего Великую французскую революцию. Но именно Великая французская революция — вследствие самого своего насилия, воодушевления и победы — вывела эти требования из маргинальной области диких идей в область нормальных, даже очевидных, элементов всякой политической системы. Тот факт, что эти требования затем распространялись, несомненно, весьма амбициозным образом в наполеоновских попытках завоевания, сыграл немаловажную роль в их укоренении в народной ментальности.

Значение произошедшего преобразования можно увидеть *после* 1815 года, после Реставрации во Франции. Ибо между 1815 и 1848 годами основные идеи Великой французской революции продолжили свое вхождение в категорию общепринятых представлений о том, в чем заключаются легитимные условия политического действия. На самом деле можно выделить три таких представления, получивших подобную легитимность. Первым было представление о том, что политические изменения были непрерывными и нормальными, а не исключительными и по своей сути нелегитимными. Вторым было представление о том, что суверенитет заключен в народе, а не в правителе или в корпоративном аристократическом органе. Третьим было представление о том, что люди в государстве образуют нацию, гражданами которой они являются.

Безусловно, ни одно из этих трех представлений не считалось легитимным государственными властями в посленаполеоновскую эпоху, по крайней мере поначалу. На самом деле идеологией Священного союза было открытое противодействие этим представлениям, отказ признавать их легитимность,

который на самом деле способствовал их укреплению. Однако эти представления были достаточно сильными, чтобы требовать четкого и обоснованного выражения, а не подвергаться грубому замалчиванию, которое на самом деле свидетельствовало о признании их силы. Таким образом, именно консервативная идеология выразила неприятие Великой французской революции и, в свою очередь, стимулировала развитие либеральной идеологии, которая, при всем своем неоднозначном отношении к Великой французской революции, на самом деле поддерживала ее основные идеи.

В действительности, Великая французская революция открыла ящик Пандоры и пробудила народные стремления, ожидания и надежды, которые всем привычным властям — консервативным и либеральным — оказалось трудно сдерживать. По сути, консерваторы и либералы расходились в своих основных стратегиях сдерживания возможного народного восстания. Консерваторы

делали ставку на усиление власти традиционных институтов и символических лидеров, показывая вред, который законодательные изменения могли причинить социальному порядку. Таким образом, объединяющими идеями служили здесь монархия, церковь, местная знать и патриархальные семьи.

Либералы, по сути, утверждали, что исторически было слишком поздно использовать такие институты либо для управления, либо для усмирения народного недовольства. Они выступали

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
ОТКРЫЛА ЯЩИК ПАНДОРЫ И ПРО-
БУДИЛА НАРОДНЫЕ СТРЕМЛЕНИЯ,
ОЖИДАНИЯ И НАДЕЖДЫ, КОТОРЫЕ
ВСЕМ ПРИВЫЧНЫМ ВЛАСТЯМ — КОН-
СЕРВАТИВНЫМ И ЛИБЕРАЛЬНЫМ —
ОКАЗАЛОСЬ ТРУДНО СДЕРЖИВАТЬ

за признание теоретических принципов, выдвигавшихся народными силами — нормальности изменений, народного суверенитета и гражданства, — но поддерживали только те изменения, которые могли быть произведены под их руководством. Их программой для такого управления было постепенное насаждение этих принципов под контролем экспертов, которые могли рационально анализировать темпы и меры, которые гарантировали бы постепенность изменений и сохранение правящих семей и групп. Короче говоря, либералы хотели контролируемых изменений, и они уступали ровно столько, сколько было необходимо для того, чтобы сохранить большую часть того, что они уже имели. Либералы, тем не менее, считали, что *некоторые* изменения необходимо проводить быстро, тогда как консерваторы, как правило, опирались на репрессивные действия с тем, чтобы сдержать волнения.

Эта борьба между консерваторами и либералами среди правящего меньшинства происходила во всех крупных государствах миросистемы в период с 1815 по 1848 год. История тех лет — это история постепенного нарастания народного недовольства в различных формах и областях. И то, что мы можем

назвать мировой (или миросистемной) революцией 1848 года, было непредвиденным событием, которое потрясло всех, кто находился у власти. Во-первых, она показала, что две народные группы способны были к более серьезной мобилизации, чем считалось возможным прежде. Ими были, с одной стороны, городские / промышленные рабочие, а с другой стороны – угнетенные национальности / нации. Волнения начались во Франции в виде социальных бунтов и быстро распространились на другие страны, зачастую принимая вид национальной революции. Казалось, что вновь началась Великая французская революция, но на сей раз не только против консерваторов (то есть представителей старого режима), но и против либеральных идеологов. Поэтому революции 1848 года способствовали возникновению третьей идеологии, левой идеологии, которая порвала с тем, что теперь казалось центристским либерализмом, и противопоставила себя правому консерватизму. Эта левая идеология имела разные названия, но в целом она начала именоваться социализмом.

Мировую революцию 1848 года следует рассмотреть в двух временных рамках: непосредственных событий и результатов и долгосрочных последствий. Рассматривая последовательность событий, произошедших в течение нескольких лет, можно сказать, что она напоминала феникса. Она очень быстро сгорела и почти мгновенно возродилась из пепла. Наиболее радикальная пора во Франции, например, продлилась всего четыре месяца. Эти восстания (и даже менее радикальные) всюду были подавлены силой, которой радикальные элементы были не способны противостоять. И все же кажется очевидным, что власти были довольно напуганы этими восстаниями, и этот страх привел к сближению консервативных и либеральных сил в защите сложившегося порядка. Оглядываясь в прошлое, кажется, что между консерваторами и либералами существовало молчаливое согласие. Консерваторы добились своего в краткосрочной перспективе: повторного утверждения репрессивной власти и, в частности, объявления вне закона всех радикальных элементов. Но либералы одержали победу в среднесрочной перспективе, проведя, в конечном итоге, ряд размеренных и разумных реформ, причем не только при поддержке консерваторов, но и с таким рвением с их стороны, как если бы они хотели переиграть либералов на их поле.

На социалистов, сторонников третьей идеологии, 1848 год оказал такое же глубокое влияние, как и на консерваторов с либералами. Если протосоциалисты до 1848 года в большинстве своем были либо заговорщиками (карбонарии, бланкисты) или утопистами (Оуэн, Кабе и многие другие), то провал 1848 года (тот факт, что стихийные восстания не имели серьезных политических последствий) оказался холодным душем, который заставил левых стать политическими реалистами. Они обратились к организации единственной стратегии, которая в конечном итоге могла принять форму поэтапной теории политического действия. Как известно, социалисты работали над этим на протяжении второй половины XIX столетия. На первом этапе они стремились получить власть в каждом суверенном государстве; на втором этапе они пытались преобразовать национальное общество с использованием этой государственной власти. Позднее, социалистический лагерь разделил-

ся по вопросу о тактике первого этапа — получение государственной власти путем голосования либо путем запланированного восстания (в этом и заключалось теоретическое различие между II и III Интернационалом).

Следует подчеркнуть, что социалистическая стратегия организованного стремления к государственной власти в долгосрочной перспективе ничем не отличалась от либеральной стратегии рационального изменения, проводимого экспертами. Только эксперты принадлежали партийной структуре, а не бюрократии. Поэтому в период после 1848 года проявились две очевидные закономерности. С одной стороны, имелись три идеологии — консерваторов, либералов, социалистов, — которые почти повсюду вели политическую борьбу. С другой стороны, центристский либерализм стал доминирующей идеологией во всем мире, причем именно потому, что программы консерваторов и социалистов, как правило, становились простыми вариациями основной либеральной темы проведения реформы. И обе закономерности продолжали действовать не только до 1917 года, но и до 1968 года.

Итак, можно утверждать, что долгосрочное следствие Великой французской революции заключалось в том, что, вследствие легитимации ряда представлений, которые прежде были маргинальными, возникли три идеологии, озабоченные вопросом о сдерживании теперь уже ставшего легитимным народного стремления к переменам. В свою очередь, этот политический конфликт между тремя идеологиями привел к тому, что одна из этих трех идеологий — центристский либерализм — стала доминирующей и смогла навязать себя в качестве геокультуры мировой системы, тем самым задав рамки, в которых должны были осуществляться все социальные действия на протяжении более чем столетия.

Такое развитие можно считать диалектикой различных процессов. Высвобождение народных страстей и особенно легитимация народных целей вынудили правящие группы пойти на важные уступки в среднесрочной перспективе при помощи программы либерализма, наиболее важными из которых были предоставление избирательного права (в конечном итоге, всеобщего) и частичное экономическое перераспределение (государство всеобщего благосостояния). Эти уступки были следствием народного давления, подпитываемого надеждами и ожиданиями, но сами по себе уступки усиливали надежды и ожидания. На конце либеральной дуги, по-видимому, находилась идея демократического общества. Но сама эта надежда, сами эти ожидания, делала народ все более спокойным и все менее бунтарским. Коротче говоря, либеральные уступки привели к значительной демократизации социально-политических структур (что, по-видимому, было целью Великой французской революции), а также к ослаблению стремления к более фундаментальным переменам (что, по-видимому, было целью противников Великой французской революции). В этом смысле либерализм как идеология был весьма успешным в поддержании основного политического порядка мировой капиталистической экономики. Но в этом смысле Великая французская революция также оставила свой след на структурирующих и долгосрочных тенденциях современной миросистемы.

XIX век был не только веком народных требований демократизации и начала господства либеральной идеологии в качестве наиболее действенного средства сдерживания этих требований. Он также был временем возникновения национализма/этничности, расизма и сексизма в качестве основных составляющих геокультуры. Не только страсти или практики, лежащие в основе этих составляющих, стали впервые известными в этом веке; они впервые стали явной, теоретически осмысляемой частью геокультуры и вследствие этого приобрели новое и куда более опасное значение.

На первый взгляд, все три указанные составляющие кажутся прямо противоречащими либерализму и опровергающими заявленное доминирование либеральной идеологии. Но, в действительности, оказывается, что они имеют скрытую симбиотическую связь с либерализмом. Национализм напоминает двуликого Януса. Он представляет собой протест угнетенных против угнетателей. Но он также является средством, используемым угнетателями против угнетенных. Так обстоит дело повсюду. Но что наделяет национализм таким свойством? Его связь с гражданством. Гражданство призвано было обеспечить включение людей в политический процесс. Но то, что включает, также и исключает. Гражданство позволило перенести исключение с открытого классового барьера на национальный или скрытый классовый барьер.

Это двойственное качество национализма — включение и исключение — важно для либеральной цели управления социальными переменами, поскольку оно позволяет идти на уступки, не отвергая основной капиталистической системы. Включение каждого, действительно каждого, сделало бы невозможным поддержание бесконечного накопления капитала, поскольку разрыв в прибавочной стоимости стал бы намного меньше. Не включение никого, сохранение старого режима, сделало бы невозможным поддержание бесконечного накопления капитала вследствие возникновения народного недовольства и разрушения политической защиты системы. Промежуточное положение гражданства — включение одних и исключение других — способствовало успокоению наиболее опасной страты стран ключевых зон, рабочего класса, исключая при этом из разделения прибавочной стоимости и принятия политических решений подавляющее большинство населения Земли.

Отсюда национализм могущественных наций (например, Англии/Великобритании и Франции), который способствовал сохранению *status quo* в мире. Отсюда же и национализм угнетенных наций, который в XIX веке по-прежнему означал, главным образом, национализм угнетенных европейских «исторических» наций и их превращение из этнических общностей в государства. В этом случае, национализм означал присоединение их средних классов и в какой-то степени их городского рабочего класса к глобальному дележу пирога. Учитывая, что немногие из этих наций сразу обрели политический суверенитет, их включение привело к простому распространению избирательного права в уже существующих могущественных суверенных нациях и прекрасно отвечало глобальной программе либерализма. Конечно, национализм — это идея, которая по своей сути не имеет географических пределов, и это, как мы увидим в дальнейшем, может вызывать определенные проблемы.

В свою очередь, между национализмом/этничностью и расизмом существует взаимосвязь. Расизм, открытое построение теорий о превосходстве белой расы или арийцев, расцвел в XIX веке в Северной и Западной Европе и в странах с преобладанием европейских поселенцев. Каким был его основной посыл? Он заключался в том, что включение в либеральное государство связано с определенным сверхгражданством, коллективным гражданством сильных государств, исключаящим людей из остального мира, в том числе тех, кто происходит этнически из остального мира, но в настоящее время проживают в странах с сильными нациями, а также коренных жителей стран с белыми поселенцами. Национализм и расизм служили идеологическим оправданием империализма и не стеснялись выражать свои взгляды открыто.

Картина была бы неполной без сексизма. Идеология сексизма связана с созданием и освящением идеи домохозяйки. Женщины работали всегда, и исторически большинство домохозяйств было патриархальным. Но в XIX веке произошло нечто новое. Речь идет о серьезной попытке исключить женщин из того, что можно произвольно назвать приносящим доход трудом. Домохозяйка составляла тандем с мужчиной-кормильцем, который был единственным получателем дохода в семье. В результате женщины работали больше или тяжелее, но их труд обесценивался.

Какой цели это может служить? Следует помнить, что это произошло во время, когда стремление рабочего класса к включению — политическому, экономическому и социальному — и попытка правящих классов удовлетворить такие требования, предложив ограниченное включение, одновременно сохранив большинство привилегий благодаря ограничению степени этого включения. Создание идеи домохозяйки служило этой цели в трех различных отношениях.

Во-первых, она не позволяла увидеть, сколько прибавочной стоимости реально передавалось рабочему классу. Работающему по найму мужчине могло казаться, что его доход вырос в результате исключения женщин (и детей) из конкуренции на рынке труда, но на самом деле в доходах семьи нужно учитывать долю домохозяйки, так что общие реальные доходы семьи вполне могли и вовсе не расти вместе с ростом уровня накопления капитала. Таким образом, в материальном выражении это могло быть простой ловкостью рук, когда одна рука забирала то, что давала опасным классам другая.

Во-вторых, она имела социально-психологические последствия. Ценность включения росла с исключением большой группы. Белые женщины просто прибавлялись к небелому миру в качестве исключенных групп, и, несомненно, вследствие этого предоставление избирательного права мужчинам и наемный труд мужчин в могущественных государствах казались более удовлетворительными, а статус рабочих-мужчин казался по крайней мере менее унижительным, что, в свою очередь, вело к снижению революционного потенциала.

Наконец, не будем забывать, что одной из ключевых особенностей либеральных государств, созданных в XIX веке, была связь гражданства с воен-

ной службой (в одних странах – на постоянной основе, в других – только во время войны). Ограниченная привлекательность такой службы явно возрасла благодаря превращению ее в важный атрибут мужчины-гражданина, патриотический махизм. И вряд ли странам, участвовавшим в Первой и Второй мировых войнах, так легко удалось бы собрать свои массовые армии без этого идеологического элемента.

Либеральная идеология будто бы предлагала защиту основных прав человека, но на деле такая защита всегда предоставлялась меньшинству жителей мира. При старом режиме очень небольшая группа составляла привилегированную страту. Следуя идеалам Великой французской революции, либеральные государства утверждали, что привилегии могут быть отменены. На самом деле они имели в виду, что привилегии (или по крайней мере некоторые привилегии) будут распространены на большую группу, называемую гражданами, но это по-прежнему была группа, которая охватывала меньшинство. Сочетание национализма, расизма и сексизма призвано было определить границы включения и исключения.

Октябрьская революция обозначила другую поворотную точку в этой истории. Но эта поворотная точка была совсем не такой, какой ее представляли себе сторонники или противники революции. Большевики изначально обвиняли социалистические движения в том, что они становились носителями либеральной идеологии. Предложенное ими решение заключалось в повторном утверждении социалистической веры посредством создания кадровой партии, преданной по-настоящему антисистемной революции. Октябрьская революция, как известно, представляла собой следствие не запланированного большевиками восстания, а скорее того обстоятельства, что большевики были лучше организованы для того, чтобы полностью разрушить политический порядок в России, который был подточен жестокими военными поражениями и широким недоеданием населения. Нам также известно, что сразу же после своего прихода к власти большевики ожидали революции в Германии, поскольку они считали ее необходимым условием завершения своей собственной национальной революции.

Революция в Германии так и не произошла, и большевики вынуждены были приспособиться к реальности. Результатом стал социализм в одной, отдельно взятой стране – сталинизм, Гулаг, позднее Хрущев и Горбачев и, наконец, распад СССР и КПСС в 1991 году. В этом отношении Октябрьская революция, как и Великая французская революция, кажется провалом, поскольку при сравнении положения России за двадцать лет до начала революции и через двадцать лет после ее завершения нельзя сказать, что в ней произошли большие изменения, чем в странах, которые не имели опыта революции. Тем не менее, можно утверждать, что Октябрьская революция оказала глубокое влияние на геокультуру, хотя и совершенно иным образом, чем предполагала большевистская теория.

Посыл Октябрьской революции имел иные последствия для мира могущественных наций – того, что с легкой руки можно назвать панъевропейским миром, – и для внеевропейского мира. Оглядываясь в прошлое, кажется,

что угроза более воинственного настроения рабочего класса в могущественных странах, угроза, которую, по-видимому, символизировало мировое коммунистическое движение, вызвала упреждающие действия со стороны правящих классов этих стран. Среди либералов распространилось убеждение в необходимости больших уступок рабочему классу панъевропейских стран. Она привела к значительному увеличению составляющей государства всеобщего благосостояния в багаже либералов, особенно после 1945 года, когда советская военная и политическая сила казалась такой огромной. Без Октябрьской революции в мире вряд ли появилось бы знакомое нам панъевропейское кейнсианство.

Но не менее важным результатом этого, на мой взгляд, было влияние Октябрьской революции на внеевропейский мир. Внеевропейский мир первоначально не принимался большевиками во внимание, а когда Султан-Галиев попытался напомнить о нем, по отношению к нему была проведена чистка. Тем не менее, начиная с Бакинского конгресса 1920 года, большевики стали задумываться об этой неожиданной популярности Октябрьской революции во внеевропейском мире и искать — безуспешно, надо заметить, — способы использования этой политической силы.

В действительности, для европейского мира большевики появились слишком поздно. Панъевропейские опасные классы были успокоены либеральным компромиссом, а большевистская угроза только усилила этот процесс увеличения рыночной власти панъевропейского рабочего класса. Между тем, микроб национализма распространился за пределы панъевропейских «исторических наций». К началу XX века националистические движения и настроения существовали не только в трех сохранившихся имперских структурах в границах Европы (Австро-Венгрии, России и Османской империи); серьезные националистические движения начали зарождаться в Азии (например, в Китае, Индии и на Филиппинах), на Ближнем Востоке (в Афганистане, Иране, Египте), в Африке (южно-африканские негры) и Латинской Америке (например, в Мексике).

Урок Октябрьской революции для всех этих движений заключался в том, что внеевропейская страна (которой все эти движения считали Россию) может освободиться от европейского контроля, провести индустриализацию и создать серьезные вооруженные силы (что стало особенно очевидным после Второй мировой войны). Если Великая французская революция вдохнула надежду, ожидания и более серьезные устремления в опасные классы панъевропейского мира, то Октябрьская революция вдохнула надежду, ожидания и более серьезные устремления в опасные классы внеевропейского мира.

Это движение в XX веке оказало столь же неоднозначное воздействие, как и аналогичное движение в XIX веке. Мобилизация того, что стало называться национально-освободительными движениями Азии, Африки и Латинской Америки, означает, что либеральная идеология должна стать глобальной в применении и своих уступках, учитывая глобальное содержание. Глобальный либерализм принял форму самоопределения наций (деколонизация)

и проекта экономического развития развивающихся стран (разновидность глобального государства всеобщего благосостояния). В некоторых отношениях эта программа была столь же значимой и успешной, как и панъевропейская программа в XIX веке. Как только всеобщее избирательное право стало нормой, повсюду наступил конец формальной колонизации. И точно так же, как панъевропейский рабочий класс отказался от всяких мыслей о восстании, внеевропейские государства отказались от всяких мыслей о глобальной гражданской войне. Короче говоря, либеральная цель некоего приспособления к политическому порядку при помощи ограниченных уступок без принесения в жертву основной задачи бесконечного накопления капитала, по-видимому, была достигнута.

И такое положение сохранялось до мировой революции 1968 года, которая, с точки зрения ее влияния на геокультуру, сыграла роль, сопоставимую с ролью революции 1848 года. Мировая революция 1968 года была невероятным сочетанием торжества и преобразования духа Октябрьской революции точно так же, как революция 1848 года была торжеством и преобразованием духа Великой французской революции. Но на этот раз преобразование оказалось полностью противоположным. Ибо если мировая революция 1848 года привела к установлению либерализма в качестве основы геокультуры миросистемы, то мировая революция 1968 года привела к развенчанию либерализма.

Прежде всего, участники волнений 1968 года точно так же критиковали ленинизм за то, что он стал выражением либерализма, как ленинисты критиковали социал-демократов. Кроме того, они избрали своей мишенью именно доминирующую роль либерализма в геокультуре и всеми силами стремились лишить его занимаемого им положения. Революцию 1968 года, точно так же, как и революцию 1848 года, следует анализировать в двух временных рамках: непосредственных событий и результатов и долгосрочных последствий. Рассматривая последовательность событий, произошедших в течение нескольких лет, можно сказать, что в этом случае она также напоминала феникса. Она очень быстро сгорела (и, конечно, в более глобальном масштабе, чем в 1848 году) и почти мгновенно возродилась из пепла. Но в долгосрочной перспективе она привела к расшатыванию системы.

Развенчание либерализма в качестве самоочевидного метаязыка миросистемы привело к отходу консерваторов и радикалов от либеральной идеологии. По сути, мир вернулся к трем формам идеологии. Сохранившиеся политические правые, которых иногда называют неоконсерваторами, а иногда — неолибералами, придерживались довольно традиционного социального консерватизма — центральная роль церкви, местной знати и общины, а также патриархального домохозяйства, — а крайнее неприятие государства всеобщего благосостояния (схожее с консерватизмом до 1848 года) сочеталось у них с наивной риторикой свободного рынка, которая потрясла бы их консервативных предшественников. Роль либерального центра в основном играли партии, по-прежнему называвшие себя социал-демократическими, но они вынуждены были отказаться от своего исторического противо-

стояния капитализму как системе и открыто обратиться к традиции реформы, проводимой экспертами, в духе Бентама и Милля, а также умеренно «социальной» экономике.

А радикалы? Три десятилетия после мировой революции 1968 года были временем растущего замешательства. Хотя различные маоистские секты начала 1970-х годов заявляли, что 1968 год был торжеством 1917 года, а не его преобразованием, они быстро ушли в небытие. Движения так называемых «новых левых» пережили более интересную мутацию. Но, будучи движениями, они вскоре оказались вовлеченными в сильную внутреннюю борьбу и раскололись на тех, кто стремился к новым апокалиптическим преобразованиям, и тех, кто был заинтересован главным образом в пересмотре реформистских программ государственной политики. Как правило, последние рано или поздно берут верх.

Ограничиваться рассмотрением внутренней политики «новых» движений после 1968 года — значит, не видеть за деревьями леса. Наиболее важной вещью, которая произошла в течение трех десятилетий после 1968 года, была утрата народной поддержки традиционными антисистемными движениями (так называемыми «старыми левыми») во всех частях света, где они находились у власти, то есть во всех крупных регионах мира в 1970-х годах. В большей части Азии и Африки государствами правили национально-освободительные движения. В большей части Латинской Америки у власти находились популистские правительства. В так называемом социалистическом блоке правили марксистско-ленинские партии. А в Западной Европе, Северной Америке и Океании правящими были партии, придерживавшиеся социал-демократической традиции (если считать демократов «Нового курса» разновидностью этой традиции).

Во многом утрата народной поддержки этими партиями была обусловлена разочарованием, ощущением, что эти партии упустили свой исторический шанс, что они получили поддержку на основании двухступенчатой стратегии преобразования мира (приход к власти, а затем преобразование) и что они не выполнили своего исторического обещания. Во многих частях мира имело место острое осознание того, что разрыв между богатыми и бедными, благополучными и страдающими вовсе не сократился, а только вырос. И это после двух веков непрерывной борьбы. Это было не просто временное разочарование результатами деятельности отдельной правительственной команды. Это была утрата веры и надежды. И она завершилась впечатляющим (и почти бескровным) крахом коммунизма в Восточной и Центральной Европе и в бывшем Советском Союзе.

Утрата надежды отражала серьезные сомнения относительно возможности ослабления или преодоления поляризации существующей мировой системы при помощи реформаторских действий государства. Отсюда утрата веры в способность государственных структур достичь этой основной цели улучшения общего благосостояния. Она привела к широкому и аморфному неприятию государства, которого не наблюдалось на протяжении всего периода с 1789 по 1968 год. Она также вызвала страх и неуверенность.

Народное неприятие государства было неоднозначным. С одной стороны, оно предполагало общее неприятие государственных структур и обращение к внегосударственным институтам моральной солидарности и прагматической самозащиты. Сохранившееся консервативное движение стремилось использовать такие настроения для упразднения государства всеобщего благосостояния, но встретило широкое сопротивление со стороны народных страт, стремившихся сохранить полученные выгоды и противодействовавших мерам, которые на деле вели к дальнейшему сокращению их реального дохода. Всякий раз при последовательном проведении неолиберальной программы имела место реакция избирателей. Но избиратели отвечали промежуточными оборонительными мерами, а не победными моментами ведущей к обновлению социальной трансформации. Не было воодушевления. Отсутствие надежды и веры остается всепроникающим и разъедающим.

Хотя такое всепроникающее неприятие государства вовсе не означало торжество либерализма и еще меньше — обновление консерватизма, оно лишило легитимности государственные структуры и тем самым размывало основу современной миросистемы, системы государств, основу, без которой невозможно бесконечное накопление капитала. Идеологическое прославление так называемой глобализации — это лебединая песнь нашей исторической системы. Мы наблюдаем кризис этой системы. Сопровождающаяся страхом утрата надежды представляет собой одну из причин и главный симптом кризиса.

Эпоха национального развития как приемлемой цели завершилась. Надежда, что мы можем осуществить цели Великой французской или Октябрьской революции, сменив тех, кто контролирует государственные структуры, теперь сталкивается с широким скепсисом, причем, как показывает история, заслуженным. Но тот факт, что большинство людей больше не смотрит в будущее с оптимизмом и потому готово терпеть настоящее, не означает, что эти самые люди отказались от своего стремления к лучшему обществу и лучшему миру. Это желание сильно, как никогда, что делает утрату надежды и веры еще более безысходной. Это означает, что мы подошли к историческому переходу. Это также означает наступление времени злоключений, мрачной эпохи, которая продлится так долго, сколько продлится переход.

2. ТЯЖЕЛЫЙ ПЕРЕХОД ИЛИ АД НА ЗЕМЛЕ?

Мы живем в эпоху перехода от нашей нынешней миросистемы, капиталистической мировой экономики, к другой миросистеме или системам. Мы не знаем, будет она хуже или лучше. Мы не узнаем этого, пока она не возникнет, для чего может потребоваться еще полвека. Мы знаем только, что эта эпоха перехода будет очень тяжелой для всех. Она будет тяжелой для сильных мира сего; она будет тяжелой для простых людей. Она будет эпохой конфликтов и усиления беспорядков, и тем, что многие будут считать крахом моральных систем. Как это ни парадоксально, она также будет эпохой, когда фактор максимально сильным будет «свободной воли», а значит, индивиду-

альные и коллективные действия смогут оказать на будущее структурирование мира большее влияние, чем в более «обыкновенные» времена, то есть в нынешнем состоянии исторической системы. Я рассмотрю трудности, с которыми столкнутся влиятельные, и трудности, с которыми столкнутся простые люди.

Начнем с того, что кажется сегодня наиболее сильным элементом, но на самом деле является самым слабым звеном современной миросистемы: сохраняющаяся жизнеспособность капиталистического способа производства. Капитализм — это система, которая делает возможным и поддерживает бесконечное накопление капитала. Она достигла в этом невероятных успехов на протяжении последних четырех-пяти веков. Конечно, для поддержания такой системы капиталисты (или, по крайней мере, некоторые капиталисты) должны получать большую прибыль на свои инвестиции. И получать большую прибыль не так-то просто. Прежде всего, получению большой прибыли мешает конкуренция, поскольку конкуренты снижают цены и, следовательно, размер прибыли.

МОЖНО С УВЕРЕННОСТЬЮ СКАЗАТЬ – УТВЕРЖДЕНИЕ, ЧТО НЕОГРАНИЧЕННАЯ СВОБОДА ТОРГОВЛИ ЯВЛЯЕТСЯ СТОЛПОМ КАПИТАЛИЗМА, ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ПРОСТОЕ ОЧКОВТИРАТЕЛЬСТВО

Всякий продукт стоит x при производстве и y при продаже. $y - x$ и есть прибыль. Отсюда следует, что чем больше y и меньше x , тем больше прибыль. В какой степени капиталистическое предприятие способно контролировать x или y ? В какой-то степени, но не полностью. Этот частичный контроль ставит перед капиталистами, действующими индивидуально и коллективно, важные вопросы. Иначе говоря, «рука», которая опреде-

ляет спрос и предложение, себестоимость и цену, не является ни невидимой, ни полностью видимой, но находится в теневом промежуточном мире, том, что Фернан Бродель назвал «непрозрачными зонами» капитализма.

Цена, как гласит капиталистическая теория, зависит прежде всего от силы конкуренции. Отсюда следует, что чем выше степень монополизации действительного рынка, к которому имеют доступ данные производители, тем более высокой может быть цена, устанавливаемая продавцом в рамках, определяемых эластичностью спроса. Очевидно, что каждый отдельный капиталист предпочитает увеличить свою долю рынка, причем не только потому, что она увеличивает общую прибыль (при текущей норме прибыли), но еще и потому, что она увеличивает будущую норму прибыли. Также очевидно, что степень, в которой отдельный капиталист может монополизировать данный рынок, в значительной степени зависит от действий государства, которые могут легитимировать монополию, потребовав или предложив лицензии и патенты, которые защитят монополии. Такие действия государства могут быть прямыми (и, следовательно, определяться политически), а также дол-

госрочными и косвенными. Примером последних могут служить попытки навязывания использования определенного языка или валюты на мировом рынке. Такие действия иногда называются аналитиками культурными последствиями или невидимой рукой мирового рынка, но без труда можно проследить их государственные истоки.

Короче говоря, цены во многом представляют собой политические конструкции в определенных рамках, поскольку ни одно государство не может полностью контролировать мировой рынок, а значит, существует социально сконструированная экономическая область (хотя и довольно широкая), в которой цены должны падать. Поэтому государства важны для капиталистов, стремящихся увеличить u , свои продажные цены. Любые государства, но желательны сильные, в которых они имеют вес и связи. Японские капиталисты зависят главным образом от японского государства, но не только. Они также могут зависеть (обычно в меньшей степени), к примеру, от индонезийского государства или от США. Суть в следующем. Всем капиталистам нужно какое-то государство или государства. И их конкуренты могут зависеть от других государств. Геополитика играет не последнюю роль в том, насколько существенно отдельные производители могут повышать свои продажные цены.

Традиционно капиталистические теоретики, вслед за Адамом Смитом, сетуют на «вмешательство» государств в рынки и утверждают, что такое вмешательство оказывает негативное влияние на размер прибыли. Поскольку капиталистические предприниматели почти не уделяют внимания этой теории в своей практике (за исключением тех случаев, когда обращение к этой теории напрямую позволяет оказать негативное влияние на конкурентов), можно с уверенностью сказать — утверждение, что неограниченная свобода торговли является столпом капитализма, представляет собой простое очковтирательство.

Однако продажные цены представляют собой следствие *двух* обстоятельств: не только степени монополизации возможного рынка, но и платежеспособного спроса на этом рынке. И это ставит капиталистов перед очередной дилеммой — противоречием между заработком, который они выплачивают и который увеличивает мировое потребление, и заработком, который они не выплачивают и который увеличивает их сбережения. Чем больше потребление, тем больше текущий платежеспособный спрос; чем больше сбережения/инвестиции, тем больше накопление капитала. Отчасти это зависит от временной отдаленности цели; отчасти — от интересов одной группы капиталистов по отношению к другой в данный момент. Несомненно, это долгосрочная проблема, но сегодня она становится куда более острой вследствие влияния, которое она оказывает на издержки производства. Платежеспособный спрос является, в конечном итоге, функцией общих расходов на заработную плату и жалование, поскольку в конце каждой товарной цепочки должен стоять индивидуальный потребитель. Отсюда парадоксальный вывод о том, что чем больше общий фонд заработной платы, тем выше *потенциальная* прибыль, и чем меньше общий фонд заработной платы, тем

выше *непосредственная* прибыль. Первое утверждение истинно для мировой экономики в целом, второе — для отдельных предприятий.

Вернемся к x , издержкам производства. Мы можем грубо разделить такие издержки на три основные группы: общий фонд заработной платы, налоги и приобретение оборудования и сырья. Издержки на сырье и оборудование ведут к тому, что производители ищут технологии, позволяющие сократить такие издержки. Но в результате происходит столкновение этих капиталистических производителей со всеми остальными. Чем ниже у других, тем ниже x у данных производителей. Этим отчасти объясняется политическая активность этих производителей, которые склонны противодействовать тем действиям государства, которые ведут к повышению продажных цен других производителей. Однако снижение издержек на сырье может и не привести к повышению прибыли, так как под влиянием рыночной конкуренции они могут просто снизить продажные цены, оставив уровень прибыли неизменным или почти неизменным.

Поэтому капиталистические производители тратят намного больше сил, стремясь сократить фонд заработной платы и налоги. И здесь имеет место очередная дилемма. Если фонд заработной платы близок к нулю, несомненно, непосредственный уровень прибыли резко возрастет, но среднесрочное воздействие на платежеспособный спрос будет губительным. То же касается налогов. Налоги — это плата за услуги, которые необходимы производителям, включая усилия государств, направленные на обеспечение частичной монополизации рынков для данных производителей. Поэтому слишком низкая налоговая ставка также приведет к негативным результатам. С другой стороны, каждое повышение заработной платы и налогов ведет к снижению уровня прибыли. Таковы Сцилла и Харибда, и каждый производитель должен действовать по обстоятельствам. В действительности, это полигон, позволяющий капиталистам добиться успеха, игра, в которой побеждает наиболее хитрый и имеющий больше всего политических связей.

Нас интересуют не механизмы, при помощи которых данные капиталисты действуют успешнее других в этой сложной игре, а общеисторические тенденции. На протяжении последних десяти-двадцати лет мы наблюдали серьезную идеологическую кампанию, направленную на повсеместное сокращение общего фонда заработной платы и налоговых выплат, а поскольку такая кампания оказалась столь успешной, мы упускаем из виду то обстоятельство, что недавнее снижение заработной платы и налогов было краткосрочным и незначительным по сравнению с их долгосрочным и продолжающимся ростом во всем мире, что связано со структурными причинами.

Часть прибавочной стоимости, передаваемая отдельным работникам в форме заработной платы и жалования и превышающая социально определяемые издержки воспроизводства, представляет собой результат классовой борьбы, ведущейся на рабочем месте и на политической арене. Схематично, это происходит так. Локальная группа рабочих организует — либо на рабочем месте, либо на политической арене, либо и там, и там — и делает издержки производителей, связанные с отказом от повышения реальной заработ-

ной платы, выше издержек принимаемых ими, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Конечно, увеличение фонда заработной платы ведет к росту платежеспособного спроса и, следовательно, оказывается полезным для некоторых производителей, но не обязательно для тех, кто выплачивает выросшую заработную плату. Когда такой рост начинает казаться обременительным для данных производителей, и они не могут начать эффективную политическую борьбу на местной арене, они могут искать решение, переведя часть или все свое производство в области, где историческая заработная плата рабочих ниже, что означает, что рабочие здесь слабее в политическом отношении.

Издержки на рабочую силу в области, в которую переводится производство, должны быть значительно ниже, поскольку производитель оплачивает не только издержки перемены места (единовременные издержки), но и почти наверняка более высокие транзакционные издержки (постоянные издержки). Именно поэтому такие перемещения, которые происходят во времена циклических спадов, как правило, совершаются в наиболее близкие области, где рабочие слабы в политическом отношении и, в конечном итоге, доходят до областей, где рабочие слабее всего. Исторически самыми слабыми группами рабочих являются те, что впервые прибывают в городские зоны производства (или, по крайней мере, более полно монетизированные зоны производства) из сельских и менее монетизированных зон. Причины изначальной политической слабости являются одновременно культурными и экономическими. В культурном отношении происходит определенная дезориентация и дезорганизация вследствие физической миграции рабочей силы, которая дополняется определенной неискушенностью в местной политике или, по крайней мере, недостатком местного политического влияния. В экономическом отношении заработная плата в городской зоне производства, которая является крайне низкой по мировым меркам, на этой местной арене зачастую оказывается доходом, превышающим тот, что доступен в прежней сельской местности или, по крайней мере, политически доступен.

Ни культурные, ни экономические причины этой политической слабости не являются по своей сути долгосрочными. Можно утверждать, что всякая отдельная группа рабочих в такой ситуации способна была преодолеть эту слабость за тридцать-пятьдесят лет, а сегодня, вероятно, может сделать это за еще более короткий срок. Это значит, что, с точки зрения перемещающихся производителей, преимущество перемещения оказывается временным и что для сохранения такого преимущества им необходимо предвидеть повторяющиеся среднесрочные перемещения. В этом состоит одна из основных особенностей истории капиталистической миросистемы последних пяти веков. Но кривая, описывающая долю мира, которая содержит возможные зоны перемещения, достигает асимптоты, как и многие кривые, используемые для описания тенденций в системе. Число таких зон на планете становится все меньше. Разрушение сельского уклада жизни развивается с головокружительной скоростью. И по мере того, как число таких зон сокращается, *всемирная* рыночная власть рабочих растет. И это ведет к глобальной

тенденции роста общего фонда заработной платы. Если бы цены на продукты были бесконечно растяжимы, это не вызывало бы большого беспокойства. Но они не растяжимы, потому что пределы устанавливаются конкуренцией и способностью государств навязывать монополизацию.

Издержки на рабочую силу зачастую рассматриваются с точки зрения того, что называется эффективностью производства. Но что такое эффективность? Отчасти это лучшая технология, но не менее важно и стремление рабочего качественно выполнять задачи с достаточно высокой скоростью. Но насколько высокой должна быть скорость? Тейлоризм учил, что скорость должна быть высокой настолько, насколько это физически возможно. Но здесь предполагается, что высокая скорость не причиняет вреда организму. В случае причинения такого вреда мы покупаем краткосрочную скорость с долгосрочным истощением способности организма к выживанию. Даже при высоких краткосрочных экономических издержках с точки зрения работодателя, максимальная скорость в час может вовсе не быть оптимальной скоростью в неделю или в месяц. Но здесь возникает конфликт ценностей: например, ценность психической удовлетворенности «досугом» для рабочего и потребности работодателя. Работодатель может рассчитывать, что обращение к психической удовлетворенности «работой» позволит подстегнуть рабочего, но это означает, что работодатель готов структурировать рабочую ситуацию так, чтобы при выполнении работы присутствовало некоторое «удовлетворение». Проблема, в таком случае, становится политической и решается при помощи рыночной власти. Поэтому определение эффективности возвращает нас к рассмотрению политической силы рабочих.

Проблема асимптоты, ограничивающей тенденцию, наблюдается также в налоговых отчислениях. Основной причиной исторической тенденции к увеличению налоговых отчислений было сочетание двух требований: требования, предъявляемого к государству капиталистическими производителями и связанного с оказанием больших услуг и проведением большого финансового перераспределения, и требования, предъявляемого остальным населением и вызванного стремлением к «демократизации». В результате, от государства требуют оказания все больших услуг и проведения все большего финансового перераспределения. Короче говоря, все хотят, чтобы государство тратило больше, не только рабочие, но и капиталисты, и чтобы государство тратило больше, они должны платить больше налогов. Это приводит к очевидному противоречию: будучи потребителями государственных расходов, налогоплательщики требуют большего; будучи поставщиками государственного дохода, налогоплательщики, естественно, хотят платить меньше, и с ростом налогов такое желание усиливается. Давление на государство с тем, чтобы оно тратило больше, но одновременно взимало меньше налогов, завершается тем, что известно нам как «фискальный кризис государства».

Существует и третья кривая, достигающая асимптоты. Это кривая исчерпания условий выживания. Требование внимания к экологическому ущербу биосфере стало особенно сильным в последние десятилетия. Это произошло не потому, что современная миросистема стала по сути своей более раз-

рушительной для экосистемы, а потому, что происходит намного более сильное «развитие» и, следовательно, разрушение, и потому, что это разрушение впервые достигло двух асимптот: точки серьезного — в некоторых случаях непоправимого — ущерба; и точки абсолютного исчерпания не экономических, а социальных благ. Последнюю асимптоту следует рассмотреть более подробно. Вырубка всех деревьев в мире, возможно, привела бы к изобретению искусственных заменителей древесины в качестве сырья для другого производства, но ее ценность в качестве эстетической составляющей нашей среды обитания, то есть в качестве социального блага, была бы утрачена.

Основная причина того, почему капитализм как система оказался столь разрушительным для биосферы, заключается в том, что в большинстве своем производители, которые извлекали выгоду из разрушения, считали такое разрушение не издержками производства, а наоборот, сокращением издержек. Например, если производитель сбрасывает отходы производства в реку и тем самым загрязняет ее, то этот производитель избегает издержек, связанных с другими, более безопасными, но и более дорогостоящими формами утилизации отходов. Производители поступали так на протяжении пяти столетий, и во все большей степени по мере развития мировой экономики. В неоклассической экономической теории это называется экстернализацией издержек. Обычно в защиту ее приводится довод о производстве общественных благ, но чаще всего обществу наносится вред. Экстернализация издержек представляет собой простое перекладывание издержек с производителя на государство или «общество» в целом, которое ведет к значительному увеличению нормы прибыли производителя.

Теперь, когда этот процесс стал центральной политической проблемой, государства вынуждены искать способы сохранения окружающей среды. Суть экономической реальности заключается в том, что все меры, направленные на решение этой проблемы, предполагают прямое (заставляя их самих нести издержки, которые они прежде экстернализовали) и/или косвенное (увеличивая налоги для получения средств, позволяющих государствам заняться возмещением ущерба) увеличение издержек производителей. Если бы для такого возмещения или предотвращения дальнейшего ущерба потребовалось не слишком много средств, это можно было бы считать еще одним второстепенным видом издержек социального обеспечения, навязанным капиталистическим производителям. Но средств требуется очень много и с каждым днем все больше и больше. Они уже приводят к сокращению прибыли производителей и фискальным кризисам государств, хотя на деле решением экологических проблем еще никто и не начинал заниматься всерьез. Если мировое общественное мнение узнает о более остром кризисе, скажем, о значительном увеличении дыр в озоновом слое, которое требует значительно более высокого уровня расходов, то можно будет ожидать серьезного сокращения прибыли в мировом масштабе и наступления фискального кризиса государств.

Повторим: имеет место долгосрочная мировая тенденция к увеличению общего фонда заработной платы производителей, обусловленная долго-

срочным улучшением мировой рыночной власти рабочих (главным образом, вследствие разрушения сельского уклада жизни). Имеет место мировая тенденция к увеличению государственных расходов, вытекающая из требований капиталистических производителей и рабочих, которая ведет к увеличению налоговых отчислений производителей. Имеет место мировая тенденция к увеличению требований оплаты восстановления глобальной экологии и соответствующих предупредительных мер на будущее, которая угрожает росту налоговых отчислений и других издержек производственной деятельности для производителей. Очевидно, что здесь капиталисты нуждаются в ослаблении рыночной власти рабочих и сокращении своих налоговых отчислений без сокращения объема услуг, прямо и косвенно оказываемых государством капиталистическим производителям, и жесткого ограничения интернализации издержек. Речь, конечно, идет о программе неолиберализма, которой удалось добиться заметных успехов в последнем десятилетии.

Однако она страдает от двух внутренних ограничений. Рост рыночной власти рабочих является долгосрочным и структурным, и он должен вести — и уже ведет — к серьезному противодействию неолиберальной программе на уровне политической деятельности государств. Второе же — и намного более важное — ограничение заключается в том, что капиталистические производители нуждаются в государствах намного сильнее рабочих, и их основной долгосрочной проблемой будут не слишком сильные государственные структуры, а — впервые за пятьсот лет — процесс упадка этих структур. Без сильных государств невозможны относительные монополии, и капиталисты будут страдать от негативного влияния конкурентного рынка. Без сильных государств невозможны никакие опосредованные государством перечисления производителям и санкционированная государством экстернализация издержек.

Но почему государства становятся все слабее? Исследователи обычно говорят, что это происходит потому, что транснациональные корпорации теперь стали по-настоящему глобальными и способными обходить государства. Но, несмотря на все разговоры, в транснациональном характере фирм нет ничего нового. Кроме того, этот тезис предполагает, что транснациональные корпорации желают иметь дело со слабыми государствами, а это просто неверно. Они не в состоянии выжить без сильных государственных структур и особенно сильных государственных структур в основных зонах. Сильные государства — это их гарантия, хлеб насущный и важная составляющая в создании больших прибылей. Государства становятся менее сильными не вследствие триумфа идеологии либерализма и усиления транснациональных корпораций, а вследствие усугубляющегося краха идеологии либерализма и роста уязвимости корпораций, обусловленного причинами, рассмотренными нами ранее. С середины XIX века идеология либерализма была глобальной геокulturой. И только в последние двадцать лет она начала утрачивать способность наделять легитимностью государственные структуры, хотя именно она сдерживала давление рабочих на протяжении столетия. Глобальный либерализм обещал реформу, улучшение и сокраще-

ние социальной и экономической поляризации капиталистической миротсистемы. Он утратил свою привлекательность вследствие произошедшего за последние два десятилетия широкого осознания того, что никакого сокращения поляризации не произошло, напротив, на протяжении последних 125 лет, а на самом деле — на протяжении последних пяти веков, имела место постоянная и растущая поляризация на глобальном уровне. И эта поляризация продолжается и сегодня.⁶

Последствия глобального сокращения прибыли, возможно, удастся смягчить и отсрочить благодаря вмешательству сильных государств. Но даже это не послужит утешением для капиталистических производителей, потому что сила (и, следовательно, воля) государств испаряется. Повсюду слышны голоса противников государства. Я утверждал, что выступления сторонников неолиберализма против государства отчасти надуманны, а отчасти самоубийственны. Консервативное антигосударственничество направлено на ослабление рыночной власти мировой рабочей силы. Но самым серьезным противником государства была сама мировая рабочая сила, и это было связано с разочарованием реформистской программой либеральных государств — либо в западной модели «социальной экономики», либо в ныне дискредитированной советской модели, либо в модели «развития» «третьего мира».

Растущая уязвимость транснациональных корпораций связана с ростом демократизации в мире и соответствующей делегитимацией государств. Мировая рабочая сила, конечно, будет продолжать борьбу за сохранение полученной выгоды, связанной с государственным перераспределением. Но она больше не легитимирует государств и не ожидает, что реформы действительно приведут к завершению мировой поляризации. Поэтому мы вступили в эпоху неурядиц или перехода от существующей миротсистемы.

Помимо неолиберализма, существует еще одна программа, которая способна стать ответом на сокращение прибыли: распространение мафии. Мафия — это вовсе не изобретение XX века. Она всегда была неотъемлемой составляющей современной миротсистемы. Я понимаю под мафией всех тех, кто стремится получить значительную выгоду либо обходя законные ограничения и уклоняясь от уплаты налогов, либо взимая плату за «защиту», и тех, кто готов использовать частную силу, взяточничество и коррупцию формальных государственных процессов для обеспечения жизнеспособности такого способа накопления капитала. Различие между мафией и теми, кого в XIX веке называли «баронами-разбойниками», весьма размыто. И можно с уверенностью говорить о том, что мафия располагает огромными средствами и что владельцы огромных средств всегда — независимо от того, в ладах они с законом или нет, — активно стремятся легитимировать свое богатство, особенно во втором поколении.

Сильные государства, безусловно, сдерживают мафии, а существующие мафии подрывают влияние государственных механизмов. Со временем дости-

6 Об исторической роли либерализма и нынешней ситуации см.: Валлерстайн И. *После либерализма*. М., 2003.

гается определенное равновесие, когда мафия остается чем-то маргинальным по отношению к общему процессу накопления капитала и самоликвидируется в результате вливания преуспевающих мафиози (или их потомков) в ряды законных предпринимателей и чиновников — самоликвидируется, но, конечно, всегда возрождается в каком-то другом уголке мировой экономики.

Сегодня ситуация изменилась, и именно поэтому в мировых средствах массовой информации так много говорят о мафии. Бюрократии и политики слабых (и не только) государств, ослабевая и лишаясь народной легитимации (и, следовательно, определенного контроля со стороны народа), во многих случаях склонны смешивать свои интересы с интересами внегосударственной мафии. В некоторых случаях бесполезно и бессмысленно проводить различие между этими двумя группами. Такое смешение ролей может на время решить проблему противодействия общему сокращению прибыли, но оно еще больше делегитимирует государства.

До сих пор речь шла о проблемах сильных. Как насчет простых людей? Сразу следует отметить, что «простые люди» — это весьма неоднородная категория. Это люди всех континентов и культур, и они представляют множество слоев с различным уровнем реального дохода. Они не осознают себя группой. Одной из черт, объединяющих их, возможно даже единственной такой чертой, является то, что они сами по себе не являются сильными. То есть они не обладают неявным влиянием в различных — серьезных и не очень — вопросах, неким сочетанием долгов, которые имеют перед ними другие, и способности создавать реальные угрозы другим в настоящем и ближайшем будущем, которые заставят их согласиться с реальными решениями, отвечающими интересам сильных. У сильных есть сила, то есть то, что делает их сильными.

Обычные люди, как правило, опираются либо на коллективное влияние посредством государственных механизмов, либо на индивидуальный доступ к сильным в качестве клиентов, либо на создание коллективных внегосударственных структур самозащиты. Своим выступлением против государства, связанным с утратой веры в возможность эффективных действий государства в их интересах, они, в свою очередь, ослабили способность государств отвечать на их требования. Таков порочный круг, воронка, в которую нас засасывает. Это неизбежно означает, что вместо попытки повлиять на изменение государственных решений обычные люди вынуждены будут придавать большее значение индивидуальному клиентизму и внегосударственной самозащите или сочетанию того и другого. Отметим, что в результате происходит полная смена направления развития современного мира, которое на протяжении последних пяти веков заключалось в ослаблении роли клиентизма и внегосударственной самозащиты в его границах. Теперь гордиться нечем — тенденция полностью изменилась.

Для обычных людей наиболее значимым и наиболее зримым следствием ослабления легитимности государства является страх — страх за свои жизни, страх за свою личную безопасность, страх за свое будущее и будущее своих детей. Страх, как мы знаем, не самый лучший советчик. Мы можем видеть

выражение этого страха в двух очевидных явлениях, о которых нам постоянно говорят средства массовой информации: преступность и так называемые этнические конфликты. Рассмотрим каждое из них.

Многие, практически все, кого я слышал, сетуют на рост уровня преступности и жестокости преступлений. Вероятно, это во многом верное эмпирическое наблюдение, но здесь также можно говорить о широко распространенном восприятии. Как давным-давно заметил Томас, «если люди воспринимают ситуацию как реальную, то она реальна по своим последствиям». И пока люди воспринимают рост уровня преступности, они и действуют исходя из этого, что обычно означает три вещи. Они избегают мест, где, как они полагают, может быть совершено преступление, что — вследствие сокращения частоты использования — делает эти места действительно более подходящими для совершения преступлений. Они давят на государства с тем, чтобы усилить репрессивные и пенитенциарные структуры, что, в конечном итоге, обременяет систему, и с точки зрения легитимности, и с точки зрения фискальных ресурсов, и, вероятно, является фактором, который увеличивает, а не сокращает уровень преступности. И они начинают обеспечивать поддержание правопорядка своими силами. Они покупают оружие; они организуют патрулирование районов; они строят заборы. И эти действия, даже если они в какой-то степени снижают непосредственную угрозу нападения, меняют образ жизни каждого из нас и ослабляют чувство моральной общности.

И теперь это происходит и в богатых, и в бедных странах. Возможно, есть некоторые исключения, но именно так развивались события на протяжении трех последних десятилетий. И вновь рассмотрим, как это меняет тенденцию. Возникновение самой идеи полиции датируется всего лишь началом XIX века. Эта идея призвана была положить конец всеобъемлющему страху, который привел к самостоятельному обеспечению правопорядка и бдительности. Идея распространилась по всей мироземле и была наиболее действенной в течение двадцати пяти лет после окончания Второй мировой войны. Теперь тенденция развивается в совершенно ином направлении.

Распространение преступности, тяжких и не очень преступлений, ослабляет государства не столько вследствие самой преступной деятельности, сколько вследствие широкого отклика на нее. Этот отклик выразился в широком народном недовольстве явной неспособностью государства справиться с нею. Кроме того, поскольку люди начали вкладывать средства во внегосу-

---

ДЛЯ ОБЫЧНЫХ ЛЮДЕЙ НАИБОЛЕЕ
 ЗНАЧИМЫМ И НАИБОЛЕЕ ЗРИМЫМ
 СЛЕДСТВИЕМ ОСЛАБЛЕНИЯ ЛЕГИ-
 ТИМНОСТИ ГОСУДАРСТВА ЯВЛЯЕТ-
 СЯ СТРАХ – СТРАХ ЗА СВОИ ЖИЗНИ,
 СТРАХ ЗА СВОЮ ЛИЧНУЮ БЕЗОПАС-
 НОСТЬ, СТРАХ ЗА СВОЕ БУДУЩЕЕ
 И БУДУЩЕЕ СВОИХ ДЕТЕЙ

дарственную самозащиту, они стали считать, что уплата налогов, которые должны позволить государству обеспечить личную безопасность, потеряла смысл. Еще один порочный круг.

Но есть еще одна проблема. С ростом преступности и самозащиты полиция все чаще обращается к насилию, которое все реже ограничивается. Грань между нелегитимной преступной деятельностью и нелегитимной полицейской деятельностью постепенно стирается, причем в реальности даже сильнее, чем в восприятии общества. Поскольку все больше людей подвергается репрессиям и наказаниям, полицейские действия начинают касаться все большего числа семей. То, что было незначительным преступным меньшинством, теперь становится относительно значительным меньшинством. И группы, которые ранее легитимировали полицейские действия, все чаще выражают скепсис, если не открытую враждебность. Полиция, которую многие раньше считали «своей», начинает казаться какой-то опасной и зачастую произвольной силой.

Прекрасным примером служит Федеральное бюро расследований в Соединенных Штатах. Некогда превозносимое в качестве героического преследователя гангстеров, а позднее олицетворявшее в глазах большинства американцев основную защиту от предполагаемой коммунистической угрозы, ФБР в последние годы стало структурой, постоянно обвиняемой в беззаконии и некомпетентности, и такие обвинения все чаще исходят с правой стороны, а не левой стороны политического спектра. На самом деле в действиях ФБР нет ничего нового. Просто они стали восприниматься иначе.

Проблема употребления наркотиков, которая также широко обсуждалась, реальна, если под этим понимается, что большое число людей во всем мире употребляют различные наркотики, которые являются нелегальными, — и, конечно, кто-то производит и распространяет эти наркотики. Вопрос не в том, кого следует обвинять: покупателей или продавцов. Потребление явно служит еще одним свидетельством аномии и социального распада или делегитимации существующей исторической системы. И потому эта индустрия является одной из наиболее прибыльных сегодня и неизбежно должна контролироваться мафией, которая неизбежно связана с коррумпированными государственными чиновниками. Очевидно, что, несмотря на открытую и повсеместную борьбу правительств с этой бедой на протяжении почти трех десятилетий, уровень доходов от продажи наркотиков и их употребления сегодня высок как никогда.

Но преступность, даже преступность, связанная с наркотиками, меркнет на фоне так называемых этнических конфликтов, которые вновь оказываются основной приметой современного мира. Я говорю «вновь оказываются», потому что до последнего десятилетия широко распространенным было представление о том, что этническое противоборство представляет собой архаизм, остаток досовременной эпохи и, следовательно, отмирающее явление. Сегодня совершенно очевидно, что, вовсе не будучи чем-то остаточным, оно оказывается явлением, созданным современной миросистемой, и что оно, вероятно, резко усилится в последующие десятилетия.

Когда между двумя или более группами, которые определяют себя и определяются другими с некой партикуляристской точки зрения (религия, язык, предполагаемое общее происхождение и тому подобное), идет кровопролитная борьба, как, например, не так давно в Ливане, Боснии, Афганистане, Сомали, Руанде и, конечно, Ольстере — вот лишь немногие случаи, которые получили широкое освещение в СМИ, — она обычно считается примордиальной враждой. Но, разумеется, это ничего не объясняет. Прежде всего, давняя вражда часто бывает изобретением современного воображения. И даже когда это не так, необходимо объяснить не столько нынешнюю враждебность, сколько продолжительные периоды, когда такая враждебность не проявляла себя. Не так давно и Сомали, и Федеративная Республика Югославия служили примерами отсутствия межэтнической борьбы. И, конечно, существуют другие зоны со смешанным населением, где в данный момент нет никаких признаков подобной этнической вражды.

Для начала необходимо отметить, что «этническая» идентичность — это не вещь в себе и не нечто извечное. Такая идентичность утверждается в рамках государственной структуры, современной государственной структуры. Такая идентичность постоянно меняется и в глазах группы, которая притязает на нее, и в результате признания другими того, что такая идентичность существует. Сами имена имеют историческую жизнь. Они делятся, сливаются и очень часто просто исчезают. История этнических общностей во многом связана с развитием властных и классовых структур отдельных государств и с разделительными линиями в современной миросистеме в целом. Бесполезно пытаться реконструировать старые разногласия для объяснения нынешних. Такие реконструкции зачастую оказываются составляющими процесса этнической мобилизации и мифотворчеством, а не разновидностью научного или политического анализа.

Этнические идентичности, в своей острой воинственной форме, представляют собой прежде всего форму политического действия и становятся острыми и воинственными именно тогда, когда существующая государственная структура делегитимируется как неспособная обеспечить минимальный уровень честной игры и когда другие линии — предположительно более приемлемые идеологические политические разделительные линии — начинают казаться политически неуместными. Рост этнической вражды — это верный признак делегитимации государства. И дело не только в призывах к созданию новой государственной структуры с этнически чистыми или более чистыми границами. Ибо даже вновь созданные этнически чистые государственные власти испытывают большие трудности с легитимностью.

Разновидность этнической вражды, наблюдаемая на протяжении двух последних десятилетий, несопоставима с волной национализма, которая была известна миросистеме с начала XIX до середины XX века. Эти национализмы были по большей части государственными и территориальными, а «этническими» лишь постольку, поскольку им нужно было отличать себя от империалистических господ. Но, прежде всего, они были светскими, оптимистическими и явно модернистскими по своей ориентации. Эти

национализмы обращались к традициям Великой французской и Октябрьской революций. Нынешние сторонники этнического очищения действуют вопреки этой традиции. Они настроены не оптимистично, а отчаянно. Они смотрят не вперед, в славное завтра, а назад, в славное прошлое, которое невозможно повторить. Именно поэтому конфликты оказываются не только кровопролитными, но и почти неискоренимыми.

И дело здесь не в бедных нациях, предположительно отсталых и примитивных, хотя некоторые утверждают, что это именно так. Совершенно очевидно, что мы наблюдаем возникновение этой отчаянной борьбы в более богатых нациях, которые говорят о своей большей цивилизованности. Мы наблюдаем это в распаде посреднических структур и законов, появлении открытого расизма, выступающего против «нашествия варваров», называемых иммигрантами, которые несут с собой преступность и вырождение. Такие болезни встречались и прежде, но система реагировала, хотя и с запозданием, на запущенную болезнь и осуществляла хирургическое вмешательство по отношению к фашизмам. Но такое хирургическое вмешательство выполнялось в ходе борьбы между Германией и Соединенными Штатами за гегемонию в миросистеме и при необходимой помощи со стороны СССР. Кто осуществит такое вмешательство сегодня, когда новые доктрины расовой чистоты, распространившиеся по всей Северной Америке, Западной Европе и Океании, переместятся с окраин политической жизни в ее центр?

Необходимо учесть еще одну составляющую. По мере приближения мира к XXI веку, несомненно, наступит кондратьевский подъем, новый рост производства и занятости в мировой экономике и, следовательно, появятся новые возможности для инвестиций и накопления капитала. Это должно привести к острой конкуренции между Соединенными Штатами, Европейским Союзом и Японией за получение основной выгоды от подъема и превращения в основной локус накопления капитала. В этой конкуренции не будет ничего нового, и борьба будет вестись во многом точно так же, как раньше. Но будет одно главное отличие. Поляризация в мире не только достигла невиданных прежде масштабов; с А-фазой следующего кондратьевского цикла произойдет дальнейшее расширение этого разрыва. Принимая во внимание нынешнее разочарование и отсутствие антисистемных движений, которые канализировали недовольство и реформистские побуждения, этот период будет, как я уже сказал, особенно взрывоопасным.

Этот взрыв примет по крайней мере три формы, ни одна из которых не будет полностью новой, но все они переступят важный порог в сохранении жизнеспособности системы и вызовут к жизни центробежные силы, ведущие к структурному кризису, периоду бифуркации. Одной из составляющих является делегитимация идеологии неизбежного прогресса, которая была основным столпом мировой стабильности на протяжении по крайней мере двух столетий. Мы увидим очень сильные движения — мы уже видим очень сильные движения, — особенно в нецентральных зонах (которые включают не только старый «третий мир», но и прежний блок социалистических государств), которые заявят о своем полном неприятии основного условия

капиталистической мировой экономики, бесконечного накопления капитала как основного принципа социальной организации.

И это намного сильнее давнего марксистского неприятия капитализма, связанного с идеей о том, что капитализм был исторически необходимым этапом на пути к коммунизму, то есть был исторически прогрессивным, и что во всяком случае его технологические достижения представляют собой его основное достоинство. В рассуждениях, которые мы слышим теперь, отвергается всякая прогрессивность существующей системы и, следовательно, всякая возможность интеллектуального примирения с ней. Множество движений, которые свысока называются «фундаменталистскими», отражает такую установку, зачастую прибегая при этом к языку религии.

Здесь нужно выделить несколько моментов относительно этого явления. Оно явно не ограничивается исламским миром. Существуют иудаистские, христианские, индуистские, буддистские и многие другие разновидности. Общим у них является это теоретическое неприятие западной современности и капиталистического этоса. Источник их широкой народной поддержки лежит в чувстве разочарования классическими антисистемными движениями и государственными структурами, ими созданными, из-за их явной неспособности преодолеть поляризацию, связанную с существующей миросистемой. Они выступают против самой идеи светского государства. Такие движения не заинтересованы в том, чтобы помочь структурам миросистемы преодолеть свои трудности. Они представляют собой силу дезинтеграции. Безусловно, отдельные движения постоянно кооптируются, и эти движения сами по себе окажут определенное влияние на фундаментальные изменения. Но с учетом факторов, от них независимых, — глобальное сокращение прибыли и глобальное разочарование в реформистском либерализме — они способны причинить серьезный ущерб структуре.

Еще большей силой дезинтеграции является демократизация мировых вооружений. Для сильных вся история оружия на протяжении нескольких тысячелетий представляла собой переход к дорогостоящим нововведениям, пока слабые получали доступ к предыдущему поколению вооружений. И хотя здесь все осталось по-прежнему, изменился порог способности причинения ущерба. Несколько довольно старых атомных бомб способны причинить немислимый ущерб; бактериологическая война не так уж сложна в технологическом отношении. На мой взгляд, распространение ядерного оружия невозможно остановить. Соединенные Штаты прилагают — и небезуспешно — серьезные усилия для того, чтобы его замедлить, но существует, вероятно, дюжина стран, помимо официальных шести, которые сегодня имеют или могут быстро создать ядерное оружие, и я полагаю, что в следующем десятилетии их будет более двадцати. Кроме того, некоторые вооружения уже находятся в руках или вскоре попадут в руки негосударственных групп. То же касается бактериологического и химического оружия. Аум Синрике показала, какой ущерб может причинить негосударственная группа при помощи химического оружия. Несомненно, сильные страны по-прежнему сильнее слабых, но слабые или средние теперь зачастую достаточно сильны, чтобы причинить реальный ущерб сильным.

Из этого на самом деле можно сделать очень простой вывод. Нации средней силы, находящиеся в нецентральных зонах, могут бросить военный вызов сильным государствам, в одиночку или сообща. Саддам Хусейн показал, что это возможно. И хотя он проиграл первый раунд, Соединенным Штатам для того, чтобы справиться с ним, потребовалась значительная политическая мобилизация, которую, возможно, им не удастся повторить и которая окажется невозможной, когда появится множество таких вызовов одновременно. Полагаю, что в течение последующих двадцати пяти — пятидесяти лет мы станем свидетелями именно этого.

Наконец, наиболее сильным вызовом, несомненно, окажется менее насильственный и менее поддающийся сдерживанию акт, а именно — индивидуальная иммиграция из более бедных стран в более богатые. Она происходила на протяжении веков, и с улучшением транспорта за последние пятьдесят лет ее темпы значительно ускорились. Структурная реальность заключается в том, что мир поляризуется не только экономически и социально, но и демографически. Центральные зоны испытывают потребность в определенной иммиграции, но они не хотят впускать столько, сколько именно им нужно, особенно во время кондратьевских спадов. Поэтому они время от времени устанавливают барьеры. Но барьеры в значительной степени неэффективны. Они несколько сокращают приток иммигрантов, но, вероятно, не слишком сильно.

Поэтому белый панъевропейский мир становится *de facto* куда менее белым. Конечно, не все мигранты небелые, но они все определяются в качестве таковых социально. Хотя панъевропейский блок стран, вероятно, не в состоянии остановить действительный приток мигрантов и их последующий быстрый демографический рост в панъевропейском мире, он способен устроить политическую структуру так, чтобы эти мигранты не имели никаких (или имели меньше) политических и социальных прав «граждан», и он явно способен сделать так, чтобы мигранты имели менее хорошо оплачиваемую работу. В действительности, подобное законодательство уже начало распространяться в этих странах.

Подобные манипуляции могут и не повлиять на внутривнутриполитическую стабильность, если группы, определяемые в качестве мигрантов (зачастую определяемые так, что включают второе, третье и даже четвертое поколение потомков настоящих мигрантов) относительно невелики. Но когда группа, определяемая таким образом, достигает значительной доли, возникают предпосылки для гражданской войны. Кроме того, мигранты (или те, кто социально определяются в качестве таковых), которые зачастую будут физически узнаваемыми и с высокой вероятностью придут к сознанию этнической идентичности, столкнутся с расистским правым нативистским стремлением к этническому очищению. Поскольку они также, скорее всего, будут соседями, проживающими в квазиизолированных областях, им нетрудно будет организовать. И поскольку практически все отдельные государства будут иметь свои очаги напряженности, всякая вспышка враждебности сможет с легкостью распространиться через границы, подобно лесному пожару.

Здесь мы уже говорим не о фундаменталистах в зонах, далеких от богатых стран, или так называемых «странах-изгоях», готовых ввязаться в войну, а о глубокой нестабильности в центрах капиталистической мировой экономики. Капиталистические предприниматели должны будут беспокоиться не только о сокращении прибыли, но и о личной безопасности. Отсутствие личной безопасности, которое наблюдается, скажем, в Колумбии, не говоря уже о том, насколько опасно быть сегодня банкиром в России, может проявиться, скажем, в Канаде или Дании.

Нарисованная мною картина не очень привлекательна. Это сценарий серьезных неурядиц и обеспокоенности личной безопасностью. Это картина фундаментальных структурных проблем, которые не только не имеют простого решения, но и, возможно, не ослабнут в будущем. Это картина великого кризиса исторической системы. Некоторые назовут ее пессимистичной. Я утверждаю, что она реалистична, но не обязательно пессимистична. Конечно, если вы уверены, что живете в лучшем из миров, то вы не обрадуетесь вестям о наступлении его конца. Но если вы испытываете на этот счет некоторые сомнения, то вы будете смотреть в будущее с большим хладнокровием.

Относительно нынешней и грядущей эпохи неурядиц, замешательства и распада следует отметить три вещи. Несмотря на неизбежные трудности, она не продлится вечно. Мы знаем, что хаотические реалии сами по себе создают новые упорядоченные системы. Это не будет большим утешением, если я прибавлю, что такой процесс может занять полвека. Вторая вещь, которую следует иметь в виду, заключается в том, что исследования сложных систем учат нас тому, что в таких хаотических ситуациях, вытекающих из бифуркации, результат по сути своей непредсказуем. Мы не знаем — и не можем знать, — каким будет итог всего этого. Мы знаем лишь то, что система в ее нынешнем виде выжить не может. На смену ей придет другая система или системы. Она может быть лучше или хуже; она может не сильно отличаться по своим моральным качествам.

Третье обстоятельство, связанное с такими хаотическими ситуациями, относится к более обнадеживающей стороне истории. В жизнеспособных исторических системах, как и во всех жизнеспособных системах, даже большие флуктуации имеют относительно небольшой эффект. Именно в этом и состоит суть системы. Система имеет механизмы, которые пытаются восстановить равновесие и до определенной степени добиваются успеха в этом отношении. Именно поэтому в долгосрочной перспективе Великую французскую и Октябрьскую революции можно считать «провальными». Они, конечно, не осуществили всех тех социальных преобразований, на которые рассчитывали их сторонники. Но когда системы далеки от равновесия, когда они подвергаются бифуркации, небольшие флуктуации могут иметь серьезные последствия. Это одна из основных причин того, почему результат оказывается настолько непредсказуемым. Мы не можем даже представить себе все множество незначительных факторов, которые, в конечном итоге, окажут решающее воздействие.

Я перевожу эту концептуальную схему на древний язык греческой философии. Я говорю, что, когда системы функционируют нормально, структурный детерминизм перевешивает свободную волю индивида и группы. Но во времена кризиса и перехода фактор свободной воли становится решающим. Мир 2050 года будет таким, каким мы его сделаем. Это оставляет полную свободу для наших действий, для нашего участия и для наших моральных суждений. Это также означает, что этот переходный период будет временем ужасной политической борьбы, потому что ставки оказываются намного выше, чем в так называемые нормальные времена. Далее я рассмотрю вопрос о природе этой борьбы и проблемы этой борьбы.

3. СУЩЕСТВЕННО РАЦИОНАЛЬНЫЙ МИР ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ ПОТЕРЯННОГО РАЯ?

Если, как я уже сказал, мы переживаем длительный и трудный переход от нашей существующей миросистемы к другой или другим миросистемам и если исход неясен, то перед нами встают два серьезных вопроса: какого мира мы хотим; и какими средствами или путями мы с наибольшей вероятностью сможем его достичь? Это давние вопросы, которые неоднократно ставились многими на протяжении двух последних веков. Но первый вопрос обычно ставится с точки зрения утопий, а я хочу рассмотреть его с точки зрения утопийского, то есть серьезной оценки исторических альтернатив, вынесения нашего суждения о сущностной рациональности возможных альтернативных исторических систем. Второй вопрос ставится с точки зрения неизбежности прогресса, а я хочу поставить его с точки зрения исчезновения определенности, возможности, а не неизбежности прогресса.

Все мы знакомы с принципиальными утверждениями относительно нашей существующей исторической системы. Те, кто утверждает, что она является собой лучший из возможных миров, склонны придавать особое значение трем заявленным достоинствам: материальному богатству и удобству; существованию либеральных политических структур; увеличению продолжительности жизни. Каждое из этих достоинств рассматривается в сравнении со всеми предыдущими историческими системами. С другой стороны, доводы *против* заслуг нашей существующей исторической системы с точностью до наоборот повторяют приведенный перечень. Там, где апологеты видят материальное богатство и удобство, критики замечают острое неравенство и поляризацию, утверждая, что материальное богатство и удобство существуют лишь для немногих. Там, где апологеты видят либеральные политические структуры, критики замечают отсутствие значимого народного участия в принятии решений. Там, где сторонники видят большую продолжительность жизни, критики отмечают серьезное снижение качества жизни.

Это давний спор, но пересмотр этой критики в свете позитивных оценок может оказаться полезным в том смысле, что он позволит осознать необходимость разобраться с вопросом о том, каким требованиям должна удовлетворять альтернативная система. Из сказанного должно быть понятно, что

я занимаю сторону критиков и не считаю нынешнюю миросистему лучшим из возможных миров. Я даже не уверен, что она является лучшим из всех известных мне миров. И все же мне бы не хотелось вновь говорить об этом.⁷ Бессмысленно заниматься здесь рассмотрением недостатков существующей миросистемы. Я уже показал, что, по мнению многих, она имеет такие недостатки, которые не позволят ей выжить. Перед нами стоит вопрос, чем мы хотим заменить ее.

Но прежде, чем я смогу рассмотреть этот вопрос, необходимо прояснить еще один момент: ошибки, связанные с тем, что некоторые называли в последние годы «историческим социализмом», имея в виду главным образом ряд марксистско-ленинских государств, которые некогда принадлежали к «социалистическому блоку». Но по аналогии этот термин часто использовался применительно к множеству национально-освободительных движений и даже социал-демократических партий в панъевропейском мире. Рассмотрим вкратце этот момент, потому что он приводится в подтверждение того, что ни одна альтернатива нашей существующей системе не является ни реалистической, ни даже желательной. Против исторического социализма выдвигались три основных обвинения: 1) произвольное использование государственной (и партийной) власти, а в худшем случае — государственного террора; 2) распространение привилегий на номенклатуру; 3) широкая экономическая неэффективность, обусловленная государственным вмешательством в экономику и ведущая к торможению, а не ускорению роста общественных благ.

Для начала нужно признать, что эти обвинения во многом справедливы. Речь идет, конечно, о первых двух обвинениях как исторической оценке государственных режимов, существовавших под эгидой этих партий. Но сразу можно сказать, что не менее справедливо и то, что многие режимы, не возглавлявшиеся этими партиями, могут быть обвинены в произвольном использовании государственной власти и крайней неэффективности, неизбежно ведущей к затормаживанию роста общественных благ. Речь идет не об оправдании власти так называемых социалистических государств, а о понимании того, что все это типично для большинства государственных режимов на всем протяжении исторического развития современной миросистемы. Эти практики столь распространены, что можно только удивляться тому, почему такие недостатки связываются не самой системой, а институтами (режимами) внутри самой системы. Разве дело могло обстоять как-то иначе, когда система сама взрастила такие режимы и нуждалась в них для своего спокойного функционирования?

Безусловно, могут ответить, что не все государственные режимы были такими. Но даже лучшие режимы в свои лучшие времена вряд ли были свободны от этих пороков. Более важно, что к режимам, которые были (или

7 Я уже говорил об этом в своем курсе лекций в Китайском университете Гонконга в 1992 году, посвященном «капиталистической цивилизации» и опубликованном в виде второй части моей следующей работы: Immanuel Wallerstein, *Historical Capitalism, with Capitalist Civilization* (London: Verso, 1995).

считались) лучшими, относились главным образом режимы так называемых либеральных государств. И все эти либеральные государства находились в очень узком сегменте миросистемы, располагались в богатых областях и возникли не так давно. Нетрудно объяснить причины. Они хорошо известны: очень большой средний слой населения в границах этих стран; относительная удовлетворенность этой группы своей долей глобального пирога; последующая институционализация «господства права», которое защищала такой средний слой, хотя оно также служило и для защиты некоторых других. Но все эти черты зависели от реальности поляризации существующей миросистемы. Утверждать, что истоки либеральных режимов были внутренними и «культурными», значит неверно истолковывать историю и пренебрегать относительной силой различных способствующих факторов, которые привели к таким глобальным результатам. Во всяком случае, либерализм либеральных государств никогда не был таким прочным, как нам хотелось бы считать.

Независимо от причин недостатков так называемых социалистических государств, следует помнить, что они никогда не были автономными силами и всегда действовали в рамках капиталистической мировой экономики, ограниченной действиями межгосударственной системы и не были — и не могли быть — плодами альтернативной исторической системы. Но это не значит, что мы не можем извлечь уроков из этого опыта в нашем упражнении в утопийстве. Мы вполне можем извлечь полезные уроки о значимости отдельных механизмов, которые по крайней мере составляют пищу для размышлений.

И если в течение следующих пятидесяти лет нам суждено сделать фундаментальный исторический выбор, то между чем и чем? Очевидно, что исторический выбор будет делаться между системой (аналогичной нынешней по некоторым основным особенностям), в которой одни имеют значительно большие привилегии по сравнению с другими, и системой, которая относительно демократична и эгалитарна. Все известные исторические системы до сих пор относились к первому типу, хотя одни были хуже других. Я бы сказал, что нынешняя система вполне может быть наилучшей в том смысле, что она обнаруживает огромную поляризацию именно вследствие своего «признанного» достоинства, невероятного роста производства стоимости. При таком производстве стоимости разница между высшим слоем и остальными могла стать и действительно стала намного большей, чем в других исторических системах, даже если высший слой нынешней системы включает больший процент от общего населения, чем предшествующие исторические системы.

И все же тот факт, что все предшествующие исторические системы были неравными, недемократическими системами, не является доводом в пользу того, что невозможно представить систему, которая была бы относительно демократической и эгалитарной. В конечном итоге, мы долгое время говорили об этой возможности, и она явно привлекательна для многих людей. В нашей нынешней системе, неравенство и, следовательно, неизбежное отсутствие реального демократического участия в коллективном принятии

решений обеспечивается приматом бесконечного накопления капитала. Люди опасаются, что для устранения такого примата придется пожертвовать либо относительной производительностью, либо свободным и открытым обществом. Рассмотрим, действительно ли устранение примата бесконечного накопления капитала неизбежно приводит к таким последствиям. Можно ли представить структуру, которая отдавала бы первенство максимизации качества жизни каждого (что считается изначальным бентамовским либеральным идеалом), при этом ограничивая и контролируя средства коллективного насилия, так что все ощущают относительную и равную безопасность для свой личности и обладают широким спектром индивидуальных возможностей, не угрожающих выживанию или равным правам других (что считается изначальным идеалом Джона Стюарта Милля)? Это можно назвать реализацией либеральных идей во всемирном масштабе в контексте эгалитарной системы или демократии, в отличие от видоизмененных и скрытых автократий, которые мы ошибочно называем демократическими режимами.

Само по себе это не было бы осуществлением цели демократической, эгалитарной системы. Для этого нужно, чтобы каждый имел приносящую удовлетворение работу или работы и чтобы общество всегда могло оказать помощь в удовлетворении особых и непредвиденных нужд. И, наконец, нам необходимо знать, что ресурсы биосферы будут надлежащим образом оберегаться, чтобы не было никаких межпоколенческих потерь и, следовательно, межпоколенческой эксплуатации.

Какими средствами можно добиться осуществления этого? Начнем с проблемы вознаграждения. Вообще, утверждается, что денежное вознаграждение служит стимулом для качественной работы. И я полагаю, что иногда дело обстоит именно так. Но одно дело – вознаграждение ремесленника за произведенный им товар, и совсем другое дело – вознаграждение руководителя за получение необычайной прибыли для корпорации. Они различаются в двух отношениях. Очевидно, что хороший товар – это результат качественной работы. Но получение необычайной прибыли – это результат качественной работы только в том случае, если приоритетом признается бесконечное накопление капитала. Его трудно обосновать как-то иначе. Второе отличие – это размер вознаграждения. Увеличение дохода ремесленника на 10 или даже 25 % за качественную работу совершенно отличается от увеличения дохода руководителя на 100 или даже 1000 %.

На самом ли деле хозяйственник будет работать на совесть только в случае получения неких бонусов, которые он может получать в нынешней системе? На мой взгляд, это абсурдное мнение. У нас есть очевидные примеры многих профессионалов (например, университетские профессора), которые работают главным образом не из-за относительно небольшого увеличения материальных вознаграждений, а из-за сочетания признания и роста контроля над своим рабочим временем. Люди обычно получают Нобелевские премии не потому, что ими движет стремление к бесконечному накоплению капитала. И для очень большого числа людей в нашей нынешней миросистеме день-

ги не являются главным стимулом. И если бы признание и рост контроля над своим собственным рабочим временем были более широко доступными в качестве вознаграждения, то разве намного большее число людей не посчитало бы себя удовлетворенными?

Если прибавить к этой несколько видоизмененной совокупности социальных приоритетов намного более качественную систему карьерного отбора, чтобы большее число людей могло делать работу, которую они — независимо от причин — считают более удовлетворительной, то, возможно, произошло бы значительное сокращение аномии. И если бы у нас имелось множество карьерных ролей, которые можно было бы менять каждый год и/или по истечении какого-то времени, как знать, возможно, у нас и выросла бы общая удовлетворенность жизнью? И это, к тому же, сделало бы намного более вероятными равное распределение семейных обязанностей, о котором

так много говорилось в последние годы и для обеспечения которого так мало было сделано на самом деле.

Алчность — это не самое приглядное влечение, но наша нынешняя система поощряет и практически превозносит его, предоставляя соответствующее вознаграждение. Нужно ли приводить доказательства того, что ни одно общество не может быть свободным, если алчность в нем морально не сдерживается и если противоположные ценности не входят в наше Сверх-Я? Некоторые утверждают, что благотворительность способна уравновесить алчность. Но благотворительность не означает отсутствия или

ЛЮДИ ОБЫЧНО ПОЛУЧАЮТ НОБЕЛЕСКИЕ ПРЕМИИ НЕ ПОТОМУ, ЧТО ИМИ ДВИЖЕТ СТРЕМЛЕНИЕ К БЕСКОНЕЧНОМУ НАКОПЛЕНИЮ КАПИТАЛА. И ДЛЯ ОЧЕНЬ БОЛЬШОГО ЧИСЛА ЛЮДЕЙ В НЫНЕШНЕЙ МИРОСИСТЕМЕ ДЕНЬГИ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ГЛАВНЫМ СТИМУЛОМ

даже ослабления алчности. Благотворительные пожертвования выражают подлинную благотворительность, то есть высокую оценку, привязанность, большую заботу, только тогда, когда они делаются из чувства долга и обусловлены требованиями справедливости, а не являются простым замалыванием грехов.

Эффективность желательна, но она служит средством для достижения определенной цели. О какой же цели идет речь? Можем ли мы использовать такое средство для достижения других целей? Например, если мы увеличиваем производство стали, компьютеров или зерна, то есть если мы показываем, что они могут производиться с тем же качеством при меньших издержках, то зачем мы делаем это? Разве при отсутствии вознаграждения в виде роста накопления капитала, но при наличии вознаграждения в виде удовлетворения реальных потребностей или расширенного распределения работники станут работать менее эффективно? Совсем не обязательно, или

нам не удастся оправдать весь спектр деятельности, которую мы называем профессиональной. Можно ли сказать, что крупный предприниматель сегодня в среднем более эффективен, чем архитектор в небольшом городке или автомеханик? Я никогда не видел подтверждений этого, и это противоречит моим собственным наблюдениям за социальной сценой. Если в расчет принимается только эффективность в накоплении капитала, то наркобароны служат идеальным примером того, как алчность способна стимулировать производительность.

Разве большие организации более эффективны, чем небольшие? И вновь все зависит от критериев. Конечно, размер влияет на издержки, но всегда ограниченным линейным образом. Во всяком случае, в нашей нынешней системе масштаб производственной деятельности связан не только с производительностью. Он связан также с оптимизацией уклонения от уплаты налогов и исполнения законов, пользой от относительной монополии и от сокращения издержек координации или различными рисками во времена мирового экономического роста и во времена мирового экономического спада. И все эти построения рассыпаются, как только устраняется приоритет бесконечного накопления капитала. Сами по себе соображения эффективности могут вести к значительному многообразию с точки зрения масштабов экономической деятельности. Вместо бесконечного увеличения масштаба (мировой концентрации капитала и, следовательно, собственности и организованных структур), которое имеет место в нынешней системе, вполне возможно существование нескольких гигантских и множества средних структур.

Предположим, что все экономические структуры не ставят себе целью извлечение прибыли, а негосударственный контроль представляет собой открытую и даже широко используемую возможность. Нам знакома такая система: она веками существовала в так называемых общественных больницах. Разве они менее эффективны и лечат хуже, чем частные или государственные больницы? Совсем нет. Зачем тогда ограничиваться только больницами? Нельзя ли иметь электрическую компанию, не ставящую себе целью извлечение прибыли и построенную по образцу общественных больниц? Конечно, могут сказать, что сегодня даже в больницах наблюдается тенденция перехода к модели частных структур, работающих ради получения прибыли. Все верно, но это результат коммодификации всего, что только можно, лежащей в основе нашей нынешней системы. Разве оно ведет к улучшению эффективности? Разве она улучшает здравоохранение? Основной аргумент, используемый ее сторонниками, заключается в том, что она ведет к сокращению издержек на здравоохранение. Лично я в этом сомневаюсь. Скорее всего, средства, которые раньше тратились на здравоохранение, будут просто направлены на накопление капитала. Разве этого следует желать? Кто хочет этого?

Поэтому первым структурным элементом, предлагаемым мной в качестве возможной основы альтернативной системы, служит создание не ставящих перед собой целью получение прибыли децентрализованных предприятий в качестве основной формы производства в системе. И такая система сможет предложить те же — и, возможно, даже большие — стимулы для эффек-

тивности, чем наша нынешняя система. И она позволяет избежать опасений насчет того, что централизация, особенно с использованием государственных механизмов, сделает экспериментирование и многообразие менее вероятным и приведет со временем к авторитарному принятию решений и бюрократической неповоротливости. Но по-прежнему остается вопрос о том, каким образом такие предприятия могут быть связаны друг с другом и на какой основе. Также необходимо найти ответ на вопрос о внутренней организации этих производственных предприятий, то есть на вопрос о том, что можно назвать демократией на рабочем месте.

Как многочисленные производственные предприятия, не ставящие перед собой целью получение прибыли, могут вступать в отношения друг с другом? Возможно, именно так, как предусматривает теоретическая модель *laissez-faire*: посредством рынка, реального рынка, а не монополистически контролируемого мирового рынка, который мы имеем в нынешней системе? Нужно ли для этого определенное регулирование? Да, конечно, но оно должно быть чем-то вроде светофора на дороге с оживленным движением. Нет нужды во вмешательстве органов, планирующих производство. Регулирование может ограничиваться противодействием недобросовестному поведению, улучшением информационных потоков и отправкой предупреждающих сигналов о перепроизводстве и недостаточном производстве.

Такие не ставящие перед собой целью получение прибыли производственные единицы не обязательно должны быть внутренне авторитарными. Интересы работников по-прежнему будут отличаться от интересов руководства. Потребуется переговоры с профсоюзами или подобными институтами, представляющими коллективные интересы работников. И по-прежнему будет существовать определенная потребность в участии работников в принятии решений верхушкой. Необходимо признать свободу работников переходить из одной организации в другую без потери страховки. (То есть страховые взносы должны направляться в некую структуру, внешнюю по отношению к самой производственной организации). Кроме того, необходимо отыскать способ соотношения количества работников с потребностями производства, а также определенный механизм, позволяющий работникам находить альтернативную, приносящую удовлетворение работу. Наконец, должна быть создана система наказания для бездельников и некомпетентных. Мы можем долго обсуждать детали. И даже после принятия соответствующих решений все время придется возвращаться к рассмотрению этих вопросов. Но главное, что ни один из них не представляет по сути своей непреодолимого препятствия, с которым не могли бы справиться люди доброй воли в рамках миросистемы, которой движет нечто иное, нежели бесконечное накопление капитала.

Как насчет проблем, которые так широко и страстно обсуждались в последние годы: расовое, гендерное и национальное неравенство. Миросистема, неспособная улучшить нынешнее положение в этих вопросах, не стоит того, чтобы за нее бороться. Я не хочу сказать, что отказ от бесконечного накопления капитала автоматически гарантирует расовое, гендерное и националь-

ное равенство. Я хочу сказать, что оно устранит одну из наиболее важных причин такого неравенства. После этого начнется реальная работа, свободная от этого жесткого ограничения.

Одной из важных рассмотренных проблем были последствия нынешней системы с точки зрения распределения рабочих мест и вознаграждений. В существующей системе распределение рабочих мест и реальное качество жизни во многом зависят от расы, гендера и нации. Защитники существующей системы утверждают, что это просто результат использования меритократии в качестве критерия и что этот критерий отражает морально добродетельный способ распределения. Критики говорят, что меритократия скрывает институциональные перекосы в распределении, которые влияют на способность конкурировать в зрелом возрасте задолго до того, как кандидаты выходят на стартовую линию.

На самом деле правы и те, и другие. Меритократия действительно отвечает требованиям демократизации, но справедливо и то, что в нашей нынешней системе карты подтасованы. Рассмотрим, что же на самом деле означает меритократия. Предположим, мы предлагаем группе из ста человек пройти некий тест и получаем количественные результаты. Разве человек, занимающий 38 место, на самом деле обладает намного более высокой квалификацией, чем человек, занимающий 39 место? Сама идея абсурдна. Вероятно, можно сказать, что, если речь идет о тесте знания, первая десятка будет достаточно хороша, а последняя десятка — достаточно плоха, и что остальные восемь десятков, занимающие промежуточное положение, собственно и занимают промежуточное положение. Предположим, что по результатам этого теста нас просят распределить пятьдесят должностей. Следует ли нам отдать их первым пяти десяткам? Другим решением было бы предоставление десяти должностей первой десятке, пренебрежение последней десяткой и привлечение на сорок оставшихся должностей многих претендентов из промежуточных восьми десятков. Конечно, точное процентное отношение взято мною из головы, но всякое тестирование — это ограниченный механизм выявления способностей, и, конечно, оно не позволяет достоверно оценивать людей во всем континууме. Тем не менее, всегда существует меньшинство, которое обладает особыми качествами, и еще одно меньшинство, которое напрочь лишено таких качеств. При этом следует помнить, что обе эти категории относительно невелики, так что можно перейти к произвольному распределению должностей среди остальных претендентов. Это позволит значительно сократить институционализированный расизм/сексизм.

Напомню, что я не предлагаю утопию. Я предлагаю пути к большей существенной рациональности. Серьезное сокращение такого неравенства потребует значительных коллективных усилий. И все же следует пытаться представить социальный мир с заметно меньшей дискриминацией, а не сохранять приверженность нынешней исторической системе. Сегодня дискриминация отравляет всю социальную жизнь. Она определяет наше мировосприятие. Она приносит огромный вред, психический и психологический, не только тем, кто принадлежит к угнетенным группам, но и тем, кто принадлежит

к господствующим группам. Зло не делает лучше; оно делает только хуже. Такое неравенство морально неприемлемо и непреодолимо в рамках существующей миросистемы. К счастью, эта система уходит в прошлое. Вопрос в том, что придет ей на смену?

Придем ли мы к бесклассовому обществу? Сильно сомневаюсь, поскольку упразднение поляризации не означает упразднения различий, включая различия в классовом положении. Но, как и в случае с расой, гендером и нацией, это означает, что различие должно перестать быть глубоко укорененным и разъедающим и стать относительно небольшим и ограниченным по своему воздействию. Нет никаких глубоких причин, по которым мы не могли бы преодолеть три наиболее серьезных следствия классовых различий: неравный доступ к образованию, здравоохранению и гарантированному достаточному доходу на протяжении всей жизни. Не составит большого труда вывести все три указанные составляющие из процесса коммодификации и сделать так, чтобы они обеспечивались не ставящими перед собой целью получение прибыли институтами и оплачивались коллективно. Сейчас об этом можно говорить применительно к водоснабжению и, во многих странах, к библиотекам. Некоторые говорят, что в этом случае мировые издержки выйдут из-под контроля. Возможно, но есть много иных решений вопроса о распределении коллективных издержек, помимо коммодификации. Такого социального решения нельзя избежать и не следует пытаться избежать.

Можно ли предотвратить создание номенклатуры? Если государственная служба перестанет быть единственной гарантией быстрого и легкого доступа к образованию, здравоохранению и пожизненному минимальному доходу (так как они станут всеобщими) и если исчезнут возможности для существования извлекающих прибыль экономических структур, какой будет судьба номенклатуры? На самом деле мы впервые сможем достигнуть веберовского идеала незаинтересованной государственной службы, единственным мотивом несения которой служит удовлетворение от работы, а не все остальные соображения, которые имеют место сегодня. И, конечно, важнейшей составляющей, позволяющей избежать создания номенклатуры, являются подлинно демократические политические институты. Здесь весьма полезной может оказаться идея ограничения сроков пребывания у власти, столь милая сегодняшним консерваторам. Но ни один из механизмов не будет работать, пока большинство населения не осознает, что оно действительно способно оказать значительное влияние на принятие политических решений, которое выходит далеко за рамки простого выражения недоверия властям на очередных выборах.

Здесь мы переходим к вопросу о том, каким образом можно обеспечить широкое участие и чувство участия, чтобы его нельзя было канализировать и, следовательно, исказить при помощи значительных вложений в кампании, проводимые в средствах массовой информации. И вновь мы имеем дело со сложным, но отнюдь не неразрешимым вопросом. Прежде всего, откуда возьмутся значительные средства, если не будет бесконечного накопления капитала? И, учитывая сегодняшние технологические достижения в информационных технологиях, почему нельзя будет организовать дело таким обра-

зом, чтобы между соперничающими точками зрения не было финансового неравенства? Такие вопросы вполне можно решить техническими средствами. Возможно, этого недостаточно для того, чтобы обеспечить чувство реальной демократии, но это только начало. С установлением этой исторической системы реальная работа здесь также только начнется, а не подойдет к концу.

Что касается сохранения биосферы, то для достижения этой цели нужно совершить один простой и жизненно важный шаг. Нужно, чтобы все производственные организации взяли на себя все издержки, включая все издержки, связанные с недопущением загрязнения или истощения ресурсов биосферы в результате производственной деятельности. То есть издержки непосредственного возмещения ущерба и/или очистки должны стать составной частью производственного процесса и, следовательно, издержек производства. Самого по себе этого, конечно, будет недостаточно, но, по крайней мере, в этом случае пренебрежительное отношение к окружающей среде перестанет быть обычной практикой. Споры относительно влияния на биосферу отдельных направлений производственной деятельности не прекратятся. Здесь нет четких и ясных научных ответов. В конечном итоге, эти вопросы связаны с политическим выбором. На самом ли деле *x* важнее *y*? Часто выбор совершается между нынешним и будущим потреблением, между живущими и еще не рожденными поколениями, между рисками, рассчитанными для одной области мира, и рисками, рассчитанными для другой области. Речь идет о социальных суждениях, и они должны выноситься демократическим путем при участии всех, кого касаются такие решения.

Основная проблема состоит в оценке социальных издержек и том, как сделать такую оценку по-настоящему коллективной. Этот вопрос не ограничивается экологическими проблемами. Возьмем, например, расходы на здравоохранение: на кого нам следует тратить больше — на детей или на стариков? Насколько следует сократить реальные доходы более здорового работающего населения среднего возраста для того, чтобы покрыть расходы на здравоохранение для молодежи, стариков и тех, кто нуждается в особом уходе? В нашей нынешней системе решения об этом принимаются на основании личной выгоды, хотя и несколько смягчаются ограниченным коллективным вмешательством. По мере роста издержек и социальных требований демократии и равенства, последствия, к которым приводит наша нынешняя система, кажутся все более и более абсурдными и неразумными. Но что является сущностно рациональным с точки зрения распределения ресурсов, которые отнюдь не являются неограниченными? Конечно, узнать об этом невозможно без открытого и широкого обсуждения с привлечением как можно большего числа людей. Но каким образом лучше всего институционализировать его, причем на мировом уровне, не отдаляя область решения от участия и контроля простых людей?

В этом стремлении к сущностной рациональности, к хорошему обществу (или по крайней мере к лучшему обществу) у нас имеется важное преимущество — человеческое творчество. И для развертывания его потенциала не суще-

стует никаких пределов. Нам известно, что сложные системы являются самоорганизующимися и что они постоянно ищут новые формулы и новые решения существующих проблем. Но мне не хотелось бы здесь тайком протаскивать идею неизбежного прогресса, потому что созидание не является обязательным и не всегда ведет к положительным последствиям. То, что работает, не всегда заслуживает морального одобрения. И того, что заслуживает морального одобрения, нельзя достичь простыми призывами к этому. Почти все религии мира учат, что бог наделил нас свободной волей и, следовательно, возможностью выбора между добром и злом. Итак, мы подходим к политическому вопросу: какие действия следует предпринять в последующие двадцать пять — пятьдесят лет для того, чтобы перейти к более существенно рациональной исторической социальной системе?

Это возвращает нас к эпохе перехода, к эпохе ада на земле. Мы не увидим простых и спокойных политических дискуссий, дружелюбного обсуждения людей в костюмах с галстуками. Борьба будет идти не на жизнь, а на смерть, ибо речь идет о заложении основ исторической системы следующих пяти веков: хотим ли мы иметь еще одну разновидность исторической системы, в которой преобладают привилегии, а демократия и равенство сведены к минимуму, или же мы хотим пойти в противоположном направлении, впервые за всю историю человечества?

Прежде всего, следует рассмотреть будущую и нынешнюю реакцию тех, кто сейчас имеет привилегии. Нельзя рассчитывать на то, что сколько-нибудь значительная часть тех, кто имеет привилегии, откажутся от них без борьбы просто вследствие некоего призыва к моральной ответственности или даже к историческому образу светлого будущего. Необходимо признать, что они будут стремиться сохранить привилегии. Любое другое предположение невероятно и нереалистично. И даже при этих условиях мы не знаем, какой будет их стратегия.

Оптимальная — и наиболее действенная — стратегия защиты привилегий долгое время была предметом обсуждения у привилегированных, и на этот вопрос социальная наука до сих пор не дала сколько-нибудь определенного ответа. Начнем с простого. Существуют расхождения между теми, кто считает, что решением являются репрессии (по крайней мере, разумные репрессии), и теми, кто делает ставку на уступки, которые отдают небольшой кусок пирога, чтобы сохранить остальное. Конечно, можно попытаться соединить обе формулы, но тогда возникает вопрос: в какой пропорции и в какой последовательности?

Историческое использование обоих методов само по себе не служит свидетельством того, что оба метода одинаково действенны, что тот метод, который работал в прошлом, будет работать и в настоящем и что тот, который работал при нормальном развитии нашей нынешней исторической системы, будет так же хорошо работать в период бифуркации и перехода. Можно сказать, что накопленное знание о современной истории и намного улучшенные средства мировой коммуникации гарантируют, что по сравнению с предыдущими переходами привилегированные примут более разумное, более взве-

шенное решение со своей стороны. Привилегированные неизбежно лучше осведомлены и, следовательно, более проникательны, чем остальные. Они также намного богаче и обладают намного большей силой и более эффективными средствами разрушения и подавления, чем когда-либо прежде.

Конечно, они столкнутся со стандартными проблемами. Они не являются организованной и дисциплинированной сектантской группой. Они представляют собой аморфную, достаточно разнородную группу тех, кому выгодно существующее положение вещей. Одни из них влиятельней и богаче других, причем намного. Одни умнее и хитрее других. Одни организованы в небольшие группы, другие действуют сами по себе. И, конечно, несмотря на наличие у них общих классовых интересов, они продолжают соперничать друг с другом.

И все же, как было показано мной, все они сталкиваются со структурными трудностями. Это означает, что они должны что-то делать. Но вопрос не только в том, что именно они должны делать, но и в том, когда именно. Станут ли они преследовать краткосрочную выгоду, пока система не затрещит по швам? Или они понесут потери сразу, исходя из того, что один стежок, но вовремя, стоит девяти? Ответ на этот вопрос все больше зависит от того, о ком идет речь — о сверхвлиятельных или просто об обычных привилегированных. В отличие от последних, первые могут посчитать, что проще понести краткосрочные потери, чтобы сохранить свои долгосрочные привилегии.

Важнейшая проблема привилегированных связана с осознанием системного кризиса — с тем, когда они, наконец, придут к нему и начнут действовать с учетом этого обстоятельства. Весьма вероятно, что они будут стремиться к осуществлению принципа ди Лампедузы — изменить все (или сделать вид), чтобы все осталось по-прежнему, но при этом казалось иным. Этот крайне сложно. Первая проблема заключается в том, чтобы придумать изменение (это не так просто и не так очевидно, как может показаться на первый взгляд). Вторая проблема заключается в том, чтобы ввести в заблуждение значительную часть тех, кто находится в своем лагере. Третья проблема — ввести в заблуждение противников.

Какую альтернативу они могут придумать? Я не знаю. Мог ли кто-то в Европе XIX века предсказать, что распадающаяся феодальная страта сможет придумать альтернативу, которая позволит ей сохраниться? И если кому-то это удалось, то какова вероятность того, что он предвидел нашу нынешнюю капиталистическую мировую экономику, которая как раз и оказалась осуществлением принципа ди Лампедузы: капиталистическая система, которая в большинстве отношений отличается от феодальной системы, за исключением решающего результата — сохранения неравенства и во многих случаях той же самой страты, по крайней мере, на протяжении первых нескольких веков. Разумеется, я не собираюсь думать за них. Но я догадываюсь, что наиболее успешным методом будет тот, что включит в себя большую часть терминологии недовольных. Двадцать лет назад я бы сказал, что программа будет изложена на языке марксизма, но по многим причинам сегодня это кажется куда менее вероятным. Она вполне может быть изложена на языке экологии,

мультикультурализма или прав женщин. Я не пытаюсь усомниться в искренности нынешних сторонников этих различных течений, которые кажутся мне важными формами противодействия злоупотреблениям нашей нынешней миросистемы. Но риторика может кооптироваться даже тогда, когда сами движения сопротивляются кооптации. И, как мы видели, движениям трудно бывает со временем не поддаться влиянию, особенно если они могут достичь благодаря этому некоторых своих непосредственных целей.

Но привилегированным необходимо не только принятие радикально иной риторики. Они должны использовать риторику для создания радикально иной совокупности институтов. И здесь они столкнутся еще с двумя проблемами. Одна из них лежит в их собственном лагере, и она связана с двумя сложностями. Первая сложность заключается в том, что то, что может быть благом для группы в мировом масштабе, может вовсе не быть благом для подгрупп среди привилегированных. Проигрывающие подгруппы, конечно, не готовы будут согласиться с этим, и это может подорвать политическую жизнеспособность всего предприятия. Здесь бессмысленно даже пытаться предугадать детали.

Но вторая сложность в лагере привилегированных вызывает еще большие вопросы. Предположим, что некая талантливая группа разрабатывает действенную стратегию ди Лампедузы. Многие из лагеря привилегированных могут не понять происходящего, и потому могут быть не готовы оказать политическую (или финансовую) поддержку. Что можно сделать в таком случае? Сторонники этой стратегии, конечно, могут открыто рассказать о ней, но это приведет к ее краху. Поэтому им придется прибегнуть к осторожным и постепенным разъяснениям, что может привести, а может и не привести к распаду этого лагеря.

И это напрямую подводит нас к третьей сложности: как убедить подавляющее большинство в том, что отсутствие изменений — это и есть изменение, что действительно происходит трансформация в направлении более существенно рационального мира, а не просто видоизменение сущностной иррациональности. Ключевой элемент стратегии ди Лампедузы заключается в том, чтобы избегать разглашения настоящей стратегии, настаивая при этом на «показной» стратегии. Насколько мне известно, подход Айн Рэнд, прославление права сильных людей получать свою неравную прибыль, на самом деле никогда не работал. И еще меньше вероятность того, что он работает сейчас, хотя в качестве свидетельства обратного могут привести временную привлекательность теоретических построений неолибералов. Я бы сказал, что общество уже отреагировало, причем достаточно явно, и что при переходе в XXI век неолиберальных лозунгов будет меньше. И все же лагерю привилегированных придется решать сложную проблему: разъяснить своим достаточно, чтобы собрать силы, но не настолько, чтобы дать противникам основания для яростного противодействия. Это будет не просто, и это еще один элемент, детали которого совершенно невозможно предвидеть.

А как насчет тех, кто является угнетенным в нашей существующей системе? Как будут действовать они? У них так же много проблем, как и у приви-

легированных. Последние представляют собой разнородную и аморфную группу, но то же самое в еще большей степени справедливо и для угнетенных. Лагерь привилегированных имеет множество непосредственных и даже долгосрочных интересов, но то же относится и к лагерю их противников. И, конечно, по сравнению с привилегированными, угнетенные слабее, менее организованны и имеют меньше средств для того, чтобы вести какую-то глобальную политическую борьбу. Особенно, следует добавить, борьбу, которая будет вестись в таком множестве форм — открытое насилие, кажущиеся приемлемыми избирательные и законодательные баталии, теоретические споры в структурах знания и публичное обращение к странной и часто замалчиваемой риторике.

На самом деле я больше ничего не могу сказать об этом, за исключением того, что идея «коалиции радуги» является, по всей видимости, единственной жизнеспособной, но крайне трудно выполнимой. И тактика предъявления требований к привилегированным, чтобы они следовали своей либеральной риторике, несомненно, будет весьма действенной, но также крайне трудно выполнимой. Очевидно, что я предлагаю не программу, а некоторые элементы того, что должно приниматься в расчет при обсуждении программы — как можно институционализировать более существенно рациональную историческую систему и как можно преодолеть период перехода, чтобы добиться поставленной цели. Эти предложения должны обсуждаться, дополняться или заменяться лучшими. И дебаты должны вестись во всем мире.

Теперь нам необходимо вернуться к исходным положениям относительно структуры систем. Вспомним закономерность. Они рождаются; они долгое время живут в соответствии с некими правилами и в какой-то момент приходят в состояние кризиса, бифуркации и превращения во что-то иное. Последний период, период перехода, особенно непредсказуем, но также особенно подвержен влиянию индивидов и групп, тому, что я назвал ростом фактора свободной воли. Если мы хотим воспользоваться предоставленной нам возможностью, что кажется мне моральным и политическим долгом, нам сначала необходимо разобраться с тем, чего же именно мы хотим и что можно сделать для достижения желаемого. Для этого требуется перестройка системы знания, чтобы мы могли понять природу нашего структурного кризиса и, следовательно, наши исторические возможности для XXI века. Осознав имеющиеся возможности, нам придется вступить в борьбу, из которой мы совсем не обязательно должны будем выйти победителями. Это важно, потому что иллюзии ведут к разочарованию, а затем и к деполитизации. Наконец, наши

КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ СТРАТЕГИИ
ДИ ЛАМПЕДУЗЫ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ
В ТОМ, ЧТОБЫ ИЗБЕГАТЬ РАЗ-
ГЛАШЕНИЯ НАСТОЯЩЕЙ СТРА-
ТЕГИИ, НАСТАИВАЯ ПРИ ЭТОМ
НА «ПОКАЗНОЙ» СТРАТЕГИИ

тактические действия — наши интеллектуальные, моральные и политические суждения — должны быть чрезвычайно четкими и ясными, но при этом проницательными и среднесрочными. Нам следует с осторожностью относиться к коварному противнику и союзникам, которые не разделяют всех наших взглядов, потребностей, склонностей или даже интересов. Это может показаться чем-то вроде рекомендаций для сверхлюдей. Я полагаю, что это скорее рекомендации для тех, кто надеется в конечном итоге прийти к более существенно рациональному и лучшему миру, чем тот, в котором мы живем.

И я должен рассмотреть последний вопрос. Согласятся ли власть имущие просто отказаться от своих привилегий? Конечно, нет. Иногда они будут идти на уступки, но только в тактических целях, чтобы сохранить остальное. Власть имущие никогда не были столь сильными и богатыми, как в современном мире. И люди, которые не имеют никакой власти, или по крайней мере многие из них никогда прежде не находились в столь неблагоприятном положении. Имеет место немислимая поляризация, и это означает, что благородный отказ от привилегий вряд ли возможен.

Могут сказать, что это противоречит моей основной идее. Я утверждал, что у процесса бесконечного накопления капитала, которое определяет наш существующий мир, есть структурные ограничения, и эти ограничения сегодня выходят на передний план, тормозят функционирование системы. Я показал, что эти структурные ограничения — то, что я назвал асимптотами действующих механизмов, — создают структурно хаотическую ситуацию, которая будет неприятной для тех, кому придется ее пережить, и полностью непредсказуемой по своему развитию. Наконец, я показал, что новый порядок возникнет из хаоса в течение пятидесяти лет и что этот новый порядок сформируется в результате того, что будут делать в этот период все — и те, кто имеет власть в нынешней системе, и те, кто ее не имеет. Этот анализ не является ни оптимистическим, ни пессимистическим в том смысле, что я не предсказываю и не могу предсказать, насколько лучшим или худшим будет результат. Однако разумно пытаться стимулировать дискуссию о структуре, которая действительно может служить на благо всем нам, и типах стратегии, которые могут продвинуть нас в этом направлении. Так что, как говорят в Восточной Африке, *harambee!*

Роберт КУПЕР

ПОСТСОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО И МИРОВОЙ ПОРЯДОК¹

ВВЕДЕНИЕ

1989 год стал переломным годом в европейской истории. То, что произошло в 1989 году, намного превзошло события 1789, 1815 или 1919 года. Такие даты, как 1989 год, связаны с революциями, распадом империй и переделом сфер влияния. Но тогда изменения происходили в рамках сложившейся системы баланса сил и суверенных независимых государств. В 1989 году все было иначе. Помимо серьезных перемен, произошедших в этом году, — революций и переустройства блоков, — он ознаменовался коренными изменениями в самой системе европейских государств.

Грубо говоря, в 1989 году конец пришел не только «холодной войне», но и всей системе баланса сил в Европе. Эта перемена менее заметна и менее драматична, чем падение «железного занавеса» или Берлинской стены, но от этого она не становится менее важной. И, в сущности, изменение в системе тесно связано с обоими этими событиями и, возможно, было даже предпосылкой для них.

Нечто подобное произошло в 1648 году с окончанием Тридцатилетней войны, когда после Вестфальского мира сложилась современная система европейских государств. Теперь понятно, что в 1989 году возникла совершенно новая система, связанная с новой формой государственности или, по крайней мере, государствами, которые ведут себя совершенно иначе, чем раньше. Союзы, сохраняющиеся и в мирное, и в военное время, вмешательство во внутренние дела друг друга и принятие юрисдикции международных судов — все это означает, что сегодня государства уже не могут похвастаться былым суверенитетом и независимостью.

Любопытно, что эти изменения отчасти были обусловлены второй тридцатилетней войной, продлившейся с 1914 по 1945 год. Первая и Вторая мировые войны привели к разрухе, которой Европа не видела со времен

1 Robert Cooper, *The Post-Modern State and the World Order* (2nd ed.) London: Demos, 2003.

первой Тридцатилетней войны. Другим фактором была «холодная война»: она означала возможность исторически беспрецедентных разрушений. Она заморозила Европу на 40 лет, но при этом создала возможность для появления новых идей и систем. Потребность в изменении системы европейских государств стала очевидной и настоятельной: если существующая система привела к такому недопустимому уровню действительного и потенциального разрушения, то она не смогла выполнить свою задачу. Следовательно, в возникновении новой системы нет ничего удивительного.

Для размышлений о международных отношениях, как и для любых других размышлений, необходима концептуальная карта, которая, как и все карты, упрощает ландшафт и сосредотачивается на главном. До 1648 года основной идеей был христианский мир; после него — баланс сил. После 1648 года европейский порядок и политика, преобладавшая в нем, носили различные названия: «европейский концерт», коллективная безопасность, сдерживание. На самом деле речь здесь шла о простом балансе сил (коллективная безопасность была особым и особенно неудачным вариантом). Если, как утверждается в нашей статье, Европа теперь отошла от системы баланса сил, нам необходимо понять новую систему, на которой теперь основывается наша безопасность. Для этого нужны новый словарь и, соответственно, новая политика.

Проблема понимания международной системы, в отличие от европейской системы, состоит в том, что она утратила свое единство после окончания «холодной войны».

«Холодная война» объединила международную систему в глобальной конфронтации и сделала стратегически важными даже самые укромные уголки мира. Большинство вопросов внешней политики могло рассматриваться в свете одного самого важного вопроса. С окончанием «холодной войны» такое довольно искусственное единство взглядов было утрачено. Единство было утрачено и в другом отношении. Как будет показано ниже, хотя Европа развивает новую и более упорядоченную систему безопасности, остальной мир становится, если еще не стал, более хаотичным. Возможно, вполне объяснимо, почему с уходом старого глобального порядка государственные деятели с готовностью объявили о наступлении нового. Но, как теперь понятно, такие заявления были несколько преждевременными.

Важно сознавать, в каком мире мы живем. Интеллектуальные ошибки в международных отношениях обходятся слишком дорого. Иногда такие ошибки приводят к войнам. Ошибкой, по крайней мере, для Британии был Суэц: она боролась с угрозой порядку, но ни угрозы, ни порядка на самом деле не было. Ошибкой был Алжир: борьба велась за идею государства, которое больше не было жизнеспособным. Ошибкой был и Вьетнам: Соединенные Штаты полагали, что они вели «холодную войну», но на самом деле они продолжили французскую колониальную кампанию. Эти концептуальные ошибки привели к огромным потерям. Ясность мысли — это залог мира.

Задача этой статьи состоит в объяснении произошедших перемен и предложении рамок для понимания мира после окончания «холодной войны».

По ряду причин основное внимание в ней будет сосредоточено на Европе. Именно Европа доминировала — сначала активно, а затем пассивно — на международной арене в течение почти 500 лет. Кроме того, именно в Европе происходили системные изменения: сначала в ней возникла система баланса сил, а теперь в ней складывается система постбаланса, которую я называю постсовременной. Наконец, эта статья написана прежде всего для европейцев; они сталкиваются с двойкой задачей — созданием своей собственной новой модели безопасности и жизнью в мире, который продолжает действовать по старым правилам.

СТАРЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Чтобы понять настоящее, нам нужно сначала понять прошлое. В каком-то смысле прошлое все еще преследует нас. Международный порядок обычно покоится либо на гегемонии, либо на балансе. Сначала была гегемония. В древнем мире порядок означал империю: империя Александра, Римская империя, монгольская, османская и китайская империи. Древнему и средневековому миру приходилось выбирать между империей и хаосом. Тогда империализм не был чем-то грязным. Жители империи имели закон, культуру и цивилизацию. Вне империи были варвары, хаос и беспорядок.

С тех пор сохранился образ мира и порядка, связанного с единым гегемонистским центром. Долгое время он господствовал в мечтах о восстановлении христианского мира и в проектах создания мирового правительства; и он по-прежнему присутствует в призывах к созданию Соединенных Штатов Европы. Идея Организации Объединенных Наций как мирового правительства, хотя ее создатели и не помышляли об этом, все еще жива; по крайней мере, ООН часто критикуют за неспособность стать таким правительством.

Однако динамичной силой в мире оказались не империи, а малые государства. Империи плохо подходили для проведения изменений. Объединение империи, а суть империй состоит в их внутреннем многообразии, обычно требует авторитарных политических действий; нововведения, особенно в обществе и политике, ведут к нестабильности. Исторически империи были статичными.

Своим мировым лидерством Европа была обязана особому европейскому изобретению — малому государству. В Европе был найден третий путь между застоєм хаоса и застоєм империи. Многообразие малых европейских государств создавало конкуренцию. И конкуренция между европейскими государствами, иногда в форме войны, была источником прогресса: социального, политического и технологического. Но системе европейских государств пришлось столкнуться с двумя серьезными угрозами. С одной стороны, существовала опасность того, что войны выйдут из-под контроля, и система погрузится в хаос; с другой стороны, существовала опасность того, что одной-единственной державе удастся одержать победу в войнах и установить свою гегемонию над Европой.

Решением этой неизбежной проблемы системы малых государств был баланс сил. Несмотря на все недостатки этой системы, угроза гегемонистских амбиций Испании, Франции или Германии всегда приводила к созданию коалиций, призванных разрушить такие планы. Эта система также обладала определенной легитимностью; государственные деятели считали баланс весьма желательным. С годами сложилось общее представление о необходимости сохранения плюрализма европейских государств. По крайней мере, некоторые считали его условием свободы в Европе.

Но система баланса сил изначально была нестабильной. В ней всегда существовала угроза войны. Система исчерпала себя в результате действия трех факторов. Первым было объединение Германии в 1871 году. Тогда впервые возникло государство, которое было слишком большим и слишком динамичным, чтобы оставаться в пределах традиционной европейской системы. Для сдерживания германских амбиций потребовалось вмешательство двух нетрадиционных для Европы держав — Соединенных Штатов и Советского Союза. И оно окончательно и бесповоротно изменило характер системы.

Вторым фактором были технологические изменения конца XIX века, которые привели к промышленной революции. Этой системе были свойственны войны, но к началу XX века технология повысила цену войны до уровня, который больше нельзя было признать приемлемым.

Третье изменение последовало за вторым. Промышленная революция не только привела к выходу масс на арену борьбы, но и к возникновению массового общества и демократической политики. Это означало, что война и мир больше не могли оставаться делом немногочисленной и международно-ориентированной элиты. Мышление в духе баланса сил нашло свое отражение в Утрехтском мирном договоре, на Венском конгрессе или в договоре Бисмарка с Австрией после войны 1866 года. Но уже в 1871 году обозначилось влияние широких национальных настроений; аннексия Бисмарком Эльзаса-Лотарингии, несмотря на его расчеты, показала, что бисмарковская эпоха манипулирования и балансирования между государствами подошла к концу. Ко времени Версальской конференции мирные переговоры наподобие тех, что когда-то вели Талейран и Меттерних, стали невозможными. Нежизнеспособность идеи баланса сил стала очевидной уже в 1919 году, и все же во время Второй мировой войны сложилась последняя коалиция, призванная сохранить систему европейских государств.

Если система европейских государств XVIII–XIX веков (и до первой половины XX столетия) была системой баланса сил, то мировая система была системой империй. Империи были по большей части порождением европейской системы. Войны империй — например, Семилетняя война — по сути были европейскими войнами. Империи обеспечивали престиж и создавали фон для европейской политики (на Берлинском конгрессе или в Агадирском инциденте); но Европа по-прежнему оставалась основой системы. Наличие заморских империй у европейских держав было естественным явлением, но с этим также связан определенный парадокс: державы, которые использовали систему баланса сил на своем континенте, предполагающую при-

знание национальных государств и международного плюрализма, за его пределами использовали империи для подавления национализма и борьбы с плюрализмом. Этот парадокс лежал в основе распада империй во второй половине XX века.

Однако возникновение империй было закономерным явлением. Система баланса сил основывалась на идее того, что все государства по своей сути агрессивны или что, по крайней мере, некоторые из них иногда бывают агрессивными. В системе, призванной сдерживать гегемонистские амбиции, такие амбиции считались совершенно обычным явлением. И поскольку баланс сил в Европе сдерживал экспансию в ней самой, естественно, такая экспансия должна была происходить за рубежом. Это было еще одной причиной того, почему Германия вызывала беспокойство. Ко времени возникновения Германии большая часть имевшегося хаоса (и часть не-хаоса) уже была превращена в империю или была объявлена пространством, свободным от империй (Южная Америка в «доктрине Монро»). Для Германии или Японии попросту не было места.

Порядок «холодной войны»

Войны 1914–1945 годов разрушили и европейский баланс сил в традиционном смысле слова, и европейские империи. Европейские системы покоились на престиже, а он был существенно подорван во время Второй мировой войны. К тому же, в самой Европе Америка и Россия больше не нуждались в сохранении этой системы. Однако то, что возникло после 1945 года, было не столько радикально новой системой, сколько своеобразным сгустком и кульминацией старой. Империи стали сферами влияния сверхдержав. А старый многосторонний баланс сил в Европе стал двусторонним балансом страха во всем мире. Станным образом старые системы — баланса в Европе и империи за ее пределами — были соединены с тем, чтобы создать некое подобие мирового порядка баланса между империями или блоками.

«Холодная война» была периодом войн и противоречий, но и здесь существовал основополагающий порядок. Молчаливо признавалось, что США и СССР не станут воевать друг с другом; то же относилось и к их важным союзникам. За всем этим, конечно же, стояло ядерное оружие. Обратной стороной этого было признание возможности вмешательства Советского Союза в дела своих союзников. Эти неписанные правила позволяли СССР поставлять оружие Северному Вьетнаму, а Америке — вооружать афганских моджахедов; но никто не отправлял свои обычные войска в театр боевых действий с участием другой стороны. В основном, «холодная война» велась при помощи пропаганды, подкупа и подрывной деятельности. Вооруженные столкновения были связаны, прежде всего, с установлением политического или идеологического контроля над конкретной страной — Никарагуа, Анголой или, к примеру, Кореей. Многие действительные столкновения времен «холодной войны» происходили в гражданских войнах. Таким образом, система имела определенный порядок, поскольку границы менялись нечасто,

а крупные межгосударственные конфликты не были связаны собственно с «холодной войной».

И все же порядок «холодной войны» был непрочным. Несмотря на его стабильность на военном уровне, ему недоставало легитимности как системе. Дело не в том, что многие считали баланс страха неприемлемым — ведь моральные сомнения испытывали индивиды, а не правительства. Скорее, система испытывала нехватку легитимности, поскольку идеологии обеих сторон отвергали деление мира на два лагеря. (Что касается Запада, то это больше справедливо для Америки, чем для Европы). В этом смысле баланс «холодной войны» отличался от европейской системы баланса сил, которую правительства считали легитимной и которая в определенном смысле отвечала рационалистическому духу времени. Система «холодной войны» не отвечала более универсалистскому и моралистическому духу конца XX столетия. К тому же, обе стороны всегда были готовы ее разрушить.

СВОЕОБРАЗИЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»
ТАКЖЕ ПРОЯВИЛОСЬ В ТОМ ОБСТОЯ-
ТЕЛЬСТВЕ, ЧТО ВМЕСТО ПОЛУЧЕНИЯ
РЕПАРАЦИЙ МЫ НАЧАЛИ ОКАЗЫВАТЬ
ПОМОЩЬ ПОБЕЖДЕННОЙ СТОРОНЕ

Окончание «холодной войны» привело не только к перестановкам на международной арене, которые обычно происходят вслед за крупными войнами и внутренними изменениями. Поскольку «холодная война» была борьбой идей в той же степени, что и армий, такие изменения не навязывались оккупационными силами, а предлагались уже готовым к ним, хотя и несколько смущенным, правительствам многочисленными экономистами, советниками по управлению, семинарами и программами технической помощи (включая британский фонд с красноречивым названием «Ноу-хау»).

Своеобразие «холодной войны» также проявилось в том обстоятельстве, что вместо получения репараций — практика, которая существовала со времен средневековья и до XX века, — мы начали оказывать помощь побежденной стороне. В этом и состоит отличие войны идей от войны территорий.

Идеи отнюдь не безвредны. Они могут быть опасны для мира. Демократия — идея, победившая в «холодной войне», — разрушает империи. Чтобы управлять демократическим государством с голосованием путем простого большинства, необходимо иметь сильное чувство идентичности. Демократия нуждается в четком ограничении политического сообщества. Во многих случаях, этой цели служит идея нации. Распад Советского Союза и Югославии — империй времен «холодной войны» — стал следствием победы западного либерализма и демократии. Войны на этих территориях — это войны демократии. Либерализм и национализм могут сегодня идти рука об руку точно так же, как в государствах XVIII–XIX веков, возникших из той или иной формы имперского правления.

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Задача этого довольно сжатого исторического обзора состоит в том, чтобы показать, что в 1989 году завершилась не «холодная война» и даже не Вторая мировая война, поскольку соглашение о разделе Берлина и Германии поставило окончательную точку в этой войне. В Европе (и, возможно, только в Европе) наступил конец политической системы, существовавшей на протяжении трех веков, системы баланса сил и имперских амбиций. «Холодная война» соединила идеи баланса и империи и сделала мир единым целым, объединенным только борьбой за империю и скрепленным только балансом страха. Но и баланс, и империя теперь перестали быть определяющими идеями в Европе; и потому мир перестал составлять единую политическую систему.

Досовременное

Теперь мы живем в расколотом мире, но расколотом совершенно иначе, чем во времена противостояния Востока и Запада. Прежде всего, существует досовременный, догосударственный, постимперский хаос. В качестве примера здесь можно привести Сомали, Афганистан и Либерию. Государство больше не отвечает веберовскому критерию обладания легитимной монополией на использование силы. Такая ситуация могла сложиться потому, что государство в прошлом злоупотребляло этой монополией, вследствие чего она утратила свою легитимность. В других случаях, учитывая доступность сегодня обычных вооружений, оно может утратить монополию. Само по себе государство — это довольно хрупкая структура, причем как в примитивных обществах, которые могут и не испытывать большой потребности в нем, так и в сложных городских и индустриальных обществах, которые менее терпимы к беспорядку, но при этом имеют более чувствительную структуру власти. Порядок, обеспечиваемый государством, жизненно важен для выживания, но государству нельзя быть слишком сильным, поскольку оно может помешать развитию общества (вспомним коммунистические страны). Как сказал учитель фехтования своему ученику в фильме «Скармуш» (1952, реж. Д. Сидни), «рапира подобна птице. Будешь держать ее слишком слабо, и она улетит, а сожмешь ее слишком сильно — сломаешь». То же относится и к государству с гражданским обществом.

Приведенные выше примеры ни в коем случае не являются единственными случаями скатывания к досовременному государству. Число досовременных государств выросло сразу после окончания «холодной войны». Некоторые республики бывшего Советского Союза и многие африканские страны уже стали или вот-вот станут такими государствами. Такая опасность существует во всех областях мира. Особенность сегодняшней ситуации заключается в том, что в странах, наиболее подготовленных к развитию империализма, начисто отсутствуют имперские амбиции. Земля и природные ресурсы (за исключением нефти) больше не являются источником

силы для наиболее развитых в технологическом отношении стран. Правление народами, особенно потенциально враждебными народами, является серьезным бременем. Сегодня никто не хочет платить за восстановление далеких стран из разрухи. Досовременный мир на самом деле лежит в другом часовом поясе: здесь, как и в древнем мире, снова приходится выбирать между империей и хаосом. И сегодня, поскольку ни у одной из европейских стран нет своей империи, мы выбрали хаос.

В результате, впервые с XIX века мы имеем дело с *terra nullius*. Она может остаться такой, а может и не остаться. В существовании подобной зоны хаоса нет ничего нового; но прежде такие области — именно из-за царящего в них хаоса — были изолированы от остального мира. Но сегодня дело обстоит иначе, и страна, в которой отсутствует общественный порядок, вполне может иметь международный аэропорт. Там, где государство слишком слабо, чтобы быть опасным, негосударственные участники могут стать слишком сильными. И если они станут представлять слишком большую опасность для влиятельных государств, может возникнуть защитный империализм. Если негосударственные участники, особенно наркокартели, преступные или террористические синдикаты станут использовать негосударственные (то есть досовременные) базы для нападений на страны, где царит порядок, то организованным государствам, в конечном итоге, придется предпринять ответные действия. И некоторые из них уже действуют так.²

Современное

Вторая часть мира — современная. Здесь по-прежнему сохраняется классическая система государств. Государства сохраняют монополию на использование силы и могут быть готовы использовать ее друг против друга. Если в этой части системы и существует порядок, то он связан с балансом сил или присутствием гегемонистских государств, которые заинтересованы в поддержании *status quo*. Современный мир по большей части упорядочен, но в нем по-прежнему существует множество опасностей. Персидский залив, например, является той областью, где следует мыслить в терминах баланса сил. Идея баланса между Ираном и Ираком была вполне западной. К сожалению, Ирак стал намного более сильной страной после ирано-иракской войны, поэтому Соединенным Штатам пришлось отказаться от старой теории баланса сил (как и в Европе в первой половине XX века) и стать элементом нового баланса.

Важная особенность современного порядка (который я называю «современным» не потому, что он новый — на самом деле он очень стар, — а потому, что он связан с великим двигателем модернизации, национальным государством) состоит в признании государственного суверенитета и последовательном разделении внутренних и иностранных дел с запретом на внешнее

² Прекрасное общее описание досовременного государства см.: Уильям Шекспир. *Троил и Крессида*. Акт 1. Сцена III.

вмешательство во внутренние дела. Он по-прежнему остается миром, в котором окончательным гарантом безопасности является сила, мир, в котором, по крайней мере в теории, граница может быть изменена силовыми действиями. Дело не в том, что в современном порядке сила означает право, а в том, что право в нем не особенно уместно; в нем важны сила и *raison d'état*. В международных отношениях это мир тщательного расчета интересов и сил, описанный Макиавелли и Клаузевицем.

Идеи, ценности и словарь современного мира все еще доминируют в наших представлениях о международных отношениях. Классическое высказывание Пальмерстона о том, что Британия не имеет постоянных друзей или врагов и что только ее интересы вечны, по-прежнему цитируется так, словно оно содержит какую-то глубокую и общезначимую истину. Теории международных отношений по-прежнему основываются на этих посылах. Это относится не только к «реалистическим» теориям, основанным на расчете интересов и баланса сил, но и к «идеалистическим» теориям, основанным на надежде, что анархия наций может быть заменена гегемонией мирового правительства или системы коллективной безопасности.

Организация Объединенных Наций по своему изначальному замыслу принадлежит этому миру. Она представляет собой попытку установить закон и порядок в современной системе государств. С одной стороны, Хартия ООН придает особое значение государственному суверенитету и поддержке порядка при помощи силы. Право вето позволяет гарантировать то, что система ООН не сможет нанести слишком большого вреда интересам великих держав. ООН, таким образом, призвана была стабилизировать порядок государств, а не создать совершенно новый порядок. Однако с момента своего создания ООН развивалась; в вопросе коллективной безопасности Хартия ООН представляет собой попытку перевесить *status quo* при помощи международной системы, чтобы международное сообщество в целом стало самостоятельным участником системы баланса сил.

Прежде чем перейти к третьей составляющей мировой системы, стоит отметить, что современный порядок содержит некоторые серьезные проблемы. Наиболее заметен недостаток реального баланса сил во многих областях мира. В Персидском заливе мы уже видели последствия этого. Но также есть и другие сильные государства, которые при определенных обстоятельствах могут стать дестабилизирующими участниками. В качестве примера можно привести Индию, Китай и Бразилию.

Ни одно из этих государств не представляет в настоящее время непосредственной угрозы; они в основном озабочены своей внутренней безопасностью и сплоченностью. Это также одна из причин того, почему они не приемлют внешнее вмешательство, которое одновременно представляет собой вызов суверенитету и угрозу внутреннему порядку. Все эти государства при неблагоприятных обстоятельствах могут вернуться к досовременному состоянию.

Но не менее тревожная ситуация может сложиться, если все у них будет в порядке. Достижение внутреннего единства часто бывает прелюдией

к внешней экспансии. Так было и в Британии после объединения Англии и Шотландии (империя всегда была Британской), и в Германии после франко-прусской войны и в Японии после революции Мэйдзи. Возникновение сплоченного и сильного государства во многих частях света нарушало прежде сдерживавшие его региональные системы баланса сил.

Существует множество стран, которые могут стать слишком сильными или слишком агрессивными для регионального баланса. Страны, названные выше, просто являются наиболее крупными региональными участниками; но не следует излишне заикливаться на размере. Внутренняя сплоченность и современные (особенно ядерные) технологии могут компенсировать небольшой размер, о чем свидетельствует пример Англии. В досовременном мире государства (или, скорее, потенциальные государства) могут представлять опасность из-за своей несостоятельности; в современном мире потенциальную опасность представляют именно преуспевающие государства.

Вполне возможно появление нового империализма. Одна из стран может решить сделать определенную часть хаоса «временем небелого человека». Но под этим не будет лежать никаких экономических оснований: обуздание хаоса сегодня не особенно выгодно — и, возможно, оно никогда не было выгодным.

Более вероятен империализм по оборонительным мотивам, когда близлежащее государство из зоны хаоса начнет представлять определенную угрозу. Возможен также империализм по идейным соображениям. Чтобы убедить своих граждан рискнуть своей собственной жизнью в чужих хаотических странах, необходима вера в распространение некоей благой вести, осуществление цивилизаторской миссии или (в худшем случае) подтверждение естественного превосходства своей расы. Для этого нужны вера и убеждения. А затем, если вы преуспеете в этом начинании, вам придется убедить других в том, что порабощение отвечает их собственным интересам и служит высшему благу: большинство людей поработается идеями, а не силой. В этом контексте такими возможностями обладает ислам. Скорее, угрозой (или спасением) для досовременного мира будет не Европа или США, а успешное исламистское государство.

Сегодня новому империализму будет гораздо труднее добиться успеха, чем в прошлые столетия. Прежде всего, новые империалисты столкнутся с национальным сознанием, пробужденным или созданным предшествующими поколениями империалистов. Кроме того, им придется объяснить, почему предложенная ими идея лучше либеральной/капиталистической/консюмеристской демократии Запада. Таковы серьезные вызовы для страны, стремящейся создать новую империю, и они могут сделать невозможным ее сохранение.

Новый империализм любого современного государства не обязательно будет угрожать интересам Запада, поскольку он может быть установлен в зоне, от которой Запад предпочел отказаться. С большими проблемами будут сопряжены любые попытки установления региональной гегемонии. В краткосрочной перспективе она может угрожать интересам

Запада, а в конечном итоге и самому Западу. Такой была угроза в Персидском заливе; также можно представить появление угроз в Тихом океане. Будет ли Запад готов психологически, политически и материально к тому, чтобы ответить на появление этих угроз? Это подводит нас к проблеме постсовременности.

Постсовременное

Третью составляющую международной системы можно назвать постсовременной.³ Здесь также происходит разрушение системы государств современного мира, но, в отличие от досовременного, такое разрушение ведет к появлению нового порядка, а не беспорядка. Современная Европа родилась вместе с Вестфальским миром. Постсовременная Европа началась с двух договоров. Появление первого — Римского — договора было обусловлено недостатками современной системы: балансом сил, который перестал работать, и национальным государством, которое довело национализм до разрушительных крайностей. Римский договор представляет собой осознанную и успешную попытку выхода за пределы национального государства.

Вторая основа постсовременной эпохи — Договор об обычных вооруженных силах в Европе, необходимость которого была обусловлена неудачами, тратами и нелепостями «холодной войны». К этому миру, по крайней мере по своим устремлениям, принадлежат также Европейский Союз (ЕС) и Организация безопасности и сотрудничества в Европе (ОБСЕ).

Постсовременная система покоится не на балансе сил; и она не придает большого значения суверенитету или разделению внутренней и внешней политики. Европейский Союз, например, представляет собой высокоразвитую систему взаимного вмешательства во внутренние дела друг друга вплоть до пива и сосисок. Договор об обычных вооружениях тоже затрагивает области, которые ранее связывались с государственным суверенитетом. Стороны обязаны сообщать о местоположении своих тяжелых вооружений (которые в любом случае ограничены договором) и обеспечивать доступ инспекторам. В соответствии с этим договором, по взаимному согласию было уничтожено более 40.000 единиц тяжелых вооружений (танков, артиллерийских орудий, вертолетов и т. д.), что само по себе уже беспрецедентное явление. Легитимная монополия на силу, которая составляет суть государственной власти, таким образом, подчинена международным, но добровольным, ограничениям.

Важно понимать, насколько необычна эта революция. Традиционно вооруженные силы стремятся хранить в тайне информацию о своей живой силе и боевой технике от потенциальных противников. Договоры о регулировании этих вопросов абсурдны в стратегической логике. Во-первых, нельзя заключать соглашения с врагами, поскольку, если они враги, им нельзя доверять. Во-вторых, нельзя позволить противнику бывать на ваших базах и подсчитывать

3 Такая терминология используется и другими исследователями. См., напр.: Christopher Coker 'Post-modernity and the end of the Cold War,' in *Review of International Studies*, July 1992.

вооружения. Чем же вызвано такое необычное поведение? Ответ заключается в том, что за парадоксом Договора об обычных вооружениях в Европе стоит еще один, причем ровно противоположный, парадокс ядерной эпохи: чтобы защититься, ты должен быть готов уничтожить себя. Общей заинтересованности европейских стран в недопущении ядерной катастрофы оказалось достаточно для того, чтобы преодолеть обычную стратегическую логику враждебности и подозрений. Взаимная уязвимость, которая обеспечивала стабильность в ядерную эпоху, теперь распространилась и на обычные вооружения, став залогом взаимной прозрачности. (Ядерный тупик «холодной войны» уже содержал в себе элементы постсовременности. Он опирался на прозрачность. Чтобы сдерживание работало, оно должно быть зримым).

Путь к этому договору пролегал через одно из немногих реальных новшеств в дипломатии — меры по созданию доверия. Преодолев завесу недоверия и обмана, государства «холодной войны», наконец, пришли к пониманию того, что другие на самом деле могли и не помышлять о нападении на них. Раньше меры по предотвращению войны принимались на основании ошибочных расчетов, например, на основании наблюдений за маневрами. Но вслед за наблюдением за системами вооружения произошел логический переход к их ограничению. Решение «дилеммы заключенного» состоит в отказе от секретности.

Однако Договор об обычных вооружениях рухнул под грузом внутренних противоречий. Как и задумывалось изначально, договор воплощал идею баланса между двумя противостоящими друг другу блоками. Основной идеей была идея вражды: баланс был необходим для того, чтобы не допустить возможность нападения. Прозрачность нужна была для того, чтобы убедиться в том, что баланс действительно существует. Но когда достигаешь баланса и прозрачности, трудно сохранить вражду. В результате, прозрачность остается, а вражда и баланс исчезают. Это, конечно, было связано не только с действием Договора об обычных вооружениях, но и с политической революцией, которая сделала этот договор возможным. Но это значит, что современная и постсовременная системы несовместимы в своей основе: первая, основанная на балансе, и вторая, основанная на открытости, с трудом могут сосуществовать друг с другом.

Постоянные проверки, лежавшие в основе системы Договора об обычных вооружениях, стали ключевой составляющей постсовременного порядка, где государственный суверенитет больше не считается абсолютной ценностью. Но, какими бы далеко идущими ни были перспективы Договора об обычных вооружениях и Конвенции о химическом оружии, они представляют собой только первое приближение к постсовременному порядку.

Хотя согласие с постоянными проверками порывает с абсолютистской традицией государственного суверенитета, область, в которой суверенитет приносится в жертву, ограничивается внешней политикой и безопасностью. Таким образом, разрешено только вмешательство во внутренние аспекты внешней политики.

Устремления ЕС простираются намного дальше. Принципы ЕС включают стандарты внутреннего поведения — демократические процедуры, отноше-

ние к меньшинствам, свобода прессы, — которые далеки от традиционных областей внешней и оборонной политики. Разовьется ОБСЕ в систему международного контроля над внутренним поведением, коль скоро она стремится к этому, или нет — покажет время. Если да, то произойдет разрыв с традицией европейской государственной системы и все страны ЕС (или все страны, которые соблюдают соответствующие правила) войдут в постсовременный мир. Особенности этого мира являются:

- стирание различия между внутренней и внешней политикой;
- взаимное вмешательство в (традиционную) внутреннюю политику и взаимное наблюдение друг за другом;
- неприятие силы в решении спорных вопросов и последовательная кодификация правил поведения. Эти правила принимаются добровольно. Никто не заставляет государства подчиняться ограничениям Договора об обычных вооружениях. Они придерживаются этих правил, потому что они заинтересованы в сохранении коллективной системы. Точно также решения Европейского суда принимаются добровольно, даже когда они неприятны, потому что все страны ЕС заинтересованы в сохранении правления закона.
- все большая утрата значения границ: это связано с изменением роли государства, но также с ракетами, автомобилями и спутниками. Изменение границ становится менее нужным и менее важным занятием.
- безопасность, основанная на прозрачности, взаимной открытости, взаимной зависимости и взаимной уязвимости.

Здесь приведены наиболее заметные особенности постсовременности, но этот перечень ни в коем случае не является исчерпывающим. Сюда относится также Страсбургский суд по правам человека, а в экономической области — Международный валютный фонд и Организация экономического сотрудничества и развития с их системами экономического наблюдения. Сюда же можно добавить Договор о нераспространении вместе с Международным агентством по атомной энергии, гарантии и специальные инспекции, хотя недостаточная открытость со стороны самих ядерных держав означает, что они не до конца отвечают указанным требованиям.

Эта система безопасности решает обозначенные выше проблемы, вследствие чего идея баланса сил становится неуместной. Направленная на недопущение войны, она учитывает ужасы войн, связанные с современной технологией; на самом деле она зависит и от технологии, и от этих ужасов. Она также более совместима с демократическими обществами: наличие открытого общества внутри страны ведет к больше открытости международного порядка. И, наконец, поскольку безопасность больше не зависит от баланса сил, она может включать крупные и потенциально могущественные государства. Мирное воссоединение Германии само по себе является доказательством изменения системы.

Проблема постсовременного государства, хотя этот вопрос выходит за рамки данной статьи, состоит в том, что демократия и демократические институты тесно связаны с территориальным государством. Сочетание

национальной идентичности, национальной территории, национальной армии, национальной экономики и национальных демократических институтов было весьма успешным. Экономика, законотворчество и оборона все сильнее становятся связанными с международными структурами, территориальные границы становятся все менее важными, но идентичность и демократические институты остаются прежде всего национальными. Именно поэтому в обозримом будущем традиционные государства по-прежнему будут служить основной единицей международных отношений, хотя они, возможно, и перестанут действовать традиционным образом.

ПОСТСОВРЕМЕННЫЙ МИР

Каковы истоки этой перемены? Основная идея заключается в том, что «мир стал честнее». Многие сильные государства больше не хотят бороться или побеждать. Это создает возможность для возникновения и развития досовременного и постсовременного миров. Франция больше не помышляет о вторжении в Германию или Италию, хотя у нее есть ядерное оружие, и теоретически она обладает подавляющим превосходством. Она также не помышляет о вторжении в Алжир для восстановления в нем порядка. Империализм умер, по крайней мере, среди западных держав. Приобретение территорий больше не представляет интереса. Приобретение новых подданных стало бы для большинства государств кошмаром.

Вообще говоря, в этом нет ничего особенно нового. Империализм медленно умирал в течение долгого времени. Британия изобрела в XIX веке статус доминиона и — в результате серьезного давления — отпустила Ирландию в начале XX века. В 1905 году Швеция предоставила независимость Норвегии. Новизна заключается в том, что Европа стала состоять из государств, котормы больше не движет территориальный императив.

Если дело обстоит именно так, то из этого следует, что полувековой мир в Западной Европе установился не благодаря Европейскому Союзу или даже НАТО; по крайней мере, речь не идет о том, что государства, объединившие свою промышленность, не могут воевать друг с другом. Подобное предположение не является ни необходимым, ни достаточным условием для мира. В конце концов, страны-члены Европейской ассоциации свободной торговли не воевали друг с другом, хотя большинство из них не входило ни в НАТО, ни в ЕС. С другой стороны, пример Югославии свидетельствует о том, что единый рынок, единая валюта и единые вооруженные силы могут распасться, если кто-то желает войны.

Однако НАТО и ЕС сыграли важную роль в том, что страны Западной Европы больше не хотят воевать друг с другом. НАТО способствовала распространению военной открытости в невиданном ранее масштабе. Планирование развития вооруженных сил осуществляется открыто, а совместные учения и единое командование укрепляют подобную открытость. Так, в Западной Европе в течение многих лет существовал договор об обычных вооруженных силах и вооружениях в Европе; правда, большую часть

времени страны убеждали друг друга увеличить, а не сократить оборонные расходы.

Несомненно, солидарность, созданная при наличии общего врага, поначалу также играла важную роль; именно присутствие американских войск позволило Германии содержать меньше вооруженных сил, чем требовало ее стратегическое положение; и именно ядерные гарантии Соединенных Штатов позволили Германии остаться безъядерной. Но изоляция лишила бы такую политику всякого смысла: Франция или Британия по-прежнему могли подозревать Германию в наращивании вооружений или разработке ядерной программы. Большое значение имела открытость, созданная НАТО. Короче говоря, НАТО была важным средством для создания доверия среди стран Запада.

Именно поэтому столь важным было воссоединение Германии в рамках НАТО. Как ни странно, отчасти это было связано с победой НАТО в «холодной войне»: она создала систему, при которой Германия — эпицентр «холодной войны» — могла воссоединиться. Система баланса сил в Европе пала из-за Германии, и на какое-то время показалось, что решением проблемы могло стать разделение Германии. И — в соответствии с этой логикой — «холодная война» была необходима для сохранения этого разделения. Казалось, что поддержание баланса сил в Европе было невозможно без разделения Германии и, следовательно, разделения Европы. Воссоединение Германии потребовало иной системы безопасности, а именно — постбалансовой постсовременной системы, одним из ключевых элементов которой является НАТО.

Другим элементом был Европейский Союз. Его роль в обеспечении безопасности схожа с ролью НАТО, но она не связана напрямую с вооруженными силами. Страны Европы от столкновения друг с другом удерживало не Европейское объединение угля и стали (объединявшее не столько промышленность, сколько рынок — немецкие шахты так и остались немецкими, а французские сталелитейные заводы так и остались французскими), а нежелание такого столкновения. Тем не менее, существование Европейского объединения угля и стали, Общего рынка, общей внешней, оборонной и сельскохозяйственной политики и тому подобного способствовало дальнейшему сближению. Они привели к немислимой прежде открытости в Европе. И они привели к тысячам встреч министров и чиновников, на которых решались вопросы войны и мира и которые позволили им лучше узнать друг друга.

Они могут соглашаться или не соглашаться друг с другом; они могут любить или не любить друг друга, но они входят в одну организацию, работают вместе и вместе решают множество различных вопросов. Если использовать старую терминологию, произошла огромная административная интеграция. (Речь не идет о полной политической интеграции, которая потребовала бы *inter alia* создания общеевропейских политических партий, и не об экономической интеграции, которая происходит на уровне предприятий, инвесторов и рабочей силы). И вновь, в сравнении с прошлым, она обнаруживает невиданное прежде качество и стабильность политических отношений.

Для создания международного общества необходима международная социализация, и одной из важных задач, стоящих перед брюссельскими институтами, является как раз обеспечение этой социализации.

Вторая важная задача состоит в поддержании системы улаживания разногласий между странами-членами ЕС. Так как использование силы недопустимо, необходимо некое сочетание права, торга и арбитража: в большинстве случаев (но не во всех: например, территориальные споры по-прежнему находятся вне его компетенции) ЕС справляется с решением этих задач. Та же система торга и права определяет развитие международного сотрудничества. Как заметил один (разочарованный) наблюдатель, ЕС — это организация, которой лучше удастся преследовать не европейские, а национальные интересы. В постсовременном контексте это означает возможность обходиться без военных средств.

ЕС — наиболее показательный пример постсовременной системы. Он олицетворяет безопасность через прозрачность и прозрачность через взаимозависимость. ЕС более транснационален, чем наднациональная система. Те же, кто мечтает о европейском государстве (которое было бы наднациональным), находятся в меньшинстве, а если учесть простых людей, то в незначительном меньшинстве. Эта мечта досталась нам в наследство от прошлого столетия. Она покоится на представлении о том, что национальные государства по сути своей опасны и что единственный способ обуздания анархии наций состоит в установлении над ними гегемонии. Как ни странно, но после создания системы, которая идеально подходит постсовременному государству, все еще есть энтузиасты, которые хотят уничтожить ее во имя устаревшей идеи.

Государственные интересы

Высказывание о том, что ЕС представляет собой форум, где государства преследуют свои интересы, не должно быть истолковано неверно. Для современного и постсовременного государства «интересы» означают совершенно разные вещи. «Интересы», которые Пальмерстон называл вечными, были по сути интересами безопасности. Они включали такие идеи, как недопущение выхода России к Средиземному морю, недопущение господства над континентальной Европой одной-единственной державы, сохранение превосходства британского флота над флотами следующих двух держав и так далее. Даже определенные в таких терминах интересы ни в коем случае не являются вечными, хотя они могут просуществовать по крайней мере несколько десятилетий. Эти интересы определяются проблемами безопасности в мире агрессивных государств. Государство обязано защищать своих граждан от вторжений: отсюда абсолютный, хотя и не вечный, характер этих интересов; отсюда и прилагательное «жизненно важные». Такие интересы на Западе все еще существуют: жизненно важный интерес Запада состоит в том, чтобы не допустить установления господства какой-то одной державы над мировыми запасами нефти, и, возможно, в том, чтобы сделать невозмож-

ным попадание ядерного оружия в руки непостоянных, агрессивных или безответственных государств. Или, например, при появлении серьезной военной угрозы Японии весь Запад будет заинтересован в ее защите.

Таковы проблемы, возникающие в отношениях между современным и постсовременным миром. В постсовременном мире отсутствуют угрозы безопасности в традиционном смысле слова; то есть его члены не помышляют о вторжении в соседние государства. «Интересы», обсуждаемые Европейским Союзом, — это, по сути, вопросы политических предпочтений и разделения бремени. Нет никаких оснований для того, чтобы на переговорах Всемирной торговой организации Франция пожертвовала интересами своих компаний, занимающихся производством программного обеспечения, в пользу своих фермеров; «интересы» Франции определяются политическим процессом. Такие интересы могут меняться со сменой правительств. В Великобритании правительство Тэтчер выказало куда большую решимость в проведении политики открытия рынков, чем правительства всех ее предшественников. «Интерес» в свободных рынках появился в 1979 году — и, конечно, он

не был вечным. Жизненно важные национальные интересы, защищаемые Люксембургским компромиссом, конечно, не являются ни жизненно важными, ни национальными; они даже не являются «интересами» в пальмерстоновском смысле слова, но ни об одном из них нельзя сказать, что он незначителен.

Если вторая часть высказывания Пальмерстона о том, что интересы не являются вечными, больше неприменима в постсовременном мире, то не менее чуждой является и первая половина — о том, что ни одна страна не имеет постоянных друзей. Хотя дружба — понятие, едва ли применимое к отношениям между государствами, институты вроде ЕС и НАТО образуют нечто подобное брачным узам. В мире, где ничто не является абсолютным, постоянным или необратимым, эти отношения существуют дольше интересов любого государства. Возможно, они даже окажутся по-настоящему постоянными.

Нам всегда следует опасаться применения словаря современного мира к постсовременному миру. Германия (иногда) может иметь доминирующее влияние в ЕС, а США могут определять направление политики НАТО, но подобное доминирование, достигнутое путем убеждения или приобретенное каким-то иным способом, существенно отличается от доминирования посредством военного вторжения. (Эти две страны, конечно же, упомянуты не случайно, но в обоих случаях важен не размер страны, а то, что они вкладывают больше всего финансовых средств в эти институты).

ДОМИНИРОВАНИЕ, ДОСТИГНУТОЕ
ПУТЕМ УБЕЖДЕНИЯ ИЛИ ПРИОБРЕ-
ТЕННОЕ КАКИМ-ТО ИНЫМ СПОСО-
БОМ, СУЩЕСТВЕННО ОТЛИЧАЕТСЯ
ОТ ДОМИНИРОВАНИЯ ПОСРЕДСТ-
ВОМ ВОЕННОГО ВТОРЖЕНИЯ

Кто принадлежит к постсовременному миру?

Очевидно, что существует новый европейский порядок, основанный на открытости и взаимовлиянии. И в него входят страны ЕС. Каким бы ни было будущее Европейского Союза, государство в Западной Европе никогда уже не будет прежним.

Хотя эти постсовременные черты наблюдаются у стран-членов ЕС, они не обязательно должны использоваться в отношениях между ними и другими государствами: если Аргентина хочет действовать по правилам Клаузевица, а не Канта, то Британии, наверное, придется отвечать на том же уровне. Точно так же во времена «холодной войны» все европейские государства должны были следовать старой логике по отношению к Варшавскому договору, хотя в отношениях между собой все чаще использовалась постсовременная логика.

Какие страны за пределами Европы могут быть отнесены к постсовременному миру? Определенно — Канада; возможно, в какой-то степени США. США — более сложный случай, поскольку неясно, что именно кажется привлекательным правительству и конгрессу США — необходимость и желательность взаимозависимости или ее значение для открытости, взаимного наблюдения и взаимного влияния в той же степени, что и у большинства нынешних европейских правительств. Неприятие ими, например, инспекций, предполагаемых Конвенцией о химическом оружии, и колебания относительно некоторых идей ЕС, не говоря уже о явных имперских амбициях, свидетельствуют об осторожном отношении Соединенных Штатов к постсовременным идеям. В каком-то смысле это можно понять, ведь забота о защите остального цивилизованного мира, в конечном итоге, лежит именно на их плечах.

Кроме того, как наиболее сильная страна в мире, США не имеют никаких оснований опасаться любой другой страны и еще меньше оснований соглашаться с идеей безопасности, основанной на взаимной уязвимости, за исключением, конечно, ядерной области. Здесь США неизбежно уязвимы. Поэтому постсовременная дипломатия во многом все еще покоится на бескомпромиссном признании суверенитета: Договор о сокращении стратегических вооружений и все остальные ядерные договоры с Россией — и не в последнюю очередь Договор по ПРО, который обеспечивает сохранение взаимной уязвимости. (Однако высказываемые время от времени сожаления по поводу Стратегической оборонной инициативы свидетельствуют о том, что США не всегда отвечают критериям постсовременности даже в ядерной области).

Важную проблему представляет Россия. Какое она государство — досовременное, современное или постсовременное? Она олицетворяет все три возможности. Переход к досовременности, возможно, наименее вероятен: урбанистический и индустриальный ландшафт России обнаруживает низкую терпимость к отсутствию порядка. Опасность заключается в том, что государство, скорее, станет слишком сильным, чем исчезнет вовсе. Но в России есть и постсовременные элементы: по крайней мере, она пытается быть

открытой. Отношение России к своим постсовременным договорным обязательствам сыграет в будущем решающую роль: оно определит поведение остальной Европы в вопросах безопасности с Россией.

Из неевропейских стран Япония тяготеет к тому, чтобы стать постсовременным государством. Она не заинтересована ни в приобретении территории, ни в использовании силы. Она вполне может согласиться с постоянными инспекционными проверками. Она выступает за многостороннее сотрудничество. Если бы она не была расположена так далеко от Европы, она наверняка вошла бы в ЕС. К сожалению, Япония — это единственная постсовременная страна, окруженная государствами, прочно связанными с предшествующей эпохой: постсовременность в одной отдельно взятой стране возможна только до определенной степени. Если Китай будет и дальше развиваться в современном направлении, то, возможно, Япония в целях самозащиты вынуждена будет вернуться к современности.

Что еще? То, что в Европе стало реальностью, во многих других частях света остается труднодостижимой целью. Существование Ассоциации государств юго-восточной Азии (АСЕАН), Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА), Общего рынка стран южного конуса (МЕРКОСУР) и даже Организации Африканского Единства (ОАЕ) свидетельствует по крайней мере о стремлении к созданию постсовременной среды. Это стремление вряд ли будет быстро осуществлено. Идентичность большинства развивающихся стран слишком слаба, чтобы позволить слишком большое вмешательство во внутренние дела. И все же копировать уже существующее проще, чем изобретать что-то новое, и, возможно, вслед за быстрой индустриализацией, которая уже идет во многих частях света, может произойти быстрое распространение постсовременности. Несмотря на ослабление ее военной мощи, сила Европы как образца для подражания по-прежнему велика. Возможно, это и есть постсовременный эквивалент империализма.

ПОСТСОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО

В основе постсовременного международного порядка лежит постсовременное государство — более плюралистическое, более сложное, менее централизованное, чем современное бюрократическое государство, но вовсе не хаотическое, в отличие от досовременного. Поскольку государство перестает доминировать, государственные интересы перестают играть определяющую роль во внешней политике: средства массовой информации, людские эмоции, интересы отдельных групп или регионов, включая транснациональные группы, — все они вступают в игру. Деконструкция современного государства еще не завершилась, но она идет очень быстрыми темпами и принимает различные формы: Европейский Союз, движение во многих странах к большей региональной автономии и более или менее широкий переход к приватизации — все это составляющие указанного процесса.

Странным образом обнаруживается соответствие между тремя этапами развития государства и тремя типами экономики — сельскохозяйственной в досовременном, промышленного массового производства в современном и постиндустриальных услуг и информационной экономики в постсовременном государстве.

Постсовременное государство придает особое значение индивиду. Этим обусловлено отсутствие у него всякой воинственности. Война — это по своей сути коллективная деятельность: в XX веке велась борьба между либерализмом — доктриной индивидуализма — и различными формами коллективизма (классового, национального, расового, общинного, государственного). И, несмотря на все различия между ними, фашизм и коммунизм были системами, созданными для войны. Фашизм не скрывал этого: его этос и риторика — униформа, парады, прославление войны; государство не только обладало монополией на насилие, насилие было его *raison d'être*.

Оглядываясь в прошлое, коммунизм тоже кажется попыткой управлять государством, как если бы оно было армией, а страна непрерывно участвовала в войне. Недаром появился термин «командная экономика».

И коммунизм, и фашизм пытались предотвратить распад общества, вызванный идеями просвещения и технологиями промышленной революции. Обе идеологии пытались защитить индивида от одиночества и неопределенности жизни в модернизирующемся обществе. Обе они пытались использовать государство в качестве замены чувства общности, утрачиваемого в результате прихода на смену деревням промышленных городов (и обе они опирались *inter alia* на всепроникающий контроль и конформизм деревни: «Верхняя Вольта с ракетами» была в точности тем, к чему они стремились: деревенская жизнь плюс государственная власть). И они были наивысшим воплощением сути современного государства — *raison d'état*, превращенный в принцип внутренней и внешней политики.

Постсовременное государство представляет собой полную противоположность. Индивид одержал в нем победу, а внешняя политика стала продолжением внутренних забот за пределами национальных границ, а не наоборот. Индивидуальное потребление заменило коллективную славу в качестве основной идеи национальной жизни. Войн следует избегать; империя перестала представлять какой-либо интерес.

Постсовременный порядок нуждается в постсовременных государствах и наоборот. Для создания прочной постсовременной системы безопасности в Европе важно, чтобы все наиболее сильные участники отвечали этому постсовременному образцу. «Холодная война» могла завершиться только благодаря внутреннему преобразованию Советского Союза. Оно не было полным или надежным, но, с исторической точки зрения, оно было просто стремительным. К тому же, произошло необратимое преобразование внешней политики.

Россия отказалась от своей империи, присоединившись к остальной Европе в качестве постимперского государства. Осталось разобраться с последними деталями этого перехода, но для этого неизбежно потребуется время.

Тем не менее, существует по крайней мере возможность того, что Россия, в конечном итоге, откажется от империалистических амбиций и завоеваний. Это очень важно для стран Западной Европы. Ни одна страна не может чувствовать себя в безопасности, если ее соседи оккупированы врагом или завистят от режима навязанного извне. В этом смысле безопасность неделима.

Пока Советский Союз пытался поддерживать территориальный контроль над Польшей и другими восточноевропейскими странами, возможность того, что его амбиции продлятся и на Запад, нельзя было исключать. И такие амбиции не были связаны со стремлением к славе или власти; логика защиты территории заключается в том, что вам всегда необходимо еще больше территорий для того, чтобы защитить уже приобретенные («У меня нет другого способа защитить свои границы, кроме как отодвинуть их», — говорила Екатерина Великая). Как только Советский Союз лишился империи, Запад лишился врага.

Для Западной Европы по-настоящему постсовременная эпоха началась в 1989 году. До этого времени западноевропейские государства вели себя постсовременным образом только в своем кругу, а внешняя и оборонная политика в эпоху, наступившую после окончания Второй мировой войны, определялась «холодной войной». Это вынуждало всех нас отталкиваться в своих размышлениях от категорий вооруженной защиты, скрытности и равновесия. Смыслом западной политики того времени, в конечном итоге, было современное государство. Теперь оно ушло в прошлое. У нас есть постсовременные государства, живущие на постсовременном континенте. Что нам теперь следует делать?

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Сначала нужно остановиться и задуматься. Нам необходимо признать, что никакого нового мирового порядка, если воспользоваться словосочетанием, которое было модным в 1990-х годах, не существует, как не существует и нового мирового беспорядка, если воспользоваться словосочетанием, которое стало еще более модным сегодня. Вместо этого есть зона безопасности в Европе, а за ее пределами — зона опасности и зона хаоса.

Миру, состоящему из трех частей, нужны три политики безопасности и три мировоззрения. Достичь этого непросто.

Прежде, чем мы сможем размышлять о требованиях безопасности для сегодняшнего и завтрашнего дня, нам необходимо забыть о вчерашних правилах. XX век был веком крайних средств и решительных действий. Война против Гитлера и борьба против коммунизма должна была завершиться победой. Единственно возможной политикой была абсолютная победа и безоговорочное признание поражения.

В более сложном и неоднозначном послевоенном мире отсутствовали такие тотальные угрозы и необходимость в тотальной войне с ними. Нам нужно забыть об этом, потому что единственная цель военных состоит в полной победе. Ни в одном из трех миров, в которых мы живем, это не так.

Безопасность и досовременная зона

Возможно, никакого нового мирового порядка не существует, но есть новый европейский порядок безопасности. Наша задача состоит в том, чтобы сохранить и расширить его. Вообще говоря, именно этим и занимаются европейские страны. Задача состоит в развитии открытых демократических институтов, открытых рыночных экономик и открытой многосторонней или международной дипломатии у как можно большего числа наших соседей. У себя же нужно развивать и улучшать соответствующие традиции в надежде, что ключевые международные институты — ЕС и НАТО — в конечном итоге приобретут некую устойчивость и прочность, которой обладают наши национальные институты. По сути, это означает приобретение большей лояльности и легитимности.

Ключевой вопрос европейской безопасности в узком смысле связан тем,

как будут идти дела в России. Нашей основной задачей должно быть вовлечение России в постсовременную европейскую систему. Это означает не просто экспорт демократии и рынков, но и включение России в нашу систему многосторонней дипломатии. Этого нельзя достичь сразу; при этом нельзя исключать ни одной возможности. Если русские решат вернуться к старой системе безопасности, сделав ставку на военную силу, то, как это ни прискорбно звучит, это их дело. Нам же необходимо сделать, что в наших силах, чтобы альтернативное развитие безо-

---

СОВЕТ ПОСТСОВРЕМЕННЫМ
ГОСУДАРСТВАМ: НИКОГДА
НЕ ЗАБЫВАЙТЕ, ЧТО ИМЕННО
СОТРУДНИЧЕСТВО, А НЕ СОПЕР-
НИЧЕСТВО, ПОЗВОЛЯЕТ ДОБИТЬ-
СЯ БОЛЬШЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

пасности и сотрудничества, то есть постсовременная безопасность, стало для них возможным и привлекательным.

Совет постсовременным государствам: никогда не забывайте, что именно сотрудничество, а не соперничество, позволяет добиться большей безопасности.

Безопасность и современный мир

В отношениях с современным миром, миром честолюбивых государств, нужен иной подход. Если, в конечном итоге, эти государства решат присоединиться к постсовременной системе открытой демократии, это будет замечательно, но для этого потребуются время и в этом промежутке, разделяющем «сейчас» и «потом», может таиться множество опасностей. Война в Заливе в 1990–1991 годах служит иллюстрацией как самих опасностей, так и того, что с ними нужно делать. Одно амбициозное государство нападает на другое, угрожая жизненно важным интересам Запада. В случае

войны в Заливе интересы были двоякими: во-первых, речь шла о сохранении нескольких государств в области, содержащей жизненно важные запасы нефти (с точки зрения глобальной энергетики, эта политика схожа с традиционной британской идеей необходимости наличия нескольких сил на европейском континенте). Второй интерес состоял в обеспечении того, чтобы опасное и амбициозное государство не получило в свои руки оружие, которое, в конечном итоге, могло представлять угрозу для самого Запада. Безраздельное геополитическое господство в Персидском заливе позволило бы Саддаму профинансировать любую программу вооружения.

Ответ Запада был именно таким, каким он и должен был быть: создание сильной коалиции, ответные действия по отношению к агрессору и разрешение вопроса с программами вооружений. Эти ограниченные цели требовали ограниченных средств. Для этого не нужно было оккупировать Ирак или свергнуть Саддама (при всей несомненной привлекательности этой идеи). Образцом для этой войны были войны XVIII и XIX веков, а не войны XX столетия. Война в Заливе была войной интересов, а не столкновением идеологий.

Отметим, что причиной этой войны было нарушение Ираком норм международного поведения. К сожалению, реальность такова, что при вторжении в страну, которая лежит вне области жизненно важных интересов сильных стран, вы, скорее всего, останетесь безнаказанным. Вероятно, вас осудят, и ваши территориальные приобретения не будут признаны (если они вам, конечно, нужны); вы потеряете доверие и репутацию; на время к вам могут применить экономические санкции. Но более сильные не станут на вас нападать. Если, например, Индия вторгнется в Непал или Аргентина в Парагвай, то вряд ли коалиция, участвовавшая в войне в Заливе, объединится для того, чтобы поставить все на свои места.

Первоначальный восторг в связи с идеей установления нового мирового порядка после войны в Заливе основывался на надежде, что Организация Объединенных Наций будет действовать именно так, как и замышлялось изначально, что она станет мировым органом, охраняющим международное право, то есть организацией коллективной безопасности. В каком-то смысле такие надежды не были совсем уж беспочвенными. Окончание «холодной войны» вернуло нас к 1945 году. В то время как институты, возникшие в результате или на фоне «холодной войны», наподобие НАТО или ЕС, стали нуждаться в радикальном переустройстве, ООН была институтом, созданным до начала «холодной войны», и, следовательно, могла стать работающим институтом и после ее окончания. До какого-то времени казалось, что все обстоит именно так. ООН сегодня проявляет куда большую активность, чем во времена «холодной войны» (с 1946 по 1990 год было принято 683 резолюции Совета Безопасности; с 1991 года принято более 400 резолюций; численность миротворческих сил ООН в настоящее время составляет около 500 тысяч человек).

Однако ООН занимается главным образом гуманитарной работой по поддержанию мира, а не обеспечением коллективной безопасности. А новый

мировой порядок, который некогда казался привлекательной идеей, был порядком коллективной безопасности.

Порядок коллективной безопасности — это порядок, при котором международное сообщество заставляет непокорные государства соблюдать международное право. Это, конечно, был бы совершенно новый порядок в том смысле, что мы никогда не видели ничего подобного в истории международных отношений. И, к сожалению, вряд ли увидим.

Многие недовольны тем, что ООН не заставляет страны соблюдать нормы международного права. Но мало кто захочет этим заниматься, причем по вполне понятной причине: война — дело серьезное. Опасно вступать в войну из-за принципов; в этом случае рискуешь оказаться в положении американцев во Вьетнаме: «иногда для спасения людей приходится их убивать». В конце концов, в войнах с другими народами на территории других стран очень трудно устоять перед давлением общественного мнения в своей собственной стране, так что война может закончиться ничем. Она по-прежнему остается — и должна оставаться — последним средством: мир будет более безопасным и более мирным местом, если страны будут вести войны только для защиты своих жизненно важных интересов.

Некоторые по ошибке посчитали войну в Заливе войной во имя принципов или акцией с целью обеспечения коллективной безопасности — и политическая риторика действительно способствовала созданию такого впечатления. На самом деле она была защитой коллективных интересов Запада. Война в Заливе велась за сохранение старого порядка, а не за создание нового.

Хотя в каком-то смысле в порядке коллективной безопасности не было ничего нового. Коллективная безопасность — это сочетание двух старых идей: стабильности через баланс и стабильности через гегемонию. *Status quo* поддерживается мировым органом, который подавляющей силой (гегемонистский элемент) и оказывает поддержку государству — жертве агрессии, обеспечивая тем самым баланс сил, — мировое сообщество выступает в качестве такого уравнивающего участника.

Это старый мир государственного суверенитета, в который другие вмешиваться не в праве, это мир коалиций и безопасности, обеспечиваемой при помощи военной силы. ООН, как организация коллективной безопасности, должна защищать в нем *status quo*, а не создавать новый порядок. А новый европейский порядок, описанный мною, основывается на совершенно иных идеях.

Поэтому постсовременное государство сталкивается с серьезными трудностями. Нам нужно свыкнуться с идеей двойных стандартов. У себя мы действуем на основе законов и открытого сотрудничества в области безопасности. Но, сталкиваясь со старыми государствами, нам приходится возвращаться к более грубым методам более ранней эпохи — силе, превентивным нападениям, обману, — неизбежным в отношениях с государствами XIX века, которые выступают сами за себя.

Совет постсовременным государствам: тем, кто имеет дружественных и законопослушных соседей, не следует забывать, что в других частях света

правит закон джунглей. У себя мы соблюдаем закон, но, действуя в джунглях, мы также должны пользоваться законами джунглей. В грядущую эпоху мира у Европы возникнет соблазн отказаться от сил обороны — и физических, и психологических. Это одна из основных опасностей для постсовременного государства.

Безопасность и досовременный мир

Как насчет досовременного хаоса? Что делать с ним? На основании рационального расчета интересов ответом должно быть прекращение с ним всяких дел. Хаос не представляет угрозы, по крайней мере той, которая требует обычного военного ответа. Может, и следует отгораживаться от его побочных продуктов — наркотиков, болезней, беженцев, — но они не представляют угрозы для жизненно важных интересов, требующей вооруженного вмешательства Запада. Действия в зоне хаоса сопряжены с риском; если вмешательство будет слишком долгим, оно может вызвать недовольство в обществе; если вдобавок к этому оно окажется еще и неудачным, то это может принести серьезный вред правительству, которое к нему прибегает.

Кроме того, какую форму должно принять вмешательство? Наиболее логичным способом отношения к хаосу является колонизация или гегемония. Но это неприемлемо для постсовременных государств: но если целью является не колонизация, то что? Об этих целях нельзя сказать ничего определенного.

Высока опасность «миссионерства». Взаимодействие с досовременным миром предполагает взятие на себя серьезных рисков. И простой здравый смысл, и реалистические доктрины международных отношений выступают против вмешательства в досовременный мир.

И все же такие «реалистические» доктрины при всей своей интеллектуальной последовательности не являются реалистическими. В постсовременной среде после окончания «холодной войны» внешняя политика будет определяться внутренней политикой; и на нее будут оказывать влияние средства массовой информации и моральные настроения. Мы больше не живем в мире чистых национальных интересов. Права человека и гуманитарные проблемы неизбежно играют важную роль в нашей разработке политики.

Новый мировой порядок может и не быть реальностью, но он остается важной идеей для тех, кто живет при новом европейском порядке. Желание защищать индивидов, а не решать проблемы безопасности государств, является важной составляющей постсовременного этоса. В мире, где многие государства страдают от распада, существуют большие возможности для гуманитарного вмешательства. Ирак, Афганистан, Сомали, Югославия и Руанда — это только начало тенденции. Операции в этих областях занимают промежуточное положение между расчетом интересов, который говорит об их ненужности, и моралью, которая говорит, что нужно что-то делать. Так или иначе, все эти операции были направлены на оказание помо-

щи гражданским лицам и защите их от военных, правительств или хаоса. Результаты этих операций не всегда впечатляют, и в каком-то смысле они не вызывают особого интереса. Это объясняется тем, что они осуществляются в странном мире, который интересы требуют оставить, а совесть требует сохранить, — в мире между Гоббсом и Кантом. Такие вмешательства не решают проблем, но успокаивают совесть.

Таким образом, нам нужно смириться с тем, что иногда интересы и здравый смысл будут требовать от нас невмешательства. И здесь можно сформулировать несколько правил. Прежде всего, нужно соизмерять цели с имеющимися средствами. Войны идеологий призывали к тотальной победе; войны интересов призывают к победе; в постсовременном мире победа не имеет значения.

В досовременном мире победа означает империю. Постсовременная держава, которая должна сохранить жизни граждан, несовместима с созданием империи. Следовательно, цели должны определяться еще более тщательно, чем в войнах интересов. Цели должны быть относительными, а не абсолютными: большее количество сохраненных жизней, более низкий уровень насилия среди местного населения; и они должны быть сбалансированы низкими потерями для вмешивающихся. В то же самое время нам нужно быть готовыми согласиться — и этого следует ожидать — с серьезными провалами. И нам нужно быть готовыми к сокращению потерь и уходу. Операция в Сомали не имела никакого успеха. И все же глупо было бы не попытаться (хотя, возможно, такая попытка могла быть организована и лучше). При вмешательстве в досовременном мире все еще действует доктрина Клаузевица: война — это продолжение политики другими средствами. Военное вмешательство всегда должно сопровождаться политическими усилиями. Если они терпят провал или если военные действия начинают обходиться слишком дорого, то нет никакой иной альтернативы, кроме ухода.

Совет постсовременным государствам: осознайте, что вмешательство в досовременном мире станет суровой действительностью. Чтобы сделать его менее опасным и более действенным в долгосрочной перспективе, нужно выполнить четыре требования: нужно иметь четкие и ограниченные цели; такие же ограниченные средства; военная операция должна сопровождаться соответствующим политическим процессом; и необходимо уметь отказываться от задуманного, если целей невозможно достичь в заданные сроки.

Хочется подчеркнуть один момент. Несмотря на широкое признание того, что нового мирового порядка не существует, немногие сознают, что существует новый европейский порядок, не имеющий исторических прецедентов и основанный на совершенно новых идеях. На самом деле порядок должен в значительной степени предшествовать этим идеям. Не так давно Генри Киссинджер, проницательный комментатор, который понимает многое лучше, чем кто бы то ни было, но неспособный понять эту простую мысль, сказал: «В мире с игроками, которые имеют более или менее равные силы, есть только два пути к стабильности. Либо гегемония, либо баланс». Выбор между ними делался в прошлом, но сегодня он больше не работает. Баланс

слишком опасен; гегемония неприемлема в либеральном мире, который ценит права человека и самоопределение.

Но есть и третья возможность. На деле существовало три альтернативы: сначала был выбор между хаосом и империей: либо нестабильность, либо гегемония. Затем был выбор между империей и национализмом: либо гегемония, либо баланс. Наконец, сегодня мы выбираем между национализмом и интеграцией: либо баланс, либо открытость. Империя уладила хаос; национализм разрушил империи, и теперь, мы надеемся, он уступит место интернационализму. В конце процесса — свобода индивида, который сначала защищался государством, а затем защищался уже от него.

Мир, который у нас есть, зависит от государств, которые его составляют (см.: Таблица 1): для досовременного мира успех — это империя, а провал — беспорядок; в современном мире успех — это баланс, а провал означает откат к войне или империи. Для постсовременного государства успех означает открытость и межнациональное сотрудничество. Открытая государственная система — главный результат развития открытого общества. И здесь кроется возможность провала.

Такая классификация не окончательна — будущее полно неожиданностей (как, впрочем, и прошлое). И она не является отражением некоего неизбежного гегельянского прогресса. Прогресс в ней действительно присутствует, но в нем нет ничего неизбежного. В частности, нет ничего неизбежного в сохранении постсовременного государства во враждебной среде.

Постсовременный порядок сталкивается с тремя опасностями. Первая опасность исходит от досовременного мира. Здесь есть риск быть втянутым в противоборство по моральным соображениям, а затем оказаться неготовым победить или отступить. В конечном счете, такое развитие событий может подорвать как моральный дух, так и боеготовность стран постсовременного мира.

Кроме того, *coup de grâce* может быть нанесен и современным миром. Государства, опирающиеся на *raison d'état* и силовую политику, оказываются неудобными соседями для постсовременной демократической совести. Предположим, что мир пойдет по пути (как полагает Киссинджер) межконтинентальной борьбы. Будет ли Европа к ней готова? Это вторая опасность — опасность со стороны современного мира.

Третья опасность исходит изнутри. Постсовременная экономика может привести к тому, что все станут жить только для себя и никто — для общества: падение показателей рождаемости на Западе свидетельствует о существовании этой тенденции. Также существует опасность того, что деконструкция государства приведет к деконструкции общества. С политической точки зрения, чрезмерная прозрачность и рассеяние власти могут привести к такому государству и международному порядку, при котором ничего нельзя будет сделать просто потому, что не будет никакого центра власти или ответственности.

Возможно, в Западной Европе эпоха сильных государств 1648–1989 годов уже завершилась, и теперь мы переходим к системе пересекающихся ролей

и обязанностей с правительствами, международными институтами и частным сектором, которые не поддаются контролю. Сможет ли такая система работать? Будем надеяться. По крайней мере, нужно попытаться сделать так, чтобы она работала.

Перевод с английского Артема Смирнова

Таблица 1

	Государство	Экономика	Интеллектуальная основа (Zeitgeist)	Международные отношения
Досовременный мир	Там, где государство функционирует, оно является авторитарным и слабым. Контроль часто приходит в упадок. Государственная деятельность связана преимущественно с войной. Феодалные системы и военные империи.	Аграрная	Религии, схоластика, религиозное искусство и музыка.	Хаотические, имперские или связанные с религиозным порядком. Основная цель — приобретение территории.
Раннесовременный мир	Более организовано и централизовано. Военные и дипломатические функции остаются важными для государства, но некоторые функции теперь связаны с торговлей.	Аграрная/торговая	Рационализм. Юм, Вольтер, Кант, Макиавелли, Расин, Ньютон, Лейбниц, Бах, Моцарт.	Межгосударственные отношения доминируют. Разделение внутренней и внешней политики. Торговля становится casus belli.
Позднесовременный мир	Централизованное и бюрократическое; может быть идеологическим, причем авторитарным или демократическим. Берет на себя ответственность за образование, здравоохранение, благосостояние, промышленность, а также военные задачи.	Торговая/индустриальная; массовое производство	Дарвинизм, идеи прогресса (Гегель, Маркс, Трейчке), Клаузевиц, Толстой, Томас Манн, Золя, Киплинг, Брамс, Малер.	Националистические, эпоха массовых армий и тотальной войны.
Постсовременный мир	Власть в государственном и на международном уровне рассеивается; находится под влиянием СМИ и народных настроений. Индустриальные функции могут сокращаться. Давление различных сторон осложняет процесс принятия решений.	Индустриальная/постиндустриальная. Услуги и информация начинают доминировать.	Многообразие и неопределенность. Экзистенциализм. Витгенштейн, Камю, Джойс, Эйнштейн, Гейзенберг, Уорхол.	Прозрачность и взаимная уязвимость; негосударственные участники, включая СМИ, играют важную роль. Политический горизонт сужается.

Герфрид МЮНКЛЕР

ИМПЕРИИ

ЛОГИКА МИРОВОГО ГОСПОДСТВА — ОТ ДРЕВНЕГО РИМА ДО СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ¹

ЧТО ТАКОЕ ИМПЕРИЯ?

Споры о последней войне в Ираке, о возможных закулисных планах и скрытых целях этого нового военного вмешательства США в нефтяной регион Персидского залива, вообще о роли США в Заливе и Центральной Азии, к тому же, серьезные размолвки в трансатлантических отношениях, — все это обострило в Европе вопрос о возникновении некоего нового мирового порядка после окончания конфликта между Востоком и Западом. Известные отказы США признать международные договоренности, — от Киотского протокола, до международного трибунала в Гааге, — означает новое позиционирование Америки в политической структуре мира. К тому же отношения между США и ООН, которые в последние десятилетия не были безоблачными, усугубились с памятным выступлением Дж. Буша на Генеральной Ассамблее ООН 12 сентября 2002 г., где американский президент заявил, что США будут решать некоторые насущные проблемы политической безопасности самостоятельно, даже если международная организация откажет в поддержке.

То, что это не было пустой угрозой, проявилось весной 2003 г. вместе с третьей войной в Персидском заливе. Возможны две интерпретации нового отношения США к Совету Безопасности: либо США пытаются превратить его в орган легитимного оправдания своей политики, либо хотят освободиться от использования себя в качестве военной руки всемирной организации: военная мощь США столь велика, что они, преследуя свои интересы и цели, больше не хотят оставлять ее на службе у мирового сообщества. На стадии подготовки войны в Ираке также шли споры о том, кто кого мог бы использовать как инструмент: США ООН или наоборот².

1 Herfried Münkler. Imperien. *Die Logik der Weltherrschaft – vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten*. Berlin: Verlag HmbH, 2005. S. 11–34.

2 К предыстории третьей войны в Персидском заливе ср. Aust (Hg). *Irak*, особенно S. 39 ff.;

Архитектура европейской безопасности, на которую до недавнего времени так полагались в Германии, также оказалась весьма хрупкой. В 90-е годы произошло незаметное, но далеко идущее превращение НАТО из союза на консультативной основе в инструмент США по контролю над Европой. А там, где этот инструмент для американской политики оказывался громоздким, на его место незамедлительно становилась «добровольная коалиция». По сравнению с временами холодной войны фактическая зависимость европейцев от США скорее возросла чем ослабла: теперь, кто не участвует в осуществлении американских замыслов, должен считаться с возможностью политического и экономического давления, или принять удар язвительной критики. А кто захочет принять сторону американцев, может это сделать в любое время, — правда, на американских условиях и не оказывая влияния на основные политические решения, как это случилось с самой Великобританией, основным союзником США, — о чем еще пойдет речь. И возникшие отсюда проблемы, в которых США запутались в Ираке, в принципе ничего не меняют. Эра всесторонних взаимных консультативных обязательств в Североатлантическом союзе прошла, и расширение НАТО на Восток оказывается шагом, который явно ослабляет влияние бывших союзников времен конфронтации Запада и Востока.³

В этой ситуации усиливаются призывы к США не стремиться к имперской власти и ограничиться ролью доброго гегемона, которую они играли до сих пор. Чтобы усилить значимость такого предупреждения, ссылаются на неконтролируемые риски, связанные с имперским статусом, на опасность расширения имперских границ, наконец, на неизбежное крушение всех прежних империй. «Если раньше, — пишет Михаэль Манн, преподающий в США британец, — Америка была гегемоном власти, что, как правило, признавалось другими странами и часто принималось как легитимная данность, то сегодня это вызывает большую настороженность. А это подрывает гегемонию и претензию быть “доброй империей”»⁴. Тот, кто пытается заменить гегемонистскую позицию на имперскую, рискует потерпеть неудачу не только с этим проектом, но и потерять гегемонию. Гегемонизм и империя переплетались в различных вариантах, но почти всегда считалось лучшим сохранить лидерство, чем стремиться к имперскому господству.

В спорах, которые начались вокруг интересов и намерений США в районе Персидского залива, сразу же использовались различные исторические аргументы, сравнения и аналогии. Здесь и история *Римской империи* может стать подходящим фоном для обсуждения шансов и рисков американской политики; а структура *Британской империи* послужить моделью, с которой полезно было бы соизмерить имперские вызовы и необходимые способно-

Tlinger, *Der inszenierte Krieg*, S. 17 ff.; Kubbig, *Brandherd Irak*, особенно S. 9–20; Wolfgang Sofski, *Operation Freiheit*, S. 66–74, а также Münkler, *Die neue Golfkrieg*, S. 19–28.

3 К истории расширения НАТО на Восток и планах участников ср. Asmus, *Opening NATO's Door*.

4 Mann, *Die ohnmächtige Supermacht*, S. 314; Czempel, *Pax Americana oder Imperium Americanum?* Название отсылает к статье: Kagan, *The Benevolent империя*.

сти отвечать на них. И, наконец, прошедшее десятилетие развала Советского Союза приводится как поучительный для США пример того, к каким последствиям может вести имперская экспансия.⁵

Однако эти исторические ссылки и примеры носят больше ассоциативный, чем систематический характер, и почти целиком опираются на устаревшие представления. Эти примеры выступают скорее исторической иллюстрацией аргументов, чем эмпирически содержательным материалом для выявления того, чему действительно учит история мировых цивилизаций

Параллель между американской и римской историей напрашивается уже потому, что США со дня своего основания ссылались на Римскую республику и сами помещали себя в эту традицию.⁶ Но сейчас речь идет о критической перепроверке этой параллели, которая в самосознании и самоинтерпретации американской политической элиты давно занимает центральное место. Сравнение с Британской мировой империей напрашивается тем более, что там, где британцы после Второй мировой войны уходили со сцены, их позиции занимали США. Это не в последнюю очередь относится к Среднему Востоку, который недавно привлек такое политическое внимание и военный потенциал США. Наконец, сравнение с Советским Союзом неизбежно уже потому, что США и Советский Союз сорок лет боролись между собой за мировое политическое господство, вплоть до времен Горбачева, когда Россия вышла из этой борьбы, исчерпав ресурсы от гонки вооружений и затрат, необходимых для поддержания империи.⁷

Для обоснованного анализа шансов и рисков американской империи, тем не менее, сравнительная база этих трех мировых имперских образований явно недостаточна. К сравнительному анализу, несомненно, нужно привлечь и царскую Россию, и Османскую империю, а также Китай как пример самого длительного существования имперского государства. В исследовании логики и императивов имперского поведения не следует также упускать и образование монгольского царства в XIII веке. Правда, это царство быстро распалось, но территориальные размеры сделали его важнейшей величиной в истории: по занимаемой площади в 25 млн кв. км монгольское царство

5 Последовательная параллель США и Римской империи, где дается представление о Соединенных Штатах как о Новом Риме с середины XIX в. — см.: Bender, *Weltmacht Amerika*; ср.: Gollwitzer, *Geschichte des weltpolitischen Denkens*, Bd. 1, S. 489 ff.; основательное сравнение с эффективностью британских форм имперского господства: Mann, *Die ohnmächtige Supermacht*; о распаде Советского Союза как будущей судьбе США: Todd, *Weltmacht USA*; ряд сравнений США с Римской и Британской империями см. также: Ferguson, *Das verleugnete Imperium*, S. 24 ff, S. 36 ff.

6 Ср.: Wood, *The Creation*, особенно S. 48 и далее; Richard, *The Founders and the Classics*. — Гордое требование принять и продолжить республиканские традиции Рима, было сопряжено с началом критической оценки перехода от республики к империи, причем представления по этому вопросу, заимствованные из римской историографии, связывались с упадком нравов в современной Британской империи. Завоеванная в жесткой борьбе независимость США от Великобритании оценивалась при этом как спасение республики от имперского порядка. Ср.: Bailyn, *The Ideological Origins*, S. 131 ff., а также Wood, *The Creation*, S. 35 f.

7 Детализацию этого см.: Daschitschew, *Moskaus Griff nach Weltmacht.*, S. 41 ff., также S. 511 ff.

уступало только Британской империи, которая в период своего апогея охватывала территорию в 38 млн кв. км, распределенную на пяти континентах, в то время как монгольское царство было неким территориально замкнутым единством, занимавшим почти всю Евразию. На пике расцвета своей власти оно простиралось от Желтого моря на востоке и до западных границ Балтийского моря, и только части передней и задней Индии, а также западная, средняя и южная части Европы оставались свободными от монгольского присутствия.⁸ Что касается античного мира, то кроме Римской империи нужно иметь в виду также и великое эллинистическое государство на востоке, а среди морских империй, кроме британской и испанской, нужно учесть португальскую, — особенно в связи с тем, что она была первой европейской колониальной державой, а исчезла с геополитической карты последней, хотя, с XVIII в. она выступала, скорее, ставленницей Британской империи, чем самостоятельной политической силой.⁹

Этот список обнажает принципиальную проблему сравнительных исследований логики поведения империй: вначале нужно ответить на вопрос, что следует понимать под империей? Можно было бы сузить вопрос, и вести речь о различии *великих* и *мировых* держав. Возможно, на него легче было бы найти ответ, если бы в прошлые десятилетия были проведены социально-научные исследования империй и выработаны надежные критерии для самого понятия империи. Однако, хотя существует множество историографических описаний отдельных империй, а также замечательные сравнительные работы по империализму¹⁰, вопрос о том, что такое империя и в чем ее отличие от сложившегося в Европе политического устройства территориального государства, остался открытым. Это обстоятельство и объясняет то, почему в недавних дебатах по поводу политики США понятие империи приобрело скорее произвольный, зачастую совершенно негативный смысл. Политология не смогла дать ему строго научного определения, оставив на откуп сиюминутной публицистике.

То, что упущено наукой, трудно наверстать в короткий срок. И до тех пор, пока не выяснено, чем империи являются и чем они не являются, каково их предназначение, и чем они отличаются от иных политических структур, невозможно чисто сравнительным анализом мировых империй достичь существенных результатов в понимании нового мирового порядка и роли в нем Соединенных Штатов. Чтобы понять логику поведения империй, необходимо в первом приближении уяснить, каковы специфические признаки империи.

8 Сравнение Британской и Монгольской империй см.: Göckenjan, *Weltherrschaft oder Desintegration*; о расширении монгольского царства — ср.: Weiers, *Geschichte der Mongolen*, S. 45 f.

9 Значение Ахейского союза и его эллинистических продолжателей как средиземноморского посредника между Грецией и Азией показано в работе: Breuer, *Imperien*, S. 122–158; о роли Португалии в формировании колониальной империи подробнее см.: Abernethy, *Dynamics of Global Dominance*, S. 45 ff., а также: Reinhard, *Kleine Geschichte des Kolonialismus*, S. 25 ff.

10 Ср. обзор: Mommsen, *Imperialismustheorien*.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ПРИЗНАКОВ ИМПЕРИЙ

Сначала следует отделить империю от того, чем она, очевидно, не является. Империю нужно отличать, *во-первых*, от государства, более точно: от институализированного территориального государства, которое подчиняется совсем иным императивам и логике поведения, чем империя. Это отличие проявляется, начиная с форм интеграции населения внутри государства, и до отношения к пограничному вопросу. Характерный вопрос о проведении границ является для государств острым и важным, ибо граница обозначает переход от одного государства к другому. В случае империй существование точных разграничительных линий является исключением. Правда, географические границы сегодняшних империй больше не теряются в их широких пространствах, где некогда племена и кочевые народы то принимали преимущества внутриимперского существования, то боролись с ним. С исчезновением свободных от господства пространств, куда могли бы еще распространяться классические империи, имперские и государственные границы стали отчетливо различаться.

Имперские границы не разделяют никаких равноправных политических единиц, но представляют скорее ступени власти и влияния. Кроме того, в отличие от государственных границ, они полупроницаемы: жизнь в имперском пространстве предъявляет одни требования к тем, кто хочет оставаться в нем, и другие к тем, кто желает его покинуть.. Это связано с экономической и культурной привлекательностью империй; и если желающих войти в состав империи больше, чем желающих ее покинуть, то это приводит к особым последствиям для пограничного режима. Граждане США путешествуют и работают во всем мире. Тем не менее, кто не является американским подданным, не может получить этот статус безоговорочно. И такое различие статуса сказывается в том, что политические общества, граничащие с империей, не обладают тем же достоинством, что и империя.

Эта полупрозрачность имперских границ соответствует радикально различным условиям для интервенции. Так, на исходе XIX столетия США всегда вмешивались в политику центрально-американских государств и стран Карибского бассейна, при этом, не допуская с их стороны вмешательства в дела США ни в экономическом, ни в политическом ни, тем более, военном отношениях. Такая асимметрия, прежде всего, и отличает имперские границы от государственных. Империи не знают никаких соседей, которых они могли бы признать как равных и, тем более, равноправных себе. Для государств взаимное признание равноправия является правилом. Другими словами: государства всегда существуют во множественном числе, а империи чаще всего в единственном. Эта фактическая или, можно сказать также, чисто декларативная исключительность империй не остается без последствий для формы их внутренней интеграции. Государство — не в последнюю очередь вследствие прямой конкуренции с соседями — предоставляет своему населению равные права, независимо от того, живет ли

оно в центре или ближе к границам. Для империй это не так: здесь почти всегда от центра к периферии существует интеграционный спад, с которым связаны и неравные возможности соблюдения правовых обязательств и влияния на политику центра. В случае США это сказывается на всех тех областях, которые находятся под американским влиянием, но не имеют шансов быть членами Соединенных Штатов. В странах Карибского бассейна этому есть некоторые примеры. Имперские границы могут не совпадать с границами государств. Так, европейские колониальные державы в пределах Европы были разделены государственными границами, в то время как в Африке и Азии имперские границы с соседствующими территориями в большинстве случаев не имели твердого контура и зависели от объединяющей власти центра. Обе разновидности границ отчетливо отличались друг от друга, по ним можно было узнать, что начинается по ту сторону границы: государство или империя. Однако имперские и государственные границы могут накладываться друг на друга и таким образом усиливаться: так, между ФРГ и ГДР когда-то проходила государственная граница, которая была одновременно внешней границей советской империи; только этот фокус придавал ей особый характер, с которым она вошла в историю. С тех пор как вся обитаемая поверхность Земли организована политически в форме государств, существует только дополнительное, но не альтернативное отношение между двумя разновидностями границ: имперские структуры налагаются на организацию государств, однако последние больше не ожидают для себя решения от империй. И это иногда делает весьма трудным идентификацию империй. Тот, кто мыслит империю как альтернативу государственности, придет к выводу, что сегодня империй больше нет. Тот же, кто, напротив, исходит из возможного наложения имперских структур на государства, столкнется с таким устройством власти и влияния, которое не идентично организации государств. Та аморфность имперской структуры, которую сегодня чаще всего можно обнаружить, является как раз следствием специфики имперских границ. Границы государств отражают фокусировку политических, экономических, языковых и культурных границ. Это определяет их устойчивость, но одновременно делает их жесткими и неизменяемыми. Имперские границы, напротив, можно характеризовать как некое сплетение, где политические и экономические контуры не совпадают друг с другом, где культурные различия становятся многоступенчатыми, а языковые различия утрачивают былое значение. Это придавало имперским границам известную формальность и увеличивало их подвижность.

Во-вторых, необходимо отделять империю от структур, характерных для гегемонии, имея в виду, что переходы между статусом гегемона и имперским господством расплывчаты. Тем не менее имеет смысл различать эти две формы господства. В соответствии с этим различием, гегемония является господством внутри группы формально равноправных политических игроков; в противоположность этому имперское господство, по крайней мере, формально отменяет это равенство и сводит подчиненные государст-

ва к статусу клиентуры или сателлитов. Они находятся в более или менее отчетливой зависимости от центра.

В прошлые десятилетия положение Советского Союза в Варшавском договоре и положение США в НАТО можно было описать через их имперскую и, соответственно, гегемонистскую роль: Советский Союз был окружен государствами-сателлитами, чьи движения определялись из центра¹¹; НАТО, напротив того, позиционировалось как союз равноправных партнеров, в пределах которого США выступали как наиболее крупный и сильный участник. Это сказывалось, например, в том, что главнокомандующий вооруженными силами принципиально был гражданином США, в то время как другие государства-участники могли выдвигать кандидатуру на должность генерального секретаря. Роли гегемона США и империи СССР, соответственно в рамках НАТО и Варшавского пакта, поддерживались и идейно-политическим противостоянием Запада и Востока.

Другим примером различия между гегемонией и империей, взятым из далекого прошлого и потому утратившего политическую актуальность, является превращение Делосского аттического морского союза в афинскую талассократию¹². Задачей этого раннего морского союза, все члены которого обладали равными правами и имели свои интересы в Эгейском море, было противостояние персидскому доминированию на западном побережье Малой Азии. Правда, с самого начала члены этого союза вносили свой вклад различными способами: одни платили только деньгами, другие поставляли определенное число кораблей, но основной контингент военно-морского флота всегда прибывал из Афин¹³.

Фактическое неравенство взносов и возможностей членов Союза сказывалось на его внутреннем устройстве, и он все больше превращался из *hegemonia* в *arche*: преобладание Афин превратилось в их господство.¹⁴ Афины ставили командующего вооруженных сил и казначея союза, что позволяло им устанавливать размер взносов и доминировать в делах торговли, а также добиваться того, чтобы афинские единицы меры и веса были обязательны на всей территории союза. Сверх того это позволяло афинянам держать свои гарнизоны в городах союзников, тем самым оказывая влияние на их внутреннее положение. Наконец, общественная казна была перенесена из Делоса в Афины, решение вопросов войны и мира с союзного собрания перешло в народное собрание афинских граждан, а недолгая клятва «Афинам

11 Сравнение имперского государства с солнцем и его спутниками, относится не к военным, а экономическим имперским связям. Как говорил банкир Натан Ротшильд в начале XX в. в английской Палате общин: «Лондон — это столица финансового мира, и большие торговые предприятия необходимо включить в финансовую сферу влияния этой столицы так, чтобы менее состоятельные государства двигались вокруг, подобно планетам солнечной системы, получая от нее свет и пропитание». (Цит. по: Gollwitzer, *Geschichte des weltpolitischen Denkens*, Bd. 1, S. 505.)

12 Талассократия — в переводе с греческого означает «владение морем». — *Прим. пер.*

13 Ср.: Schuller, *Die Herrschaft der Athener*, S. 54 ff.

14 Heinrich Treppel, *Die Hehemonie*, S. 146 f. Автор вводит здесь название «захватывающая гегемония».

и их союзникам» превратилась в клятву «народу Афин». Так из гегемона вырос деспот, как это и объясняли коринфяне, когда они подстрекали лакедемонский союз к войне против Афин¹⁵.

Здесь напрашивается аналогия этого закулисного фона превращения делосского аттического Союза в афинскую талассократию — с новым позиционированием США в рамках «Западного мира». Хотя в последнем случае речь не идет о расширении границ или о длительном существовании некоей действительной империи, однако здесь, как сквозь увеличительное стекло, можно наблюдать немало элементов имперской политики — не в последнюю очередь аналогично тому, как это было описано историками школы Фукидида. Поэтому ниже мы снова будем говорить об афинском морском господстве, ограничиваясь основным смыслом понятия империи.

ИМПЕРИАЛИЗМ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО
СУЩЕСТВУЕТ ВОЛЯ К ИМПЕРИИ;
НЕВАЖНО, СТОЯТ ЛИ ЗА ЭТИМ ЭКО-
НОМИЧЕСКИЕ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ
МОТИВЫ — И ЭТА ВОЛЯ РЕШАЮЩАЯ,
ЕСЛИ НЕ ЕДИНСТВЕННАЯ ПРИЧИНА
ОБРАЗОВАНИЯ МИРОВОЙ ИМПЕРИИ

Наконец, в *третьих*, империя, в дополнение к сказанному, является тем, что с XIX столетия характеризуется через понятие империализма. Различение между теориями империй и империализма позволяет, прежде всего, оставить в стороне нормативно-ценностную перспективу всех теорий империализма и бросить внимательный дескриптивно-аналитический взгляд на императивы поведения империй. Более того, понятие империализма, а также относящиеся к нему теории возникновения империй принципиально трактуют этот процесс как одно-

направленное развитие от центра к периферии, что как раз трудно подтвердить при наблюдении реальных империй.

Империализм означает, что существует воля к империи; неважно, стоят ли за этим экономические или политические мотивы — и эта воля решающая, если не единственная причина образования мировой империи. Против этого направлена известная острова одного английского историка который в 1883 г. заявил, что Британская империя возникла точно «in a fit of absence of mind», в один момент по рассеянности¹⁶. Опасаясь, что Британская мировая империя может исчезнуть среди новых великих держав — США и России, он как раз хотел обратить внимание на односторонность теорий империализма, которые преувеличивают сознательную стратегическую целеустремлен-

15 Ср.: Breuer, *Imperien*, S. 140–147; Welwei, *Das Klassische Athen*, S. 77–139; о переходе к *hegemonia ceteris archie* как характеристике афинского политического господства — ср. Triepel, *Die Hehemonie*, S. 343 ff.; о фактическом изменении Ахейского союза — там же, S. 377 ff. Детальное изображение афинского господства: см. Schuller, *Die Herrschaft der Athener*, S. 153–165.

16 Цит. по: Ferguson, *Empire*, S. 246.

ность тех действующих лиц, которые были каким-либо образом причастны к возникновению империй. Вряд ли в основе образования империй лежала какая-то магистральная стратегия. В большинстве случаев империи своим существованием были обязаны смеси случайных обстоятельств и единичных решений, принимавшихся людьми, которые совершенно не были к тому уполномочены политически. Так что почти каждая империя может рассматриваться как возникшая «a fit of absence of mind».

Взгляд на центр, характерный для представлений об империализме, должен дополняться вниманием к периферии — к ее вакууму власти и экономической динамике, к ее просьбам об интервенции для улаживания региональных конфликтов и принятия ответственных решений на местах. Формула «империя по вызову», которая соответствует в последнее время оправданию распространения американской сферы власти и влияния¹⁷, выражает, прежде всего, некую первичную ответственность периферии при возникновении империй. Несомненно, существует имперская динамика, которая распространяется от центра к периферии и все дальше расширяет собственную сферу имперской власти. Однако следует заметить, что наряду с этим существует движение, идущее от периферии, которое как раз управляет расширением сферы господства. И какое движение оказывается более мощным, может решаться только от случая к случаю. В то время как теории империализма предполагают, что динамика центра наиболее решающа¹⁸, мы здесь будем исходить из того, что более точное наблюдение за периферией вносит существенные коррективы в эту оценку не только относительно империй прошлого, но и относительно политики США в последнее десятилетие.

МИРОВЫЕ И ВЕЛИКИЕ ИМПЕРИИ

Попытка более точного определения контуров феномена «империи» по контрасту с другими политическими структурами будет продолжена в следующих главах. Однако прежде мы должны установить еще несколько эвристических критериев, позволяющих отличать мировые империи от региональных царств или недолговечных имперских образований.

Таким критерием выступает, прежде всего, *временной* срок империи, который включает, по меньшей мере, прохождение ею одного цикла подъема и упадка, чтобы начать новый цикл.¹⁹ Критерий более длительного существования империи следует связывать с ее способностью к реформированию и регенерации, благодаря чему империя отделяется от харизмы своего создателя (или поколения основателей). Так, после Наполеона созданию «великой империи» уже не уделялось большого внимания; то же относится к еще быстрее рухнувшим замыслам итальянского фашизма, немецкого национал-социализма, или к японской попытке построить «Восточноазиатскую сферу благоденствия».

17 Ср.: Meier, *Die Grenzen des Empire*, S. 128.

18 См.: Mommsen, *Imperialismustheorien*, S. 80–90.

19 О проблеме концептуализации больших циклов взлета и падения крупных империй: Modelski, *Long Cycles & World Politics*, S. 7–38.

Труднее отнести этот вывод к империи кайзера Вильгельма, которая существовала несколько дольше, чем ограниченные временем первых военных успехов имперские проекты Муссолини и Гитлера. Собственно имперская политика здесь началась не с провозглашения в 1871 г. в зеркальном зале Версаля объединенной Германской империи, но с отставки Бисмарка благодаря Вильгельму II. Когда объединяют имперскую политику Вильгельма и политику нацизма как два следующие друг за другом цикла, разделенные поражением в Первой мировой войне, некоторым кажется, что тем самым зачисляются Германию в ряд империй. В этом случае имела бы место преемственность элит, и только в этом случае указанный критерий регенерации был бы выполнен. Похожим образом можно было бы говорить о создании великой японской империи, если усматривать ее истоки в русско-японской войне 1905 г. Но тогда нужно будет добавить, что настоящее образование мировых империй в обоих случаях началось довольно поздно и существовали они относительно короткое время. Вдобавок, с учетом раннего крушения Германии и Японии нельзя окончательно ответить на вопрос, идет ли речь о мировых империях или о крупных региональных державах. В отличие от Михаэля Дойля, у которого в сравнительном анализе форм великих империй центральное место занимают Германия и Франция, мы рассматриваем их только как примеры неудавшихся империй²⁰.

Наряду с критерием *временным* важен критерий *пространственного* распространения: нельзя всерьез называть империей державу, господство которой не распространяется на значительное пространство. Так, по длительности своего существования Австро-Венгерская монархия, несомненно, соответствует имперской державе, но она едва ли соответствует этому по своему пространственному распространению. В этом случае речь шла скорее о большом государстве Центральной Европы, которое в так называемом концерте европейских держав стояло на одном уровне с таким государством, как Франция, не претендуя, однако, на гегемонию внутри объединенной Европы. Ее господствующее положение — даже во время, когда Габсбурги несли немецкую императорскую корону — ограничивалось пространством центральной Европы. Исключение составляет император Карл V, который был одновременно королем Испании и повелителем Нидерландов и имел в своем распоряжении существенно больше ресурсов, чем император, занявший резиденцию в Вене вслед за ним. Вместе с разделением испанской и немецкой линий дома Габсбургов в 1556 г. имперские знаки достались Мадриду²¹. После этого знаменитая «AEIOU» — имперская формула *Austriae est imperare in orbe ultimo* («Вся земля подвластна австрийской империи»), была всего лишь исторической реминисценцией²².

20 Doyle, *Empire*, S. 306 ff; 319 ff.; французский и немецкий империализм автор рассматривает как пример успешного образования империй.

21 Ср. Kann, *Geschichte Habsburgerreiches*; об имперских амбициях Карла — ср.: Kohler, *Karl V.*, а также Heider, *Karl V.*

22 Сказанное относительно Австро-Венгерской монархии может быть отнесено и к Византии, поскольку натиск ислама и отторжение больших областей на Востоке привело к тому,

Критерий пространственной протяженности гораздо легче применим к континентальным империям, чем к морским, чья власть и влияние проявляются не столько в количестве подчиненных квадратных километров, сколько в контроле над потоками товаров, капиталов, информации, а также над узловыми экономическими пунктами²³. Морские порты и безопасные торговые пути, которые позволяют распоряжаться устойчивыми ресурсами и вызывают доверие деловых партнеров к принятой во всем мире валюте, — это для морских держав значительно важнее, чем физический контроль над территориями²⁴. К этому центральному различию форм имперской власти, которое находит выражение в противоположности сухопутных и морских держав, следует еще вернуться. Здесь нужно заметить, что геоэкономические факторы не следует рассматривать как независимую от формы имперской власти величину. Контроль торговли может быть столь же важным источником имперской власти, как и господство над территориями. В Испании, например, в конце XVI в. не существовало торговых и банковских городов, имевших международное значение. Поэтому она была не в состоянии контролировать мировую экономику и, таким образом, не могла помешать подъему конкурировавшей с ней Англии.

Как раз картина упадка Испании и подъема Англии показывает, что контроль над потоками товаров и капитала не следует безоговорочно отделять от господства над территориями: поскольку Испания потерпела неудачу при попытке вернуть господство над Нидерландами, то даже там, где испанцы вернули территориальный контроль, торговля приходила в упадок, а экономические потоки словно обходили те области, где доминировала Испания. Так она потеряла экономический контроль над Европой и свою международную кредитоспособность. Следствием был ряд государственных банкротств. Победа мощного английского военного флота в 1588 г. и вторжение англичан в Голландию были бы для Испании последним шансом окольным путем вернуть контроль над экономическими потоками, подчинив соответствующие территории. И когда это не удалось, имперское господство Испании закончилась.

В случае империи геополитические и геоэкономические факторы переплетены гораздо теснее, чем в случае государства. При этом решающую роль для взлета или падения империи могут играть незаметные факторы воен-

что Византия получила статус всего лишь региональной державы. Это, однако, не останавливало претензий Византии на мировое господство. Ср. Lilie, *Byzanz*, S. 75–141, также Beck, *Das byzantinische Jahtausend*, S. 78–86.

23 Osterhammel (*Kolonialismus*, S. 17) провел различие между подчиненной и опорной колониями. Их нужно рассматривать как исходные точки в формировании различных держав.

24 Фернан Бродель в своей «Социальной истории XV–XVIII вв.» показал, что перенос важнейшего европейского банка из Италии, где долгое время шла конкуренция между Венецией и Генуей, — в Нидерланды с центром в Амстердаме, и позже — в Антверпен, и, наконец, в Лондон, имело для перераспределения сил в Европе гораздо больше последствий, чем многочисленные битвы за контроль над территориями.. (Braudel, *Sozialgeschichte 15.-18. Jahrhunderts*, Bd. 3, S. 147 ff., S. 187 ff.; ср. также Wallerstein, *Das moderne Weltssystem*, S. 97 ff., S. 245 ff.). (См. также русский перевод: Фернан Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV — XVIII вв. Том 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992. С. 113 и далее. — Прим. пер.)

ного превосходства, как в Англии, когда она в 1588 г. имела лучшую металлургию для литья пушек²⁵. Этот пример показывает, что пространственный критерий для мировой державы нельзя понимать только как контроль над территориями, он может относиться и к виртуальной области контроля и управления потоками товаров и капитала. Таким образом, пространственный критерий является столь же комплексным, как и критерий временной длительности.

В определении понятия мировой державы это приводит к сложнейшему вопросу о том, что следует понимать здесь под словом «мир». Кажется естественным понимать это как большой размер земных владений. Тогда, особенно после крушения Советского Союза, следовало бы считать мировой империей собственно только Соединенные Штаты. Здесь можно было бы разве что говорить еще о Британской империи как о предшественнице США. Однако так мы потеряли бы основу для сравнительного рассмотрения мировых держав. Принципиальная аргументация авторов, которые настаивают на исторической уникальности США, заключается в следующем: здесь, считают они, речь идет о возникновении первой охватывающей весь мир державы, хотя и с преобладанием скорее неформальных способов доминирования, чем формального господства. После принятия такой точки зрения всякое дальнейшее занятие историей мировых империй для понимания современного положения кажется излишним. В известной мере, такой модели аргументации следуют в своей книге *Империи* (2002 г.) Майкл Хардт и Антонио Негри. При этом введенное ими понятие новой империи, конечно, не совпадает с американской державой; эта новая империя сформировалась, скорее, по ту сторону политических границ и суверенитетов как новая схематическая структура.

Правда, теперь нужно учитывать, что власть США простирается не только на земные пространства, но и на космос. Это относится к управляемым через спутники крылатым ракетам, которые дают возможность вооруженным силам США осуществить военное вмешательство в любом месте Земли; это также относится к возможности Америки представлять себя передовой страной в осуществлении экспансионистских и технологических фантазий человечества — от высадки на Луне и длительного размещения людей на околоземной орбите, до заселения Марса²⁶. Вследствие этого, понятие мира получает трансглобальный характер. Эта трансглобальность является существенным ресурсом американской империи. И все же это обстоятельство не является основанием к тому, чтобы утверждать уникальность США по сравнению с ранними видами империй.

«Мир» — это относительная и переменная величина, которая не может быть установлена такими инвариантами, как географический контур континентов или физический размер глобуса. Образ ойкумены определяется

25 Ср.: Nef, *Western Civilization*, S. 84 ff.; Parker, *Die militrische Revolution*, S. 107 ff., также Cipolla, *Segel und Kanonen*, S. 101 ff.

26 Впрочем, это проявилось уже во времена Советского Союза, когда тот в гонке за первенство в освоении космоса опережал США.

полем зрения и горизонтом цивилизаций, стало быть, больше культурными и технологическими, а не чисто географическими факторами.²⁷ То, чем является всякий раз «мир» зависит от распространенности торговых связей, плотности информационных потоков, организации знания, навигационных способностей и многого другого. Так, от Античности до наших дней росло притязание империй на мировое господство, вследствие чего на глобусе теперь остается место фактически только для некоей единственной империи, в соответствии с ее стремлением быть исключительной и неповторимой.

От Античности до современности существовали различные империи, и это их совместное существование столетиями не мешало их имперскому статусу. Китайская и Римская империи веками существовали как «параллельные империи»²⁸; и это не мешало им считать себя легитимными. Подчиненные обеим империями «миры» не соприкасались. Напротив, сосуществование византийского, каролингского, османского императоров, а также короля франков ставило под вопрос их имперскую легитимность: они принадлежали одному и тому же «миру», где собственно мог быть только один верховный правитель. Поэтому они боролись за признание себя равными, по крайней мере, на церемониальном уровне.²⁹

В свою очередь, до начала XX в. относительно без проблем могли сосуществовать Британская империя и царская Россия; подчиненные им «миры» были отделены друг от друга и, главное, достаточно различны. Это относилось не только к пространствам, которые подчинялись Британии и России, и которые разделяли Азию на северную и южную половину вдоль большого Кавказского хребта до Гималаев³⁰, но в еще большей мере к различию форм осуществления их господства: административный и, по необходимости, интегрирующий военный контроль континентальной Российской империи, с одной стороны, и преимущественно торгово-экономический контроль Британской морской державы, с другой, — не угрожали друг другу и не ставили под вопрос законность друг друга, — во всяком случае, до тех пор, пока Россия отказывалась от экспансии в сторону «теплого моря».

Такого уже нельзя сказать относительно империй, наследующих Британии и России, а именно, США и Советского Союза: согласно своим руководящим представлениями, своим *миссиям*, они отрицали право на существование друг друга. Более того, они конкурировали в одних пространствах и сферах: от мирового океана, куда наступал Советский Союз через создание значительного военно-морского флота, до состязания за господство в космосе. В отличие от Британской империи и царской России, для США и Совет-

27 О понятии ойкумены ср.: Voegelin, *Das Ökumenische Zeitalter*, S. 58–62.

28 Breuer, *Imperien*, S. 12 ff., 158 ff.

29 Ср. Lilie, *Byzanz*, S. 143 ff.

30 Единственные конфронтации между Россией и Великобританией в XIX в. имели место вдоль этой разграничительной линии: это спор о контроле над Босфором, который привел к Крымской войне, и противостояние вокруг Персии и Афганистана. Это подогривало русофобией английских интеллектуалов, и ставило под вопрос возможность мирного сосуществования двух империй. Ср. Gollwitzer, *Geschichte des weltpolitischen Denkens*, Bd. 2, S. 28 ff., 71 ff.

ского Союза существование другого означало ограничение своих имперских руководящих претензий. Они делили общий «мир», в то время как царская Россия и Британская империя господствовали в их собственных «мирах».

И все же был некто «третий», кто плохо вписывался между сосуществующими «мирами» Британской морской державы и континентальной Российской империи, кто пытался в оставшемся промежутке соорудить свою империю. И этот третий неизбежно должен был вступить в конфликт с одной из двух империй, а вступив с ней в большую войну, он был обречен воевать также и с другой империей. Конечно, это можно назвать логикой поведения обеих империй, которое ограничено их же собственными «мирами». И они через какое-то время наблюдения и прощупывания совместно выступали против «третьего», дабы помешать установлению его власти. Это повторялось с Наполеоном, Вильгельмом II, — до Гитлера и императора Хирохито. При этом неважно, с какой из империй «третье лицо» стремилось вступить в стратегическую конфронтацию. Для Наполеона с самого начала это была Британская империя, в то время как интересы Вильгельма II и Гитлера были направлены скорее на европейский континент или на Восток. И Наполеон и Гитлер потерпели решающее поражение на Востоке, в то время как Вильгельм II потерял трон и власть в конфликте с Западом. Наконец, Япония, которой удалось в начале XX столетия победить Россию, потерпела поражение во Второй мировой войне от США, которые искали стратегическое партнерство с Советским Союзом. Правда, и в других случаях императивы континентальных и морских империй настоятельно подталкивали их к взаимодействию в борьбе против всяких целей и намерений третьих стран, которые им противостояли.³¹

Как можно было бы более детально описать эти имперские «миры», которые относительно легко признают внешние ограничения? Что характеризует их изнутри, и чем отличаются они от не-имперских «миров»? И не в последнюю очередь: существуют ли признаки, которые являются общими для континентальных и морских империй?

Мы уже указывали характерный для имперского пространства перепад от центра к периферии; для империй, которые властвуют над пространствами, это столь же характерно, как и для тех, чья власть основана преимущественно на контроле различных потоков. Кроме того, в литературе постоянно подчеркивается мультиэтнический и соответственно многонациональный характер империй. Тем не менее значимость этой характеристики проблематична, поскольку, с одной стороны, она тривиальна, — ибо обширные дер-

31 Недавно британский историк Фергюссон в своей книге *The Pity of War* («Ошибочная война») инициировал дискуссию о том, в какой мере Британия в начале XX в. ошибалась в оценке угроз для своего существования, вступив в Первую мировую войну, чтобы помешать образованию континентальной империи под немецким руководством. Фактически британская политика, особенно в лице министра иностранных дел Эдварда Грэя, исходила из логики своего имперского «мира». Возможно, как считает Фергюссон, в долгосрочных интересах Британской империи было бы разумнее дать миру измениться. Однако такое вряд ли было бы возможно.

жавы неизбежно охватывают многие этнические и соответственно национальные общества; с другой стороны, здесь существует много политических различий, которые зависят от различий этнических и национальных, от того, поддерживаются ли они центром или подавляются, — и этими инструментами в конечном счете распоряжается имперский центр по принципу «разделяй и властвуй».³²

Если брать Европу, то здесь, прежде всего, речь шла о различных подходах западноевропейских национальных государств, а также центрально- и восточноевропейских держав к вопросу, в чем может заключаться сила и слабость каждого государства: в национальном единстве или мультиэтническом разнообразии.

Если позиция по этому вопросу формировалась под впечатлением таких исторических примеров, как известная слабость Османской империи, центробежные тенденции в Австро-Венгерской монархии или в царской России начала XX столетия, то национальное государство в конфликтном случае должно было положить конец мультиэтнической федерации. Эта позиция имела место по окончании Первой мировой войны, но маятник качнулся в обратном направлении, — что показало развитие США и Советского Союза, равно как и маргинализация в мировой политике европейских национальных государств. Здесь, очевидно, речь идет о подходах и позициях, которые были обязаны сиюминутным обстоятельствам, а не эмпирически выверенным меркам научного анализа.

Взгляд на процентное соотношение доминирующей нации внутри какой-либо империи показывает, что отсюда нельзя сделать никаких выводов относительно пространственных размеров и временной длительности существования державы: так, доля коренных китайцев в Китайской империи самый длительный период составляла около 90 %; доля русских в царской России в 1897 г. составляла 44 %, доля австрийских немцев в Австро-Венгрии во время последней переписи населения от 1910 г. составляла около 24 %, доля англичан в Британской империи в 1925 г. — 10 %.³³ По меньшей мере, в краткосрочной и среднесрочной перспективах эти цифры едва ли допускают сделать какие-либо надежные выводы. Общий критерий для условий существования империй отсюда произведен быть не может.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ИМПЕРСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ, ПОЗИЦИИ НЕЙТРАЛИТЕТА И ДИАЛОГ С МЕЛИЙЦАМИ У ФУКИДИДА

Более важной характеристикой империй, чем их мультиэтнический и соответственно многонациональный характер, выступает, очевидно, идущее изнутри подчиненного их господству «мира», стремление централь-

³² Быть может, следует сослаться на мультиэтнический и, соответственно, мультинациональный характер империй, но это различие обозначает контраст империи с национальным государством, которое стремится к совпадению политического пространства и национальной идентичности. Ср.: Münkler, *Reich, Nation, Europa*, S. 61 ff.

³³ См.: Osterhammel, *China*, S. 122.

ной власти к политической и военной интервенции. И власть эта не может избежать такого стремления без угрозы ее существованию. Другими словами, империя не может вести себя нейтрально по отношению к государствам, которые принадлежат к сфере ее влияния, и, соответственно, не может признать за ними возможность такой же позиции. Такая позиция нейтралитета существует только в пределах «мирового» порядка, который обусловлен взаимоотношением государств. По сравнению с этим империя, которая остается постоянно нейтральной в конфликтах внутри своего «мира» или на его перифериях, неизбежно утрачивает свой имперский статус. И это так же отличает империю от государства. Многие из недавних напряжений в американско-европейских отношениях могли возникать из-за того, что на это различие не обращалось достаточного внимания. Стремясь к перманентной интервенции, империи сталкиваются с проблемой оправдания своих действий, которую они должны решать в совершенно иной форме, чем неимперские державы. Известным примером этого является конфликт между жителями Афин и Мелоса, как его изобразил Фукидид в своей «Истории Пелопонесской войны»³⁴. Речь идет о желании мелийцев занять нейтральную позицию в войне между Афинами и Спартой. Мелийцы считали, что наверняка смогут держать нейтралитет своего маленького острова в Эгейском море, где господствовали Афины. Они объясняли, что в войне против Спарты участие Мелоса ни в политическом, ни в военном плане не может иметь большого значения, в то время как если бы Афины не втягивали Мелос в войну, это прославило бы Афины за их великодушие. Афины, напротив, считали, что уступи они этой ловушке, другие союзники потребовали бы той же свободы. Власть Афин разрушилась бы в короткое время, и они вынуждены были бы постоянно восстанавливать свой авторитет силой оружия. Поэтому Афины считали, что мелийцы должны подчиниться их приказам, иначе их город будет разрушен. Вероятно, Афины и смогли бы допустить нейтралитет острова, если бы не был заключен морской союз с Мелосом. И у них не было возможности отказаться от этого союза, поскольку тогда авторитет Афин был бы разрушен. Любой компромисс с мелийцами означал для Афин потерю престижа, а стало быть, власти и влияния.

Обычно считают, что в этом диалоге афинян с мелийцами стороны совершенно не понимали друг друга.³⁵ Это, конечно, верное наблюдение, но эти кажущиеся мнимыми разногласия естественно вытекают из несовпадения логики имперского поведения Афин и упованиями более слабого государства. Афины не видели в Мелосе равноправного партнера.

В литературе, посвященной Фукидидовой истории афинской морской державы, существуют две противоположные интерпретации: одна утверждает, что в эпизоде с мелийцами Фукидид оправдывает афинян, которые прямо угрожают Мелосу: в случае неподчинения мужчины острова погибнут, а жен-

34 Thukydides, *Peloponnesischer Krieg*, V, 84–116, S. 450–460.

35 Сравните превосходную интерпретацию диалога с мелинцами в книге: Volkmann-Schluck, *Politische Philosophie*, S. 39–58. В противоположность этому см.: Romilly, Thucydides.

щины и дети будут увезены в рабство. Против этой логики фактического положения дел, как она представлялась жителям Афин, мелийцы на свою беду, уповали на собственные желания, и это склонило их к ошибочной оценке ситуации и привело к гибели. Подобная интерпретация не довольствуется тем, что в афинской аргументации она выставляет на первый план пафос фактической ситуации. Скорее, она оправдывает афинян по существу дела: трудное положение Афин в войне со спартанцами, нерешительность отдельных союзников, а также то обстоятельство, что непослушание почти всегда заразительно, вынуждало афинян заставить Мелос определиться «за» или «против» имперской власти в эгейском пространстве. И всякая, пусть маленькая, уступка в этом вопросе была бы ошибкой с серьезными последствиями. Следовательно, нейтральная позиция неприемлема для империи, поскольку тогда в ее «мир» включаются альтернативные позиции «за» или «против» власти, а тогда даже нейтралитет рассматривается как скрыто враждебная позиция. Слова президента Буша «кто не с нами, тот против нас» хорошо это иллюстрируют.

Однако существует иная интерпретация диалога с мелийцами, смысл которой вытекает не только из событий непосредственно вокруг Мелоса, но из более широкого контекста Пелопоннесской войны в изображении Фукидида. Здесь центральную роль после диалога с мелийцами играет донесение о начале афинской экспедиции против Сиракуз, которая знаменует начало конца афинского господства. В роковой переоценке собственных сил Афины этим морским предприятием сами привели себя к катастрофе.³⁶

Но как вообще дело могло дойти до столь рокового отклонения от первоначального военного плана Перикла? Ведь он, разумно взвесив потенциалы Афин и Спарты, предписал афинянам вести политику стратегической обороны, в связи с чем они во время войны отказываются от всякого захвата и должны до поры до времени ограничивать себя статус-кво.³⁷ И если они будут держаться этого, то в борьбе против пелопоннесцев обеспечат себе победу. Следуя второй интерпретации, уже в диалоге с мелийцами у афинян, согласно Фукидиду, проявилась *Hubris*, или, по часто цитируемому выражению Вильяма Фулбрайта, «высокомерие власти»³⁸, — от чего они и потерпели

КАЖУЩИЕСЯ МНИМЫМИ РАЗНОГЛА-
СИЯ ЕСТЕСТВЕННО ВЫТЕКАЮТ ИЗ
НЕСОВПАДЕНИЯ ЛОГИКИ ИМПЕР-
СКОГО ПОВЕДЕНИЯ АФИН И УПОВА-
НИЯМИ БОЛЕЕ СЛАБОГО ГОСУДАР-
СТВА. АФИНЫ НЕ ВИДЕЛИ В МЕЛОСЕ
РАВНОПРАВНОГО ПАРТНЕРА

---

36 Какой интерпретации Фукидида отдать предпочтение, зависит, очевидно, от коллективной памяти политического сообщества об имперской политике, и на эту тему есть много рассуждений в немецкой литературе.

37 Thukydides, *Peloponnesischer Krieg*, I, 144, 1, также II, 65, 7.

38 Fulbrig, *Die Arroganz der Macht*.

поражение. Следовательно, афинская аргументация в отношении мелийцев определялась не пафосом фактической ситуации, а заблуждением, которое и должно было прямо привести их к военно-политической катастрофе. Ибо, когда афиняне оправдывали свои действия, их слова и дела на самом деле свидетельствовали об утрате собственных морально-политических обязательств, на которых прочность морского союза держалась много сильнее, чем на военной силе. И с этой утратой афинская гегемония превратилось в империю; и именно вследствие этого союзники попытались освободиться от давления имперской власти. Эти две интерпретации Фукидида достаточно точно выражают противоположные оценки американской политики последних лет: с одной стороны, ее объясняют императивами, которые диктуются логикой империи; с другой — США упрекают в том, что если бы они своей бесцеремонной политикой силы не разрушали моральную оправданность собственных действий, американское влияние в мире было бы гораздо надежнее, чем основанное на использовании авианосцев, крылатых ракет или наземных войск. Такая оценка представлена прежде всего в многочисленных статьях и интервью Юргена Хабермаса.³⁹ При этом, правда, Хабермас предполагает наличие далеко идущей гласности в принятии тех или иных решений, которыми ответственные политики могут отвечать на вызовы времени. Это допущение есть условие ответственности лиц, определенных большинством критиков в качестве тех, кто делает политику Соединенных Штатов. Хабермас полагает, что после окончания противостояния Запада и Востока США стоит перед выбором: «или вернуться к оставленной идее супердержавы для исполнения руководящей роли на пути к космополитическому правопорядку, или принять имперскую роль некоего доброго гегемона по ту сторону международного права».⁴⁰ По мнению Хабермаса, США делают все для того, чтобы выбрать последнее, и за это несут ответственность неоконсервативные советники в администрации Буша.

В противоположность этому, с позиций имперской логики и вытекающих из нее императивов поведения, влияние и решения отдельных личностей почти не имеют значения. Здесь речь идет скорее о структурах и заданных величинах, которые определяют возможности поведения империи. Поэтому здесь не спрашивают о том, насколько существенны для политики Джорджа Буша его христианские чувства, не исследуют роль заместителя министра обороны Пола Вулфовица в администрации Буша, и не принимают во внимание решающую роль неоконсервативных сил в политике США. Кроме того, здесь не проявляют особого интереса к психическому состоянию США после нападения 11 сентября 2001.⁴¹ Вместо этого ищется логика поведения имперской власти.

Но императивы имперского поведения никогда не исполняются изолированно, они, кроме того, могут быть неверно поняты политическими игрока-

39 Jürgen Habermas, *Was bedeutet der Denkmalsturz?*, см. также его *Wege aus der Weltunordnung*.

40 Habermas, *Wege aus der Weltunordnung*, S. 34.

41 Heinrich, *Die gekränkte Supermacht*.

ми. Моральная оправданность, без сомнения, также относится к ресурсам имперской власти. Однако в рамках только логики имперского поведения мораль не является *масштабом* политики. Она — одна из ее средств: логика империи хорошо умеет использовать моральные оправдания как фактор власти, однако это никогда не будет ее масштабом.

НЕЖДАННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМПЕРИИ В ПОСТИМПЕРСКУЮ ЭПОХУ

Демократическая империя?

Многие сомневаются в том, что демократический порядок и расцвет имперского государства могут ужиться друг с другом. Как правило, империя связана с авторитарным и даже автократическим руководством в своем центре, так что демократизация равнозначна разрушению империи. И конец Советской империи, кажется, подтверждает этот тезис. Такое представление отчетливо отражено в Римской истории, когда военная экспансия Рима в средиземноморском пространстве разрушила республиканский порядок и привела к столетнему внутреннему хаосу и гражданской войне. Затем, при Октавиане Августе, республиканские учреждения стали чистым фасадом, за которым установился порядок, где ни народ, ни патрициат не имели решающего политического влияния.

Становление империи и упадок республики в Риме шли рука об руку — такое представление разделяют не только поколения европейцев, но и американцы⁴², политическая организация которых ориентирована на римский образец гораздо сильнее, чем в какой-либо европейской стране. Хотя пример Рима сыграл свою роль и во Французской революции, однако здесь развитие событий привело к возвышению Бонапарта до первого консула, и, следовательно, до императора, а Рим служил образцом для распространения власти французов в южную и среднюю часть Европы. Таким образом, это был скорее не республиканский, а имперский Рим, и участники в ходе Французской революции превращались в наблюдателей, в то время как в Америке признавались за образец как раз те учреждения Римской республики, которые призваны были предотвращать возникновение условий, ведущих к возвеличиванию партийных руководителей, а значит, к разрушению республики.⁴³

42 Это положение постоянно воспроизводится в работах историков; в XX в. вряд ли найдется более влиятельное исследование, чем Symes *The Roman Revolution* (1939 г., произведение, где в зеркале Римской истории воплотилось англо-американское понимание причин разрушения демократического порядка на европейском континенте. Аналогия с Римом встречается у всех авторов, которые занимаются развитием американской империи за последнее десятилетие, и независимо от того, как они к этому относятся, примечательно, что даже у автора, критически настроенного в отношении идеи империи, всплывает также аналогия с Римом — см.: Nye, *Das Paradox der amerikanischen Macht*, S. 167 ff.

43 О римских чертах наполеоновской империи ср. Levebre, *Napoleon*, особенно S. 219 ff. Ярким подтверждением того, что политическое самосознание США формировалось в полемике

В этом плане политическое самосознание США возвращено антиимперской почвой. Это существенно влияло на американскую внешнюю политику и в XIX и еще в XX веках. Поэтому не следует удивляться, когда радикальные критики неоимпериализма снова и снова проводят параллели между США и позднереспубликанским Римом, чтобы продемонстрировать несовместимость республиканского порядка и имперской политики: поскольку империя и демократия не уживаются, демократия в США упраздняется.⁴⁴ И в качестве первого признака, как правило, приводят растущий конформизм средств массовой информации, которые становятся инструментом пропаганды политики правительства.

Но и те, кто имперскую политику США оценивают позитивно или, по крайней мере, неоднозначно, видят противоречие между демократическим порядком внутри страны и необходимостью проводить внешнюю политику в имперском духе. Михаил Игнатъев выразил это в такой форме: «бремя империи длится долго, а у демократии не хватает времени и она постоянно спешит».⁴⁵ Регулярный демократический контроль за исполнением служебных обязанностей президента, ограничение максимального пребывания в этой должности восьмью годами, а также ожидание населения, что его проблемы будут решены в обозримый период времени, — все это плохо сочетается с требованиями имперской политики: ведь здесь ставятся задачи, успех в решении которых можно было бы обещать, как правило, только через десятилетия. А где поджимает время, всегда плохие результаты. Если во внутренней политике результаты можно исправить в среднесрочный период или сменить правительство, ошибки внешней политики, особенно если держава занимает глобально господствующее положение, влекут почти всегда длительные и едва ли исправимые последствия.

Вероятно, все возрастающая склонность США в последние годы решать проблемы с помощью армии, минуя демократические механизмы, является также следствием нехватки времени. Военный способ решения проблем предусматривает быстроту и окончательность решений, так что «спешащая империя» прибегает к нему чаще, чем это было бы нужно по здравому размышлению. Это наблюдение приводит к неожиданному выводу о том, что демократические империи чаще прибегают к военным средствам, чем империи авторитарные. Это могло бы объяснить множество войн, в которых участвовали США после 1945 г.⁴⁶

С другой стороны, как раз демократические общества редко оказываются воюющей стороной и рассматривают войну не в качестве возможности стяжать честь и славу, а подчиняют ее расчету издержек и выгод, вследствие чего

с Римской республикой является газета *Federalist Papers* (1787/88), где был развит и обоснован проект федеративного государства.

44 См. Johnson, *Der Selbstmord der amerikanischen Demokratie*, S. 43 ff.; 387 ff.; также Chomsky, *Hybris*, S. 19–66.

45 Ignatieff, «Empire Amerika?», — in: Ulrich Speck/Natan Sznaider (Hg.), *Empire Amerika. Perspektiven einer neuen Ordnung*, München 2003, S. 24 und 31.

46 См. Schley, *Die Kriege der USA*.

война чаще всего выглядит неэффективной и слишком дорогой. При публичном обсуждении поддержку населения для военного решения вопросов президент может получить с большим трудом, и это приводит к тому, что многие войны начинали готовить скрыто, сопровождая подтасовкой фактов. От так называемого Тонкинского инцидента, посредством которого объяснялось начало воздушных бомбардировок в Северном Вьетнаме, через мнимое убийство недоношенных кувейтских младенцев иракскими солдатами, — что должно было оправдать американское вторжение в Персидском Заливе в 1900–91 гг., — и до так называемой угрозы свободному миру оружием массового уничтожения у Саддама Хусейна, — проходит широкий след обмана в оправдании американской интервенции.⁴⁷ Раскрытие всего этого могло бы служить доказательством глубокой лживости политики США, которая инсценирует угрозы и опасности для достижения своих интересов и расширения сферы влияния. При этом, как правило, не замечается структурная необходимость угроз, призванных создать мотивы для демократической общественности к исполнению имперских обязанностей. Эта политика инсценировок и обманов служит для того, чтобы прикрыть брешь между демократией и империей.

То, что такая политика неизбежно несет угрозу демократии, не вызывает сомнения; но то, что она также является опасной и временной мерой для самого имперского порядка часто упускается из виду, поскольку мы больше озабочены демократией как более высокой ценностью, чем империей (если последняя вообще воспринимается нами как ценность, соразмерная политическому порядку). В качестве очевидной и наиболее взрывоопасной угрозы демократии в начале 60-х годов считался план под условным названием «операция Северный лес» (Operation Northwoods), разработанный начальником генерального штаба Луманом Лемнитцером. Этот план предусматривал совершение террористических актов и стрельбу из засады по гражданским лицам на улицах американских городов, чтобы получить политическую поддержку американцев для вторжения на Кубу.⁴⁸ Правда, после того как этот план стал известен, Лемнитцер ушел в отставку, но с тех пор осталось подозрение, что правительство США не только инсценирует угрозы, но и само готово выступить против собственного населения. После нападения 11 сентября 2001 года степень угроз была усилена теорией заговора.⁴⁹ Правда, опыт войны первой половины XX в., который для США сильно отличался от опыта государств континентальной Европы, показал американским избирателям, что военное бремя имперских проектов, по меньшей мере, частично, нужно брать на себя. Ведь в двух мировых войнах США были

47 Общий обзор: Beham, *Kriegstrommeln*; о второй войне в Персидском заливе 1991 г.: Mac-Arthur, *Die Schlacht der Lügen*; об интервенции в Косово: Lampe, *Medienfiktionen beim NATO-Einsatz im Kosovo-Krieg 1999*; о третьей войне в заливе 2003 г.: Tilgner, *Der inszenierte Krieg*, особенно S. 17 ff.

48 Johnson, *Der Selbstmord der amerikanischen Demokratie*, S. 412 f.

49 Ср.: Bröckers, *Verschwörungen, Verschwörungstheorien und die Geheimnisse des 11.9.*, sowie ders., *Fakten, Fälschungen und die unterdrückten Beweise des 11.9.* Японское нападение на американский флот в Перл-Харборе президент Рузвельт расшифровал как заговор против американского народа, чтобы получить поддержку для вступления в войну. Ср.: Stünnett, *Pearl Harbor*.

настоящими победителями, поскольку по сравнению с другими главными участниками войны они оба раза имели незначительное число погибших, но извлекли из войны самую значительную экономическую прибыль.⁵⁰

В Первую мировую войну США вступили как нация — должник, а вышли из нее крупнейшим кредитором. Кроме того, поскольку их европейские конкуренты были ослаблены военными расходами, США открылся доступ к рынкам, на которых до сих пор они были едва представлены. После Второй мировой войны, вследствие которой Германия и Япония надолго исключались как экономические конкуренты, и в ходе которой Британская мировая держава однозначно была истощена, США как экономически, так и политически смогли вырваться вперед, с учетом расширения и усиления своей власти. В США, таким образом, есть опыт того, как можно надежно извлекать выгоду из войны. И поскольку основной выигрыш в обеих войнах получил американский капитал, то в памяти среднего американца вступление Америки в войну и экономический взлет тесно сплелись друг с другом.

Такими воспоминаниями о двух мировых войнах можно объяснить долгое терпение американскими гражданами издержек войны во Вьетнаме, которая в итоге привела помимо психической, также и к экономической депрессии. Только в войне 1991 г. в Персидском заливе США могли вспомнить про опыт первой половины XX в. В принципе верная мысль, что современная война по существу своему приносит больше убытков, чем выгод, может быть опровергнута тем, что это относится только к государствам, в то время как империи при определенных условиях могли бы извлекать из войн политические и экономические выгоды, наблюдая, как конкурирующие державы взаимно ослабляют себя и несут основную нагрузку войны. Но для империи польза от войны может быть также и в том случае, если она означает угрозу, которая только усиливает сплоченность внутри имперского пространства. Такие войны блокируют центробежные тенденции отдельных частей империи и укрепляют имперскую риторику. Вторая война в Персидском заливе вызвала именно такой эффект, но третья война уже вызвала противоположную реакцию. Какой эффект в этом плане будет иметь «война с терроризмом» в средне- и долгосрочной перспективе, нужно еще посмотреть.

Даже если, — как считает Андрей Бакевич (Andrew Bacevich), — американское общество поддержит имперский проект по всем направлениям, — в чем сам он сомневается, — все же нужно признать, что политическая система США не подходит для оптимального руководства империей. Как только речь идет о длительной временной перспективе, общественная поддержка имперской политики становится ненадежной, поскольку люди ожидают, «что преимущества империи совершенно наглядно превысят ее тяготы и бремя ответственности».⁵¹ В отличие от авторитарно руководимых империй, как они представлены своими нормальными историческими прецедентами, импе-

⁵⁰ Ср.: Kolko, *Das Jahrhundert der Kriege*, S. 205 ff, также Overy, *Die Wurzeln des Sieges*, S. 419 f.

⁵¹ Bacevich, *Neues Rom, neues Jerusalem*, S. 79, — in: Ulrich Speck/Natan Sznajder (Hg.) *Empire Amerika. Perspektiven einer neuen Ordnung*, München 2003.

рии демократические, соответственно, империи с высокой чувствительностью населения, едва ли могут переносить длительные периоды, когда имперская политика больше отнимает, чем дает. Если усилить это наблюдение, оно будет означать, что как раз демократические империи чаще становятся жертвой «ожидаемых трофеев», чем империи, руководимые авторитарно.⁵²

Для демократической империи понятие зависимости от трофеев носит, конечно, скорее метафорический смысл. Это особенно относится к постгероическому обществу, в самосознании которого война не занимает центрального места.⁵³ В отличие от ранних империй, где фаза возрастания необходимости в трофеях выражала не только простой *мотив*, но и *ресурс* экспансии, — с 1945 г. вследствие провала как немецкой, так и японской попыток создания империи, об этом не могло быть и речи.

Но в принципе уже промышленная революция обладает мотивационной структурой к образованию империи и меняет императивы имперской политики. Теперь имперская экспансия направлена не на присвоение чужих владений и сокровищ, или на эксплуатацию подчиненной войне рабочей силы. Теперь она служит освоению новых рынков, которые должны быть открыты для потока товаров из экономически развитых стран. Добычей становится не богатство покоренных стран, но их технологическая отсталость, — если иметь в виду противоположность ремесленного производства на периферии и дешевых промышленных изделий, производимых имперским центром.

Таким образом, самой важной предпосылкой имперской политики этого вида является не столько военное, сколько экономическое превосходство. Если что из богатств и имеет значение, так это полезные ископаемые, которые получили свою стоимость только благодаря промышленной революции, сделавшей их эксплуатацию экономически эффективной, — что означает, что промышленная революция превратила их из простых ископаемых материалов в *полезные ископаемые*. Британский империализм раньше всех вступил на этот путь, и этому образцу последовали другие европейцы, также Северная Америка и частично японцы, в то время как имперская политика Царской России оставалась во власти старых традиций, за что и поплатилась тяжкими провалами в начале XX столетия.⁵⁴

Но у империи, опирающейся больше на экономическое, чем на военное превосходство, возникает проблема: она не может отказаться от внешнего военного присутствия для обеспечения безопасности вновь открываемых экономических пространств. До тех пор, пока для этого достаточен небольшой контингент войск, это не доставляет серьезных хлопот, особенно, если эти войска, — как это имело место, например, в британской Индии — финансируются торговыми компаниями и находятся под контролем. Все меняет-

52 Niall Ferguson (*Das verleugnete Imperium*, S. 43.) в своем анализе империи США, в существовании которой у него нет сомнений, приходит к схожему выводу, хотя опасность для нее он усматривает не столько в издержках, сколько в «воле к власти» американцев.

53 Ср.: Münkler, *Nothing to kill or die for...*

54 Ср.: Wehler, *Der Aufstieg des amerikanischen Imperialismus*, S. 259 ff; также Geyer, *Der russische Imperialismus*, S. 144 ff.

ся, когда начинаются восстания и беспорядки, которые делают необходимым присутствие более крупных воинских подразделений. Тогда значительные издержки и потери собственных солдат быстро уменьшают поддержку населения. В этом случае как британцы, так и их последователи, прибегали к простому решению: они формировали войска на периферии империи, где это стоило дешевле, а военные потери не вызывали столь большого шума, как в случае, если бы подразделения формировались в имперском центре.

Сегодня элементы такой тактики имеют место и в американской армии, которая с 1970-х годов состоит не только из военнообязанных, но и из наемников и профессиональных военных. Одним из самых важных уроков Вьетнамской войны было то, что невозможно руководить военными действиями, если солдаты рекрутированы из среднего слоя подданных, поскольку здесь велика вероятность проявления связки протестного потенциала и неподходящей для войны политической ориентации. Теперь 44 % рядового

состава американской армии принадлежат этническим меньшинствам.⁵⁵ На обычном рынке рабочей силы они не имели бы шанса, в армии тем не менее они получают социальную интеграцию и признание, что прочнее привязывает их к своим подразделениям. Военная субкультура, которая получила развитие на американских базах и кораблях во всем мире, обнаруживает, правда, растущую дистанцию относительно социальной повседневности США, и остается

НЕ ВСЕГДА ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ ВОЗМОЖНЫ
ТАКИЕ МАЛОЗАТРАТНЫЕ РЕШЕНИЯ,
КАК ЭТО БЫЛО С ВОЙНОЙ В ПЕРСИДСКОМ
ЗАЛИВЕ 1991 Г., КОГДА СОЮЗНИКИ
НЕСЛИ 80 % ВОЕННЫХ РАСХОДОВ

ждать, окажется ли она восприимчивой к демократии. Но это не помешало Соединенным Штатам создать армию, которую можно послать в любую точку мира, армию боеспособную, несмотря на то, что это армия постгероического общества.

В качестве настоящего функционального эквивалента колониальных военных подразделений, с помощью которых в XIX и XX вв. европейцы осуществляли контроль своих империй, теперь, в числе прочего, выступает вербовка солдат или обращение к *частной военной компании*, – *Private Military Companies* (РМС).⁵⁶ Благодаря этому население имперского центра свою готовность к самопожертвованию заменяет дополнительными расходами. Доля участия таких приглашенных солдат в вооруженных силах, отправленных Соединенными Штатами в Ирак, или солдат, которые хотят получить гражданство США за счет многолетней военной службы, в целом составляет пятую часть военного контингента. Ради получения гражданства США

⁵⁵ Vgl. Johnson, *Der Selbstmord der amerikanischen Demokratie*, S. 144 f.

⁵⁶ См.: Ruf, *Politische Ökonomie der Gewalt*, S. 317–345.

или ради заработка эти мужчины (и женщины) готовы нести груз военной имперской политики, и это отчетливо повысило у американского избирателя готовность оплачивать военные акции.

Однако остается проблема расходов, — вопрос, который в конце концов и имеет решающее значение: могут ли в какой-либо временной перспективе преимущества империи превзойти ее недостатки. Не всегда для центральной имперской власти возможны такие малозатратные решения, как это было с войной в Персидском заливе 1991 г., когда союзники несли 80 % военных расходов от общей суммы в 61 млрд долларов США. Как долго американские избиратели будут терпеть значительные нагрузки бюджета от имперских трат на вооружение — остается вопросом. И хотя доля оборонных расходов США в валовом национальном продукте составляет около 3,5 %, что составляет половину по сравнению с временами холодной войны, — однако это нужно объяснять не снижением военных расходов в абсолютных цифрах, а скорее благоприятным экономическим развитием в период 1990-х годов.

Тяжесть расходов на оборону нужно рассматривать в отношении к экономической мощи США, и вопрос, выдержит ли долго экономика ежегодный дефицит производственного баланса, который составляет примерно 5 % валового национального продукта, весьма спорен. Конечно, имея долю в 27 % в мировом экономическом продукте, США располагают более солидной экономической базой, чем когда-либо имела Британская империя.⁵⁷ Но и эта доля не столь значительна относительно той, что США имели в межвоенный период и после Второй мировой войны, когда эта цифра составляла более 40 %, и могла снижаться в последующие годы. И если США хотят удерживать свою настоящую позицию военного превосходства, они должны будут увеличить долю военных расходов, что скажется на жизни их граждан. А это вряд ли останется без последствий в том, что касается поддержки имперского проекта.

Чтобы иметь представление о тяготах, которые вырастают для американского населения из военного аппарата империи, весьма показательно противопоставить два числа: доля США в мировом экономическом производстве столь же велика, как совокупная доля стран, следующих по этому показателю за Соединенными Штатами — Японии, Германии и Франции. Но военный бюджет США в абсолютных цифрах такой же, как и совокупный военный бюджет у первых двенадцати стран, следующих первыми в списке после США по размерам расходов на оборону.⁵⁸ Это объясняет, почему Андрей Бакевич пришел к выводу, что самое уязвимое место США — это не внешние угрозы, а «возможный дефицит готовности американцев нести расходы на империю».⁵⁹ Этот вопрос о расходах, или о соотношении между пользой и бременем имперской политики в среднесрочной перспективе, может быть основной проблемой для демократической империи. И не удивительно, если ее внутренние и внешние противники воспользуются как раз этой слабостью.

57 Ср.: Ferguson, *Das verleugnete Empire*, S. 52 ff.

58 Nye, *Das Paradox der amerikanischen Macht*, S. 66 ff.

59 Bacevich, *Neues Rom, neues Jerusalem*, S. 80.

Решение правительства Соединенных Штатов после окончания холодной войны не полагаться целиком на преимущества, которые связаны с установлением мира между Западом и Востоком, а вместо этого наращивать военнотехнологическое превосходство, было мотивировано представлением, что границы имперского пространства несут гораздо большую угрозу, чем внутренняя конкуренция. Растущее число террористических нападений против организаций Соединенных Штатов, и, наконец, атака 11 сентября 2001 г., кажется, подтверждают правильность такого решения. Такое решение вызвало доверие у европейцев, поскольку сами они оказались не в состоянии поднять свой экономический и технологический уровень настолько, чтобы всерьез посягать под вопрос американское первенство.

На самом же деле создание единого европейского денежного пространства путем введения «евро» является гораздо более серьезным вызовом для американского доминирования⁶⁰, чем угроза исламского терроризма. Интегрированный европейский научный ландшафт при соответствующих трансфертах в экономику мог бы дать похожий эффект, что и внедрение «евро». Не нужно исключать, что наблюдаемая за последние годы растущая ориентация США на военные инструменты господства, связана также с укреплением позиций Европы в мировой экономике. Посредством переноса конкуренции в военную сферу Соединенные Штаты, хотя бы на время, хотят заставить Европу держать дистанцию. Та власть и влияние, что получила Европа благодаря созданию единого экономического пространства, США снова могут ослабить за счет политических противоречий, которые Америка вносит в европейское сообщество.

В связи с вышеприведенными соображениями относительно источников и форм власти это выглядит так, что падающее превосходство в экономической сфере должно компенсироваться более крупным превосходством в военной мощи, где европейцы не предпринимают заведомо никаких более мощных, по сравнению с США, усилий. Конечно, благодаря этому растут издержки США на удержание господства над экономическим пространством, и эти расходы они могут лишь ограниченно перекладывать на европейцев. Но в распоряжении США имеются два варианта: раскол Европы согласно классической политике «разделяй и властвуй», или более сильное вовлечение ее в дело обеспечения безопасности имперского пространства. Какой из этих вариантов будет в итоге реализован, зависит также и от европейцев.

ИМПЕРСКИЙ ВЫЗОВ ЕВРОПЕ

Благодаря изменившимся обстоятельствам после окончания западно-восточного противостояния и крушения Советского Союза, Европа стоит перед гораздо более серьезным вызовом, чем это можно было бы вообразить даже при большом желании в начале 1990-х годов. Тогда конец главно-

60 См.: Todd, *Weltmacht USA*; Kupchan, *Die europäische Herausforderung*; Rifkin, *Der europäische Traum*, S. 199 ff.

го противоречия мировой политики воспринимался как шанс преодолеть раскол европейского континента на два противостоящих политических лагеря, и начавшийся в Западной Европе процесс политической и экономической интеграции национальных государств постепенно распространялся на среднюю и восточную Европу. Оглядываясь назад, видно, что вызывавшее опасение возможное сопротивление России было явно преувеличено, в то время как возникшие экономические и социальные проблемы были явно недооценены. То, что с «воссоединением Европы» изменится ее политический вес, и она будет играть в мире более важную политическую роль, было предсказано несколькими наблюдателями, причем ожидания относительно роли, которая при этом выпадала европейцам, как правило, шли далеко. Существенное изменение характера НАТО с распространением на среднюю и восточную Европу рассматривалось только условно, а по сути как ложное ожидание: для НАТО прогнозировался более крупный политический вес, при этом речь шла не о росте европейского влияния, а об увеличении претензий США на неограниченное руководство.⁶¹

На самом деле для Европейского Союза был и остается вызов, суть которого в том, что он, на одном направлении, вступил в конфронтацию с постимперским пространством, где с большой скоростью развивались все конфликты и нестабильности, типичные для постимперского пространства; в то время как на другом направлении благосклонный доселе гегемон, выполнявший роль лидера западной власти, все больше превращался в имперского актера, который едва ли внимал желаниям и мыслям его союзникам. Большинство европейских политиков были поражены таким развитием событий еще и потому, что они не принимали в расчет имперскую логику поведения: они мыслили НАТО как ведущий политический блок государств, в то время как здесь назревала конфронтация с имперскими актерами на постимперском пространстве. Раздражение началось вокруг вопроса, какова должна быть реакция на разрушительную югославскую войну, и оно возросло до политических споров перед началом войны в Ираке. Выиграла ли от всего этого, как некоторые считают, Европа в своем влиянии и значении? Или, как считают другие, она потеряла и то и другое?

Имперский вызов, с которым столкнулась Европа, двойствен и разнороден. С одной стороны, европейцы должны сотрудничать с могущественными США и быть готовыми предоставить свои ресурсы для военных акций руководящего государства, не имея возможности контролировать военные действия, и не имея больше никакого влияния на важные военно-политические решения. Так европейцы столкнулись со своей политической маргинализацией. Но Европа должна одержать верх над США как неким сверхцентром имперского пространства и обратить внимание на то, чтобы между ней и США не образовался какой-либо перепад периферии и центра. Но, с другой стороны, европейцы должны заботиться о своей нестабильной

61 Ср.: Sloterdijk, *Falls Europa erwacht*; также Schmierer, *Mein Name sei Europa*, особенно S. 174 ff.; ср.: Asmus, *Opening NATO's Door*, S. 134 ff.

периферии на Востоке и Юго-востоке, где необходимо предотвращать катастрофы и войны, не втягиваясь при этом в спираль экспансии, что совершенно непосильно для Европы в ее современном положении. Здесь европейцы стоят перед парадоксальной опасностью: нести имперские тяготы, не являясь империей.

Европейцы до сих пор не нашли никакого ответа на этот двойной вызов, они еще не пытались даже осознать этот вызов. Если посмотреть на литературу по данному вопросу, то можно различить две позиции. Одна представлена в работах, которые можно назвать *литературой успокоительной*. Там акцент делается на отношении европейцев к США: вызов, который исходит от империи Соединенных Штатов, не столь велик и опасен, как это кажется на первый взгляд⁶², поскольку США уже находятся в упадке и, учитывая их широкие обязательства перед мировым сообществом, было бы преждевременным требовать, чтобы они в течение короткого времени уступили свою лидирующую функцию европейцам. В этой успокоительной литературе на первый план выдвигается экономическая мощь Европы, и констатируется тенденция к равновесию между Европой и США. При этом совершается двойная ошибка: во-первых, не замечают, что эрозия или полная ликвидация мировой руководящей роли США вызвала бы для Европы гораздо большие проблемы; во-вторых, не замечают, что как раз экономическое равновесие между Европой и США могло бы побудить последнюю к усилению военного инструментария решения проблем, поскольку тогда европейцы снова станут карликами и пойдут на поклон к США. Короче говоря, успокоительная литература недооценивает глобальную стабилизационную функцию империи Соединенных Штатов, и переоценивает значение экономических факторов для *кратковременного* установления соотношения сил. Но влияние экономических факторов чаще проявляется медленно.

Другая позиция представлена работами, которые мы назовем *литературой идентичности*. Она рассматривает продолжение процесса европейской интеграции, исходя только изнутри европейской перспективы. Здесь предсказывается возрастание политического веса Евросоюза, особенно для стран Восточной Европы, Ближнего Востока, а также Северной Африки, и внимание концентрируется на конституционно-политическом устройстве культурной идентичности Европы.⁶³ При этом предполагается, что европейцы все больше будут влиять на принятие долгосрочных решений, направленных к совместному развитию различных политических культур, как это было во времена противостояния Востока и Запада. Тогдашнее замораживание политических процессов посредством своего рода понижения политической температуры, благоприятствовало европейской интеграции. Но с окончанием противостояния Запада и Востока факторы такого замедления исчезли, и политические процессы снова достигли нормального

62 См.: Todd, *Weltmacht USA*, S. 211 ff., также Rifkin, *Der europäische Traum*, S. 19 ff, 71 ff.; также Kupchan, *Die europäische Herausforderung*, S. 115 ff.

63 Ср.: Leggewie, *Die Türkei und Europa*, также Hoffmann/Kramer (Hg), *Europa – Kontinent im Abseits?*

темпа, и разве что в каких-то регионах они идут быстрее из-за повышенного спроса, вызванного отставанием производства. В фазе замедления европейцы могли позволить себе роскошь поиска общей идентичности, но в условиях ускоренного политического развития ситуации с начала 1990-х годов, в их распоряжении на это времени уже нет. Литература идентичности, разумеется, игнорирует проблемы периферии или верит в то, что они успешно будут решаться на местах, пока в центре с вопросом идентичности будет все в порядке. На примере общественных дебатов вокруг заявления Турции о вступлении в ЕС это было наглядно продемонстрировано.

То, что касается отношения европейцев к США, то упоминавшееся нами развитие афинской талассократии может служить здесь зловещим предзнаменованием: до тех пор, пока конфронтация с великим Персидским царством была велика, Афины относились к своим союзникам как к равноправным, хотя и более слабым партнерам. Но вот угроза с Востока миновала, все союзники получали дивиденды от мира, но постепенно превратились из равноправных партнеров в зависимых подчиненных, которые должны были следовать воле и признавать привилегию Афин. То, что Афины при этом настроили союзников против себя, только ускорило развитие известных событий. Если Европа хочет избежать подобной участи, то она должна конституироваться как политическое единство, где посторонние не должны участвовать в принятии центральных решений, — пусть даже речь идет о близких союзниках. Необходимость к совместным действиям европейцев диктуется извне, и их внутреннее развитие должно этому следовать. Возможно, это зависит от тех немногих недавно присоединившихся средневропейских стран, а также Великобритании, которая должна решить, хочет ли она быть младшим компаньоном США или европейским ведущим государством. Процесс европейской интеграции будет зависеть от того, какое здесь будет принято решение. Если дело не дойдет до создания желаемого треугольника Париж — Лондон — Берлин, то на континенте найдется другая сила, которая расширит ось Париж — Берлин до треугольника. А Лондон, разумеется, будет оттеснен на периферию объединенной Европы. В любом случае, формирование европейской дееспособности во внешнем мире приведет к более жесткой иерархичности европейских структур принятия решений, каковая была бы невозможна, да и бесполезна, если бы объединение Европы касалось только общей аграрной политики. И наоборот: без усиления иерархии государств ЕС не будет никакой общей дееспособности европейцев по отношению к остальному миру. В отсутствие такой иерархии кроется причина того, почему многие средние и малые страны во внешней политике и в вопросах безопасности противятся укреплению общности. Тем не менее они должны отдавать себе отчет в том, что такая позиция не дает им свободы действий, а только увеличивает американское влияние на европейскую политику. Поэтому США охотно играют на клавиатуре малых и средних стран Европы. И нужда Соединенных Штатов в европейской поддержке в условиях все более сложной политической ситуации в мире открывает шанс воспрепятствовать такому влиянию.

Однако необходимость проводить общую европейскую внешнюю политику и политику безопасности вытекает не только как ответ на имперский вызов США, но и из того, что для стабилизации обстановки на европейской периферии необходимо вмешательство. Втягивание Европы в конфликты нестабильной периферии, с чем европейцы столкнулись впервые с войной 1990-х годов на Балканах, могло распространиться и дальше. При этом речь может идти уже не только о таком широком регионе как Балканы, но и о дуге, которая проходит от Белоруссии и Украины, через Кавказ на Ближний и Средний Восток и простирается через африканское побережье Средиземного моря до Марокко. Поскольку коллапс государств этого региона, их внутренние войны и экономические кризисы имеют гораздо более существенное влияние на Европу, чем на Соединенные Штаты, — европейцы как раз и должны добиваться, чтобы политика Запада здесь не определялась бы только Соединенными Штатами. Лучше всего, если бы Европа сама руководила в своих собственных «задворках», а США выступали бы здесь в роли второго члена, на что едва ли можно рассчитывать на Ближнем и Среднем Востоке. С другой стороны, направление интересов и настроение США может быстро меняться, — и тогда европейцы от теорий могут перейти к делу и перехватить у США инициативу.

Европа — это континент с нечеткими границами; лишь на севере и на западе они закреплены географически. На юге и востоке не ясно, как далеко может и должна распространяться политическая и экономическая общность. Хотя Средиземное море на юге представляет естественную границу континента, но в прошлом это была больше связующая, чем разделяющая граница. Для Римской Империи, например, это было не границей, а центром. Такое положение изменилось только на рубеже VIII — IX вв. н. э. вследствие арабского вторжения.⁶⁴ Но уже такие итальянские морские республики, как Венеция и Генуя, снова сделали Средиземное море центром своих торговых связей, а Османская империя в период своего расцвета располагалась на восточных границах Средиземноморья. Есть много причин, по которым европейцы рассматривают Средиземное море как границу своей политической интеграции, но это не освобождает их от необходимости заботы о политической и экономической стабилизации на противоположном побережье. Ибо Европа имеет жизненно важную заинтересованность в стабильности стран североафриканского региона.

То, что было сказано о южных границах Европы, имеет еще большее значение для ее восточных границ. Поль Валери говорил о Европе как о предгорье Азии⁶⁵, и в ходе своей истории европейцы постоянно и с большой опаской смотрели на Восток, откуда в непредсказуемое время на них могло обрушиться вторжение из глубин азиатской степи. Со времени великого переселения народов, вплоть до образования Российского государства формировались восточные европейские границы: атакам из азиатской степи

64 Ср.: Bague, *Europa*, также Pomian, *Europa und seine Nationen*, S. 14 ff.

65 Valery, *Europäischer Geist*, S. 34; ср.: Lützel, *Die Schriftsteller und Europa*, S. 308 f.

Европа противопоставила попытки распространить собственную культуру и расширить сферу влияния на Восток. Как раз Российской империи выпала здесь решающая роль. И чисто географически вряд ли разрешимый вопрос о восточной границе Европы зависит с тех пор от того, как воспринимается Россия: как европейское или, скорее, азиатское государство. Такая двуликость царской России была выражением того факта, что и сама она снова и снова колебалась между этой альтернативой. Если античные географы отмечали восточную границу Европы по Дону, то географы XVIII столетия, реагируя на реформы Петра великого, раздвинули их до Урала. Россия поэтому стала европейской державой.⁶⁶ Вместе с продвижением европейской интеграции встает вопрос, который раньше был чисто культурной проблемой, а теперь превратился в проблему исходно политическую, которая звучит так: должны ли ЕС и Россия непосредственно граничить друг с другом, или в качестве буфера нужно оставить между ними Белоруссию и Украину?

Однако самая деликатная граница лежит на Юго-востоке, где сталкиваются три континента: Европа, Азия и Африка. При этом в широком смысле речь идет о нижних Балканах, Малой Азии, а также Ближнем Востоке, которые за последние десятилетия, по контрасту с Европой, где после 1945 г. установился мир, являли собой в той или иной степени области кризиса. И Европе не удастся избежать серьезных инвестиций в этот регион для достижения стабильности. История этого региона показывает, что он со времен Античности был рассадником далеко идущих имперских замыслов, а также и очагом войн, которые уже давно оформились под таким идеологическим лозунгом как столкновение Востока и Запада, деспотии и свободы. Византия и Османская империя в этом регионе играли центральную роль, и в апогее своего развития – роль наиболее сильных конкурентов Западной Европы. И когда Османская империя в XIX в. впала в агонию, европейские государства через различные неустойчивые коалиции пытались стабилизировать там обстановку, чтобы предотвратить опасные последствия внутри этого региона. Юго-восток поэтому играл особую роль в европейской истории.

Таким образом, Европа как в географическом, так и политическом плане не имеет отчетливых границ. На Востоке и Юго-востоке прежде всего она встречает пограничные пространства, типичные для имперских организаций больших размеров. И все же европейская история формировалась как возникновение территориальных государств, которые затем становились национальными государствами. Речь при этом идет о некоем едином принципе фиксации границ как основополагающей формы организации политического пространства; для национального государства границы несут не только политический и экономический, но языковой и культурный смысл. И вытекающая из указанного принципа однородность как раз призвана была обеспечивать то, чтобы вместе с европейскими национальными

66 К вопросу о европейской или азиатской идентичности России см.: Figes, *Nataschas Tanz*, S. 380 ff.

государствами на политическую сцену могли вступить в высшей степени деспособные актеры. В конфронтации между ними и государствами Средней и Восточной Европы последние почти всегда оказывались в проигрыше.

Модель государства с фиксированными границами позволяла рассеивать на границах энергию напряжений, возникавших внутри государства, поскольку национальные государства всегда испытывали неудовлетворенность своими границами и желали их расширить. Учтем еще то, что эту модель национального государства, сформировавшуюся на Западе за столетия, нельзя было безоговорочно переносить на Восток. Ибо здесь стратегия в установлении границ порождала политику дискриминации или полного вытеснения этнических и национальных меньшинств. Пущенная в ход после Второй мировой войны в Западной Европе политика интеграции сохраняла модель организации национального государства, правда, ограничивая ее систематическим размыканием политических, экономических и культурных границ. Снятие сложившихся жестких культурно-политических идентификаций считалось королевским путем к преодолению европейской воинственности. Уже в 1980-е годы вместе с планами завершающихся интеграционных процессов в Европе, дебаты относительно европейской идентичности шли вокруг новой модели диверсификации границ, отвечающей новым пограничным отношениям в Европе. Так на европейских внешних границах возникли трещины, которые превратились в своего рода эксклюзивные границы, что всегда провоцировало к вступлению в ЕС новых членов. Это и есть та политика установления пограничных правил, которая, как ни парадоксально, дала ход процессу перманентного расширения ЕС.

Альтернативой этому представляется модель такой имперской организации, суть которой сводится к диверсификации различных пограничных линий, благодаря чему имперская организация обретает преимущественно слабые границы, где регламентирующие требования центра постепенно утрачиваются. Вместо границ образуются граничные пространства. И если Европа не хочет потерпеть крушение, предъявляя себе чрезмерные требования, она должна принять эту имперскую модель проведения границ. В принципе такой порядок ею уже прописан, — проходят же границы ЕС иначе, чем границы шенгенского пространства, которые, в свою очередь, не совпадают с границами европейской зоны. Эту модель надлежит развивать дальше, чтобы внешние границы Европы сделать и стабильными и эластичными. Так усилится влияние на периферию, для которой имперские преимущества подходят лучше, чем межгосударственные. Поэтому организация будущей Европы не сможет обойтись без имперской модели.

Максим МОМОТ

НЕАМЕРИКАНСКИЙ ВЕК

ПСЕВДОДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛИЗМ

ЛИШАЮТ ЗАПАД БУДУЩЕГО

Запад в XX веке потрясли две великие революции, по сравнению с которыми коммунизм и фашизм были лишь рябью на воде. В начале века избирательное право становится всеобщим, и люди, не вносившие свой вклад в общее благосостояние, получили возможность его распределять, участвуя в выборах. Это поставило под вопрос эффективность демократической системы правления и сделало социализм реальностью. В 60-е годы пали запреты на не вполне ответственный образ жизни, это повлекло за собой перерождение либерализма. В результате демократия и либерализм — две доктрины, которым западные народы были обязаны своими успехами — в значительной мере утратили свой потенциал. Ослабление Запада совпало с увеличением численности и энергичности незападных народов, готовых взорвать современный мировой порядок.

ПРОЩАНИЕ С СОЦИАЛИЗМОМ

Нынешние проблемы западных стран¹, которые некоторые аналитики считают признаком упадка, нельзя понять, если не вспомнить, чему эти государства были обязаны своим взлетом. В начале XX века в их истории наблюдается очевидный разрыв, когда начался процесс, поставивший общество с ног на голову. Если в Викторианскую эпоху считалось, что люди сами себя обеспечивают и платят налоги, чтобы государство гарантировало соблюдение всеми правил игры, то с начала XX века начался процесс трансфор-

¹ Главная из них — фактическое вымирание белого коренного населения. Рождаемость среди этой категории находится ниже уровня воспроизводства в США, Канаде, Великобритании, Германии, Франции, Италии, Испании, России и многих других странах. С этим связана необходимость приема иммигрантов, что ведет к постепенной дезинтеграции западных государств, росту напряженности в обществе. Все это стало столь банальным, что нуждается в упоминании лишь в сноске.

мации общества и, в конце концов, задача обеспечения жизненного уровня населения была возложена на государство. Произошел перелом в отношениях между народом и правительством. Как только в последнем стали видеть источник материальных благ, лозунг «взять все и поделить» в той или иной форме был принят на вооружение всеми партиями, ведь в условиях всеобщего избирательного права победить на выборах можно было, только потакая самым примитивным инстинктам избирателей.

Сегодня это кажется удивительным, но всего лишь сто лет назад получение пенсии по старости было чуть ли ни позором и означало, что человек прожил бездарную жизнь и не сумел скопить себе денег на старость. Однако пенсии быстро завоевали популярность, что было нетрудно предвидеть. Но еще проще было предвидеть другое — если человек знает, что каким бы нерадивым рабочим он ни был, он все равно будет обеспечен до конца жизни, то ни о какой бережливости, трезвости и ответственности не может быть и речи. Наоборот, претензий будет становиться все больше, а трудолюбия — все меньше. Пособия будут множиться, и государство к концу двадцатого столетия окажется в вечном и неоплатном долгу перед своим населением². И это несмотря на тот очевидный факт, что само государство не платит никому никаких пособий, поскольку оно является лишь механизмом, забирающим деньги у одних и передающим их другим. Пособия одним гражданам платят другие. Говоря более конкретно, те, кто работает, платят тем, кто не работает. Очевидно, что лишь нетрудоспособные люди и дети, оставшиеся без родителей, имеют право получать безвозмездную помощь от государства.

Если в викторианские времена считалось, что у человека должен быть стимул к рачительному и ответственному образу жизни, то в XX веке восторжествовало мнение Достоевского о том, что каждый перед каждым виноват во всем, а потому все за всех должны платить. Именно здесь следует искать истоки революции 1960-х, возведшей не особенно ответственный образ жизни в ранг основной общественной добродетели.

Со взглядами на экономику на рубеже XIX–XX веков также произошла чудесная перемена. В XIX веке было ясно, что налогообложение доходов и собственности неизбежно наносит ущерб экономике, поэтому бюджет формировался за счет косвенных налогов на потребление. Но после расширения избирательного права выяснилось, что выиграть выборы без массовой поддержки нельзя. А получить эту поддержку, в свою очередь, проще всего, пообещав избирателям золотые горы. Для изъятия этих гор из карманов одних граждан и передачи их по крупинкам другим был введен подоходный налог, налог с капитала и изобретено прогрессивное налогообложение. Знаменитый «народный бюджет» британского премьера Ллойда Джорджа,

2 В Германии сегодня из 82 млн жителей 24 млн пенсионеров, 2 млн безработных, 2,5 млн человек получают социальную помощь. То есть из 60 млн избирателей почти 30 млн зависят от государственной помощи, голосуют за социалистов, и, как показали последние выборы, вынуждают политиков идти на комические коалиции, превращая правительство в недееспособный орган.

представленный в 1909 году, положил начало этому повороту. Уже замиравшая к тому времени британская промышленность получила удар, от которого так никогда и не смогла оправиться.

Беды, принесенные социализмом западным странам, разнообразны и многочисленны. «Освобождая мужей, жен и детей от семейных обязанностей, европейские социалисты устранили общественную потребность в семье, — пишет Патрик Бьюкенен, американский консерватор, советник президентов Никсона и Рейгана. — Как следствие, институт семьи начал отмирать. А с этим институтом начала отмирать и Европа»³. При тоталитарных режимах процесс этот шел быстрее, ведь и Гитлер и Ленин называли свои партии социалистическими и рабочими. Вот почему во всех бывших авторитарных или тоталитарных государствах Европы (Россия, Испания, Италия, Германия) рождаемость крайне низка и превышает смертность. Это можно объяснить существованием при подобных режимах значительных элементов социализма, подорвавшего семьи и лишившего общество жизненной энергии из-за поощрения не вполне ответственного образа жизни через социальные программы⁴. Социализм не случайно был важной составной частью идеологий нацизма и коммунизма, поскольку он способствовал порабощению людей, с человека снималась обязанность заботиться о себе, после чего объяснить лишение его всех прав становилось проще.

Разрушение общества вследствие внедрения элементов социализма — это прописная истина, которая излагается в учебниках по политологии. «Своим отказом от различения форм бедности и нейтрализацией проблемы поведенческой системы Welfare действовала как ловушка (Welfare trap) для значительной части «получателей помощи», — отмечает Филипп Бенетон, профессор права и политических наук Реннского университета, говоря о проводившейся в США с середины 1960-х годов «борьбе с бедностью». — Она привела к отказу от работы, от семейных обязанностей, и широко способствовала образованию американского underclass⁵, сосредоточенного в замкнутых границах гетто и отличающегося беспорядочной жизнью: исчезнувшие отцы семейств, stepfathers⁶, преступная экономика, наркотики и насилие в школах; жизнь, сосредоточенная на одном мгновении, неспособность к самоконтролю, перечеркнутое будущее...»⁷.

Социализм буквально подкосил западные народы. Судьба русского народа особенно показательна. Нация, перенесшая в первой половине XX века неисчислимые страдания, восстанавливала свою численность и после Первой мировой войны, и после Гражданской, и после голода, репрессий и всех

3 Бьюкенен П. Смерть Запада. Чем вымирание населения и усиление иммиграции угрожают нашей стране и цивилизации. М., 2003. С. 27.

4 Если призывы политического руководства к повышению рождаемости когда-то и давали результат, как в фашистской Италии, то это лишь потому, что итальянское общество 20–30-х годов было в значительной степени традиционным. Дело тут не в призывах дуче.

5 Underclass — низший класс.

6 Stepfather — отчим.

7 Бенетон Ф. Введение в политическую науку. М., 2002. С. 177.

«перегибов» 20-х и 30-х. Нацисты, уничтожившие почти 30 млн граждан СССР, не смогли сломить волю народа к жизни. Но как только к 70-м годам удалось достигнуть относительного достатка и утвердить социализм с «человеческим лицом», всего за три десятилетия народ деградировал как в физическом и психическом отношении, так и в части личных качеств до того, что существование даже вернувшейся к средневековым границам России ставится под вопрос.

Но и более мягкая версия социализма, принятая на Западе, показала тупиковость этого пути. Опыт послевоенной Европы наглядно продемонстрировал, что социальное государство невозможно. Оно не может существовать более чем на протяжении жизни одного-двух поколений. Следующему поколению уже нечем платить пенсию и пособия, поскольку предыдущие не оставили достаточного количества детей, которые могли бы стать рабочими. Кроме того, что социализм не способствует рождаемости, он плох еще и тем, что не способствует труду. Угасание деловой активности из-за высоких налогов, необходимых для содержания социального государства, делает его существование с каждым годом все менее возможным.

У европейского социализма есть и еще одна неприятная черта. Привыкшие к социальному государству неповоротливые европейцы завидуют американцам, которые живут заметно богаче. Это дает мощный импульс европейскому антиамериканизму. Последний опасен тем, что может лишить Европу американской защиты, на которой и основывалось ее спокойное существование после Второй мировой войны. Попытки Брюсселя создать сколько-нибудь значительные военные силы, независимые от американцев, заслуженно являются предметом насмешек наблюдателей всего мира. Стремление «делать как взрослые» и проводить самостоятельную политику на Ближнем Востоке и в Восточной Азии, кроме того, что может вывести из себя Вашингтон, еще и потребует резкого увеличения военных расходов. А поскольку социалистические бюджеты и без того кое-как наполняются за счет налогов, то придется либо вводить новые, и тогда европейская экономика тихо скончается, либо прощаться с социализмом, но для этого не надо и затевать авантюры по всему миру. С какой стороны ни смотри, социализм — это тупик.

Можно упомянуть и о наиболее очевидном пороке «социального государства», его неизбежном бюрократизме. Необходим аппарат, забирающий деньги у одних и передающий их другим. Средства на содержание этого аппарата берутся опять же из налогов, ведь надо содержать армию чиновников, которые ничего не производят. Но мало того, что они ничего не производят, они еще имеют склонность присваивать распределяемое, для пресечения чего нужны дополнительные расходы на полицию, суд и т. п. Прохудившись в одном месте, социальная ткань начинает расплзаться по всем швам.

Социалисты пытаются обороняться. «Все предметы вокруг нас сделаны рабочими, а потому рабочие должны получать равную долю общественных богатств», — утверждают они. Это неправда. Рабочие выполняют лишь самые примитивные функции, не случайно их часто заменяют автоматами. А вот

инженера, менеджера или предпринимателя заменить автоматом нельзя. Именно без их труда производство действительно невозможно, за что они и получают соответствующее вознаграждение. Мечта рабочего — не работать. Мечта остальной части населения — зарабатывать как можно больше. Два этих типа поведения разделяет пропасть. Правда в том, что человечество обязано прогрессом бизнесу куда больше, чем трудящимся. Идеология, насаждаемая социалистами, противоположна деловой этике.

Напрашивающийся вывод печален. Европейский социализм, похоже, стал отражением факта превращения европейцев в римский плебс, выходящий на демонстрации с требованием хлеба и зрелищ. Поразительно, но социалисты, отстаивая высокие размеры пособия по безработице, прямо говорят, что если они будут ниже, то человек не сможет ходить в театр и т. д. То есть речь в буквальном смысле идет о хлебе и зрелищах.

Затухание развития западных стран объясняется тем, что они достаточно разбогатели, чтобы можно было распределять излишки, а не работать по-настоящему. Здесь истоки «новых рубежей» Кеннеди, «Великого общества» Джонсона, Welfare State и европейского социализма. Отсюда крах общественных норм, поскольку не нужна ни рабочая дисциплина, ни просто собранность для достижения чего-то. Если блага распределяются, а не зарабатываются, общество деградирует стремительно. Нынешний же взлет Азии объясняется принятием ею «дикого», а на самом деле единственно эффективного западного капитализма XIX века. Предприниматели из развитых стран перебираются на Восток, поскольку находят там землю своей юности, не обремененную «социальным государством».

Но как же реформировать систему государственных обязательств, если в соответствии с демократической доктриной власть принадлежит большинству, которое заинтересовано в уравниловке? На самом деле власть в демократическом государстве принадлежит не большинству, а народу. Это не одно и то же. И власть эта ограничена.

ОТВЕТСТВЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Никакое слово сегодня не произносится так часто, как «демократия». И чем чаще его произносят, тем труднее понять, что оно на самом деле значит. Рассуждения о демократии обычно начинаются со ссылки на «классические образцы», которым якобы надо следовать. В действительности никаких «классических образцов» здесь не существует. Древняя Греция, о которой часто говорят в этом контексте, состояла из расистских рабовладельческих городов-государств, где правом голоса пользовались лишь несколько процентов населения. Кроме того, греческая демократия не была представительной. Полноправных граждан в полисе было немного, они собирались и сами решали общественные дела, не выбирая парламента.

В действительности современный политический строй западных государств не имеет исторических прецедентов. На самом деле он возник лишь в 60-е годы XX века, когда были окончательно устранены избирательные

барьеры в США. Еще до 1918 года в Великобритании получение пособия по бедности лишало человека права голоса. Это было понятно — тот, кто не вносит вклада в общественное благосостояние, а, наоборот, получает средства к жизни от других людей, не может участвовать в распоряжении общественным благосостоянием через участие в выборах. То была, так сказать, ответственная демократия, политический строй, при котором ответственность за государство несли лишь те, кто в состоянии был нести ответственность за себя. После 1918 года выборы в Британии, как и на Западе вообще, превратились в весьма странный институт.

Демократия совершила и еще один удивительный кульбит, когда на избирательные участки стали пускать совершенно неграмотных людей. Согласно последним опросам, почти каждый десятый француз не умеет ни писать, ни читать, ни толком считать. 35 % безработных, получающих пособие во Франции, неграмотны. Треть испанских школьников бросают школу, выпуск-

ники едва умеют читать. Зачем же учиться, если пособие и так заплачат? При чем сегодня доступно не только начальное и среднее, но иногда и высшее образование. Не вполне понятно, на каком основании право участвовать в принятии политических решений может передаваться тем, кто поленился приобрести необходимые навыки, чтобы позаботиться даже о себе самом. Можно было бы возразить, что эти люди не интересуются выборами и не сумеют прочесть названия партий в бюллетене. Но они ими заинтере-

---

НЕ ВПОЛНЕ ПОНЯТНО, НА КАКОМ
ОСНОВАНИИ ПРАВО УЧАСТВОВАТЬ
В ПРИНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕ-
НИЙ МОЖЕТ ПЕРЕДАВАТЬСЯ ТЕМ,
КТО ПОЛЕНИЛСЯ ПРИОБРЕСТИ НЕОБ-
ХОДИМЫЕ НАВЫКИ, ЧТОБЫ ПОЗАБО-
ТИТЬСЯ ДАЖЕ О СЕБЕ САМОМ

ресуются и поймут, куда поставить галочку, как только кто-то посмеет поку- саться на их «права».

Либерализм сломался в тот момент, когда свобода для саморазвития стала свободой от саморазвития. Датировать время этого перелома несложно — бо-е годы XX века. Банальная истина в том, что свобода — это благо лишь до тех пор, пока она используется во благо. Иначе это не свобода, а попустительство. Либе- ральная школьная программа — это не свобода для учеников, а попустительст- во для их нерадивой части. Также обстоит дело и со свободой выборов.

Возможно, те, кто занимает выборные должности, обязаны отражать взгляды любых своих избирателей, составляющих народ, независимо от того, грамотны эти избиратели или нет. Однако версия демократии, согласно которой депутат рассматривается лишь как простой уполномо- ченный избирателей, не является ни единственной, ни наиболее обосно- ванной. Принцип представительства рассматривался первоначально как ограничение демократии, поскольку правит уже не народ, а те, кого он изби-

рает на основе различных цензов. «...Founding Fathers⁸ согласны с Аристотелем, видевшим в выборах чисто аристократическую практику (которая, по Аристотелю, противостояла демократической практике выбора по жребию), — отмечает Филипп Бенетон. — ...Принцип представительства не соотносим с сущностью демократии, он создавался в своей современной форме для фильтрации и корректировки воли народа»⁹.

Чистая демократия подразумевала бы непрерывный референдум, когда население непосредственно принимает решение по всем государственным вопросам. Однако политика — специфическая область деятельности, требующая особых знаний и способностей, которыми большинство людей не обладает. Но народ в состоянии определить, кто может лучше заниматься такой работой и оценивать деятельность политиков. В этом и заключается смысл демократии. Лидеры государства не просто имеют право, а иногда обязаны идти против воли большинства, если оно ошибается, и вводить избирательные цензы, если сочтут это необходимым. А пока демофилия, болезненная любовь к народу, заискивание политиков даже перед безграмотной частью избирателей, остается печальной характеристикой современной политической эпохи. С этим связана и замена политики пиаром, когда исход выборов решают те, кто хотя бы раз услышит имя кандидата, неважно в каком контексте.

ВАРИАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Кризис демократии в развитых странах — явление, очевидное внимательным наблюдателям. «Демократия прогрессирует там, где она была слабой, но там, где она была сильной, она регрессирует, — отмечает французский социолог и историк Эмманюэль Тодд. — ...Избирательный процесс не имеет никакого практического значения, и процент воздержавшихся постоянно растет»¹⁰. Однако Тодд считает кризис демократии на Западе следствием распространения среднего и высшего образования и крепнущей у наиболее образованной и обеспеченной части населения западных государств убежденности в собственном превосходстве над большей частью сограждан¹¹. Сама демократия в такой интерпретации изначально была порождена ликвидацией неграмотности. Теперь же, по мнению Тодда, на Западе появляется класс, который все с большим трудом начинает переносить ограничения, налагаемые системой всеобщего голосования, и стремится к установлению олигархического правления.

«Странными предстают эти “демократические” политические системы, в рамках которых сталкиваются элитизм и популизм, где существует всеобщее голосование, что не мешает правой и левой элитам договариваться о недопущении любой переориентации экономической политики, угрожаю-

8 Founding Fathers — отцы-основатели США.

9 Бенетон Ф. Указ. соч., С. 300–301.

10 Тодд Э. После империи. Pax Americana — начало конца. М., 2004. С. 25–27.

11 Там же.

щей сокращением неравенства»¹², — отмечает Тодд. Но вот именно здесь он и проговаривается, признавая, что отсутствие стовора элит обернется, как он мягко выражается, «сокращением неравенства». Это «сокращение» на деле означало бы обложение бизнеса и просто людей, живущих своим трудом, такими налогами, которые сделали бы невозможным какое развитие и обернулись бы крахом западных обществ. Куда же еще уравнивать и без того вынужденных отдавать государству значительную часть своих доходов европейцев и приближающихся к той же ситуации американцев? Такая политика была бы несправедлива и неэффективна, даже если бы не существовало развивающихся стран, куда бизнес с готовностью уходит от этого царства равенства, ликвидируя на Западе рабочие места. Что же делать, если взор нынешних избирателей ограничен сегодняшним днем, если они не понимают, что, проголосовав за партию, требующую повышения налогов «с богатых», сегодня, они останутся без работы завтра? Томас Джефферсон не случайно говорил, что простые люди «недостаточно подготовлены для ведения дел, требующих разумности выше средней». В древних Афинах народу все-таки удалось задуть своих бизнесменов, заставив их на свои деньги организовывать представления, состязания, снаряжать корабли¹³. Однако это не привело ни к чему, кроме распада общества.

Тодд обвиняет лучшую часть граждан в том, что она находится «у руля». Но смысл демократии в этом и состоит, задача избирателей — избрать элиту, поскольку они способны ее определить. Так, во всяком случае, полагали основатели США¹⁴. Дело не в распространении высшего образования, правящий класс всегда был лучше образован. Условия предоставления права голоса — грамотность и уплата налогов — не являются плодом воображения сегодняшних олигархов, как полагает Тодд. Они изложены одним из основателей современного либерализма и основоположников демократической доктрины Джоном Стюартом Миллем еще в середине XIX века¹⁵.

ДОЛГИЙ ПУТЬ В ЭДЕМ

На критику перерождения демократии и губительного воздействия социализма на общество, ослабляющего западные страны, отвечают тем, что мир вступает в новую эпоху процветания без государств и наций, а потому обычные критерии здесь не применимы. Это, пожалуй, самое важное возражение, поскольку, если судить по обычным критериям, европейские государства и США приближаются к «развязке», когда придется иметь дело с последст-

¹² Там же. С. 27.

¹³ «Народ во всяком случае хочет получать деньги и за пение, и за бег, и за танцы, и за плавание на кораблях, чтобы и самому иметь прибыль, и чтобы богатые становились беднее, — писал неизвестный автор об афинском демосе в 425 году до н. э. — Да и в судах он не столько заботится о справедливости, сколько о своей собственной выгоде» // Приложение к «Аристотель. Афинская политика». М., Гос. публ. ист. б-ка России. 2003. С. 213–214.

¹⁴ Бенетон. Указ. соч. С. 300.

¹⁵ Mill J. S. Considerations on Representative Government. L., 1867. P. 68–69.

виями своих решений. Но если мы стоим на пороге нового мира, где этнические, расовые и религиозные различия не будут играть роли, то все меняется. Неинтегрируемая иммиграция перестает быть силой, ведущей к распаду западных государств, а бегство западного бизнеса от «социального государства» на Восток и связанное с этим ослабление западных стран и усиление их противников не опасно, поскольку в новом мире не будет войн, и европейцы и американцы не падут жертвами собственной недалекости.

Возможен ли в принципе новый мир, либеральный проект? Надо признать, что такая вероятность существует. Человечество делало и не такие скачки. Нынешнее общество отличается от охотников-собирателей не меньше, чем предлагаемый либералами проект отличается от нынешнего общества.

Многие предрассудки действительно канули в вечность, они и в самом деле были вызваны лишь плохими путями сообщения и недостатком информации. Трудно верить в исключительность собственной религии, когда было описано их бесчисленное многообразие. Нелегко отстаивать превосходство собственного этноса, если представители других народов, проникающие в ваше общество благодаря усовершенствованным путям сообщения, со всей ясностью демонстрируют, что они ничем не хуже и т. д. Предполагать, что «за морем житье не худо» и ежедневно наблюдать по телевидению это «житье» в прямом эфире — не одно и то же. Информированному человеку трудно быть фанатиком.

Однако если исходить из нынешнего положения дел, то пришлось бы сделать вывод, что распространение либерализма приведет к сокращению населения в слаборазвитых странах так же, как это произошло на Западе, когда там был достигнут определенный уровень благосостояния, и земля в конце концов обезлюдит. Беда таких прогнозов известна — могут появиться новые факторы, которые сделают этот анализ ошибочным, а то и смехотворным, как анализ Мальтусом пределов роста населения или Марксом положения рабочего класса, которое якобы не может улучшаться в силу «естественных законов» капиталистического общества.

Либеральный мировой проект реализуется в том случае, если исчезающие белые народы успеют подготовить себе наследников, не будучи до этого истребленными этими несостоявшимися наследниками, как это произошло с римлянами. У них тоже был свой либеральный проект, в осуществлении которого они, как одно время казалось, преуспели. Жители Британии в период расцвета там римского владычества, считали себя не бриттами, а римскими землевладельцами и чиновниками. Однако влияние Рима оказалось удивительно нестойким. С крахом империи опустели римские города в Британии, там больше не сохранялось постоянного населения.

Торжество варварства в бывших советских азиатских республиках, покинутых русскими, показывает, что может произойти, если белые американцы продолжают бежать из Калифорнии, занимаемой расовыми меньшинствами, а потом и других штатов, находящихся за пределами Новой Англии. White flight, бегство белых американских семей в пригороды, также было как минимум ускорено политикой школьной «десегрегации», проводящейся

в США с 1960-х годов. Отказ от преобладания, увы, после непродолжительного равновесия (политкорректности) означает лишь согласие с вытеснением, а вовсе не строительство безрасового общества.

Важно помнить, что относительная цивилизованность современного мира и связанное с этим возникновение самой дискуссии о равенстве религий и народов — это не продукт самостоятельного развития 4/5 населения планеты, а навязанная западом модель развития. Как предполагается, Запад лишь ускоряет «естественный ход» их истории, однако он же этот естественный ход и придумал. Первобытное стадо, быть может, куда естественнее для человека, чем интернет. С исчезновением западной мощи, прежде всего военной, мир может вернуться в то убогое состояние, из которого Запад его и извлек, совершив индустриальную революцию. Остальное человечество, откровенно говоря, сделало для своего развития удивительно мало. Средневековые китайские царства до сих пор продолжали бы свои бесконечные и бессмысленные войны, если бы европейцы не указали тот путь экономического развития, по которому Китай сегодня так гордо идет.

Есть большое подозрение, что глобализация остановится вместе с остановкой заводов, производящих авианосцы для ВМС США. Причем Америке не удастся отказаться от империи, охватывающей почти весь мир, сравнительно безболезненно, как это удалось сделать британцам. Англия передала лидерство весьма сходной с ней Америке. У Соединенных Штатов нет наследника, способного сохранить для них привычный образ жизни. При мировом господстве авторитарного коммунистического Китая жизнь американцев не будет сладкой. Стремительная демографическая деградация Европы и Японии оставляет Америку, если она откажется от величия, открытой всем угрозам, а обид накопилось немало.

Итак, реализация мирового либерального проекта возможна в том случае, если Соединенным Штатам удастся то, что не удалось Риму — сделать варваров римлянами, которые не разорят Нью-Йорк, как только заснут гуси. Задача эта непростая. Ведь либеральный проект предполагает не превращение в американцев всей мультикультурной «салатницы» страны (это как раз рецепт консерваторов), а переделку всех других стран в такие салатницы, чтобы никакая единая нация не могла представлять угрозы для этого овощного рынка. Ведь если такая нация где-нибудь все же выживет, то фрагменты американской «салатницы» под ее ударом начнут вести себя скорее как тараканы, когда на кухне включают свет. Но перемалывать другие страны можно лишь обладая подавляющей военной мощью, организовать которую может лишь национальное государство, которое либералы и собираются упразднить. В том-то и загвоздка. Кто бы обращал внимание на требование американцев уважать права национальных и прочих меньшинств, если бы слушание не грозило возмездием? Порочная идеология, как и в случае с социализмом, большевизмом и нацизмом, сама себя губит, лишает опоры, как болезнь, становящаяся тем сильнее, чем меньше осталось жить несчастному.

Впрочем, если вступление на западный путь развития таких гигантов как Китай и Индия действительно произошло, Америке уже не придется в оди-

ночку переписывать человеческие и божественные законы. Либеральный проект в таком случае прочно закрепился на колее и будет продвигаться вперед, изменяя облик мира. Предрасположенность к либерализму в его нынешнем толковании в человеческой душе действительно есть, однако трудности, подстерегающие либеральный проект, слишком серьезны, чтобы считать этот сценарий единственным или даже наиболее вероятным.

ИСЧЕЗАЮЩАЯ ЭЛИТА

Со всеми этими проблемами меняющегося мира приходится иметь дело американской политической элите, от которой многое зависит. Но она тоже изменяется, причем не в лучшую сторону. Ее внутренне устройство трудно описать в деталях, однако общая ее структура ясна. В утрированном виде на примере того сегмента, который занят выработкой политики по отношению к России, она, видимо, выглядит следующим образом. Несколько способных аналитиков и тех, кто принимает решения, понимают, что Россия — не жилец. Причем дело не в недоразвитом гражданском обществе и дефиците демократии, о чем не перестают говорить либералы, а в этнической консолидации национальных республик на Кавказе, в Поволжье и в Сибири. В постепенном исчезновении и деградации государствообразующей нации, в параличе и деморализации политической элиты, в быстром росте соседнего Китая. Появляется доклад RAND Corporation об упадке России и соответствующих задачах ВВС США, заказанный и составленный теми, кто неплохо разбирается в политике¹⁶.

Однако вокруг этих нескольких экспертов и политиков существует масса людей, слабо представляющих себе очертания окружающего мира, но либо делающих вид, либо действительно уверенных в том, что они тоже все понимают. Это как в бизнесе, заниматься которым способны лишь 2 % населения, но еще 15 % могут им подражать, имитируя активную деятельность. Имитаторы, в основном из либерального лагеря, выступают с бесчисленными заявлениями, версиями и предложениями, в количественном соотношении намного превосходя тех, кто на самом деле что-то понимает.

Третий круг образует так называемая «общественность», которая стоит ступенькой ниже даже самих имитаторов, поскольку последние хотя бы стараются не говорить очевидных глупостей. Американские консерваторы называют этот третий круг «болтающими классами», которым безответственность придает уверенность в собственных силах.

Как же в этой бессмысленной разноголосице принимаются в целом разумные меры, и люди, по своей природе способные к выработке и принятию политических решений, не оказываются вовсе оттеснены от своих должностей превосходящими их силами? Дело в том, что время от времени случается какой-нибудь серьезный кризис, требующий *настоящего* анализа и *настоя-*

16 Olicker O, Charlick-Paley T. Assessing Russia's Decline: Trends and Implications for the United States and the U. S. Air Force. 2002. <http://www.rand.org/publications/MR/MR1442/>

щего решения. Тогда становится ясно, кто способен делать такую работу, а кто — нет. Часть публики в такой момент просто переходит на сторону врага, как это произошло с американскими левыми либералами в период Холодной войны, а часть следует за подлинными лидерами, которые получают возможность себя проявить. Когда же беда миновала, все возвращается на круги своя, и кухарки вновь начинают управлять государством¹⁷. Америка после 1991 года вступила именно в этот этап, даже 11 сентября 2001 года не сумело стряхнуть со страны класс псевдополитиков и заставить пишущую и говорящую публику думать о том, что она пишет и говорит.

Американская демократия в какой-то степени избавляет политическую элиту от одного из двух главных зол, преследующих правящий слой общества, она препятствует его превращению в закрытую касту. Беда, подстерегающая американскую элиту, в другом. Исключительная мощь страны делает личные качества людей, находящихся у власти, малозначимыми. Джордж Буш, которого многие, как в Америке, так и за ее пределами, считают карикатурной фигурой, не сразу понял, что произошло, когда ему доложили о нападении на страну 11 сентября 2001 года. Но даже если бы он совсем ничего не понял, США все же дали бы адекватный ответ врагу, уничтожив базы террористов в Афганистане и начав мировую антитеррористическую кампанию. А если Америка столкнется не с двумя десятками камикадзе, вооруженных перочинным ножом и захвативших самолеты? Например, китайцы вдруг решат установить мировой коммунизм, или от Америки отколет-ся юго-запад, заселенный мексиканцами. Через 15–20 лет вес Соединенных Штатов в мире может заметно сократиться, и эти невероятные сценарии получают шанс реализоваться. Вот тогда американская политическая элита, воспитанная лишь жаркими дебатами о необходимости бесплатных школьных обедов, однополых браков и очередном снижении учетной ставки, столкнется с необходимостью взять на себя роль, к которой она не готова.

Паралич нынешней российской политической элиты, опасющейся, что о ней плохо отзовется Кондолиза Райс, показывает, насколько быстро происходит деградация правящего класса, воспитанного в благополучии (российская элита — родом из брежневского СССР). Как только поколение советских лидеров, воспитанных Гражданской и Великой Отечественной войнами ушло в небытие, страна рухнула. Та же печальная участь может ждать и Америку. Холодную войну выиграло поколение американцев, вышедших из Второй мировой войны, а с Китаем приходится иметь дело людям, воспитанным в благословенные бо-е, и только и умеющим, что играть на саксофоне и соблазнять практиканток.

Деградация политической элиты — процесс многоликий. Кроме неумения принимать нужные решения, он характеризуется все возрастающей способ-

¹⁷ Формирование в западных странах политической псевдоэлиты, слабо разбирающейся в предмете, демонстрируют высказывания в том числе и политиков российского «демократического лагеря». Владимир Рыжков в интервью одной из радиостанций заявил, что Скандинавские страны играют важную роль в международной политике, поскольку там проходят международные конференции (!).

ностью принимать ненужные. Причина, по которой западные государственные деятели в XX веке с готовностью предоставляли социальную помощь тем, кто в ней не нуждался, заключается, видимо, в том, что они сами за всю жизнь ничего не заработали и уже не видели связи между трудом и деньгами. Общественное мнение их поддержало, поскольку определялось к тому времени такими же точно согражданами¹⁸.

В ПОГОНЕ ЗА БУДУЩИМ

Состояние западной, в особенности американской, элиты объясняет нежелание объективно оценить происходящие события, стремление останавливаться лишь на положительных сторонах глобального развития. Между тем два процесса идут в мире параллельно. Первый — это строительство Соединенными Штатами и их европейскими союзниками нового мирового порядка, основанного на защите прав человека, рыночной экономике и отказе от больших войн. Второй процесс — разрушение этого самого мирового порядка, в силу стремительного

размножения «варварских» народов в Азии, Африке и Латинской Америке, грозящих смести западные страны, законно или незаконно иммигрируя туда. В западном либерализме скрыт механизм саморазрушения, когда отказавшиеся от воспроизводства «цивилизованные» народы вынуждены импортировать иммигрантов для работы на себя. С одной стороны, наиболее энергичные и предприимчивые люди развивающихся стран приближаются по уровню и образу жизни к западным стандартам, что свидетельствует об успехах нового мирового порядка. С другой стороны, в самих западных странах численность некоренных и не признающих западную культуру народов растет, что говорит о приближающемся крахе этого мирового порядка. Победу над китайскими коммунистами американцы могут отметить, уже сдавая Вашингтон Мексике.

Иммигранты, погубившие Римскую империю, не сыграли бы своей злойшей роли в истории, если бы не деградировали сами римляне. Можно сколько угодно насаждать американские порядки в Ираке, но они рухнут, как только ослабеет сама Америка, распухая от иммигрантов, которые не только не знают английского языка, но даже не собираются его учить, отстаивая двуязычие и подготавливая тем самым раскол страны по этническому признаку.

Иммигранты, погубившие Римскую империю, не сыграли бы своей злойшей роли в истории, если бы не деградировали сами римляне. Можно сколько угодно насаждать американские порядки в Ираке, но они рухнут, как только ослабеет сама Америка, распухая от иммигрантов, которые не только не знают английского языка, но даже не собираются его учить, отстаивая двуязычие и подготавливая тем самым раскол страны по этническому признаку.

ПОБЕДУ НАД КИТАЙСКИМИ
КОММУНИСТАМИ АМЕРИКАНЦЫ
МОГУТ ОТМЕТИТЬ, УЖЕ СДАВАЯ
ВАШИНГТОН МЕКСИКЕ

---

¹⁸ В России ту же эволюцию позиций можно проследить по сочувственному отношению к немущим у обеспеченных с детства людей, контрастирующему с обычным советом «иди работай», который получает трудоспособного вида человек, пытающийся просить милостыню у менее состоятельных сограждан. Первые в силу происхождения не видят связи между трудом и деньгами, вторым приходится ее замечать.

Параллельные миры, «цивилизация» и «варварство», могут существовать одновременно довольно долго, но они кое-где пересекаются, как это произошло в предместьях Парижа и других французских городов. Со временем таких точек пересечения будет становиться все больше. Один мир будет сжиматься вокруг Эйфелевой башни, другой — распространяться от Марселя на север уже единым массивом, оставляя лишь островки старой Франции внутри себя, как американская армия оставляла в тылу не взятые иракские города, пробираясь к Багдаду. Такие анклавные территории при перерезанных коммуникациях становятся лишь лагерями военнопленных, которые сами себя охраняют.

Мир постмодернизма и скепсиса, если не сумеет за два десятилетия перемолоть оставшиеся уверенными в себе миллиарды, может попросту исчезнуть. Ближайшие два десятка лет действительно все решат, поскольку, как полагают эксперты, к 2030 году численность населения в мире стабилизируется, то есть его рост прекратится из-за падения рождаемости в слабо развитых странах¹⁹. Если это действительно произойдет, и если к тому времени от западных государств еще что-нибудь останется, то либеральный проект мира без наций и предрассудков получит шанс осуществиться. Много здесь решает то, кто именно будет находиться у власти в Соединенных Штатах в эти годы.

ПЛЕННИКИ ОТРАЖЕНИЙ

Взоры консерваторов и либералов всего мира не случайно обращены на Америку, ссылая на опыт которой стала естественным атрибутом любой дискуссии. Ведь от Америки все и зависит. Если консерваторы победят там, они победят и везде, приостановив, а, возможно, и прекратив процесс распада западных государств и обществ. И наоборот, сколько-нибудь значимые консервативные реформы, начавшись в любом другом месте, будут в конце концов задушены под любым предлогом либеральной американской администрацией. К власти в России могут приходиться коммунисты, анархисты или свидетели Иеговы, это ничего не изменит. Влияние страны в мире и даже в СНГ сокращается с каждым годом, сил, подорванных семьдесятю годами апокалиптического режима, на новый самостоятельный эксперимент уже не хватит.

России нет желающих подражать. Напротив, любой американский опыт перенимается до такой степени, что мир становится пародией на Америку. Чернокожая ведущая на российском телевидении, безусловно, служит отражением межрасовых отношений в США и успехов борьбы американских меньшинств за свои права, поскольку в самой России чернокожего населения нет. Российские фильмы, где граждане не могут обойтись без психоаналитика, относятся к той же категории отражений. В России есть даже своя Республиканская партия, но, как и положено в искаженном и нереальном мире, служащим лишь отражением настоящего, она влачит жалкое сущест-

¹⁹ Тодд. Указ. соч. С. 38–39.

ование. Президент Грузии Михаил Саакашвили, как утверждают его критики, пытается в своих посланиях парламенту копировать американского президента и т. п. В целом мир стремится к определенному стандарту жизни, и несложно заметить, что стандарт этот — американский²⁰.

Американские эксперты прекрасно понимают ситуацию. «Америке... предначертано быть катализатором движения либо к глобальному сообществу, либо к глобальному хаосу, на американцах лежит уникальная историческая ответственность за то, каким из двух этих путей пойдет человечество»²¹, — полагает Збигнев Бжезинский. Однако он почти полностью игнорирует проблему дезинтеграции западных государств из-за роста в них инокультурной составляющей и определенной деградации коренного населения, а ведь именно здесь и решается судьба современного мирового порядка. Если ослабеют западные национальные государства, рухнет и международная система, основанная на них. Поэтому утверждение, будто антизападным фундаменталистским движениям недостает исторической значимости²², неверно. Они вполне способны похоронить западный мир, если сам этот мир не захочет жить, как это сейчас происходит.

НЕРОДИВШИЙСЯ МИР

Силы у Соединенных Штатов действительно убывают. После того, как аборты были узаконены в 1973 году по решению Верховного суда по делу «Роу против Уэйда», было сделано более сорока миллионов таких операций. А если посчитать, сколько потеряла страна от того, что нерожденные дети в свою очередь не стали родителями, то цифра станет еще более шокирующей. Это был целый мир, которому не дали родиться.

Понятно, для чего американцам нужны иммигранты, ведь от своих детей они предпочли избавиться. О них нужно было бы заботиться, а иммигранты приезжают уже взрослыми и готовыми на любую работу, лишь бы не умереть с голоду. Но свою долю они все равно попросят. Можно было бы рассказать притчу о человеке, отказавшемся от собственных детей и поселившего у себя чужих, которые в старости обобрали его до нитки и выгнали из собственного дома. Бегство белых американцев из Калифорнии — это лишь один из «этапов большого пути».

Сокращение белого населения в западных странах и массовая иммиграция делают шутку о решении правительства «распустить этот народ и создать новый» сбывающимся пророчеством. Что же делать, если европейцы и американцы не хотят браться за грязную работу и при этом еще и не рожают детей? Конечно, заменять их неевропейцами. Последних будет становиться все больше по мере отказа «коренных» трудящихся от работы вообще, по направлению к чему и развивается социалистическая идеология.

²⁰ Все это не говоря уже про, чего скрывать, американизированный стиль политической аналитики.

²¹ Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2005. С. 12.

²² Там же. С. 78.

Важно также помнить, что постоянный рост населения, если он объясняется не приездом иммигрантов, не желающих интегрироваться, — это одно из главных условий развития любой страны. Рост населения — источник конкуренции и предпосылка отбора лучших для занятия самых разных позиций. Если отсутствует конкуренция и все достается даром, пропадает стимул для саморазвития, а без него невозможно и развитие общества. Растущее население — это гарантия разнообразия характеров и жизненных целей, способностей и стремлений. В конечном счете, оно поддерживает в стране жизнь.

Всего этого западные страны стремительно лишаются. XXI век, похоже, не станет веком Америки, поскольку та Америка, которой он должен был бы принадлежать, не родилась, от нее предпочли избавиться по решению суда в 1973 году. Соединенные Штаты связали свою судьбу с либеральным проектом, который стал мировым, поскольку либеральная страна не может долго существовать в окружении государств, не сокращающих искусственно свое население.

Если американский мировой либеральный проект осуществится, Америка войдет в историю как основатель действительного нового мира, не скованного национальными границами, предрассудками и считающего человека и его права высшей ценностью. Если же нет, то Соединенные Штаты рискуют оказаться на обочине глобальной политики, превратившись в нестабильное государство, находящееся на грани распада. Тогда центром мирового порядка, основой которого останутся национальные государства, будет этнически единый Китай.

Майкл УРБАН

СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИЛИ САМООРГАНИЗАЦИЯ

1. ИДЕОЛОГЕМА «ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА»

С точки зрения географии, моя исследовательская работа концентрировалась вокруг Советского Союза, а затем России и других стран региона. Восточная Европа для меня, а также и Средняя Азия — это то общее контекстуальное пространство постсоветской политики, которое помогает мне в исследованиях России. Меня интересуют самые разнообразные подходы изучения политики, но я предпочитаю дискурсивный анализ, то есть формы и способы производства смысла. Другим предметом моего исследовательского интереса являются способы самоорганизации людей и сообществ, как они формируются посредством совместного действия, каким образом основание или причина организации предопределяет границы возможного совместного действия. К этому ряду проблем относится, в том числе, и вопрос гражданского общества.

В своей лекции в Институте общественного проектирования вы говорили о понятии гражданского общества одновременно как о действительности и как об идеологическом понятии. Вы считаете, что это понятие не может быть универсальным для всех национальных политических культур?

Первый важный для меня вопрос: откуда пришло понятие гражданского общества. Это понятие сотни лет принадлежало книжной культуре. И вдруг, в 80-е годы, повсюду в мире возникает взрывной интерес к концепту гражданского общества. Он использовался, конечно, в идеологической борьбе с коммунизмом. Это понятие было призвано объединить тех людей, идеология которых опиралась на ценности свободы, прогресса и так далее.

С другой стороны, в западных странах одновременно проходила иная идеологическая кампания — государство подверглось яростным атакам. Лично мне кажется, эти атаки были своеобразной формой классовой войны. В определенный исторический момент трудящиеся слои западных стран добились признания целого ряда прав. С концом коммунизма со стороны

западных правительств наметилось давление, целью которого был пересмотр и сужение завоеванных прав. Мне кажется, что понятие гражданского общества использовалось как оправдание попыток ослабления государства. Что неизбежно подразумевало урезание социальных программ, здравоохранения, образования и увеличение закупок танков и самолетов.

Именно поэтому понятие гражданского общества стало столь популярным в западном мире. Когда употребляют это одно из самых туманных и бессодержательных понятий, обычно как бы добавляется: «Ну, вы знаете, что имеется в виду». И если поставить прямой вопрос тому, кто часто использует это слово, он ответит: «Я имею в виду добровольные ассоциации людей». И все. Но есть другое измерение проблемы. Во многих случаях и во многих местах «добровольные ассоциации» являются продолжением государства. Это, как правило, неправительственные организации (НПО), которые финансируются государственными организациями. Я очень скептически отношусь к этому понятию: кто его использует и в каких целях — вот главный для меня вопрос.

Понятие «гражданское общество» не имеет научных оснований и должной формулировки. Оно в большей степени связано с моральными и нормативными представлениями. А нравственность принадлежит не социальному порядку, она принадлежит людям. И когда говорят об отсутствии гражданского общества, это походит на то, как одно общество, показывая пальцем на другое, говорит: «Это не хорошо».

Что касается России, то не следует, как мне кажется, ставить вопрос, почему здесь не развито гражданское общество. Нужно, скорее, изучать специфику социальных отношений. Я пытаюсь исследовать российское общество просто таким, каким оно является: каким образом организованы люди и какие возможности у них существуют. Исходя же из того, какими способами сегодня самоорганизуются россияне, мы не можем ожидать, что в России завтра могут иметь место выборы по швейцарскому образцу. Но, скорее всего мы будем ожидать появления чего-то вроде «Общественной палаты».

Можно ли сказать, что понятие гражданского общества является частью более широкой идеологической доктрины — глобализации?

Да, конечно. Оно имеет четкую связь с неолиберальным проектом, который является в большей степени экономическим предприятием. Более гуманное, политическое измерение приобретает благодаря понятиям «прав человека» и «гражданского общества».

Я уже говорил, что неолиберальный проект связан с попыткой уменьшения роли государства. Те функции, которые раньше осуществлялись государством, в рамках этого проекта перекладываются на НПО, которые действуют под этикеткой гражданского общества, что придает им вид демократических и респектабельных организаций. Интересно отметить одно историческое обстоятельство. Соединенные Штаты, до тех пор, пока не наступил крах коммунизма, не финансировали за рубежом подобного рода организации, поскольку высока была возможность, что эти деньги попадут трудящимся и левым силам. Но с концом коммунизма у США поя-

вилась возможность направить значительные деньги за границу, помогая другим народам выстраивать так называемое гражданское общество.

Но в реальной жизни, эта стратегия не привела ни к какой демократизации. Поскольку активисты НПО должны были не выходить в народ, а сидеть в офисах и писать рапорты и доклады. Кроме того, само общество лишалось возможности создавать собственные проекты. Правительство платит через, скажем, Carnegie Foundation, а гражданское общество должно делать то, что соответствует поставленной этим фондом задаче. В этом смысле, «поддержка» гражданского общества обращается в ущерб для него. Это некоторая перверсия.

Вы говорили, что институты гражданского общества, неправительственные организации на Западе являются «продолжением государства». Мне известны примеры, когда европейские государства идут на финансирование даже таких НПО, в которых доминируют идеологически чуждые и маргинальные государству элементы вроде троцкистов или ленинцев. Иногда подобные НПО решаются даже на не совсем легальные действия. Например, в Швейцарии, где были запрещены даже партии, в названии которых было слово «коммунизм», я был знаком с троцкистами НПО Suisse immigrés, которые укрывали от полиции нелегальных иммигрантов. Как вы объясните подобный парадокс? Насколько прагматично поступает государство, которое финансирует подобные НПО?

Публичное пространство открыто для всех. И не существует такой инстанции, которая может определить, кто в нем может участвовать, а кто нет. Я могу себе представить, что запрет на слово «коммунизм» был каким-то образом обусловлен сразу несколькими причинами: швейцарской политической спецификой, холодной войной, деятельностью советской разведки. Кто-то мог показать на коммунистов пальцем и сказать: «Это не наши люди. Это партия иностранцев. И мы хотим избавить нашу политику от партии иностранцев». Многие люди поэтому полагали, что подобный запрет имел смысл. Но с уходом Советского Союза подобный запрет не имеет более никакого смысла. Троцкисты или коммунисты — это просто другие люди. Их теперь очень сложно изобразить как внешнюю угрозу.

С другой стороны, государство применяет очень умную тактику одомашнивания этих идеологических фракций. Они сидят теперь в офисах и занимаются каким-то полезным делом, а не делают в подвалах бомбы.

2. ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Российское государство, на свой манер, пытается организовать свое продолжение в гражданском обществе. Примером может служить все та же Общественная палата. Однако появление подобных «дублеров» государства, как на Западе, так и у нас, ставит вопрос о самой структуре современной государственности. Что же такое государство сегодня?

Это большой вопрос, на который у меня нет возможности дать полный ответ. Но я могу поделиться парой мыслей на этот счет. Изначально госу-

дарство представляло собой группу людей с оружием, которая требовала для себя больше денег и удовольствий, чем для остальных. С течением времени люди поняли, что от государства можно что-то потребовать, ведь оно способно на большее, чем примитивное вымогательство. Оно может делать массу полезных вещей: строить дороги, организовать почту, школы и больницы. Вокруг государства вырастает общество. Общество тех, кто связан с ним самыми разнообразными способами. Ведь те, кто работает в государственных секторах образования, здравоохранения и пр., имеют партнеров в государственных органах. Все эти люди ходят в одни и те же школы, говорят на общем языке и сменяют друг друга на разных постах. Таким образом, государство формируется как механизм, интегрированный в общество и функционирующий вместе с ним. И теперь уже невозможно видеть в представителях государства просто вооруженных людей, живущих в замках. Они — часть нас.

Государство формируется благодаря центростремительной силе, которая концентрирует силы и энергии в центре. Однако сегодня этот центр ослабевает. Почему? — трудно сказать. Может быть потому, что государство освобождает себя от части своих прежних функций. Может быть потому, что политические партии уже не представляют собой того объединяющего механизма, который они представляли раньше. А может быть потому, что партии утрачивают свой массовый характер. Трудно сказать. Но ясно, что все меньше остается сил, которые стягивают самые разнообразные части и фрагменты государства в значимое и идентичное целое. То, что всегда было в центре, все больше от него удаляется и рассеивается.

Однако аналогичный процесс переживает не только государство, но также корпорации, которые формируют сегодня множество филиалов и агентств-подрядчиков. Человеческие организации становятся более газообразными. От людей требуются прагматизм и гибкость, чтобы они были способны к быстрой реакции в условиях постоянно изменяющихся обстоятельств. Сами условия, в которых существовало государство, изменились, также как и разные аспекты самого государства. Прежние четкие разделения между тем или другим сектором теперь отделилось и сместилось от своего корня.

Можно сказать, что ныне не существует субъекта государственной воли, но своего рода правила и кодификация.

Я бы тоже употребил это слово. Мне импонирует идея Малучи, который использует понятие кода, как чего-то что сплетает в единство различные вещи. Без кода, или какого-нибудь флага, не могло бы существовать никакого действенного единства и интеграции. Он полагает, что коды становятся все более специфичными и разнообразными. Что такое современная организация? Можно указать на здание, где она располагается. Но существуют организации виртуальные — в Интернете. В этом смысле, основание организации — в коммуникации и коде.

В этой перспективе, как вы смотрите на российскую государственность? Могли бы вы назвать ее архаичной?

Да, конечно. Я читал очень много официальных материалов советской эпохи, которые некоторые называют пропагандистскими. Может быть, я читал их гораздо больше, чем кто-нибудь еще в этой стране. Что я читаю в сегодняшних материалах, исходящих, например, от правящей партии «Единая Россия»? Они на 50 % советские. Вчера я читал некоторые документы и у меня создалось такое впечатление, что они писались двумя руками: одна советская, другая — нет. Иногда мне казалось, вот так мог бы сказать и Брежнев. Читаю следующий абзац и вижу, что и так он тоже мог бы сказать. С точки зрения политики, языка, ожиданий и форм организации, можно сказать, что в России наблюдается частичный возврат прошлого. Таковы документы правящей партии — этой вечной правящей партии.

Но возврат прошлого, как я сказал, частичный. Есть другие партии. Коммуникация — много более открытая и разнообразная. Трудно было представить двадцать пять лет назад, что подобное станет возможно в России. Очень многое изменилось. Вместе с тем, многие достижения последних лет были утрачены. Возможно, это было неизбежно. Возможно, эти потери можно было предотвратить. Не знаю. Но так случилось. Очень много предстоит сделать в этой стране с точки зрения ее политической организации. Многие институты здесь еще не построены. Те институты, которые, например, Швейцарию делают сильной. Ведь когда существуют такие институты, никто не стоит на стороже и не смотрит по сторонам. Все энергии сконцентрированы, и никто не принуждает людей растрачивать свою энергию даром. Россия не достигла пока такого уровня политической организации, который бы позволял ей эффективно использовать социальные энергии. А потенциал этой энергии — гигантский. Ведь здесь так много ресурсов, не только природных, но и человеческих, которые нужно просто эффективно организовать.

3. РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И КОЛЛЕКТИВНАЯ КООРДИНАЦИЯ

Вы говорили о частичном возврате России в прошлое. Но может быть, Кремль, ставший инкубатором политических партий, изобретает новые способы манипуляции? Является ли создание партий сверху чисто российской спецификой?

Подобное случается и в других странах. Я думаю, пример Японии был бы здесь уместен. Я не знаю в деталях, каким образом была организована либерально-демократическая партия. Но представляю, что это сделали люди, связанные между собой корпоративно. Другой пример институционально-революционная партия в Мексике. Есть много других подобных примеров. Что общего между всеми этими случаями? Создание подобных политических партий всегда происходило «сверху» именно в том смысле, что они создавались правящей элитой. Но мне не известен ни один случай, когда бы партии выстраивались бы из одного «здания». Так вот российская специфика, по всей видимости, состоит именно в том, что политические партии концентрируются и имеют центр в одном здании.

В советскую эпоху часто употребляли выражение «дальнейшее совершенствование». Например, в выражениях «дальнейшее совершенствование социализма», «дальнейшее совершенствование управления» и т. д. Похоже, то же самое делается в России и сегодня. Создается сначала правящая партия, а затем происходит «дальнейшее совершенствование» партийно-политической системы путем создания для правящей партии оппозиции.

В Японии существует господствующая либерально-демократическая партия, но там остается еще какое-то независимое от партии публичное пространство политики. В России, как мне кажется, пытаются контролировать все пространство. Сначала строится правящая партия, затем к ней пристраивается оппозиция, работающая на нее. Но это, в некоторой мере, слишком амбициозный проект. Чтобы наладить тотальный контроль, нужно очень много энергии, которая практически растрачивается впустую.

Что же происходит в подобном случае в действительном мире. Государство начинает отождествляться с определенными людьми, а интересы этих людей становятся интересами государства. Но считать, что интересы президента Буша — это интересы США, также глупо, как считать, что интересы Путина — это интересы России. Интересы государства, интересы россиян не могут быть сформулированы в программе, тезисах или в книге, но только в непрерывной дискуссии между людьми.

Многие иностранные наблюдатели удивлены тем, что подобные попытки концентрации власти не встречают никакого сопротивления. Но не кажется ли вам, что сопротивление все же существует? Его просто не очень легко разглядеть и идентифицировать как таковое.

Конечно. Здесь очень важно отличать персонифицированные и безличные отношения. У меня сложилось впечатление, что в России крайне мало можно найти людей, которые всерьез считают политическую систему страны честной или справедливой. Они тратят много времени на то, чтобы обходить, обманывать ее. А в ходе этого процесса, они обкрадывают все сообщество россиян. Иными словами: каждый россиянин, работающий только на самого себя, работает против общего блага. Усилия отдельного лица достичь своих целей в одиночку, без коллективной координации каждый раз приводят к поражению. Примерно такой же результат имеет и массивный раздел богатства, который был пережит Россией. Он сделал и делает страну в целом беднее.

Правду сказать, подобные процессы происходят и в моей стране, где во времена Рейгана возникло две Америки. Кроме Америки, которая представлена на телевидении и в СМИ, есть и другая, которую очень трудно заметить. Но недавно, после урагана «Катрина», ее многие обнаружили. Мир был шокирован открытием: оказывается внутри этой большой и богатой страны существует очень крупная часть третьего мира. В конечном итоге, этот мир мог появиться благодаря несправедливому распределению доходов, ресурсов и возможностей. И как долго может существовать сообщество людей, где нет для всех работы, где громадное количество людей находится в тюрьмах. Мне кажется, прослеживается очень четкая зависимость между

количественными параметрами заключенных в тюрьмах, населением и распределением богатства.

О масштабах тюремной системы в США можно судить по тем финансовым средствам, которые тратят профсоюзы тюремных охранников на выборах, чтобы лоббировать свои интересы. Профессора университетов не имеют ни такого мощного лобби, ни влияния, ни финансовых ресурсов. В 18 лет, когда я окончил школу, я пошел на курсы, чтобы стать тюремным охранником. В возрасте 19–20 лет я заработал много больше денег, получив свою первую работу, чем когда я начал работу профессора с докторской степенью в 30 лет. Этот дисбаланс можно проследить во всей системе перераспределения богатств в нашей стране. У некоторых людей накопились такие средства, которые трудно себе вообразить. И дело не в потреблении, а в социальном престиже: «Я лучше, поскольку мои доходы много выше, чем у других. Мой выбор оказался более верным, если мне так много платят. Я оказался сильнее и умнее других». Если люди разделяют себя на неравных, руководствуясь подобным шаблоном, тогда мы можем сказать, что общество не функционирует должным образом. Что же касается России с точки зрения распределения материальных благ, то здесь ситуация еще сложнее и хуже.

4. НАДЕЖДЫ 1968-го

Позвольте мне задать вам вопрос исторического характера. Он будет касаться событий так называемой революции 1968 г. Несмотря на то, что в ту эпоху коммуникация между Европой и США была менее развита, чем сегодня, меня все же удивляет одновременность, с какой на двух континентах произошли похожие события. Американцы часто вспоминают об этой дате. Она для них так важна?

Да, важна, чтобы побыстрее забыть. Года два назад вышел двухчасовой документальный фильм, посвященный этому событию: «1968-й — разрыв во времени». Никто не может объяснить, куда вписать это событие, что же тогда произошло. Какая-то странная аберрация.

В 1968 г. я был уже студентом и мне был 21 год. Для моего поколения — это было крещендо. Предпосылки сложились в начале 60-х, когда молодежная среда переживала своего рода культурную и политическую революцию. Она началась на юге страны. Поколение, к которому я принадлежал, верило во все, что нам говорилось. Мы видели в Америке щедрую и мужественную страну, которая победила нацизм в Европе, а затем много денег потратила на восстановление разоренного войной европейского континента. Мы верили в это. Но вдруг обнаружили, что в нашей собственной стране вовсе не все в порядке. Особенно на юге, где с чернокожими обходились далеко не гуманным образом. Как же такое можно было терпеть в стране, которая проявила такой героизм за чужую свободу и пожертвовала затем своими немалыми средствами? Люди стали организовываться, особенно в университетах. И не только на Юге. Постепенно, с ростом организации, они все чаще одерживали победы. Многие ощутили свою политическую силу. Появилась убежденность в своей правоте

и силе, уверенность в том, что можно изменить мир. И это было правдой: люди всерьез говорили о скором наступлении американской революции. Нам говорили о войне во Вьетнаме, будто это была война против коммунизма. Но мы в это не верили, а считали ее войной империалистической. Целый ряд политических вопросов сплавился в единое представление о том, что построенное после Второй мировой войны общество потребления, было бессмысленным, глупым и пустым. Мы не хотели так жить. Мы были уверены, что можем изменить жизнь, придав ей больше свободы и смысла.

Это была культурная революция с очень сильным политическим импульсом. Определенным пиком стали события в Чикаго — Демократическая национальная конвенция, — когда в августе 1968 г. многие тысячи молодых политизированных «культурных революционеров» вышли на улицы, чтобы заявить демократической партии о том, что она их предала. С партией связывались надежды, а она развязала войну. Более того, она организовала политическую изоляцию тем кандидатам от партии, которые выступили против войны. Эти демонстрации имели ярко выраженный ненасильственный характер. Но реакция полиции была крайне жестокой. Как описала действия полиции официальная комиссия по расследованию — это была «полицейская расправа». Наступил в некотором роде момент истины: стало понятно, что мирный протест при этой системе более не работает. Даже демократическая партия может огреть тебя по голове дубиной.

Возникла очень двусмысленная ситуация. Люди очень по-разному стали смотреть на положение, в котором они оказались. Некоторые стали менее активными, а некоторые, напротив, гиперактивными, воинственными и склонными к насильственным акциям. Но движение, которое было до этого, было единым, радостным и пестрым: хиппи, марксисты-ленинцы, маоисты и прочие.

Интересно, почему все же европейцы описывают 1968-й как событие преимущественно европейское, а американцы редуцируют его только к собственному опыту?

Соединенные Штаты — очень изолированная, «островная» страна. В каком-то смысле, как и Россия, она достаточно большая, чтобы позволить себе заниматься только собственными проблемами. Вместе с тем, мое поколение, было очень воодушевлено тем, что в Европе организовалось похожее движение.

Насколько идеологически вам было близко европейское движение?

Мы принадлежали к разным политическим и интеллектуальным традициям. Мы — люди более простые, чем европейцы. В этом есть позитивная и негативная сторона. Если бы я был европейцем — немцем или французом — я мог бы читать каждую неделю в газетах высказывания ведущих интеллектуалов своей страны по различным вопросам публичной политики. Такие возможности говорят о гораздо более высоком уровне политической культуры в Европе, по сравнению с моей страной. Тот факт, что люди вроде Йошки Фишера, были во времена 1968-го радикалами, а теперь стали министрами или лидерами партий, говорит о том, что им было позволено участвовать

в дискуссии. Потому что есть более широкая политическая перспектива и понимание ситуации. В моей стране спектр разрешенных взглядов значительно уже. Поэтому возможность интегрировать людей с разными убеждениями в общую политическую дискуссию — более ограничена.

Подобная ограниченность возможностей — это традиция или же результат недавней политической эволюции?

Я думаю, что в моей стране легко мобилизовать предубеждения против мнений интеллектуалов и профессуры. Мне кажется, что частично это связано с отсутствием аристократии. Когда правила аристократия, идеи процветали. В моей стране не было ни аристократии, ни значительной поддержки культуры дискуссии и аргументации. Гораздо проще сказать: «Он — не наш! Он — против нас!».

5. ТЕМПЕРАТУРА ПЛАНЕТЫ

Что вы можете сказать об эволюции современного левого движения, переживающего очевидный идеологический кризис?

Сегодня, можно сказать, левое движение существует в двух формах. Одно крыло можно назвать реформистским. Представители этого течения полагают, что они были вытеснены с основной политической сцены, а потому, чтобы снова обрести вес, нужно выделить такие политические вопросы, которые бы встретили резонанс у широких слоев населения. Они считают, что для этого нужна минимальная программа, которая была бы близка простому большинству. Программа должна быть организована вокруг демократического действия и социальных вопросов, а многое из того, что нам хотелось бы увидеть, мы должны отложить на будущее.

Другое крыло полагает, что такая «прагматическая» стратегия никогда не будет действенной. Конечно, хорошо поднять уровень минимальной заработной платы, но очень скоро температура планеты будет настолько высока, что вопрос зарплаты никого не будет уже беспокоить. Нам нужны более глубокие изменения, которые помогли бы гарантировать выживание человеческого вида. Представители этого крыла постепенно превращаются в анархистов, поскольку социалистическая система ушла с исторической арены и потеряла свою значимость. Эти люди принимают активное участие в движении антиглобалистов. Первые заголовки газет обычно посвящены тем из них, кто бросается в окна камнями. Поэтому столь легко официальным институтам представить это движение как хулиганское. Благодаря такой селективной информации СМИ стороннему наблюдателю трудно заметить, что в среде антиглобалистов есть много матерей и детей, профессионалов и интеллектуалов, которые принимают активное участие в движении. Но с другой стороны, если никто не бросает камней в окна, тогда ничто не смогло бы привлечь внимания массмедиа. Около года назад во Флориде, например, была организована массовая демонстрация, в которой участвовали, в том числе, и некоторые мои студенты. Протестующих было около ста

тысяч. Полиция израсходовала большое количество газа. Трудно поверить, но медиа не проронили ни слова о состоявшейся акции протеста.

Главный источник зла, если можно употребить это слово, это коммерческая культура. В соответствии с этой культурой, новости являются новостями тогда и только тогда, когда люди хотят их смотреть. Действительная важность события значения не имеет. Нужно продать продукт. Людям хочется видеть анархистов, бросающих в окна камни, поскольку это позволяет им считать себя порядочней и лучше.

В западной прессе одним из любимых клише является утверждение об особом русском национализме. Однако параллельно с ростом национализма в России, можно наблюдать похожие процессы и в западных странах. Космополитическая риторика глобализации повсюду в мире выходит из моды.

В глобализации есть много мифологических элементов, которые начинают разлагаться благодаря воздействию самой глобализации. В сегодняшней нестабильной ситуации, с точки зрения наемного труда или будущего наших детей, единственным защитником, к которому могут апеллировать граждане, остаются их национальные правительства, а не международные организации, вроде ВТО. В этом смысле, как бы противоречиво не звучало, глобализация остается национализмом.

Думая о том, на каких основаниях построена интеграция, по крайней мере, в моей стране, можно сказать, что экономически она основана на бесконечно растущей задолженности. Плюс к тому, так называемые иррациональные факторы, вроде войны с террором, которая с неизбежностью гарантирует нескончаемое развитие терроризма. Плюс, до сих пор игнорируемое глобальное потепление. Вдруг, после урагана «Катрина», в моей стране прекратили усмехаться над этой проблемой. Нельзя говорить, что глобальное потепление стало причиной «Катрины». Но можно сказать, что за последние тридцать лет было в два-три раза больше ураганов мощностью в 4 и 5 балла, чем в предыдущие тридцать лет. Нам также известно, что ураганы возникают благодаря повышению температуры воды. А вода стала теплее на 3 градуса по Цельсию, чем раньше.

Мне кажется, что число факторов, свидетельствующих о растущих рисках, возрастает по экспоненте. На сегодняшнюю стабильность, плодами которой мы сегодня еще пользуемся, в будущем мы будем смотреть с большой ностальгией. Я хотел бы ошибиться, но сегодня я не вижу прогресса стабильности.

Что касается власти или элиты в США, то она сделала выбор в пользу таких национальных проектов, как Ирак. Это ничто иное, как американский национализм. Он принял форму борьбы хороших парней, идущих биться со злым драконом. Американцы верят в это. Многие из них до сих пор полагают, что Садам — террорист, прятавший ядерное оружие. Многие испытывают страх перед терроризмом, но вопрос в том, как этот страх будет канализован, какую конкретную форму он обретет.

Михаил АФАНАСЬЕВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ РОССИИ В ПОМЫСЛАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ АТМОСФЕРА

Далеко не всегда состояние государственного строя соответствует состоянию интеллектуального производства по этому предмету. Период с конца 80-х по конец 90-х годов XX века был, конечно же, периодом политического разброда. Но в это же время происходил мощный интеллектуальный подъем, это было время освобождения и возмужания отечественной политической мысли. Попытки выставить тогдашние поиски, споры, обретения и ошибки только нагромождением глупостей и бездумных заимствований абсолютно неправомерны. Зато сегодня можно наблюдать полное соответствие между трясинообразным состоянием государственных институтов и характерной для общественного застоя интеллектуальной атмосферой. Если воспользоваться метафорой Мюнхгаузена, то существует только один способ вытащить себя из болота — за волосы на собственной голове. В этой ситуации важно, конечно, вникнуть в планы нынешних «кремлевских мечтателей». Но еще более важно выяснить, как мы, российские интеллектуалы, мыслим наше государственное строительство.

Существо сегодняшней интеллектуальной ситуации состоит в отсутствии стратегии государственного строительства и отсутствии гражданско-го обсуждения вариантов такой стратегии именно в то время, когда мы уже не столько меняем, сколько потеряли из виду вехи национального развития. Президент В. Путин и его администрация собрали изрядный урожай народной надежды под обещания возродить государство, но объявленный «новый курс» на поверку оказался набором не связанных в систему и внутренне противоречивых мероприятий, зачастую отдающих знакомой советской кампанейщиной. Ни в первую, ни во вторую легислатуру Путина его команда не предложила внятного стратегического проекта, который смог бы вдохновить и объединить нацию или хотя бы саму президентскую команду.

Место стратегии институционального развития в эпоху Путина заняли идеология и практика «ручного управления» страной из Кремля. Отечественный патронат, вскормленный на административной ренте, с восторгом встретил возведение «президентской вертикали». Столь масштабный строительный подряд, действительно, открывает перед столичным и провинциальным начальством самые широкие возможности, но реализация этих возможностей связана с обычаями и практикой клиентелизма, бюрократического паразитизма и коррупции. Другими словами, привычно примитивная властная вертикаль — такая удобная для реализации «серых» индивидуально-групповых стратегий — не создает и не укрепляет публичных институтов, не умножает социального капитала. Именно поэтому путинское вертикально-силовое ноу-хау, крутое с виду, с любовью упакованное и настойчиво предлагаемое в качестве модели коллективного национального действия, *на деле является энтропийным проектом, который не просветляет и не приращивает, а растрачивает, затемняет и последовательно уменьшает социальную энергию российского общества.*

Энтропийный характер нового кремлевского абсолютизма с очевидностью проявляется в его конкретных, больших и малых начинаниях по государственному обустройству России. Таких, например, как введение федеральных округов, борьба с коррупцией, усовершенствование Совета Федерации, упорядочение федеративных отношений и местного самоуправления, повышение ответственности и эффективности правительства, судебная, административная, военная и милицейская реформы. Незавидная судьба государственных реформ, которые все буксуют да плутают, в немалой степени объясняется процедурными обстоятельствами обсуждения и принятия соответствующих решений. Присмотримся к этим обстоятельствам повнимательнее.

Действующая администрация ни на выборах 2000, ни на выборах 2004 года, не связывала себя определенной и развернутой доктриной государственного строительства, ограничиваясь самыми общими «государственническими» тезисами, нередко противоречащими друг другу и реальным действиям власти. В результате политико-стратегические параметры полученного на выборах президентского мандата остаются крайне неопределенными и могут быть предметом весьма вольного толкования. Политические инициативы президентской администрации зачастую появляются неожиданно не только для массовой аудитории, но даже для политического класса и экспертного сообщества. Процесс их разработки совершенно скрыт от публики. Но и последующие парламентские, экспертные, общественные обсуждения носят обычно формальный, имитационный характер. Администрации они нужны лишь для ритуальной легитимации принятых решений, которые продавливаются, несмотря на возражения независимых экспертов или заинтересованных групп. Напротив, в тех случаях, когда оппонентами спущенных сверху инноваций выступают те или иные группы российской бюрократии, очередная реформа быстро сходит на нет, как бы энергично она ни начиналась.

Ключевую роль при принятии решений играют влиятельные соратники президента, которые курируют ту или иную сферу государственного управления, но не обязательно несут публичную ответственность за свое кураторство. Они иницируют и получают соответствующее президентское поручение, формируют рабочую комиссию, готовят и предлагают проект решения. Сдержки и противовесы в системе бюрократического абсолютизма сводятся к персональной и клановой конкуренции соратников президента, протекающей в форме аппаратных согласований и нарочной несогласованности. Секретность подготовки решений и свертывание их публичного обсуждения действующему руководству представляются отнюдь не упущениями, а признаком и условием сильного, суверенного, эффективного правления. Эта бюрократическая иллюзия и основанный на ней дружинно-штабной и келейно-кабинетный порядок ведения государственных дел годятся разве что для спецопераций и скорой подготовки циркуляров, но эффективности — даже узко бюрократической, и уж тем более, социальной — они обеспечить не в состоянии. Монополия Кремля на государственное строительство приводит к тому, что национальные интересы и задачи отождествляются с целями, интересами и удобством отправления власти. А поскольку власть сосредоточена в руках (на то и «ручное управление»!) небольшого числа «верховников», то правило «государство — это мы» приходит само собой и кажется выражением естественного порядка вещей. В свою очередь, отчуждение общества от государственного управления в центре и на местах оставляет все государственные начинания и социальные преобразования в исключительном ведении неэффективного и коррумпированного чиновничества.

Сегодня ощущается явный дефицит альтернативных концепций государственного строительства, которые в норме могут и должны исходить от различных элитных групп. Такая ситуация является еще одним, на этот раз дискурсивным, эффектом «вертикального» упрощения, когда большинство политических институтов играют несамостоятельные технические роли, большинство представителей политических корпораций (федеральные и региональные депутаты, главы регионов и городов, сенаторы, судьи и др.) говорят на заданные сверху темы, а у бизнес-сообщества отбита охота к политической самодеятельности. По тем же причинам совершенно неразвитой остается независимая экспертиза. Верховная власть отнюдь не озабочена созданием системы независимой экспертизы вообще, а в области государственного строительства — в особенности. Число альтернативных заказчиков экспертных разработок, и без того небольшое, сокращается. Крупные автономные «мозговые центры», подобные таким знаменитостям как фонд «Вклад Карнеги в международный мир» или Гуверовский институт, в России пока не сложились, и сегодняшние условия малоблагоприятны для их возникновения.

Вообще-то различных «экспертных» и «стратегических» центров в стране хватает, однако сегодня они почти не занимаются ни разработкой, ни экспертной оценкой стратегий государственного строительства. Государство-

ведческая и политологическая активность большинства наших экспертных центров сосредоточилась в медийной сфере, а ее основным предметом стало комментирование действий и намерений власти. Значительная часть таких обсуждений, интерпретаций и комментариев имеет целью легитимировать и разъяснить решения властей, то есть эта работа носит не столько экспертный, сколько пропагандистский характер. У наиболее изощренных поставщиков интеллектуальных услуг комментирование усложняется до информационных проектов, игр и войн. Надо сказать, что некоторые обслуживающие и обрабатывающие действующую администрацию интеллектуалы в начале путинского правления пытались формировать позитивную повестку институциональных преобразований, однако со временем вынуждены были сосредоточиться на вопросах внешней политики, геополитических угрозах и раннем предупреждении «цветных» революций. Таким образом, довольно широкий сектор экспертного сообщества, вроде бы занимающийся стратегическим анализом, на поверку оказывается агитпропом, переведенным в духе времени на аутсорсинг. К сожалению, эта деятельность, даже в случаях ее интеллектуальной состоятельности, медийной востребованности и коммерческой успешности, не в состоянии восполнить отсутствия стратегической инициативы, равно как и вернуть интерес россиян к политике.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ РАСПУТЬЕ

К концу правления Б. Ельцина в обществе и значительной части российского патроната сложилось общее ощущение невыносимости безгосударственного существования. Обсуждавшиеся тогда меры по укреплению государственной власти можно сгруппировать по двум направлениям. К первому следует отнести предложения усилить самостоятельную роль Правительства, ввести элементы парламентской (партийно-электоральной) ответственности кабинета, закрепить контрольную функцию Государственной Думы, освободить федеративные отношения от деформаций периода парада суверенитетов. Указанные меры объединяет их исходный посыл — развитие публично-правовой природы новых конституционных институтов. Поэтому выделяемое нами направление политической мысли можно определить как *реформистски-правовое*. Следует отметить, что элементы такого умонастроения присутствовали и присутствуют в разных политических лагерях. Сложиться в политическую коалицию в конце 90-х годов им не позволила война за ельцинское наследство.

Одновременно в условиях нарастающей политической неопределенности усиливалось другое умонастроение, широко представленное в отечественном постноменклатурном патронате. Оно выразилось в призывах восстановить «управляемость и вертикаль власти», то есть отказаться от демократических выборов, перейдя к назначению глав регионов президентом и назначению глав местной власти главой соответствующего региона, а самого Президента России выбирать в Совете Федерации. Из того же умонастроения

ния родились проекты «губернизации» и масштабного укрупнения регионов, с которыми выступали многочисленные поборники административной простоты и симметрии. Определить такое направление политической мысли можно как *традиционалистски-номенклатурное* (призывы к реставрации советского строя, как видим, являются не единственной формой традиционалистски-номенклатурного осмысления политического процесса).

Вокруг В. Путина собрались разные люди, которых не объединяла определенная идеологическая платформа, — единственной общей программной установкой для них стал рейтинг популярности патрона. Неудивительно, что в команде второго президента соседствуют противоречивые взгляды и реформистски-правового, и традиционалистски-номенклатурного толка. Поэтому и сумма векторов, проявляющаяся в извилах президентского курса, весьма подвижна и переменчива. Но отсутствие идеологического единства и проработанной стратегии не исчерпывают проблему. Внутреннее противоречие путинского правления коренится не только в президентских кадрах, но в самой интенции «нового курса» В. Путина.

Создание и быстрое укоренение института президентской власти стало важным шагом на пути национального строительства и удачным образцом исторического синтеза, соединяющим российские традиции с современными политическими потребностями. Верховная президентская власть в отечественных условиях призвана выполнять *две главные функции: объединяющую* (при этом президент должен быть не просто национальным символом, но деятельным арбитром и гарантом конституционного строя) и *направляющую* (должна артикулировать цели и приоритеты национального развития, стимулировать государственное и общественное строительство). Как на деле первый и второй российские президенты выполняли указанные функции — отдельный сложный вопрос. Однако факт остается фактом: в кризисное переходное время российская нация объединялась и выбирала свой исторический путь посредством всеобщих президентских выборов. Предположения же о том, что в неструктурированном, атомизированном, постсоветском, традиционно монархическом и беспартийном российском обществе объединяющую и направляющую функции могли выполнить иные, например партийно-парламентские, институты, остаются лишь предположениями, и, на мой взгляд, весьма сомнительными. Политическая проблема нашего национального развития заключается не в наличии сильной президентской власти, а в слабости всех прочих публичных институтов. Поэтому миссия российского президента заключается в том, чтобы интеллектуально и политически удерживать, творчески разрешать обычное противоречие, с которым в России сталкивается верховная власть, взявшаяся за «реформу сверху». Применительно к послеельцинской ситуации это означает следующую конкретно-историческую задачу: *сильная легитимная президентская власть должна целенаправленно и последовательно укреплять и развивать публичные институты*. В первую очередь речь идет о таких недавно созданных конституционных учреждениях и порядках как выборы, цивили-

лизованная политическая конкуренция, система разделения власти, федерализм, местное самоуправление.

Между тем команда второго президента ставит задачу совсем по-другому. Официальные послания, пиар-мессаджи и конкретные действия администрации не оставляют сомнений в том, что усиление президентской власти является для нее самоцелью. Возведя государство в ранг национальной идеи, и сведя государство к президентской вертикали, верховная власть фактически объявила себя демиургом, обещающим создать суверенную и конкурентоспособную российскую нацию. Несмотря на нынешний пафос и рейтинг, такое позиционирование власти чревато разочарованием публики. На деле эта кремлевская самореклама, а, возможно, и кремлевское самосознание отнюдь не усиливают институт президента, но создают угрозу его вырождения в обычное московское самодурство. Методологический примитивизм, когда политические и социальные институты рассматривают-

---

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛАНИЯ, ПИАР-МЕССАДЖИ И КОНКРЕТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ АДМИНИСТРАЦИИ НЕ ОСТАВЛЯЮТ СОМНЕНИЙ В ТОМ, ЧТО УСИЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ ЯВЛЯЕТСЯ ДЛЯ НЕЕ САМОЦЕЛЬЮ

ся не в их самости и системе, а лишь в качестве полезных инструментов либо вредных помех для президентской власти, предопределил неожиданную для многих, но по существу вполне закономерную *эволюцию реформистско-правовых начинаний* (изначально противоречивых) первой путинской четырехлетки в *традиционалистски-номенклатурные контрреформы* второго срока.

Впечатляет та «мертвая петля», которую описала путинская федеративная реформа. До поры курс на усиление федерального контро-

ля обладал определенной логикой: убрать региональных лидеров из сената, вывести из их подчинения федеральных чиновников, особенно силовиков, на местах; дать президенту право смещать глав регионов за грубые нарушения федерального законодательства и, наконец, предусмотреть возможность введения внешнего финансового управления в регионах-банкротах. (При этом федеральный центр, правда, сам увеличивал шансы банкротства многих российских регионов, последовательно стягивая на себя бюджетные доходы.) Региональные элиты возроптали лишь тогда, когда центр предложил им львиную долю расходов и ответственности за монетизацию социальных льгот. Ропот подавили, введя назначение глав регионов, — якобы для последовательного проведения либеральных реформ (так намекали либеральной публике, а для широкой нелиберальной общественности выдвинули совсем уже фантастическое «антитеррористическое» объяснение). Хотя мотивация Кремля очевидна — исключить в преддверии 2008 года возможность политической самостоятельности региональных элит образца 1999–2000 годов.

Неожиданное решение об отмене выборов глав регионов не имеет опоры ни в общественном мнении¹, ни в экспертном сообществе. Все последние годы подавляющее большинство специалистов выступало за четкое разграничение компетенции и ответственности органов власти и управления. С советских времен эти органы и организации входили в вертикаль номенклатурной власти со сложной системой согласований и соподчинений. С выборами глав регионов начался процесс организационного оформления региональной исполнительной власти, а перед центром встала задача наладить адекватную систему федерального контроля. Возврат же к назначению глав регионов означает и возврат к системе «двойного подчинения» — фактически это обратное слияние двух уровней публичной власти в гигантскую и неподконтрольную населению российских регионов бюрократическую вертикаль.

Замечательно, что сторонники и пропагандисты такого крутого разворота² упирают на безобразия избранных региональных начальников, но аккуратно воздерживаются от обещаний поправить дело. Действительно, нет никаких оснований ожидать снижения коррупции и повышения эффективности на возвратном пути к номенклатурно-бюрократической вертикали, которая закрывает систему управления от воздействия потребителей и размывает чиновническую ответственность. Если цель перехода к назначению — превратить глав регионов из политиков в управляющих, — то назначение следовало бы производить по результатам открытого конкурса, конкурсная же комиссия должна заседать не в Кремле, а в региональном законодательном собрании. Отмена выборов не усилит ответственность региональной исполнительной власти перед налогоплательщиками и потребителями публичных услуг. Как ни слаба была зависимость выборных губернаторов от общества, она все-таки была — избиратели не раз пользовались возможностью заменить вышедших из доверия региональных руководителей. А вот президентские назначения от мнения граждан будут зависеть, похоже, в последнюю очередь. Нормативные акты, определяющие порядок отбора кандидатур и наделения их полномочиями, никаких требований по учету общественного мнения не содержат, первые же назначения глав регионов пошли по худшему сценарию — как совершенно закрытый для избирателей и налогоплательщиков номенклатурный торг.

А ведь еще недавно многие эксперты надеялись на оживление политической жизни после перевода выборов в региональные парламенты на смешанную избирательную систему. Однако тот или иной способ формирования законодательных собраний не увеличивает их полномочий. Теперь же

- 1 По данным ФОМ на сентябрь 2004 г. большинство опрошенных (62 %) считали необходимым избрание губернаторов жителями регионов, и только четверть (25 %) были согласны с тем, что губернаторы должны назначаться руководством страны.
- 2 Фронт таковых широк и разнообразен стилистически: от заместителя генерального прокурора В. Колесникова до заместителя директора Института общественного проектирования М. Рогожникова (см. его статью «Какая демократия нам нужна» в журнале «Эксперт» от 13 декабря 2004 г. № 47).

контрольные полномочия региональных legislатур в отношении назначаемых президентом глав исполнительной власти вообще поставлены под вопрос. Да и само изменение порядка региональных парламентских выборов было встроено в систему мер по поддержанию «вертикали власти». Замысел президентской администрации и думского большинства состоит в том, чтобы подчинить лояльное большинство в региональных legislатурах уже не только главе региона, но и федеральному партийному начальству. Правда, региональные выборы по смешанной избирательной системе, даже при нестесненном использовании административного ресурса, обнаружили снижение рейтинга «Единой России» и рост протестных настроений. Реакция на подобные проявления социальной спонтанности не заставила себя ждать — запретили предвыборные блоки, повысили пороговый барьер для прохождения партий в региональные legislатуры, проведение выборов ограничили двумя днями в году, что делает ресурсное преимущество «Единой России» абсолютным. Впрочем, это уже детали. В любом случае назначение глав регионов вкупе с их поголовным вступлением в «Единую Россию» выводят выборы в региональные парламенты за рамки цивилизованных представлений о политической конкуренции.

Итог — отрыв все более глухой и ригидной политической системы от общества, его запросов и вызовов. Вместо институционализации социального доверия под зонтиком легитимной президентской власти происходит институциональная деградация и обеднение национальной жизни. Показательно, что за время правления В. Путина не возникло ни одного нового публичного института, чья полезная работа вызывала бы интерес, уважение и доверие у граждан. Наоборот, важнейшие конституционные учреждения и процедуры теряют эффективность и общественную значимость. Так, смысл и результаты введения семи федеральных округов не могут объяснить ни президентская администрация, ни пытающиеся разобраться в этом эксперты³. Нам говорят, что меняющиеся правила регистрации политических партий и проведения парламентских выборов нацелены не на максимизацию административного ресурса и ренты, а на формирование сильных партий, выражающих широкие социальные интересы, но эти слова не убеждают и тех, кто их произносит.⁴ Президентская администрация даже не пытается бороться с подкупом и административными злоупотреблениями на выборах, она лишь стремится монополизировать некоторые противозаконные методы; одновременно ссылаясь на «многочисленные правонарушения» официальные лица обосновывают отмену прямых выборов глав регионов и парламентариев в одномандатных избирательных округах.

3 Обстоятельное описание института полпредов, предпринятое международным авторским коллективом, завершается главой с показательным названием: «В чем смысл реформ Путина?» См. Федеральная реформа 2000–2003. Т. 1. Федеральные округа / Ред. Николай Петров / Московский общественный научный фонд; Carnegie Corporation of New York. М., 2005.

4 Анализ действующего закона о партиях и практики его применения, а также аргументы в пользу либерализации этой сферы см.: *Афанасьев М.* Пять причин голосовать против всех партий // Эксперт. 15 сентября 2003. № 34. С. 76–79.

Деполитизированная Государственная Дума растрчивает остатки былого авторитета. Реформированный Совет Федерации напоминает «живой труп». Конституционная процедура представления главы правительства и обсуждения его доклада в парламенте сломана и заменена экстренной сменой кабинета сразу после объявления результатов президентских выборов. Правительство, сформированное президентом «в рабочем порядке», оказалось неработоспособным. Общим результатом путинских преобразований государственного строя России следует признать *оформление имитационного институционального дизайна*, который в отличие от действительных публичных институтов легко управляем из одного центра, но не может обеспечить устойчивого развития ни стране, ни правящему слою.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЫБОР

Удручающе низкий КПД путинского «сильного государства» не только разочаровывает, но и заставляет задуматься. У российских интеллектуалов есть возможность окончить эпоху политического комментирования и взяться за стратегическую работу.⁵ Выбор целей и средств национального развития, проектирование и создание эффективного государства нельзя более откладывать. И первое, что необходимо сделать, — очистить обсуждение проблем государственного устройства от дурных манер сегодняшней интеллектуальной жизни, когда вопросы национального значения превращаются в игральные карты прикладного «кремлеведения».⁶ Порча государствоведческого дискурса сродни отказу от гражданской позиции — то и другое ведет к разрушению государства.

Есть и хорошие новости. Участникам нынешней дискуссии, слава Богу, не нужно долго убеждать друг друга в том, что публичные институты следует не пересаживать, но выращивать самим, с учетом национальных особенностей, привычек, а самое главное — исходя из реальных национальных задач. Российский национализм становится для нас общим местом. Те политические силы, которые сегодня мыслят и действуют не в парадигме национального проекта, обречены на маргинализацию. Правда, актуальное почвенничество, как и вышедший из моды космополитизм, не гарантирует содержательного результата.⁷ Из почвенничества лучше делать не идеологию, а методологический принцип — для заземления наших проектов.

5 Показательно, что в последнее время возникли новые интеллектуальные центры, заявившие свои претензии на роль разработчиков стратегии развития российского государства: Фонд «Единство во имя России» с журналом «Стратегия России», Фонд «Территория будущего» с журналом «Прогнозис», журналы «Апология», «Политический класс»; на свое место в этом ряду претендует и Фонд «Наследие Евразии».

6 Характерный пример — дискуссия, развернутая сайтом «Агентство политических новостей» (проект Института национальной стратегии), вокруг «утечки» о готовящейся конституционной реформе и переходе к парламентскому правлению.

7 Так Институт национальной модели экономики В. Найшуля представил программу, главное содержание которой составляет миф о традиционном русском порядке. Мифотворчество — занятие весьма интересное, но не вместо исторического, современного и сравни-

Хороший пример – законопроект об Общественной палате, разработанный Институтом общественного проектирования.⁸ Журнал «Эксперт», с которым связан Институт, по делу критикует российские либеральные партии за неумение и нежелание последовательно выражать интересы нового среднего класса, при этом в журнале поднимался вопрос о выстраивании системы непартийного представительства «сословных» интересов бизнес-сообщества. В свою очередь Институт претендует занять ключевую позицию в такой лоббистско-представительской системе и предлагает сделать Общественную палату центром гражданской экспертизы проектов федеральных и региональных законов. В проекте заложены тройные гарантии политической лояльности (порядок формирования; концентрация полномочий в Совете Палаты; Аппарат, обеспечивающий деятельность Палаты), зато представители гражданских объединений получают гарантированный доступ к официальной информации и возможность донести свое мнение до органов власти. Есть, правда, опасения, что под крышу подконтрольной властям Общественной палаты будут загонять все действующие на сегодня согласительные комиссии и консультативные советы – такая монополизация серьезно навредила бы диалогу власти с бизнесом и гражданскому представительству. Если эту опасность удастся предотвратить, то Общественная палата может стать полезным гражданским институтом.

Государственный проект для России призван ответить на основополагающие вопросы, до сих пор не нашедшие удовлетворительного решения: как организовать федерацию и местное самоуправление; как улучшить организацию федеральной власти в треугольнике Президент – Правительство – Парламент; как реорганизовать аппарат государственного управления.

Администрация В. Путина делала ставку на отмену договоров о разграничении компетенции и на «окончательное» закрепление в федеральном законодательстве полномочий федеральных органов власти, органов власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления (реформы Д. Козака). Вопреки духу и букве Конституции федеральный центр постарался монополизировать регулятивные функции, оставляя на долю регионов лишь исполнительские; при этом на первый план был выдвинут принцип финансовой обеспеченности полномочий, закрепляемых за органами власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления. Ясно, что, присвоив исключительное право на законодательное регулирование, центральная власть может не только произвольно устанавливать и пересматривать границы компетенции субъектов Федерации по вопросам совместного ведения, но и в одностороннем порядке определять норму финансовой обеспеченности полномочий, вмененных нижестоящим уровням власти. Заметим также, что российская Конституция предусматривает наличие у субъектов Федерации некой исключительной компетенции, но не опреде-

тельного институционального анализа. (Программу, пояснения и публикации см. на сайте института [<http://www.inme.ru>])

8 См. Проект Федерального закона «Об Общественной палате» [<http://www.inop.ru/SocialPlace/zakon.htm>].

ляет ее состав. Конкретизировать вопросы ведения субъектов Федерации можно было бы в договорах о разграничении компетенции, — причем сделать это индивидуально для каждого региона, с учетом очень разных особенностей, возможностей и потребностей.⁹ Однако полезные возможности договорного регулирования не были использованы, а само понятие асимметрии, которая вообще-то составляет преимущество федеративного устройства, превратилось у нас в идеологический жупел. Принципиальный отказ от договоров и составление в высокой комиссии закрытого перечня полномочий федеральных, региональных и местных органов власти есть ни что иное, как подмена федерализма бюрократизмом. Как и предупреждали эксперты, излишне жесткое, притом далеко не безупречное, закрепление полномочий оказалось неэффективным и недолговечным. После перехода к назначению глав субъектов Федерации воследовала ревизия еще не просохшей описи полномочий региональных органов власти.

Основы альтернативной федеративной стратегии можно найти в докладе Фонда ИНДЕМ «Тенденции развития федерализма в Российской Федерации»¹⁰, где предложена новая редакция ряда статей Конституции и концепция федерального закона «О взаимодействии органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации при реализации полномочий по предметам совместного ведения». Суть предложений: а) закрепить в Конституции наряду с предметами ведения Федерации предметы ведения субъектов Федерации, а принцип остаточной компетенции перенести на предметы совместного ведения; б) содержание федеральных законов по предметам совместного ведения ограничить определением основных принципов, правил и государственных стандартов, а также регулированием организации и деятельности федеральных органов государственной власти; в) установить, что по предметам ведения Федерации полномочия осуществляют федеральные (в центре и на местах) органы, по предметам ведения субъектов Федерации полномочия осуществляют региональные органы, по совместным предметам текущее управление осуществляют органы субъектов Федерации при контроле со стороны соответствующих федеральных органов; г) закрепить механизм совместной деятельности (формы взаимодействия, порядок совместного

9 Предложение использовать договоры для регулирования компетенции органов власти субъектов Федерации и вопросов их взаимодействия с федеральными органами государственной власти было сформулировано мной осенью 2002 г. в аналитической записке «Оценка состояния и перспектив договорного разграничения полномочий по предметам совместного владения Российской Федерации и ее субъектов в контексте реформы федеративных отношений (применимость договорно-правовых отношений), оценка эффективности договорно-правовых отношений на примере ряда субъектов)», которая была подготовлена для Института права и публичной политики и передана в Администрацию Президента.

10 Тенденции развития федерализма в Российской Федерации. Аналитический доклад / Авторы: К. И. Головинский, М. А. Краснов (Рук.), Г. А. Сатаров, Л. В. Смирязгин, Б. А. Страшун и др. / Региональный общественный фонд «Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ). М., 2002.

осуществления полномочий органов исполнительной власти по предметам совместного ведения, формы контроля федеральных органов за деятельностью региональных органов исполнительной власти, порядок разрешения спорных вопросов и разногласий); д) создавать территориальные подразделения федеральных органов преимущественно по окружному принципу, но без нынешних федеральных округов во главе с полномочными представителями Президента (у каждого федерального органа может быть свое окружное деление, не совпадающее с административными границами регионов).

Политическая слабость и неустойчивость российского федерализма предопределена его верхушечным характером, поэтому становление полноценной федерации возможно только через возрождение республиканского духа.¹¹ Это требует соблюдения следующих принципов: 1) главное — не суверенитет и даже не объем компетенции регионов (фактически региональных властей), а республиканское устройство политической жизни в стране и ее регионах; 2) условием закрепления компетенции региональных и местных властей должно быть наличие институтов публичного контроля и доступа граждан к информации; 3) решение о закреплении вопроса в компетенции центральных либо региональных, либо местных властей должно учитывать создание наиболее благоприятных условий для гражданского участия и контроля; 4) главной, законодательно закреплённой целью федерального вмешательства должно быть восстановление республиканского правления (институтов, норм и стандартов). Важно также видеть концептуальную связь федерализма и административной реформы: производители публичных услуг должны обладать организационной самостоятельностью и прямой ответственностью перед налогоплательщиком. Следовательно, дух и логика административной реформы требуют не президентского единоначалия, а развития федерации.

Обсуждению насущных задач улучшения правления мешает вопрос об укрупнении регионов, который будируют в основном заинтересованные губернаторы да столичные любители бюрократической симметрии (мотивация последних слабеет, так как назначение губернаторов ввели и без того, а сокращать свою клиентелу Кремлю не с руки). Не так давно сенатор А. Казаков в качестве обоснования концепции «укрупнительства» популяризировал доклад Совета по изучению производительных сил (СОПС).¹² В этом странном документе нет оценки рисков, а выигрыши укрупнения ничем не доказаны и никак не связаны с предлагаемыми мерами, которые фактически сводятся к введению еще одного уровня бюрократической иерархии. Какое отношение все это имеет к изучению производительных сил понять невозможно. Объединение ряда «матрешечных» субъектов Федерации, в состав которых входят малонаселенные, экономически недостаточные регионы, оправдано. А вот общероссийский административный пере-

¹¹ См. *Афанасьев М.* Зачем России Федерация // Апология. Май 2005. № 3. С. 106–117.

¹² Экономические и правовые основы государственно-территориального устройства России. Доклад Ученому совету СОПС/Коллектив авторов. М., 2004.

дел совершенно не нужен, экономической и общественной пользы от него ждать не приходится. Что же до упразднения таким путем «национальных» республик, то одно только официальное обсуждение, не говоря уж о реализации, подобной инициативы многократно увеличит конфликтный потенциал межэтнических отношений. Сошлюсь на мнение убежденного противника этнократии и теоретика «многоэтнической российской нации» В. Тишкова: для национальной интеграции нужно не изменение статусов и границ, а улучшение правления на основе единых стандартов и при учете региональных особенностей.¹³ Этнотерриториальные автономии со статусом республик как раз и составляют ту особенность российского государственного строя, которую нам нужно не отбрасывать, а правильно развивать.

Заметим, что специалисты, занимающиеся теорией и проектированием целостного пространственного развития – В. Глазычев и эксперты его круга – весьма критично относятся к существующему административно-территориальному делению страны, а точнее к тому, что через призму этого административного членения проводится вся социально-экономическая политика. Выход из ситуации они видят не в бюрократической перенарезке границ регионов, а в формировании адекватной концепции пространственного развития России. Речь идет о выделении наиболее динамичных городов и мегаполисов («города-регионы»), которые должны возглавить встраивание страны в глобальный рынок и составить каркас ее новой пространственной организации.¹⁴ Чтобы такое развитие состоялось, мало принять официальную Концепцию, нужна переналадка государственных институтов, в частности, закрепленные законом гарантии стабильности и самостоятельности местных бюджетов.

Между тем действующая администрация видит в местном самоуправлении лишь очередной объект бюрократического упорядочения, которое нацелено на жесткое предписание полномочий и ресурсов для их исполнения, организационное единообразие, финансовое выравнивание муниципалитетов.¹⁵ Крем-

---

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ
ВИДИТ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ
ОЧЕРЕДНОЙ ОБЪЕКТ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО
УПОРЯДОЧЕНИЯ, НАЦЕЛЕННОГО НА
ЖЕСТКОЕ ПРЕДПИСАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ И
РЕСУРСОВ ДЛЯ ИХ ИСПОЛНЕНИЯ

---

13 См. Федерализм и этнический фактор на Северном Кавказе / *Тишков В.* Опыт этнологического мониторинга. М.: Программа Сотрудничества ЕС и России (Тасис), 2004. С. 42–65. См. также: Этничность, право и закон / *Тишков В. А.* Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. С. 171–182.

14 См.: *Глазычев В.* Ловушка регионального подхода // *Логос.* 2005. № 1. С. 102–123; *Щедровицкий П. Г. и др.* Формула развития. Сборник статей: 1987–2005. – М.: Архитектура-С, 2005

15 См. об этом: Экспертная оценка Фонда «Институт экономики города» законопроекта

левская опека, однако, принципиально отличается от классического патриархального государства в одном пункте: политические риски за невыполнение обязательств перед населением передаются вниз. Впрочем, как ни плоха бюрократическая реформа Д. Козака, но до нее в 18 субъектах Федерации местного самоуправления не было вообще, а перегрузка местных бюджетов нефинансируемыми федеральными и региональными мандатами была запредельной. Поэтому откладывание перехода к новой системе местного самоуправления (еще один результат назначения глав регионов) отнюдь не обрадовало известного критика реформы Н. Косарева.¹⁶ Фонд «Институт экономики города» разрабатывает альтернативную стратегию развития местного самоуправления. Вот ее опорные пункты: анализ и обобщение местного опыта; законодательные гарантии финансовой автономии местного самоуправления; обеспеченное по всей территории страны право россиян на местное самоуправление; расширение круга вопросов, решаемых местным сообществом самостоятельно и под свою ответственность; закрепление принципа многообразия местного самоуправления; отказ от чрезмерного финансового выравнивания в пользу конкуренции муниципалитетов за инвестиции и за жителей.

Ключевой вопрос государственного строительства — усовершенствование системы разделения власти между Президентом (точнее Президентом и Администрацией Президента), Правительством и Государственной Думой. Тут целый узел проблем. Необходимо выделить объединяющую и направляющую роль главы государства, а для этого нужно сохранять дистанцию, отделяющую президента от исполнительной власти и бюрократии. Как президенту спрашивать с правительства, если он сам его назначает и руководит им по понедельникам? Необходимо усилить самостоятельность и прояснить политическую ответственность правительства, ставшего продолжением президентской администрации. Необходимо определить политическую ответственность Думы, которая в ельцинское время составляла оппозицию исполнительной власти, а сегодня выступает ее законодательным подразделением. Наконец, необходимо обеспечить разделение и взаимодействие политически ответственного кабинета министров и профессиональной государственной службы.

Отвечать на эти вызовы обычно предлагают формированием правительства парламентского большинства. При Ельцине за парламентское правление ратовала левая оппозиция. Сегодня идею парламентской ответственности правительства горячо поддерживают либералы.¹⁷ Депутат В. Рыжков вносил проект соответствующих поправок к закону о Правительстве.

«Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (на сайте Фонда [<http://www.urbanomics.ru>]).

16 См. Мы на очень долгое время поставим крест на местном самоуправлении/Интервью Надежды Косаревой информационному агентству «Регнум» [http://www.urbanomics.ru/publications.php?folder_id=105&mat_id=628&from=...].

17 См., напр., активное обсуждение этой темы на Круглом столе «Реформа государства: цели, средства, заинтересованные субъекты», состоявшемся 22 июля 2003 г. в Фонде «Либеральная миссия» [<http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=387&print=1>].

Руководители «Единой России» давно готовы взяться за формирование кабинета, а переход к чисто пропорциональной системе выборов делает такой сценарий наиболее вероятным.¹⁸ Но когда пропрезидентской партии наконец разрешат сформировать правительство, парламентское правление ничем не будет отличаться от нынешнего застоя и грызни олигархических группировок. Номенклатурная природа и политическая монополия «Единой России» обесмысливают принцип партийного кабинета. Практиковать парламентскую ответственность Правительства и правительственную ответственность Думы в любом случае нужно, однако в наших условиях формальный принцип партийности явно не достаточен.

Можно предложить следующее решение этой проблемы. Следует установить порядок, при котором не менее двух конкурирующих за правительственные посты команд представляют свои программы в Государственной Думе и та выражает свое отношение к ним «мягким рейтинговым голосованием». Президент таким голосованием не связан, но может его учитывать, представляя в Государственную Думу кандидатуру на пост Председателя Правительства. Ежегодно Правительству следует представлять отчет, а Государственной Думе проводить обсуждение и голосование: признать ли работу Правительства удовлетворительной. Такое голосование опять же не обязывает Президента, но он будет его учитывать и решать, менять или оставлять эту управляющую команду. Замечу, что для внедрения предложенного порядка не нужно менять Конституцию — нужно просто ввести в обычай такую практику. Конкурсный выбор правительства с регулярной оценкой его работы в парламенте дает ряд стратегических преимуществ. Во-первых, элементы конкуренции обеспечиваются при любом составе Думы, выбор правительственной команды становится гласным и более понятным для граждан. Во-вторых, конкуренция не заканчивается с утверждением правительства, поскольку ему придется ежегодно доказывать свою годность и конкурентоспособность. В-третьих, конкурирующие команды и их стратегические проекты могут стать ядрами новых партий.

Принцип конкурентного выбора целесообразно распространить и на порядок назначения глав исполнительной власти субъектов Федерации. Нужно обязать каждого претендента представлять в региональном парламенте свою управленческую концепцию и свой вариант стратегии развития региона. При назначении на должность с главой исполнительной власти региона следует заключать контракт, фиксирующий ясные обязательства и целевые ориентиры, критерии оценки успешности правления. Одновременно необходимо закрепить основания и порядок досрочного расторжения контракта, гарантии самостоятельности регионального правительства.

Сделанные предложения сообразны логике административной реформы. Именно в контексте административной реформы нужно разбирать сегодня

18 См., напр., интервью первого заместителя руководителя фракции «Единая Россия» Олега Морозова сайту «Кремль. Орг» от 7 апреля 2005 [<http://www.kreml.org/interview/83389046>]

вопросы усовершенствования государственного строя. Но как раз такой увязки и в помине нет. Ведь как мыслятся и обсуждаются у нас изменения политической системы? Говорят либо об «управляемости» (инсайдеры), либо о «демократии» (аутсайдеры), либо про «пиар и лоббизм» (аналитики). И это тогда, когда российское население просто бежит от «политики», но притом живо интересуется предоставлением и качеством публичных услуг! А как у нас мыслятся и воспринимается административная реформа? В лучшем случае как дерегулирование (сброс избыточных государственных функций), как улучшение аппаратных технологий (аттестации, должностные регламенты и т. п.) и способов государственного регулирования бизнеса (регистрация, лицензирование, проверки).¹⁹ А в худшем случае как перечень весьма разноплановых и вполне традиционных официальных установок: устранение дублирующих функций, сокращение аппарата, борьба с волокитой и коррупцией. В отсутствие стратегического (политического!) подхода и концептуальной целостности административная реформа не стала метапроектом и сама обречена на бюрократическое вырождение. Либерализм уже свели к сокращению федеральных расходов. Административное давление на бизнес сокращают не в ущерб возможностям «ручного управления». Информационную открытость власти отложили до тщательной подготовки.

Ответственность за практическое и особенно концептуальное состояние административной реформы должны разделить российские интеллектуалы (интеллигенция по старому говоря). Информационное сопровождение реформы, похоже, занимает лишь тех, кто непосредственно вовлечен в ее экспертное обслуживание.²⁰ Хуже всего, что вслед за чиновниками многие аналитики и комментаторы, будто не замечая, в чем участвуют, именуют административной реформой кабинетные перестановки с сокращением числа заместителей у премьера и министров. Верную постановку задачи можно найти у И. Клямкина, подчеркивающего, что речь должна идти об изменении самого типа российской государственности — движении от парадигмы служения государству к парадигме обслуживания общества.²¹ Между тем общим правилом стало невнимание к ключевым вопросам административной реформы и непонимание их исключительной общественной важности. Либерально настроенные интеллектуалы, как, впрочем, и представители левой оппозиции, обычно предпочитают не углубляться в проблематику административной реформы, полагая, что первоочередное и главное — это смена политического режима.²²

19 См. доклад «Насущные задачи реформы исполнительной власти» [http://www.rbc.ru/info/info-1802_doklad.shtml] (предложения Высшей школы экономики) и документ «Административная реформа: Позиция РСПП. 14.05.2003» [http://www.opes.ru/library/article.asp?d_no=2001&c_no=3&c1_no=].

20 См. об этом: *Куренной В.* В поисках достоинств: смысл и логика административной реформы // Отечественные записки. 2004. № 2. С. 45–63.

21 См. *Клямкин И.* Либеральные реформы и либеральная идеология / Власть, бизнес и гражданское общество. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2002. С. 5–18.

22 См., напр., обсуждение административной реформы на уже упоминавшемся Круглом столе «Реформа государства: цели, средства, заинтересованные субъекты» в Фонде «Либе-

Принципиально иная позиция может быть представлена следующим образом.²³ Задачи, критерии и средства реформирования российского государства следует подбирать не столько в плоскости политических институтов и гражданских противовесов (что можно было бы назвать *стратегией для граждан*), сколько в сфере выражения и защиты потребительских интересов российских налогоплательщиков и членов их семей (*стратегия для потребителей*). Отсюда следует выбор главных шагов по пути обновления системы, структур и культуры государственного управления: 1) запуск проекта «Хартия прав россиян», закрепление государственных стандартов качества социальных услуг и гарантий обслуживания потребителей; 2) переход к конкурсному формированию федерального и региональных правительств; 3) последовательное разделение функций «заказчика» и «производителя» публичных услуг; 4) конкурсы по заказам на исполнение публичных услуг с участием государственных и частных производителей; 5) внедрение систем конкурентного потребительского выбора в здравоохранении, образовании, ЖКХ; 6) корпоратизация и внедрение предпринимательского управления в государственном секторе; 7) обеспечение права на информацию, выстраивание институциональной системы открытости власти и организаций, выполняющих публичные функции.

Обсуждение национального проекта, стратегический выбор и последовательные шаги по реальному реформированию российского государства создают цель и шанс для консолидации новой непаразитарной элиты, способной выполнить функцию стратегического лидерства.

ральная миссия».

²³ См. Афанасьев М. Эффективное государство: стратегия для потребителей // Апология. 2005. № 5. С. 8–21.

Евгений КРУТИКОВ

КОНЕЦ ПОТСДАМСКОЙ ЭПОХИ

Сейчас мало кто вспоминает о том, что в мае 1945 года войска маршала Тито перешли границу «старой» Югославии в западном направлении и захватили австрийскую Южную Каринтию с крупным городом Клагенфурт и итальянскую провинцию Венеция-Джулия с портом Триест. В Клагенфурте югославы столкнулись с 5-й британской дивизией, а в Триесте — с американцами. Полтора месяца, знаменитые «сорок дней», мир балансировал на грани начала еще одной мировой войны. Москва тогда не поддержала территориальные амбиции Тито, сохранив его империю в тех границах, которые были определены для Королевства сербов, хорватов и словенцев Версальскими договоренностями. Многие историки считают, что именно нежелание Сталина участвовать в новой войне послужило главной эмоциональной причиной для разрыва отношений между Югославией и СССР. Ведь еще в 1954 году Тито всерьез планировал «послать танки на Триест» — он жил в этом городе подростком, любил его и не мог смириться с передачей его Италии. Но уже через пару лет Италия и Австрия станут лучшими друзьями Югославии, внутри которой пойдут процессы, приведшие в конце концов к страшному распаду. Виновен ли в этом Слободан Милошевич? И, собственно говоря, в чем он виновен?

В этнической истории такого сложного региона, как Балканы есть реальности, о которых старались позабыть или затушевать, совсем как в советское время в СССР. Никто ведь никогда не вспоминал о том, что Нагорно-Карабахская автономия была создана только для того, чтобы потрафить Атаюрку — на тот момент единственному союзнику СССР. И что следствием это шага стала резня армян в Шуше — продолжение событий в Турции. Так и в «старой» Югославии предпочитали не вспоминать о том, что никогда до конца Первой мировой войны сербы и хорваты не жили в одном государстве. Их разделяли не просто государственные границы Австрии, Венгрии, Венеции и Османской империи, а своеобразный «железный занавес» культур, сфер влияния восточного и западного мировоззрения. И оказавшись в одночасье в пределах одной лоскутной страны, они тут же повели друг с другом борьбу за влияние, вовлекая в нее и остальные балканские народы. Кульминацией этого противостояния стали Вторая мировая война, создание профашистского Хорват-

ского государства, его жуткие зверства, от которых приходили в ужас даже немцы и итальянцы. И когда войска Тито вошли в Триест, вырезая по дороге неславянское население, американские политики всерьез поставили вопрос о сохранении независимости Хорватии. Этот факт теперь тоже предпочитают забыть. Позиция американцев основывалась на личных наблюдениях. Загонять обратно в единое государство два народа, которые столь сильно друг друга ненавидят уже сотни лет, в Вашингтоне считали бессмыслицей. Но и Черчилль, и Сталин считали Тито своим другом. И те дни, когда на улицах Белграда тысячи молодых людей митинговали под лозунгом «Живот дамо — Трст не дамо!» («Жизнь отдадим — Триест не отдадим!»), решилась судьба Югославии. Она была обречена кроваво распасться, погубив не только человеческие жизни, но и несколько фундаментальных политических принципов, которыми так гордилась Европа сорок лет после Потсдама.

«Старая» Югославия была прекрасной, богатой и веселой страной. И это абсолютная правда, а не миф о «прекрасной советской эпохе», рожденный судорогами памяти нескольких поколений. За сезон владелец небольшого ресторанчика на хорватских островах зарабатывал столько, что зиму проводил в Калифорнии. Шофер гостиничного лимузина в Черногории получал в немецких марках в месяц больше, чем стоматолог из Гамбурга. Супермаркеты Британии были завалены словенским рислингом. Сараево был поликультурным центром искусства и науки с абсолютной свободой самовыражения. Все это рухнуло как картонный домик в столь короткие сроки, что многие даже не успели оглянуться.

Тито до конца своей жизни не отказался от идеи создания «большой» Балканской федерации, желающей поглотить остальные страны. Под эту имперскую идею он подстраивал и государственное устройство Югославии. Автономный край Косово и Метохия были созданы с перспективой поглощения всей Албании. В 1945 году Тито даже разрешил поднять над Диброй и Призреном албанский флаг со знаменитым черным орлом. Он не заглядывал в далекое будущее, изучая демографические выкладки и структуру албанского общества. Он отмахивался от донесений своего друга — партизанского генерала Светозара Вукмановича-«Темпо», посланного в конце войны в штаб албанских партизан для координации действий. Проведя в Албании пару недель, «Темпо» радировал Тито дословно следующее: «славянам с ними делать нечего». Тито не отреагировал на это предупреждение. Он хотел всю Албанию и готов был пожертвовать ради этого исторической частью Сербии, столь сентиментальной для сербского национального мироощущения. Более того, многие интеллигентные албанцы из самой Албании обвиняют Тито в том, что он сломал им жизнь. Ведь пресловутый, карикатурный и жестокий режим Энвера Ходжи сформировался как ответная националистическая реакция на угрозу военного вторжения со стороны титовской Югославии, которого в 50–60 годах удалось избежать только чудом.

Теперь весь мир знает, чем это закончилось в 1999 году.

Тито был лично обязан боснийцам. В 1941 году именно боснийцы составили костяк его будущей армии наряду с «вечно верными» черногорцами.

Большую часть войны армия Тито перемещалась из Боснии в Черногорию и обратно, отбиваясь даже не столько от немцев и итальянцев, сколько от хорватов. Их называли «првобораца» («перворборцы»), партизаны первого призыва. Мусульмане уходили в партизаны и спасаясь от хорватов, и по зову сердца. Оккупационные власти какое-то время пытались сколотить из них дивизию СС и заигрывали с шейх-уль-исламом, но мобилизованные мусульмане или разбежались, или уходили к Тито. И он в благодарность придумал новую национальность — «муслимане» и создал на пустом месте Союзную Социалистическую Республику Боснии и Герцеговины, лоскутное образование с четырьмя народами, пятью религиями и без будущего.

Знаменитая «титовская» Конституция Югославии образца 1974 года, окончательно подправленная после беспорядков в Хорватии в 1971 году. Там была статья 7, пункт 5. Право выхода из федерации *в существующих границах*. Это укладывалось в международный принцип *Uti possidetis juris*, то есть «использование [территории] рождает право». Этот принцип был придуман для так называемых бывших колоний в Европе и со временем стал широко применяться во всем мире, включая и СССР в 1991 году.

Что это означало на практике? Внешне сохраняется территориальное статус-кво, установленное еще *бывшим* владельцем данной территории, то есть империи, которой в подавляющем большинстве случаев было наплевать на этнические и естественные границы. Сейчас использование этого базового принципа международного права, возведенного Потсдамскими соглашениями чуть ли в ранг закона, автоматически приводит к разрушительным войнам.

Границы Боснии и Герцеговины изначально были определены властями Османской империи даже не как вилайет — гражданская провинция, а как *байрак* — то есть военный округ. На его территории существовали две параллельные системы управления: гражданская — в лице губернатора, вали, и военная — в лице байрактара (иногда его называли каймекам, но дело сейчас не в османских терминах), то есть начальника военного округа. Для османов это была практичная, чисто военная форма организации не территории, а населения: так было легче осуществлять мобилизацию и руководить войсками, особенно, в условиях приграничья. Границы Боснийских вилайета и байрака, естественно, не совпадали с какими-либо этническими границами, поскольку не для этого предназначались. В самой Османской империи, кстати, вообще не существовало понятия «нация» — население градировалось по религиозному принципу. Но именно в этих границах Боснийский вилайет и был аннексирован Австро-Венгрией в 1908 году, а затем через десять лет превратился в территориальную автономную единицу Югославии (королевской, а затем титовской). Таким образом, произвольно проведенные турками границы сохранились в первоизданном виде до сих пор. И международное сообщество потратило кучу денег и сотни жизней солдат-европейцев, чтобы зачем-то сохранить в неизменном виде плод административного творчества великого визиря и силахдара (военного министра) Оттоманской империи времен раннего Средневековья.

Создание БиГ преследовало и еще одну цель. Босния исторически была причиной раздора между Сербией и Хорватией. Национальное понятие «муслимане» до Тито не существовало. Боснийцы исламского вероисповедания не считались отдельным народом. В зависимости от политических взглядов (вернее, степени их радикализма) их считали сербами, принявшими в силу обстоятельств ислам, или вообще просто турками. И десятки раз во времена существования «большой» Югославии ставился вопрос о простом дележе территории БиГ между Сербией и Хорватией по национальному признаку. Земли с преобладанием католического населения уходят Хорватии, а православные районы — Сербии. Поликультурные районы, под которыми понимались преимущественно мусульманские села и сам Сараево — предмет переговоров. Фашисты целиком включили всю Боснию в состав независимого хорватского государства, что и спровоцировало в 1941 году протитовскую позицию мусульманского населения.

Признав в 1991 году независимость БиГ в титовских (читай: османских) границах с чересполосицей населения, исторически мотивированной межрелигиозной неприязнью и с престарелым мусульманином-теологом во главе Европа подожгла такой костер, который до сих пор не в состоянии потушить. Дейтонские соглашения, подписанные, кстати, Слободаном Милошевичем, имели в основе своей рациональное зерно: кантонизацию по религиозному признаку. Но дойти до логического конца (вопреки Потсдамским принципам) и отказаться от старых османских границ БиГ ни у кого в Европе и в Америке, включая «творца Дейтона» Ричарда Холбрука, духу не хватило.

То же самое произошло с Хорватией, границы которой остались неизменными и международно признанными с титовских времен, «проглотив» тем самым православные Краину, Славонию и Санджак, но оставив в БиГ целые массивы католического населения. И мы прекрасно знаем, чем это закончилось.

По тем же мотивам, что и Косово, была создана и Союзная республика Македония. Создавая Македонию, Тито в уме держал всю Болгарию и даже греческие Салоники. Никто кроме самих македонцев не признает за ними права на самоопределение. Болгария настаивает на том, что такого народа — македонцы — в принципе не существует, а есть лишь «вардарские болгары», говорящие на диалекте болгарского языка. Греция не признает страны с таким названием, претендуя не столько на территорию, сколько на «бренд» «Македония». Вторая балканская война в начале прошлого века началась именно из-за Македонии, причем Болгария, которая «первая начала», выступала против всего славянского мира в союзе с султанской Турцией и потерпела сокрушительное поражение. Третью населения Македонии — албанцы, в Тетовском ущелье они составляют большинство. И даже присутствие сил НАТО не может остановить в этом районе «вялотекущую» гражданскую войну.

Была ли жизнеспособна эта страна? Так ли надо было цепляться за лоскутную империю, молясь на Потсдамские принципы как на Библию, а на Тито как на единственного гаранта стабильности и правителя могучей империи

в центре Европы? Могла ли долго протянуть после его смерти в современном мире (без псевдокоммунистической риторики и полицейских мер) страна, в которой уровень жизни в одной республике превышал аналогичный показатель в другой более чем в шесть раз (например, процветающая Словения по отношению к нищему и грязному Косово)? В которой целые регионы целиком обезлюдивали в период сезонных работ в Западной Европе (Крайна, Косово, Метохия, Санджак, Бихач, Верхняя Босния, Горная Далмация), в то время, как другие тогда же становились миллионерами (Далмация, Словения, Истрия, Приморская Черногория)?

И главное.

Кто должен отвечать за это? Вершители истории Сталин, Черчилль и Трумэн? Полковники Фицрой Маклин и Рэндольф Черчилль, рисковавшие жизнью в ставке партизан ради мифических интересов другой империи — Британской? Хорватский бедняк, гениальный полководец и жестокий император Иосип Броз более известный как Тито? Герой войны, талантливый писатель и фанатик-националист Франьо Туджман? Кабинетный ученый, историк и теолог Алия Изетбегович? Европа, с ее заскорузлым консерватизмом и боязнью радикальных мер и перемен, даже ради самосохранения? Или все-таки Слободан Милошевич?

НИКОГО НЕ СТАЛО

Безусловно, смерть Слободана Милошевича не оставила в Сербии и Черногории никого равнодушным. Это не преувеличение. Отношение к «Слобо» всегда было для жителей как «старой» Югославии, так и «новой» слишком личным. Его слова и жизнь, включая приватную, касались каждого. Большинство журналистов могло просто набрать его домашний номер телефона и услышать до боли знакомый голос его жены Миры Маркович, «делавшей дела» за его спиной. Многие, особенно россияне, смеялись: на Балканах, как и на Кавказе, отношение к женщине весьма спорное, но тем не менее ни для кого не секрет, что именно в этих регионах Европы скорее женщины руководят мужчинами, чем декларируется традицией и демонстрируется на людях. И теперь еще одна женщина, Карла дель Понте, генеральный прокурор Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) вершит судьбами десятков людей, руководя самым громким международным уголовным процессом по делам, сопряженным с военными преступлениями, со времен Нюрнберга.

Она не хочет отвечать на прямые вопросы. Ее пресс-конференция в день смерти Милошевича в гаагской тюрьме Схевенинген показала и настрой даже западных журналистов, сомневающих в законности и целесообразности медицинских мер, применявшихся к Милошевичу, и ее собственную позицию: я не имею к происходящему никакого отношения, решение о невыдаче Милошевича в Москву для лечения носило коллективный характер и было зафиксировано постановлением суда, вся необходимая помощь ему оказывалась, но я не могла ее контролировать, и вообще отстаньте

от меня. Я выполняю свою работу только в интересах жертв геноцида (victims) и выживших (survivors). Эти термины, как оказалось, чрезвычайно важны. Милошевич как личность и его семья меня — Карлу дель Понте — не интересуют. Жаль, конечно, что он умер, но жаль только потому, что он не дожид до вынесения приговора. Содержательная часть ее речей состояла только из подробного перечисления, сколько вещественных доказательств было предоставлено, сколько часов было отпущено защите на ответные речи и сколько свидетелей было заслушано (это были точные цифры, зачитанные по заранее заготовленной бумаге).

Смерть Слобо — не повод для того, чтобы спекулировать на возможностях отравления или самоубийства, как делало в первые часы большинство репортеров, потому что у них работа такая, и им ничего другого не оставалось просто в силу особенностей профессии: коронер наотрез отказывался давать комментарии, а Карла дель Понте через предложение повторяла, что ее все это не касается, и надо подождать результатов вскрытия. Когда их дождалась, ничего непредсказуемого тоже не обнаружилось. Обширный инфаркт миокарда, преждевременная смерть, вызванная, скорее всего, именно отсутствием нормального лечения. А чего вы ожидали?

Все западные средства информации на перебой показывали репортажи из Сараево и Приштины, в которых босняки и албанцы сожалели о смерти Милошевича именно в тех выражениях, которые употребляла Карла дель Понте. Мол, хотелось бы, чтобы дожид до вынесения приговора. Только это оправдало бы, по большому счету, само существование МТБЮ.

Один из адвокатов Милошевича, ди Стефано, уже пообещал после сорока дней подать на Карлу дель Понте в суд за «неоказание медицинской помощи». Вряд ли он выиграет этот процесс: только на пресс-конференции в день смерти Милошевича дель Понте восемь раз (я считал!) подчеркнула, что Слобо в Москву отказался пустить именно трибунал, а не она лично. Это, видимо, и есть ее позиция. И еще она разочарована тем, что Слобо умер. Он должен был дожид до вынесения приговора.

Я знаю адвоката ди Стефано. Это знаменитый человек. С семидесятых годов он был личным адвокатом Желько Ражнятовича, более известного как «Аркан», а также десятков сербов, участвовавших в программе «Никита»: тогда сербские уголовники по всему миру находили и расстреливали бывших военных преступников времен Второй мировой войны и персонажей, финансировавших хорватское и албанское националистическое подполье. Так погибли бывший «поглавник» — президент фашистской Хорватии Анте Павелич, смертельно раненный в Буэнос-Айресе, и умерший от ран в госпитале в Мадриде, начальник концлагеря «Ясеновац» Макс Любурич, убитый выстрелом в упор в Мадриде, второй по значимости военный преступник Хорватии Эуген-Дидо Квартеник, погибший в якобы автомобильной катастрофе в Аргентине, Славолуб Марич, известный как «Боб-каратист», голландский наркоторговец, владелец бара «Крумелтье» в Роттердаме и главный финансист хорватского подполья и многие другие. Всех югославских «Никита» защищал именно ди Стефано, а после смерти самого знамени-

того из их — Аркана — он стал еще и душеприказчиком его имущества. Он уже много лет живет в черногорском приморье, женат на местной, говорит по-сербски лучше, чем по-итальянски, и может поставить на колени кого угодно, включая дель Понте. Не такая уж она и великая, как ей хотелось бы казаться перед европейской публикой.

Перечень ошибок, которые она допустила при подготовке процесса против Милошевича, занял бы целую книгу. Официально, согласно ее собственной статистике, она вменяла ему 66 эпизодов, среди которых основным была резня в Сребренице.

БОСНИЙСКИЙ ЭПИЗОД

Вцепившись в «сребреницкий эпизод» Карла дель Понте загнала себя ловушку, которую заранее не смогла спрогнозировать. Пленные босняки были убиты не регулярными частями армии боснийских сербов, которыми командовал генерал Ратко Младич, а местным ополчением — так называемыми парамилитарами. Известны имя, фамилия и прозвище их командира. Практически во всех такого рода войнах второй половины XX века подавляющее большинство военных преступлений совершается именно парамилитарами, поскольку они, как правило, крайне озлобленные и ожесточенные люди, среди которых попадаетесь и откровенный сброд, отбракотанный из регулярной армии. Так, например, жестокое убийство 250 беспомощных хорватских раненных в госпитале Вуковара совершили люди отряда «Тигры» ныне покойного Желько Ражнятовича — «Аркана», и даже МТБЮ не предъявил обвинения генералу «старой» Югославской народной армии — ЮНА — Живице Паничу, спланировавшему и осуществившему операцию по вытеснению хорватских войск с западного берега Дуная. А ведь именно генерал Панич отдавал приказы бомбить Вуковар, а когда хорватский комендант города отказался сдаться, армейский корпус Панича фактически стер город с лица земли в ходе уличных боев. Кому в этом случае предъявлять претензии: Паничу, перед которым стояла чисто военная задача, или хорватскому коменданту, обречшему свою дивизию и население города на верную смерть? Это ведь война, госпожа прокурор, а не галантный спор из-за кокотки, в ходе которого строго соблюдается «Дуэльный кодекс» после команды «к барьеру, господа!».

Кроме того, «сребреницкий эпизод» крайне непопулярен в Западной Европе, особенно, — что весьма важно — именно в Нидерландах. После того, как ООН произвольно объявила несколько населенных пунктов, с преимущественно мусульманским населением, «зонами безопасности», туда были введены «голубые каски». Охрану Сребреницы взял на себя именно голландский батальон. И именно этнические голландцы, побоявшись вступить в бой, добровольно сдали Сребреницу сербским парамилитарам. Расследование этого эпизода превратилось в публичный скандал, поскольку командир голландского батальона упорно пытался свалить вину сначала на знаменитого британского генерала Майкла Роуза, героя Фолклэндской войны, осу-

ществлявшего тогда общее командование войсками ООН в Боснии. А когда Роуз не дал себя в обиду, голландский полковник переключился на командира французского Иностранного легиона, с которым в тот печальный день находился на радиосвязи. Француз — третий калач — тоже не пожелал стать козлом отпущения. Он публично обвинил голландцев в трусости и пустился в рассуждения о роли Иностранного легиона в снятии осады Сараево, что тоже было крайне сомнительно, учитывая историю с «Меркало», о которой позже. Причем француз в момент своих радиопереговоров с голландцем находился в Адриатическом море на борту авианосца и никак не мог повлиять на развитие ситуации в охраняемых анклавах. Именно эти препирательства и превратили «сребреницкий эпизод» в ключевой. Если бы не стремление голландского полковника любыми средствами оправдаться, то события в Сребренице никто не придал бы такого значения.

Сейчас практически никто не употребляет слов Горажде и Зеница: это были также боснийские города, взятый под охрану войсками ООН, в которых произошло практически то же самое, что и в Сребренице. С одной лишь разницей: сербских парамилитаров в город Горажде пропустил немецкий батальон, боявшийся всех и вся вокруг. Вообще участие немецких частей было фатальной ошибкой. Ненависть сербов и мусульман ко всему немецкому с сороковых годов не ослабла ни на йоту. В один из крупнейших городов Сербии — Крагуевац — долгое время вообще был запрещен въезд лиц немецкой национальности, даже туристов, которым просто не гарантировалась безопасность (на въезде в город висели специальные таблички на сербском и немецком языках, все это подробно объяснявшие). В 1942 году немцы расстреляли в Крагуевце несколько тысяч сербов в ответ на вылазку партизан, причем не титовцев, а четников. Более или менее спокойно чувствовать себя немецкие солдаты могли только в хорватских районах Боснии, но никак не в мусульманском Горажде, окруженном сербскими селами. Какой именно умник в штабе НАТО придумал такую дислокацию? И где он сейчас?

По большому счету, голландский полковник должен сидеть на скамье подсудимых если уж не рядом с сербами, то хотя бы неподалеку. Он совершил воинское преступление, проявил трусость и нерешительность, не выполнил приказ как своего непосредственного военного начальства, так и политического, не исполнил свой армейский долг. Конечно, он неподсуден именно МТБЮ, но есть ведь национальный военный трибунал, который просто обязан дать оценку его действиям. Но подобный прецедент никому не нужен — никогда еще не судили офицера миротворческих сил ООН за невыполнение своего долга. Конечно, если нечто подобное произошло бы в Абхазии, Южной Оссе-

---

УЧАСТИЕ НЕМЕЦКИХ ЧАСТЕЙ БЫЛО
ФАТАЛЬНОЙ ОШИБКОЙ. НЕНА-
ВИСТЬ СЕРБОВ И МУСУЛЬМАН КО
ВСЕМУ НЕМЕЦКОМУ С СОРОКОВЫХ
ГОДОВ НЕ ОСЛАБЛА НИ НА ЙОТУ

тии или Приднестровье с российским офицером, то я не сомневаюсь в том, что Тбилиси, Кишинев и НАТО общими усилиями устроили бы из этого грандиозное шоу. Но кто в Восточной Европе сейчас будет лоббировать судебный процесс против старшего офицера одной из армий страны — члена НАТО?

Обвинения в адрес Милошевича за геноцид в Боснии не имели никакой доказательной базы. Быстро это поняв, Карла дель Понте изобрела довольно сомнительный с точки зрения классической юриспруденции термин: «влияние», *influence*. По ее словам, руководство Республики Сербской «находилось под влиянием» Слободана Милошевича (*to be under influence of Mr. Milosevic*), и, следовательно, все события войны в Боснии автоматически должны вменяться ему в вину. За все время войны Милошевич ни разу не встречался с Радованом Караджичем и уж тем более с генералом Ратко Младичем — это ему было просто не по чину. Нет никаких письменных документов за подписью Милошевича, содержащих какие-либо его приказы или указания в отношении Боснии. ЮНА — Югославская народная армия не принимала никакого участия в боевых действиях (если бы принимала, то все решилось бы гораздо раньше, и НАТО просто не успело бы подсутиться). Единственный случай, когда Милошевич лично принимал участие в боснийском конфликте, связан с событиями в мусульманской зоне Верхней (Северной) Боснии, так называемом Бихаче, где правил местный «авторитет», бывший директор совхоза Фикрет Авдич. Этот малоприятный тип вел сложную тройную игру, маневрируя между Загребом, Белградом, Сараево и Пале. Ему лично подчинялся так называемый 4-й корпус боснийской (мусульманской) армии, несколько раз менявший врагов и союзников. В конце концов Авдич прилетел в Белград, где торжественно подписал с Милошевичем соглашение о дружбе и сотрудничестве, которое нарушил через неделю. «Независимость Бихача» была тут же ликвидирована в ходе спецоперации сербских войск, в которой участвовали, кстати, «Тигры» Аркана, сербский спецназ Фрэнки Шерматовича и высшие чины военной разведки Сербии. Более никогда Милошевич лично к боснийскому конфликту отношения не имел. Или делал вид, что не имел, как утверждает Карла дель Понте.

Все выше перечисленное — обычные странности МТБЮ. Где хорватский полковник, приказавший разрушить старый мост через реку Неретва в Мостаре, с такой помпой отстроенный заново год назад между католическими и мусульманскими кварталами (сербам там даже не пахло)? Где командующий артиллерией боснийских хорватов, расстреливавший Босански Нови? Где хорватские летчики, бомбившие Банья Луку? Где командование 1-го и 2-го корпусов боснийской армии, атаковавших сербский Градачац? Где премьер-министр Боснии Харис Силайджич, фактически руководивший войной при престарелом президенте Алие Изетбеговиче (он живет в Сараево и торгует оружием через арабские страны — существуют распечатки телефонных переговоров). Где, в конце концов, те минометчики, которые обстреляли в Сараево рынок «Меркало»?

А это вообще отдельная история. Некий батальонный миномет тяжелого калибра *с первого попадания* накрыл очередь мирных жителей Сараево, сто-

явших за хлебом на городском рынке Меркало. Погибло почти шестьдесят человек. Через сутки событие повторилось и получило название «Меркало-2». Эти преступления стали официальным поводом для вмешательства войск НАТО и бомбардировок позиций боснийских сербов. Для тех, кто забыл, подчеркну: это не бомбардировка Югославии силами НАТО из-за Косово, это именно атака на позиции боснийский сербов под Сараево, у Банья-Луки, Брчко и Приедора, задолго до косовского конфликта. Американские, английские, итальянские, германские, норвежские и бельгийские самолеты спасли мусульман и хорватов от тотального уничтожения. Тут же началось расследование обстоятельств дел «Меркало-1» и «Меркало-2».

Лучше бы европейцы этого не делали.

Эксперты а priori решили, что минометные выстрелы были произведены сербами. Это обвинение и легло в основу решения о бомбардировке сербских позиций. Кое-кто даже авторитетно высказывался, что сербские минометки использовали российские дальнометы, чтобы убить как можно больше мирных жителей. На собственном опыте свидетельствую: дальномер бесполезен при стрельбе из батальонных минометов. Никуда не попасть. В то время плотность артиллерийского огня на фронте вокруг Сараево превышала аналогичный показатель у Сталинграда в четыре раза (я нисколько не хочу принизить подвиг сталинградцев, но такова реальность — известно, что ветераны Второй мировой войны крайне болезненно относятся к такого рода сравнениям, искренне полагая, что все последовавшие войны были «игрушечными»). Причем, речь идет о просто математическом показателе: численность артиллерийских стволов более ста миллиметров на километр фронта. Эта цифра не учитывает разницы между гаубицей образца 1942-го и, скажем, залповой системой «Ураган», в Югославии известной как «Застава» («Знамя»). Никакой нужды в целенаправленном обстреле рынка *одной* миной не было. Сараево — миллионный город, многоквартирные дома которого в упор расстреливались из всех видов оружия, в том числе и тяжелого. С высот на горах Игман и Требевич можно было сколько угодно долго и безнаказанно расстреливать жилые кварталы. Что и делалось без зазрения совести. Но дело даже не в этом.

Просто баллистическая экспертиза показала, что мина прилетела с позиций Иностранного легиона, входившего в состав войск ООН. Скорее всего, случайно. Вторая — «Меркало-2» — тоже оттуда. Опять же, видимо, случайно.

Вот это-то и было катастрофой. Иностранный легион все предыдущие месяцы был занят увлекательной борьбой с контрабандистами. Выйти из Сараево вместе с семьей и скарбом в безопасное место, например, в Мостар и далее — в безопасную Далмацию, сквозь позиции сербов и НАТО стоило примерно 1000 немецких марок в зависимости от возможностей клиента. Этот бизнес контролировали несколько мусульманских полевых командиров, пользовавшихся почти безраздельной властью в окруженном городе. Конфликт между одним из них, Самиром Халилходжичем, и Иностранным легионом возник как бы из ниоткуда. Остается только догадываться, что

конкретно не поделили боснийский бандит двадцати пяти лет от роду и два майора Легиона, поляк и бельгиец. В результате Легион штурмом взял здание мэрии Сараево, в котором располагался штаб контрабандистов (в этот момент в доме находился и премьер-министр Боснии Харис Силайджич), а затем в Старый город прилетела мина.

Вся эта утомительная конкретика, непонятная, да и неинтересная простому человеку, который в первой половине 90-х не обращал внимания на войны на Балканах, может быть продолжена до бесконечности. Например, точно установлено, что никакого концлагеря в селение Трнополье не было, и что телеканал ITN фальсифицировал эти знаменитые телекадры. Корреспондентка ITN в сопровождении сербских журналистов разговаривала через проволочное ограждение с местными сельскохозяйственными рабочими, а один из крестьян-босняков выглядел неестественно худым. Причем сейчас на это место можно просто приехать и убедиться в том, что планы съемки были сознательно выбраны так, чтобы представить проволочку ограждением территории «концлагеря», а не тем, чем она была в действительности — границей сельхозтерритории. Несмотря на то, что ITN упорно продолжает судиться с теми, кто говорит о фальсификации, представители американского пиаровского агентства, осуществившего «информационную поддержку» операции НАТО против Сербии и Республики Сербской практически не скрывают своей позиции. В противоположность этому не дано оценки содержанию хорватами пленных и мирного сербского населения в Ясеноваце и Приедоре. Я уже не говорю о Косово. Странная любовь к албанскому народу в разное время охватывала не только Карлу дель Понте, но и бесчисленных журналистов как западных, так и российских, в том числе и, например, Кристиану Аманпур.

АЛБАНСКИЙ ЭПИЗОД

Карла дель Понте сделала себе имя на двух провальных процессах. Она сенсационно проиграла дело против авторитетного российского бизнесмена Михайлова, который был полностью оправдан швейцарским судом, и против Павла Бородина и кампании «Мабетекс». Любой другой прокурор после таких проколов либо подает в отставку, либо теряет всякую карьерную перспективу. Карла дель Понте же стала главным прокурором МТБЮ с гигантской зарплатой. Представляется, что именно дело Бородина и «Мабетекса» может быть ключевым в понимании механизма столь фантастической карьеры этой «железной дамы», лишенной каких-либо человеческих и социальных черт.

Карла дель Понте упорно предъявляла обвинение в отмывании денег только и исключительно Павлу Бородину и его многочисленной семье, выведя из-под уголовного преследования руководство «Мабетекса», состоявшее и состоящее до сих пор исключительно из косовских албанцев. Косовары были полностью освобождены даже от формальных допросов. Я далек от мысли подозревать прокурора МТБЮ, законченную феминистку и борца

за политическую корректность, в коррупции. Но ее благорасположенность к одной из сторон конфликта была очевидна еще задолго до ее перехода на работу в МТБЮ. Если уж она хотела «прищучить» Бородину и обвинить его в коррупции и отмывании денег на международном уровне, то не было ничего проще, как просто внимательно изучить связи косоваров из «Мабетекса». Сейчас, кстати, эти типы помимо строительного бизнеса в Италии (как известно, самого мафиозного в этой стране) занимаются организацией конкурсов «Мисс Италия», где в последние лет десять с завидной регулярностью побеждают эмигрантки-албанки с косоварскими фамилиями. Можно было бы просто прослушать телефонные переговоры руководства «Мабетекса» с лидерами группировок «Krujë» и «balletje-balletje» — албанской мафии в Италии, входящих в число так называемых «15-ти семей», международной системы, снабжавшей УЧК — Армию освобождения Косово деньгами из доходов от торговли наркотиками и фальсифицированными сигаретами. Есть еще Буяр Букоши — врач-гинеколог из Гамбурга, занимавший до самого последнего времени должность «казначей» так называемой «старой» албанской диаспоры. «Старая» — потому что эта диаспора сформировалась из косоваров и жителей собственно Албании еще в коммунистические времена — сейчас ее позиции сильно потеснила «новая» диаспора, состоящая из уже совсем отмороженных боевиков и наркоторговцев. Но в ходе расследования «дела «Мабетекса» ни один албанец не пострадал, чего не скажешь о Павле Бородине.

Карла дель Понте добилась сдачи в Гаагу только одного албанца — Рамуша Харадиная, одного из харизматичных лидеров УЧК, добровольно отказавшегося от поста премьер-министра республики. Я примерно представляю себе, как работает механизм самоорганизации албанского общества. Харадинай, на руках которого столько славянской — и сербской, и македонской — крови, что ему уже никогда не отмыться, взял на себя всю ответственность. Да, он будет осужден все той же дель Понте и, возможно, проведет пару лет в тюрьме Схевенинген или Веймербайес. Но на освободившийся пост премьер-министра Косово назначен генерал Агим Цеку.

Новому президенту Косово, интеллигентному и образованному Фатмиру Сайдиу, «человеческому лицу» косоваров, не оставили выбора. С самого начала было понятно, что ключевой пост в Косово займет кто-то из командования УЧК. Это мог быть Харадинай, но он сдался в Гаагу (кстати, из этого процесса в Приштине устроили целое шоу с торжественным прощанием народа со своим героем, целованием флага и пением гимна «страны Орлов»). Это мог быть командующий УЧК Хасим Тачи по кличке «Змей», по популярности в Косово конкурирующий с Элвисом Пресли. Но закономерно стал генерал Агим Цеку.

Во времена «старой Югославии» Агим Цеку дослужился в ЮНА до майора, что для косовара случай исключительный. Это примерно как генеральство Джохара Дудаева, а вопрос о присвоении Руслану Аушеву звания героя Советского Союза решался на уровне Политбюро, поскольку он был первый ингуш, представленный к высшей воинской награде страны. В 1989—

90 годах Цеку служил в частях ЮНА на территории Хорватии, получил хорватское гражданство и вступил в хорватскую армию. Он служил в хорватском генеральном штабе и, по моим данным, прошел специальную подготовку под руководством американских инструкторов. Его способности как военачальника неоспоримы. От природы это один из самых талантливых военных современности. Многие специалисты называют его то «балканским Наполеоном», то «балканским Жуковым». И самое важное. Генерал Агим Цеку в должности начальника оперативного управления генерального штаба хорватской армии разработал и осуществил операцию «Шторм», уничтожившую Сербскую Краину — мятежный горный анклав, населенный исключительно сербами. Около полумиллиона сербов было изгнано. Десятки тысяч погибли. Операция заняла двое суток активных боев и еще день на зачистку местности. Непосредственное управление войсками в ходе этой операции осуществлял генерал Анте Готовина, объявленный дель Понте главным хорватским военным преступником и недавно доставленный в Гаагу. Но придумал все это Агим Цеку, ставший, как и Готовина, национальным героем Хорватии.

После этого генерал Цеку дополнительно прошел еще один курс подготовки, на этот раз в Германии, и был назначен на должность начальника генерального штаба УЧК, вернувшись на свою историческую Родину. Именно он планировал и руководил операциями косоварских боевиков в Призрене, Джняковице, Косовской Митровице, установил линии снабжения из Албании через горный массив Проклетье, координировал взаимодействие с албанскими отрядами в Македонии. Такие лидеры боевиков, как Харадинай или «Змей», — просто исполнители его воли. И теперь этот человек назначен премьер-министром Косово, хотя его место на скамье подсудимых рядом, по крайней мере, с Анте Готовиной.

Карла дель Понте увязывала вопрос о выдаче Анте Готовины со вступлением Хорватии в Евросоюз, хотя ни один политик в Европе никогда не поручал прокурору МТБЮ решать политические вопросы или даже просто спекулировать на них. Готовину сдали, несмотря на массовые протесты в Хорватии. У каждого народа в разное историческое время — свои герои. Но если смотреть на вещи объективно, то Агим Цеку — обвиняемый поважнее Готовины. Но я более чем уверен, что новый премьер-министр Косово никогда не окажется на скамье подсудимых и будет через пару недель с помпой принят в Брюсселе.

Кстати, для сведения европейских властей. Однажды Агим Цеку, уже после введения войск НАТО в Косово, ошибся дорогой. Шофер (он был не косовар, а уроженец Македонии, потому и не знал трассы) повернул не туда, и начальник генерального штаба УЧК приехал прямо на пост российских войск, которые тогда еще там находились. Машина с вооруженными албанцами была остановлена, а среди россиян по случаю оказался офицер, говоривший по-албански. Это страшная редкость, должен я вам доложить. Этот офицер несколько часов допрашивал Агима Цеку в неформальной обстановке, пока под давлением американцев не был вынужден

его отпустить. Кто знает, что именно успел рассказать Цеку? Обычно после таких случаев человека «списывают», поскольку проверить со стопроцентной уверенностью, что именно он наговорил, невозможно. Русского офицера потом неожиданно быстро отправили домой. Мы не можем назвать его имя, даже понимая, что оно легендировано.

Я как человек, знающий албанский язык и разбирающийся в этом народе, могу засвидетельствовать, что такие качества, как храбрость, военное умение и стойкость у албанцев не отнять. Это прирожденный народ-воин, что он неоднократно доказывал в разные исторические эпохи. Было бы слишком примитивно представлять этот народ только как сборище наркоторговцев и убийц, хотя порой руководство УЧК предоставляет для этого поводы. Я могу сослаться на два расследования Сената США, проводившиеся еще при президенте Клинтоне, где подробно расписаны источники финансирования УЧК, в том числе и через албанца македонского происхождения Дауда Кадриовски (Кадриу) — одного из столпов наркоторговли Нью-Йорка. Просто эта конкретика не интересует никого как в бывшей Югославии, так и в Албании и в МТБЮ. Процесс над Милошевичем носил исключительно эмоциональный характер, на что и продолжает упираться Карла дель Понте. С ее точки зрения все это необходимо «для справедливости» и «ради жертв». Подавляющее большинство западных телеканалов употребляет и после смерти Милошевича слово *survivors* — «выжившие», которое, несомненно, куда более эмоционально, чем простое *witnesses* — «свидетели».

Надо, впрочем, признать, что физическое выдавливание албанского населения из Косово имело место. Сперва действия сербских военных и спецназа Фрэнки Шерматовича носили характер обычных «спецопераций» против боевиков-сепаратистов. Но после того, как акции УЧК приобрели наступательный характер, спецназ перешел к откровенно карательным действиям. УЧК с каждым годом становилось все более организованной и отлаженной военной машиной, получавшей пополнение и снабжение из Тетовского ущелья Македонии и из самой Албании. Есть видео- и фотосвидетельства того, что с Тачи, Харадинаем и Цеку встречались высшие чины ЦРУ и европейских армий. Перейдя от обороны к наступлению, УЧК пользовалось безоговорочной поддержкой местного албанского населения, независимо от вероисповедания. Части УЧК нападали на колонны сербских полицейских, причем в ряде эпизодов наносили ощутимый ущерб. Гибель полицейских имела, однако, обратный эффект. Спецназ в какой-то момент окончательно перешел к тактике выжженной земли, а некоторые албанские фамилии, мужская часть которых входила в верхушку УЧК, просто уничтожались целиком. Этот переход от подавления партизанской войны к репрессиям для сербских спецназовцев был психологически (но не юридически оправдан): они разбирались в структуре албанского общества, сохранившей родовой строй, и пытались физически уничтожить семью байрактаров — неформальных феодалов, руководящих жизнью крупных албанских общин. Расстрел одной такой фамилии — Яшари — имел серьезный международный резонанс. Сербов окончательно объявили «кровавыми чудовищами», начался организо-

ванный исход албанского населения в Македонию, который сутками транслировали в прямом эфире, упирая на страдания и тяготы. В ответ спецназовцы несколько раз переходили государственную границу с Албанией, чтобы подавить линии снабжения УЧК, но было уже поздно. В глазах всего мира сербы превратились в живое воплощение зла, а албанцы — в страдальцев. И никакие последующие события не изменили до конца эту позицию Европы. НАТО под руководством Джона О'Ши выиграло информационную войну и приступило к «зачистке территории».

ДЕТЕКТИВНЫЙ СЕРИАЛ

Отношение к самому Слобо в Сербии — ключевой момент. Слобо для очень многих символ не столько военных побед в Боснии, многие из которых сомнительны, сколько коррупции и авторитаризма. На него проецируются отношение к его жене Мире и сыну Марко, а они не давали повода относиться к ним положительно. Можно было позвонить Слобо домой. Он был исключительно открыт для общения. Но трубку возьмет Мира. Можно было сказать ей, что на улице сотни людей, против них полиция, и эта полиция готова стрелять, как это было во время студенческих демонстраций в Белграде, и Мира скажет, что это правильно, а люди на улицах — фашисты. И тогда можно было спросить: «А где Слободан?». И Мира ответит: «Он сидит рядом на кресле, смотрит телевизор и слушает, как мы говорим». Их сын Марко мог избить до полусмерти простого парня на дискотеке, который подошел к его девушке. Именно это и многое другое такого рода вменяет в вину семье Милошевичей сербский народ. Но отнюдь не Боснию, Косово или Хорватию.

Желько Ражнятович, более известный как Аркан, был далеко не единственной крупной фигурой, убитой в те годы в Белграде. Полный список потерь займет несколько страниц. Это была беспрецедентная бойня, в которой никто на улицах Белграда не мог чувствовать себя в безопасности. Например, министр обороны Сербии генерал Павле Булатович был убит в ресторане на футбольном стадионе «Обилич»: мотоциклист в черной одежде и в черном шлеме подъехал к ресторану, расстрелял министра обороны через окно и умчался в даль. Теперь столик у окна, за которым сидел Булатович, когда его убили, пользуется особой популярностью у посетителей ресторана. Заместитель министра внутренних дел Радован Стойичич, более известный как «Баджа», был расстрелян людьми в масках на глазах у десятков людей в ресторане «Мама мия» — едва ли не самом престижном месте Белграда того времени. У своего дома безжалостно расстреляли известного оппозиционного журналиста Славко Чурувию, человека весьма влиятельного и честного, к тому же имевшего прямой доступ в семью Милошевича. Считается, что это именно Чурувия сумел по телефону убедить Миру Маркович не бросать полицию против студентов во время первых уличных выступлений. Во дворе собственного дома во время прогулки с собакой убит один из оппозиционных парламентских лидеров Бронислав Лайнович. В Черно-

гории убит советник местного президента по национальной безопасности Горан Жутич.

Но стоит подчеркнуть, что убивали не только противников Милошевича и Миры Маркович, но и людей к ним особо приближенных. Например, был убит Зоран Тодорович, генеральный секретарь партии «Югославские левые», которую лично под себя организовала Мира. Найден труп министра МВД Зорана Соколовича, человека очень близкого к семье Милошевича. Подозревалось самоубийство. Затем застрелен его заместитель Бошко Буха (запомните эту фамилию!), занимавший при Милошевиче пост начальника белградской полиции. В Нови-саде на глазах сотен людей во время открытия сельскохозяйственной выставки застрелен глава автономного края Воеводина Бошко Петрович, один из лидеров партии Милошевича. На месте был задержан член официальной делегации Миловое Гутович, принадлежавший к знаменитой организации «Отпор», из которой выросли и грузинская «Кмара» и украинская «Пора». В то время «Отпором» руководил главный оппозиционер Вук Драшкович, ныне – министр иностранных дел. Убит руководитель Югославских авиалиний (ЈАТ) Живорад (Жика) Петрович, обладавший уникальным объемом секретной информации.

Когда Югославия оказалась в экономической блокаде, требовалось в первую очередь топливо. Да, были те самые баржи под украинскими флагами и с русскими экипажами, курсировавшие по Дунаю и талантливо воспетые Эмиром Кустурицей в фильме «Черная кошка, белый кот». Да, огромные танкеры с дизельным топливом для танков приходили в Пирей, где исчезали. Да, эшелоны с фальсифицированными сигаретами растаможивались в Черногории. Болгарские таможенники на железнодорожных переездах зарабатывали миллионы евро на каждом товарном поезде. Всем этим руководили Иван (Ваня) Бокан, убитый неизвестными возле своего дома в квартале Вуло – афинской Санта-Барбаре, Аркан, убитый в холле отеля «Интерконтиненталь» в Белграде, Жика Петрович из «ЈАТа», многие родственники Миры. А над всеми ними витала тень «супервайзера» – Марко Милошевича. После свержения Слобо Коштуница начал расследование с целью найти деньги, полученные семьей Милошевичей-Марковичей в качестве комиссионных за все время блокады. Была нанята FIA, крупная западная фирма, занимающаяся такими делами. На Кипре в Лимассоле в баре отеля «Меридиен» происходили секретные заседания, где решалась судьба различных банковских счетов. Руководитель FIA, бывший кипрский полицейский Андреас Неофиду обнаружил 150 миллионов долларов, из которых ему лично досталось в качестве комиссионных десять: три – наличными, а семь – на счет. На основании всего этого были возбуждены уголовные дела против Миры Маркович и Марко Милошевича, хотя случай с Марко более прост: в родном городе Пожаревац Марко вел себя как некоронованный король, что граничило с откровенным хулиганством. Именно все это, а не политические вопросы, и сформировало негативное отношение значительной части сербского народа к Слобо лично и его семье.

Сейчас Карла дель Понте делает упор на то, что Слободан Милошевич якобы причастен к убийству «оранжевого» премьер-министра Сербии Зорана

Джинджича. По мнению дель Понте он был убит из-за того, что отдал распоряжение об аресте Милошевича и его высылке в Гаагу в МТБЮ. Не имея возможности доказать это (в том числе и в результате смерти обвиняемого), прокурор *намекает*. Кстати, убийство Джинджича не входит к компетенцию МТБЮ.

Попробуем разобраться.

Зорана Джинджича убили люди полковника Милорада Луковича (Улемака) более известного, как Легия — отморозенного полевого командира, бывшего офицера Иностранного легиона (через эту школу прошли десятки нынешних подсудимых МТБЮ, включая Анте Готовину — может быть, предъявить обвинение министерству обороны Франции?), лидера откровенно преступной группировки, пользовавшегося славой героя войны на основании данных, большинству неизвестных и непонятных. Второй главный обвиняемый — Душан Спасоевич, более известный как Шиптар (Албанец), бывший командир отряда спецназа «Красные береты».

Причина убийства была исключительно экономической. «Земунский клан» (Земун — это пригород Белграда, типа подмосковных Люберец), насчитывавший до 200 боевиков, во главе с Легией стремительно терял свои позиции после прихода к власти Джинджича. Незадолго до этого в соседней Хорватии прошла череда убийств представителей игорного бизнеса. Так, казалось бы, при чем здесь Милошевич? Кстати, когда Джинджич в первый раз в своей жизни пришел к власти на волне студенческих выступлений и стал мэром Белграда, сменив на этом посту Небойшу Човича, первое, что сломалось в городе — канализация

КОГДА ДЖИНДЖИЧ В ПЕРВЫЙ РАЗ
В СВОЕЙ ЖИЗНИ ПРИШЕЛ К ВЛАСТИ
НА ВОЛНЕ СТУДЕНЧЕСКИХ ВЫСТУ-
ПЛЕНИЙ И СТАЛ МЭРОМ БЕЛГРАДА,
СМЕНИВ НА ЭТОМ ПОСТУ НЕБОЙШУ
ЧОВИЧА, ПЕРВОЕ, ЧТО СЛОМАЛОСЬ
В ГОРОДЕ — КАНАЛИЗАЦИЯ

ческих выступлений и стал мэром Белграда, сменив на этом посту друга семьи Милошевичей-Марковичей Небойшу Човича, первое, что сломалось в городе — канализация. «Оранжевая власть» оказалась неподготовленной к решению откровенно бытовых проблем и была сметена волной негодования горожан, чтобы снова вернуться уже на самый верх пирамиды.

Но есть у этой истории и двойное дно.

Началось все в родном городе Милошевичей Пожареваце. Некий местный предприниматель Любиша Буха, более известный как Чуме, обвинил Луковича-Легию в минировании своего предприятия Defense road. Буха, родственник заместителя министра внутренних дел, убитого в Белграде (вспомнили фамилию?) обвинил также бывшего полковника госбезопасности Милорада Брачановича в том, что тот якобы участвует в рэкрете и торговле контрабандными сигаретами вместе с земунцами в пользу Марко Милошевича. После этого последовала череда убийств и похищений. В частности, были убиты два молодых парня, братья Драган и Зоран Живкоичи, сыновья кума (а в Черногории это гораздо больше, чем родной брат) пострадавшего

коммерсанта. Их отец, Ратомир Живкович, более известный как Фискал, также публично обвинил в убийстве земунцев и Марко Милошевича. Однако обстоятельства убийств братьев Живковичей были более чем странными. Первый из них, Драган, был убит в Пожареваце после того, как на австрийской границе был задержан некий немец с полукиллограммом кокаина и сообщил, что вез наркотики для братьев Живковичей. Второй брат, Зоран, в этот момент находился ни где-нибудь, а в столице Колумбии, Боготе. Узнав о случившемся, он немедленно вернулся из кокаиновой столицы мира в Пожаревац, где тут же был расстрелян неизвестными.

И именно после этого прокуратура Сербии принялась раскручивать дело «земунского клана», «пристегнув» к нему Марко Милошевича. Одновременно Зоран Джинджич объявляет войну так называемой «сигаретной мафии», пронизавшей всю страну и начавшей не вовремя претендовать на политическое влияние. Люди Джинджича оказывают давление на несколько фирм, торгующих сигаретами, и все они, как по заказу оказываются «под крышей» Марко Милошевича. Начинается новый виток похищений и убийств, среди которых выделяется расстрел у белградского бизнес-центра «Сава» некоего Влада Ковачевича, руководителя компании Tref. Этот самый Ковачевич был близким другом Марко Милошевича еще с тех времен, когда они вдвоем основали гоночную команду Tref, из которой и вырос совместный бизнес. В те времена Марко хвастался, что отец перестал ругать его за быструю езду только тогда, когда он разбил свой восемнадцатый автомобиль. В последствии в сигаретном деле всплыли и другие близкие друзья Марко Милошевича, расследование превратилось в захватывающий детектив, а «сигаретная империя» разрослась до невероятных размеров. Хитросплетения взаимоотношений Марко с различными посредническими фирмами, отдельными сомнительными личностями и простыми коммерсантами, бандитами и офицерами военной контрразведки Сербии достойны отдельного сериала.

И заметно больше оснований, что любой из тех личностей, кто оперировал контрабандными сигаретами в фантастических объемах, и организовал убийство Джинджича. И это не была мифическая месть Слобо за его выдачу в Гаагу. «Земунцы» задержаны и осуждены по делу об убийстве Джинджича, так что хотя бы по этому формальному признаку Карла дель Понте не может обвинять (хоть она делает это и очень осторожно) покойного Слова в этом преступлении. И личное дело сербской юстиции, преследовать ли ей Марко Милошевича и Миру Маркович, не позволив им даже приехать на похороны отца и мужа.

НАЗВАНИЕ

Я совершенно сознательно привожу эти истории столь подробно. Бывшая Югославия — слишком сложная страна, чтобы в событиях, происходящих в ней и вокруг нее можно было бы разобраться с наскока. МТБЮ же уже столько лет даже не пытается разобраться, а оперирует абстрактными понятиями вместо конкретики. Карла дель Понте до сих пор не выучила ни одно-

го слова по-сербски. Она очень удивится, если начать подробно объяснять ей, что если кто и имеет отношение к убийству Джинджича, то это никак не Слободан Милошевич. А описанные выше почти детективные истории — лишь малая толика того, что можно рассказать на эту тему.

Есть и еще один нюанс. Войны с НАТО, конечно же, можно было избежать. Большинство наблюдателей считает, что Слобо сам спровоцировал полномасштабную войну с НАТО, чтобы поддержать свою власть. Возможно. Но это не отменяет того, что никакое международное образование не имеет права вмешиваться во внутреннюю жизнь суверенного государства с целью навести там тот порядок, который этому самому международному объединению угоден. Это вопрос принципалитета международного права. Югославия не входила в НАТО, так почему НАТО вошло в Югославию? Если речь идет о существовании МТБЮ по решению международных организаций, то почему кто-то постановил влиять на отдельную страну? И кто такая в данных обстоятельствах Карла дель Понте? Международный прокурор с неограниченными полномочиями или все-таки просто женщина с неудавшейся личной жизнью, стремящаяся любыми средствами реабилитироваться за предыдущие профессиональные ошибки?

Значение самого МТБЮ после смерти Милошевича — независимо от того, понесет ли кто-нибудь за это ответственность — не только попало под сомнение, но и просто уже невыносимо. Если даже западные журналисты, привыкшие ассоциировать слово «серб» с понятием «маньякубийца», задают Карле дель Понте вопросы настолько сложные, что она спешит покинуть поле боя, то что уже говорить о людях более интегрированных в события в бывшей Югославии. После смерти Милошевича не осталось ни одного подсудимого, которого можно было публично обвинить в чем-либо серьезном (я имею в виду сербов, поскольку в отношении Харадиная и Готовины наверняка будет избран щадящий режим).

Самоубийство Бабича (кстати, 14-я по счету смерть серба в тюрьме Схевенинген, о чем часто забывают) также было знаковым моментом. Бабич не был «лидером сербов Хорватии», как его подавала Карла дель Понте. К нему этот термин в принципе неприменим. И вряд ли дель Понте не знала о реальном положении дел. Врач-стоматолог, интеллигентный и образованный человек, всегда в хорошем костюме и в очках, Бабич, выполнял представительские и харизматические функции при совсем других людях в Книне — столице Сербской Краины. Человек со зрением «минус семь» по объективным показателям не мог участвовать в военных действиях, но он идеально подходил для дель Понте в качестве обвиняемого, поскольку сломленный пребыванием в тюрьме был готов давать какие угодно показания. В том числе, кстати, и о том, что Жириновский, якобы, возил ему оружие. А еще одним поставщиком вооружения, по словам несчастного Бабича, был писатель Лимонов. Жаль его, Бабича. Иногда судьба выталкивает на такие позиции слишком честных, но и слишком неподготовленных к ответственности людей.

Кто сейчас остался у Карлы дель Понте? Полковник Славко Докуманович, единственный «смыслосодержащий» серб, находящийся в ее распоряжении.

Есть еще, правда, Воислав Шешель — «сербский Жириновский», с завидной регулярностью оказывавшийся ни в то время и ни в том месте. Она надеется на сотрудничество Сербии в аресте Младича и Караджича. Неужели кто-то в здравом уме и твердой памяти может подумать, что после смерти Милошевича они добровольно сдадутся? Младич и Караджич это не Милошевич — они пользуются стопроцентной поддержкой всего сербского населения вне зависимости от политических взглядов. Они даже могут победить на выборах, если захотят, конечно.

МТБЮ был учрежден по решению Совета безопасности ООН, в котором Россия имеет право вето. И потому даже самые беззубые декларации Государственной Думы — не просто вой на луну, хотя именно так иногда кажется. МТБЮ может быть закрыт одним росчерком российского пера. Карла дель Понте может заняться сыроварением, или что они там обычно делают в своем кантоне Тичино? Хорошо бы, если только сыр и часы. А если там производят адвокатов для странных международных процессов, то впору объявлять кантон Тичино частью «оси мирового зла». Заодно можно выяснить, почему законодательно запрещено привлекать к международной ответственности граждан США. Никто ведь даже при большом желании не сможет дотянуться ни до одного американского солдата. Он просто неподсуден. Как, например, был такой «капитан Драган», серб из вроде бы Австралии, говоривший по-сербски бегло и быстро, но плохо выговаривавший слоговое «р», персонаж, сделавший для дискредитации Югославии больше, чем десятки военных преступников. Был еще «Глухой», был «Земунский клан» — разве кто-то в МТБЮ или вообще где бы там ни было еще занимается столь слишком «местными» и «частными» обстоятельствами? Для дель Понте проще на пресс-конференции похода — но крайне к месту! — обвинить уже покойного Милошевича в организации убийства президента Зорана Джинджича. Несмотря на то, что ей наверняка должно быть известно, что убийца Джинджича давно задержан, осужден и сидит в тюрьме, а один из его подельников убит. Да, Джинджич был политическим противником Милошевича. Не врагом, нет. Даже Коштуница, главный оппозиционер страны, не был врагом Милошевича. Их политическое соперничество и принципиальные мировоззренческие разногласия не мешали им дружить семьями. Причем в семье Коштуницы ситуация ничем не отличалась от давления Миры на Слобо. Даже когда Коштуница изображал из себя политического эмигранта и жил в Греции, Слобо и Мира несколько раз приезжали к ним неофициально «пообедать». После свержения Милошевича Коштуница сделал все, что от него зависело, чтобы сохранить на ключевых постах в армии генералов, сторонников Слобо. Джинджичу, например, так и не удалось снять с должности начальника генерального штаба Бранко Кргу — человека, никогда не скрывавшего своей неприязни к новой власти. В какой-то момент ситуация вокруг армии даже стала выходить из-под контроля правительства. Военная контрразведка арестовала в Белграде генерала Бранко Перишича, который тайно сотрудничал с МТБЮ и, возможно, помогал в выслеживании Младича и Караджича.

Или, например, бородач Вук Драшкович — оппозиционный писатель, поклонник четников и сторонник восстановления династии Карагеоргиевичей, а сейчас министр иностранных дел, забитый своей женой до полусмерти, харизматичный лидер сербского национализма — чем он отличается от Слобо даже по своим политическим взглядам? Но он, тем не менее, не вызывает отторжения у европейских политиков.

На наших глазах закончилась эпоха. Принцип нерушимости границ, определенных Потсдамом, принципы территориальной целостности и «использование рождает право» умерли, продемонстрировав напоследок всю губительность их нетворческого использования. Сложно даже представить, что может прийти им на смену.

Эта эпоха завершилась не только для тех, кто имел какое-то отношение к бывшей Югославии времен этих жутких войн, но в том числе для тех, кто впервые об этом услышал. Дело в том, что поколение, которое только сегодня узнало о событиях в Югославии потому, что все каналы неделю говорили о смерти Милошевича, вынуждено задуматься. А это очень важно. Вкладывая деньги в бензозаправки в Крагуевце и Нише, покупая оптом сигареты в Призрене, нежась на пляжах в Строгире, приобретая недвижимость в Будве, катаясь на лыжах в Словении, помните о том, сколько крови там было пролито.

Сергей МАРКЕДОНОВ

ГОД ДАГЕСТАНА НА КАВКАЗЕ

2005 год наверняка войдет в историю российского Северного Кавказа как год Дагестана. Только в первой половине года в самой крупной северокавказской республике произошло около 80 террористических актов. По частоте совершаемых террористических акций Дагестан обошел соседнюю Чечню, само название которой в 1990-е — начале 2000-х годов было зарифмовано с понятием «терроризм». В крупнейшей северокавказской республике мы наблюдаем терроризм более высокого уровня и качества по сравнению с соседней Чечней. В данном случае речь идет о терактах послебеслановского периода.

При этом акцент необходимо сделать не только и не столько на технико-тактических параметрах терактов, хотя и они впечатляют. Дагестанский терроризм в отличие от чеченского имеет более серьезное идеологическое наполнение. Во-первых, он в большей степени соответствует «международным стандартам». Теракты, совершаемые чеченскими боевиками, в большинстве своем анонимны. Причастность тех или иных лиц к организации и осуществлению теракта доказывается в результате следственных действий. Сегодня чеченский терроризм как политически мотивированная (а не криминальная) тактика борьбы не представляет собой системы действий. Это — борьба атомизированных групп, для которых сепаратизм уже не связан с созданием независимой Ичкерии. Это — стремление к сохранению своей маленькой территории войны, неподконтрольной никакой власти, включая ичкерийскую. Серия последних терактов в Дагестане — подчеркнуто «авторское» дело. Джамаат «Шариат» взял на себя ответственность за махачкалинский теракт 1 июля 2005 года (убийство российских спецназовцев), а также за целый ряд политических убийств (убийство идейного оппонента радикальных исламистов Магомед-Загида Варисова). Весной 2005 года «Шариат» распространил заявление, в котором объявлялась война правоохранительным органам республики.

Однако бросается в глаза идеологическая и, если угодно, теоретико-методологическая несостоятельность нынешних творцов кавказской стратегии России. События 1999 года в Чечне и вокруг «мятежной республики» были квалифицированы как «террористическая угроза», а борьба с ней получила название «контртеррористической операции» (она же «борьба с международным терроризмом»). Подобный политический тезаурус никак нельзя

назвать адекватным, но российская власть хотя бы пыталась ввести «чеченский кризис» в определенную систему координат, а также дать свою интерпретацию событий начала-середины 1990-х гг. на Северном Кавказе. В соответствии с официальной историософией «чеченского вопроса» рост террористической активности в Чечне — результат деятельности зарубежных исламистских проповедников и политических экстремистов, стремящихся превратить северокавказскую республику в часть «всемирного джихада». Российская власть борется в Чечне не столько с сепаратизмом, сколько с «мировым терроризмом», который в свою очередь нанес страшный урон самому чеченскому народу. Автору этих строк неоднократно уже приходилось писать, что следование подобной версии новейшей чеченской истории породило и ошибки в планировании антисепаратистской борьбы (чего стоил план по завершению контртеррористической операции в два месяца), и «коренизацию власти» в Чечне, приведшей к приватизации республики кланом Кадыровых. Методологические ошибки в формировании идеологии «замирения Чечни», в конечном счете, привели к управленческим и политическим провалам. Но то, что сейчас происходит в Дагестане, вообще не имеет интерпретации со стороны федеральных властей. Даже неадекватной.

Таким образом, сегодня на российском Кавказе мы являемся свидетелями своеобразного террористического соревнования. Дагестан сегодня выходит в лидеры. Но что сейчас нужно делать российской власти? Вести «контртеррористическую операцию»? И если да, то по какому сценарию? Кто виноват в стремительной «чеченизации» Дагестана? Международные террористы, ваххабиты или кто-то третий? Насколько чеченский и дагестанский терроризм связаны друг с другом? Насколько закономерен всплеск террористической активности в республике именно в 2005 году? Существует ли у дагестанских радикалов свой особый политический почерк? Увы, все обозначенные выше вопросы остаются без ответов со стороны проводников российской политики на Кавказе. Отсутствие ответов, равно как и общий недостаток адекватной информации о ситуации в Дагестане, ничего кроме общественно-политической фрустрации породить не может. Но подходящий ли это фон для «сильных» и неоднозначных решений по Дагестану и по Кавказу вообще? Очевидно, что стабилизация положения в республике — это не очередная хитрая виртуальная технология или PR-кампания по продвижению политического бренда. Разработка антикризисной стратегии должна опираться на знание реальных фактов и событий дагестанской политики.

Думается, что поиски ответов на неприятные вопросы (равно как и поиски адекватной кавказской стратегии) необходимо искать, обращаясь к анализу хитросплетений постсоветской истории Дагестана.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Дагестан — самая большая по площади (50, 3 тыс. кв. км.) и населению республика на российском Кавказе. Она расположена в восточной части северокавказского региона. С востока республика омывается Каспийским морем.

Дагестан — самый южный субъект Российской Федерации. На его территории располагается крайняя южная точка страны — гора Базардюзю. Республика имеет выгодное географическое положение. В Дагестане находится древнейший проход из Европы в Азию на Кавказе — «Дербентские ворота». Дагестан граничит с Чеченской Республикой, Ставропольским краем, Республикой Калмыкия. Республика Дагестан является пограничным субъектом Российской Федерации. По его территории проходят государственные границы РФ с Грузией и Азербайджаном.

По предварительным данным Всероссийской переписи 2002 г. численность населения республики составляет 2 млн 584 тыс. чел. По оценкам Госкомитета по статистике РФ численность населения республики равняется 2 млн 194 тыс. 700 чел. В любом случае при всех разночтениях в оценках численности населения Дагестана необходимо отметить тенденции роста. При этом средняя плотность населения республики составляет 51,38 чел./кв. км., что почти в 7 раз больше среднероссийского уровня. По состоянию на начало 2003 г. республика входит в число 29 высоко дотационных субъектов РФ. Средняя зарплата (2223 рубля) — самая низкая в стране. Республика отличается низкой инвестиционной привлекательностью. Подобное социально-экономическое состояние — прямое следствие сложившейся еще в 1980-е гг. производственной структуры. Производственный потенциал здесь был ниже в 2,2 раза, чем по Северному Кавказу. Между тем меры по увеличению количества рабочих мест не были реализованы ни в советский период, ни после 1991 г.

Сегодняшний Дагестан — самый полиэтничный субъект Российской Федерации. На его территории проживают несколько десятков этносов от относительно крупных (аварцы, даргинцы, кумыки) до немногочисленных этногрупп, составляющих одно или несколько сел (кубачинцы). Дагестан — единственная республика на российском Северном Кавказе, в которой нет «титულიной нации», а достижение баланса сил между различными этническими интересами является основой политического процесса.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ДАГЕСТАНЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В первой половине 1990-х годов главным фактором дагестанской политики был этнический, а не религиозный. Обострений межэтнической конфликтности было несколько. Среди главных можно назвать:

- политическую либерализацию, снявшую табу на многие ранее запретные темы (этническое самоопределение, восстановление исторической справедливости, реабилитация репрессированных народов);
- разрушение сложившейся еще при советской власти системы неформальных связей во власти.

Еще в советский период в Дагестане партийно-советская властная вертикаль была дополнена региональными этнополитическими особенностями. Принцип этнического квотирования в органах власти и управления был провозглашен еще при созыве Учредительного съезда народов Дагестана (1920 г.).

В ДагАССР сформировалась консоциальная демократия под коммунистическими и интернационалистскими лозунгами. Замещение управленческих должностей за исключением периода «большого террора» 1930-х гг. происходило на основе этнического квотирования. После 1948 г. в Дагестане посты первых трех руководителей автономии (первый секретарь обкома КПСС, председатель Совмина и председатель Верховного Совета) распределялись по этническому принципу. С послевоенного времени и до распада КПСС и СССР в Дагестане проработали 5 управленческих «троек» (аварец-лезгин-кумык, аварец-даргинец-кумык, даргинец-кумык-аварец, даргинец-аварец-кумык, аварец-кумык-даргинец). Вторым секретарем обкома ДагАССР (по аналогии с партструктурами союзных республик и автономий) был русский.

В условиях либерализации, «парада суверенитетов» и отсутствия «титulyного этноса» дагестанские элиты начали вести борьбу за «царя горы» (Дагестан

В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ,
«ПАРАДА СУВЕРЕНИТЕТОВ»
И ОТСУТСТВИЯ «ТИТУЛЬНО-
ГО ЭТНОСА» ДАГЕСТАНСКИЕ
ЭЛИТЫ НАЧАЛИ ВЕСТИ БОРЬБУ
ЗА «ЦАРЯ ГОРЫ» (ДАГЕСТАН
ПО-ТЮРКСКИ – «СТРАНА ГОР»)

по-тюркски – «страна гор»). В результате по всей республике в начале 1990-х гг. прошла волна межэтнических конфликтов. В Дагестане сложилось несколько конфликтных очагов. Этнополитическую ситуацию в Новолакском (бывшем Ауховском районе) Дагестана эксперты охарактеризовали как «Малую Ичкеррию». Здесь сошлись интересы чеченцев-аккинцев (депортированных И. В. Сталиным в 1944 г. и лишившихся своего национального района Ауховского), аварцев, лакцев и кумыков.

Другим очагом межэтнической напряженности в республике стал район Хасавюрта. В начале 1992 г. там разгорелся

аварско-кумыкский межэтнический конфликт. Его причины – миграционная активность аварцев с одной стороны и доминирование кумыков в местных властных структурах с другой. Однако перерастание аварско-кумыкского противоборства в межэтническую войну удалось не допустить.

Сложный узел межэтнических проблем и противоречий завязался на севере Дагестана. Это – единственный регион республики, где активным участником межэтнического противоборства стали представители русской общины. Расположенные здесь Кизлярский и Тарумовский районы рассматриваются дагестанскими русскими как территория их традиционного проживания. Кизляр – старейший русский город на Кавказе и один из форпостов российского влияния в регионе, называвшийся в XVIII – нач. XIX вв. «русской столицей на Кавказе». В 1860 г. при создании Терской области в ее составе был образован Кизлярский казачий отдел. После окончания гражданской войны на Юге России, ликвидации казачьего сословия и Терской области территория Кизлярского отдела была передана в состав Горской республики (январь 1921 г.), а затем Дагестана (ноябрь 1922 г.). В середине 1990-х гг. русские состав-

ляли до 43 % общей численности Кизлярского и Тарумовского районов (54 % в городе Кизляр).

На севере Дагестана пересеклись интересы аварской, лакской ногайской, русской (под неоказачьим знаменем) общин. Первопричиной «завязывания» этого узла стал процесс миграции горских народов на равнину и, как следствие, изменение этнодемографической ситуации. Начиная с середины 1990-х гг. неоказачье движение стало маргинализироваться, что объяснялось возрастающей миграцией русского населения за пределы Дагестана. Массовый отъезд русских из республики был продиктован ухудшением криминальной ситуации (в августе 1995 г. был убит глава Тарумовского района) и «чеченским фактором» (в 1996 г. Кизляр стал объектом террористической атаки отряда сепаратистов во главе с С. Радуевым). Постановление республиканского Правительства «О мерах по стабилизации социально-экономической и общественно-политической ситуации в Кизляре, Южно-Сухокумске, Кизлярском, Тарумовском и Ногайском районах» (сентябрь 1993 г.), создание Координационного совета по Северному региону, а также республиканской правительственной Комиссии по проблемам русского населения, равно как и представительство русских в Госсовете республики, локализовали конфликтную ситуацию, но кардинально обстановку не изменили. В 2002 г. из 89 пунктов Кизлярского р-на русские не проживали в 22, из 24 пунктов Тарумовского р-на русских не было в 5, в 12 их численность незначительна.

Проблема миграционного наплыва горцев на территорию Северного Дагестана стала фактором этнической тревоги и для ногайского этноса. Обеспокоенность ногайцев возросла с началом переселения на север Дагестана «кварельских аварцев» из Грузии. В рамках политики грузинского лидера Звиада Гамсахурдиа по «грузинизации» новое независимое государство на Юге Кавказа стали покидать этнические меньшинства, отправляясь на свою историческую родину. В 1991 г. между Грузией и Дагестаном было подписано Соглашение о кварельских аварцах. Расселение аварских переселенцев началось на традиционных территориях проживания ногайцев. В районе Южно-Сухокумска им было выделено 5 тыс. га. земли. Однако нарастания межэтнической напряженности удалось избежать во многом благодаря успехам, достигнутому движением «Бирлик» в области экономического развития ногайских хозяйств, а также в сфере этнонационального образования и культуры (открыты ногайские СМИ, возобновлено преподавание ногайского языка в начальных классах).

В постсоветский период Дагестан столкнулся с проблемой «разделенных народов». В результате распада СССР этнический ареал лезгин оказался расчлененным между Дагестаном (Юг РФ) и Азербайджаном. В районах компактного проживания лезгин азербайджанские власти расселяли беженцев из Нагорного Карабаха и турок-месхетинцев.

Радикальная часть лезгинского движения выдвигала лозунги отделения лезгинских территорий от Азербайджана и создание объединенного Лезгистана в составе РФ. Умеренная часть лезгинского этнонационального движения выступала с позиций федерализации Дагестана, а также настаивала на под-

держании режима наибольшего благоприятствования в трансграничных российско-азербайджанских отношениях.

Межэтническая конфликтность в Дагестане сопровождалась и терроризмом. Террористическая практика в крупнейшей северокавказской республике — явление отнюдь не сегодняшнего дня. Дагестанский терроризм начала 1990-х гг. можно охарактеризовать как этнотерроризм. Главной его целью была не Россия и не федеральная власть (хотя антироссийские лозунги использовались с разной интенсивностью всеми этнонационалистическими движениями в Дагестане кроме неоказачьего), а представители конкурирующих этноэлит. При этом дагестанский терроризм имел собственную природу и до середины 1990-х гг. не был связан с чеченской террористической практикой. Только в 1990–1991 гг. в республике было совершено более 40 покушений на действующих политиков и общественных деятелей, в 1992 г. — около 40 покушений, в 1993 г. — более 50. В отличие от 2005 года в начале 1990-х гг. дагестанский терроризм был по большей части анонимным. Жертвами дагестанского этнотерроризма стали такие влиятельные в республике персоны как Саид Амиров, Гаджи Махачев и многие другие. Тем не менее, целый ряд терактов носил символический характер. 24 июня 1993 г. боевики аварского Фронта имама Шамиля и лакского движения «Казикумух» захватили в здании горсовета Кизляра сотрудников райвоенкомата и городской милиции с требованием освободить двух своих единомышленников и вывести из города российский спецназ МВД. В начале июля российский спецназ был выведен из города.

Однако после 1994 г. этнотерроризм в Дагестане пошел на спад. Это было вызвано созданием так называемой «дагестанской модели власти», основанной на сложной системе этнического квотирования. Коллективный президент республики — Госсовет позволил и формально-юридически, и неформально обеспечить представительство этноэлит в высших эшелонах республиканской власти. Система этнического квотирования была воспроизведена с учетом новых реалий. Средоточием консociальной демократии по-дагестански стали Госсовет и Народное собрание (парламент Республики). Востребованность данной модели была детерминирована ростом освобожденного от тоталитарного пресса этнического самосознания (включая и его крайне деструктивные формы), эскалацией межэтнической напряженности и религиозным «возрождением». Система консociальной демократии в Дагестане, основанная на принципе этнического квотирования во всех ветвях власти, стала эффективным медиационным механизмом. Данная система, несмотря на справедливые замечания относительно ее партикулярного характера, не раз получала поддержку избирателей республики. Не вписывающаяся в общероссийский политико-правовой формат, дагестанская модель оказалась легитимна на республиканском уровне. В 1990-е гг. в Дагестане состоялись три референдума о введении поста президента Республики (1992, 1993 и 1999 гг.). Результаты общенародного голосования отчетливо продемонстрировали предпочтения жителей Дагестана.

В ходе референдумов была сформирована «этническая карта» политических предпочтений жителей Дагестана. Произошел раскол среди дагестан-

цев по поводу введения поста всенародно избираемого президента по этническому принципу. Сторонники института президента составили большинство среди аварцев, лакцев. Противники по большей части – среди лезгин (в некоторых районах более 90%), даргинцев. Стремление к сохранению хрупкого политического и управленческого баланса на основе этнического представительства стало главной политической мотивацией избирателей республики. Наилучшим способом сохранения межэтнического баланса им представлялась коллегиальная, а не персонифицированная форма исполнительной власти в республике.

Олицетворением дагестанской модели власти стал бессменный Председатель Госсовета Магомедов Магомедов (родился в 1930 г.). В 1987 г. он стал главой Верховного Совета республики. Частичная ревизия дагестанской модели касалась вопроса о замещении должности Председателя Госсовета. Республиканская Конституция 1994 г. (статья 93) запрещала представителю одной этнической общности занимать пост главы Госсовета два срока подряд. Магомедов же инициировал поправки в Основной закон Дагестана, позволившие ему пролонгировать свое пребывание у власти. При этом Председатель Госсовета не пошел по пути узурпации власти, оставаясь успешным посредником в отношениях между различными этническими группами и эффективным защитником республиканских интересов на федеральном уровне.

В 2003 г. в рамках политики по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным в Дагестане была инициирована конституционная реформа. 10 июля 2003 г. Конституционное Собрание Республики Дагестан приняло новую Конституцию Республики Дагестан. Она вступила в силу с 26 июля того же года. В соответствии с новой Конституцией была учреждена должность Президента Республики Дагестан, избираемого всеобщим прямым тайным голосованием. Выборы первого Президента Республики Дагестан предполагалось провести в июне 2006 года, а выборы депутатов Народного Собрания – в марте 2007 года. До избирательного цикла 2006–2007 гг. в республике должна была действовать система коллегиального управления.

Однако события в Беслане внесли в дагестанскую административно-политическую реформу свои коррективы. Отказ от выборности глав субъектов РФ распространится и на Дагестан. Учитывая этническую мозаичность республики и сложный характер формирования республиканской элиты, справедливо поставить вопрос: «Не породит ли это волну новой межэтнической конфликтности». На сей раз за «магомедовское наследие». И самое главное: «Укрепляет ли свой авторитет российская власть, первоначально принуждая республику к прямым выборам, а затем радикально отказываясь от идеи выборности вообще?»

САМЫЙ ИСЛАМИЗИРОВАННЫЙ СУБЪЕКТ РФ

Во второй половине 1990-х гг. главным фактором дагестанской общественно-политической жизни стал исламский. В процентном отношении ко всему населению республики Дагестан занимает абсолютное первое место в РФ

по количеству верующих мусульман. Более 90 % населения Дагестана исповедует ислам. Ислам представлен в Дагестане двумя основными направлениями суннизмом (до 97 %) и шиизмом (порядка 3 %). Около 10 % жителей республики исповедует христианство и иудаизм. Христианство представлено православием (русские, другие славянские этносы) и армяно-григорианством (армяне). Иудаизм — религия горских евреев, записанных в советский период в большинстве своем как таты. Процесс «религиозного возрождения» стал одним из основополагающих для постсоветского Дагестана. Если в 1983 г. в республике насчитывалось 27 мечетей, то к 2001 г. — 1595. За период в неполных двадцать лет число мусульманских мечетей увеличилось в 59 раз. В начале XXI в. в республике насчитывалось 422 религиозных учебных заведения, в том числе 17 исламских институтов и 44 их филиала с общим количеством обучающихся порядка 14 тыс. чел. Только в Махачкале в 2000-е гг. насчитывалось 57 мечетей, 16 суфийский братств, 800 зияратов (святых мест). В республике выходит большое количество изданий религиозного характера, такие газеты, как «Ассалам», «Нурул ислам», «Исламский вестник». В условиях провозглашенной политической свободы в Дагестане действуют исламские фонды, общественные объединения и движения религиозной направленности.

В начале 1990-х гг. исчезло такое препятствие для реализации прав верующих, как совершение хаджа к святым местам и получение религиозного образования за рубежом. За один 1998 г. 14 тыс. жителей Дагестана совершили паломничество в Мекку и Медину. В среднем же 12 тыс. человек в год совершали поездки в Аравию в 1990-е гг.

В начале 1990-х гг. ислам рассматривался как интегрирующая сила, которая сможет стать «стягивающим обручем» в этнически мозаичном Дагестане. По словам ведущего эксперта по изучению ислама в Дагестане Загира Арухова (погибшего в результате теракта), «ожидалось, что тотальность исламской системы регуляции, ограниченность ислама как социокультурной системы, гибкое взаимодействие с государственной властью — все это даст исламу важные преимущества в условиях социополитической перестройки общества». Однако превращение ислама в фактор стабилизации и объединения не произошло. В процессе «возрождения» ислама в Дагестане обозначились фундаментальные противоречия между тарикатистами (суфиями) и так называемыми «ваххабитами» (салафитами). В истории распространения «ваххабизма» в республике можно условно обозначить 3 этапа: 1989–1991 гг., когда преобладала культурно-просветительская деятельность, 1991–1997 гг. — институционализация салафитов, выстраивание их организационных структур и 1998 г. — начало борьбы за реализацию салафитских религиозно-политических идеалов и установок. Сегодня термин «ваххабит» стал публицистическим клише и используется, скорее, как политический ярлык для обвинений в религиозном экстремизме и террористической деятельности. В действиях «ваххабитов» присутствует и экстремизм, и терроризм, однако это — следствие, а не первопричина их религиозно-политических воззрений. В этой связи необходимо определение понятие «ваххабит», границы его применения, а также правомерность использова-

ния этого термина применительно к исламским радикалам в Дагестане. Слово «аль-ваххабийя» прочно утвердилось в исламском мире. Оно образовано от имени основателя религиозно-политического движения Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба (1703–1792), выходца из Неджда (центральная часть современной Саудовской Аравии). Следует отметить, что последователи Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба никогда не называли себя «ваххабитами». Идентифицировать себя с именем одного человека означало бы для них впасть в грех идолопоклонства. Последователи Абд аль-Ваххаба называли себя единобожниками («муваххидун») или приверженцами первоначального (чистого) ислама, «идущими по пути предшественников» («салафийун»). Термином «ваххабиты» называли их противники еще при жизни Абд аль-Ваххаба, полемизируя с ним и его единомышленниками. Основатель «ваххабизма» предложил путь к «очищению» ислама, прекращению его «порчи» и возвращению к его первоначальной чистоте.

По мнению востоковеда Дмитрия Макарова, «ваххабизм и тарикатизм находятся в различном положении относительно существующего в Дагестане социально-политического порядка, основанного на традиционных клановых связях. Тарикатский ислам структурно вписан в систему этих связей... Отвергая суфизм, ваххабизм отвергает и санкционированный им социальный порядок». Одно из фундаментальных теологических расхождений между дагестанскими салафитами и тарикатистами касается форм поклонения (святым местам, шейхам), тотально осуждаемых салафитами. Салафиты также осуждали тарикатистов за отклонение от исконных исламских ценностей, введение новшеств («бида»), учитывающих этническую специфику региона, а также сотрудничество с официальной (с точки зрения салафитов «безбожной») властью. Дагестанские салафиты сделали краеугольным камнем своей пропаганды и агитации критику власти в республике. Массовые злоупотребления служебным положением республиканских чиновников, коррупция, социальная дифференциация и, как следствие, высокий уровень безработицы, закрытость власти и ее нечувствительность к нуждам населения стали причиной пополнения рядов салафитов. Последние предлагали альтернативу – истинный «исламский порядок», радикальный отказ и от коммунизма, и от демократии, и от «ложного ислама» как политических моделей, не способных обеспечить социальную гармонию и этнический мир. Достижение искомого «порядка» виделось на пути борьбы за истинную веру («джихад»). «Ваххабизм» апеллировал также не к кланам, а к ценностям равенства и братства, более высоким, нежели клановые связи. В условиях краха коммунистических ценностей идеи салафизма, обращенные к социальной справедливости, заполнили образовавшийся идеологический вакуум. В результате этого у дагестанских салафитов сложилась своя социальная база в республике. Ее поддержке способствовали и зарубежные религиозные организации (Саудовская Аравия, Кувейт, Пакистан). При этом у зарубежных партнеров дагестанских салафитов были разные подходы к пропаганде радикальных идей. Представители саудовских салафитов ориентировали дагестанцев на «великий джихад» (идейно-религиоз-

ную сферу), а пакистанцы делали акцент на «малый джихад» (практическая политика, включая и вооруженную борьбу). Салафиты получили поддержку и у различных влиятельных дагестанских кланов, считавших себя несправедливо обделенными. Финансовую и организационную поддержку оказал им лакский клан братьев Хачилаевых, использовавших «исламский фактор» в борьбе за республиканскую власть.

В 1990-е гг. общины «ваххабитов» в Дагестане стали по сути маленькими несистемными и антисистемными анклавами, социально-политическими альтернативами республиканской власти. Структурообразующей единицей являлся «джамаат», амир — глава общины. Единого надобщинного центра не существовало. В джамаатах были основаны собственные учебные заведения и судопроизводство на основе шариата. В Кизилюрте в салафитском медресе одновременно обучалось 700 студентов-мутаалимов. Тем не менее говорить об однородности дагестанских салафитов было бы неверно. «Умеренное» крыло представлял А. Ахтаев, отличавшийся некоторой терпимостью по отношению к тарикатистам и республиканской власти. Радикальное крыло возглавлял Б. Кебедов (Багауддин Мухаммад Кизилюртовский). Он организовал издательский центр «Сантланда». В 1997 г. на основе ряда джамаатов Кебедов создал «Исламское сообщество Дагестана» (ИСД), основной целью которого провозглашался выход исламизированного Дагестана из состава России. Однако сепаратизм был для Кебедова лишь средством, и теоретически он допускал существование исламского Дагестана в составе РФ. В этом важное отличие дагестанских исламских радикалов от чеченских. Для первых исламское государство важнее факта сепарации. Весь идеологический пафос дагестанских исламистов нацелен, прежде всего, на республиканскую власть, погрязшую в коррупции, и лишь потом на ее московских покровителей.

Дагестанские салафиты импортировали идеологию «воинов ислама» в соседнюю Чечню. Однако там, в отличие от Дагестана исламистский терроризм так и остался подручным средством. В Дагестане же напротив защита «чистоты веры» стала идеологическим фундаментом террористов.

Активизация деятельности салафитов привела их к столкновению с поборниками «традиционного» для Дагестана ислама. Столкновения между салафитами и тарикатистами прошли в 1994 г. в Махачкале, в 1995 г. в с. Карамахи Буйнакского района. Обострилась ситуация в Кизилюртовском, Каякентском, Цумадинском районах. В сентябре 1996 г. крупномасштабное столкновение представителей различных течений ислама произошло в с. Карамахи. Дагестанские салафиты организовывали выступления против традиционных для республики свадебных, похоронных обрядов, установления высоких надгробных памятников. В мае 1997 г. в Буйнакском районе была спровоцирована драка с применением оружия. В мае 1997 г. в республике состоялись сходы граждан, потребовавшие запрета «ваххабизма» и разоружения экстремистских групп. В декабре того же года салафитами было организовано нападение на российскую воинскую часть в г. Буйнакске (их первая масштабная военно-политическая акция). Эта акция была

расценена салафитами как начало «джихада». В 1997 г. расхождения между разными течениями ислама в Дагестане усугубились. При этом радикализм в отношениях к оппоненту проявляли не только салафиты, но и Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД). Муфтий Дагестана Саид-Магомед Абубакаров, считавшийся ярким противником салафитов, в 1998 г. произнес фразу: «Всякий мусульманин, убивший ваххабита, попадает в рай, как и мусульманин, погибший от рук ваххабитов». И если первые активизировали сотрудничество с сепаратистским режимом Ичкерии, то вторые «пролоббировали» принятие поправок к Закону Республики Дагестан «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организаций» (30 декабря 1997 г.). В нем был наложен запрет на экстремистски настроенные религиозные организации, призывающие к отделению Дагестана от России. ДУМД активно использовало и государственный ресурс для обеспечения своего религиозного доминирования.

Своеобразным идеологическим манифестом исламского экстремизма в Дагестане стали книги «Наша борьба или Повстанческая армия имама» и «Газават или как стать бессмертным» М. Тагаева. Они получили широкое хождение в республике в 1998–1999 гг. В трудах М. Тагаева был обоснован тезис о насилии как единственном способе установления истинно исламской власти в «мнимых» исламских странах, впавших в «джахилию». В тагаевских «манифестах» в качестве главной цели провозглашалось установление имамата в Дагестане. 21 мая 1998 г. в Махачкале салафиты — сторонники братьев Хачилаевых — на несколько часов захватили здание правительства и Госсовета республики. 15 августа 1998 г. жители селений Карамахи, Чабанмахи, Кадар Буйнакского района (т. н. «Кадарская зона») заявили об отказе подчиняться официальным властям Дагестана и о создании «Отдельной исламской территории». На «территории» произошла ликвидация официальной власти, выдворение силовых структур, введение шариатского судопроизводства и вооруженных постов по защите «суверенитета» «Кадарской зоны». По своей сути «Отдельная исламская территория» стала вторым после Ичкерии непризнанным государством. При этом основной массой «ваххабитов» Кадарской зоны стала маргинализируемая молодежь, не имевшая работы в трудоизбыточном регионе. 21 августа 1998 г. в Махачкале у Центральной мечети была взорвана машина муфтия Дагестана Абубакарова — противника религиозных радикалов. Убийство Абубакарова связывалось с салафитами. К лету 1999 г. был зафиксирован рост количества «ваххабитских» вооруженных группировок (около 70). Однако вторжение чеченских боевиков в Дагестан в августе-сентябре 1999 г. и их военное поражение способствовали прекращению существования «Отдельной исламской территории». 16 сентября 1999 г. Народным Собранием Республики был принят Закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». Основные положения Закона провозглашали:

- признание «ваххабитских» организаций угрожающими территориальной целостности республики;
- запрет на деятельность религиозных «ваххабитских» миссий;

- запрет на распространение аудиовизуальной продукции, пропагандирующей «ваххабитские» ценности.

Провал акции Басаева-Хаттаба в 1999 г. привел к недолгому «затишью» в Дагестане. Однако причины (среди главных — коррупция и «провалившееся государство»), породившие массовый «исламский протест» в крупнейшей республике Северного Кавказа, не устранены, а значит остается востребованным и терроризм. С начала 2000-х гг. происходит «возрождение» исламского терроризма в Дагестане.

Таким образом, сегодня говорить о существовании оформившегося и сложившегося террористического альянса Чечни и Дагестана мы не можем. Действия чеченских террористов диктуются необходимостью противостояния федеральной власти и в меньшей степени власти республиканской, тогда как дагестанский терроризм нацелен, прежде всего, на Махачкалу. Хотя обольщаться из-за этого в Москве не стоит. Москва — следующий логический ход, тем паче, что в сегодняшней Чечне в рядах боевиков воюют немало выходцев из Дагестана. Более того, заявления джамаата «Шариат» о высадке десанта моджахедов-террористов в Москве уже прозвучали. Но налицо разная мотивация терактов, разный уровень идейно-политической подготовки террористов, и разная, если угодно, пассионарность. Если в Чечне идет борьба за сохранение своих «мятежных островков», то в Дагестане планируется исламский мега-проект. А значит, у власти еще есть шанс переломить ситуацию, сыграть на противоречиях организаторов «великих потрясений».

Однако обе террористические практики объединяет одно. Они возникли и развивались в условиях провалившегося Российского государства, чьи лидеры не смогли дать внятную интерпретацию событий в Чечне, и не дали вообще никакой трактовки кризисной ситуации в Дагестане. О какой-то внятной стратегии развития Кавказского региона говорить вообще не приходится. Вряд ли кого-то удовлетворят разговоры о «бандитах», «отщепенцах, предавших свой народ» и международных «происках». Сегодня российская политика на Кавказе — это «молчание ягнят». И пока сохраняется это молчание, мы увидим еще не одно террористическое соревнование в регионе. Пока уровень «кандидатов в мастера» проходят джамаат «Ярмук» в Кабардино-Балкарии, «Джамаат Карачаево-Черкесии». Увы, но и в этих республиках «успехи» и федеральной, и республиканской власти столь же велики, как в Чечне и Дагестане...

Мейндерт ФЕННЕМА

ПРАВЫЕ ПОПУЛИСТСКИЕ ПАРТИИ¹

ВВЕДЕНИЕ

Антииммигрантские партии принимают участие в национальных и общеевропейских выборах с 1980 года. Некоторые из этих партий, например, Национальный фронт (1972), Фламандский блок (1978) и голландская Партия центра (1980), выросли из неофашистских группировок. Их генезис отвечает идее преемственности, неявно присутствующей в понятии *крайне правые*. Но большинство антииммигрантских партий *не* являются потомками неофашистских клубов и клик. Например, немецкая Республиканская партия была основана членами Христианского социального союза. Австрийская Партия свободы возникла из «Объединения независимых», основанного двумя либеральными журналистами, которые не желали присоединяться ни к социалистическому, ни к католическому «лагерям». Другие антииммигрантские партии, наподобие датской Прогрессивной партии, основанной в 1972 году, и шведских Новых демократов, основанных в 1991 году, а также недавнего голландского Списка Пима Фортейна, были созданы лидерами, которые вообще не были связаны с фашистскими группами или крайне правыми традициями. Пим Фортейн вообще начинал свою политическую карьеру с (крайне) левых позиций (Chorus and De Galan 2002; Pels 2003). Основатели, по-видимому, движимы в основном недовольством властью имущими. Они могут разделять такое недовольство с крайне правыми движениями, но, как будет показано ниже, единственным *программным* вопросом, в котором сходятся все радикальные правые партии, является неприятие иммигрантов и иммиграционной политики правительства. Поэтому ошибочно называть такие партии крайне правыми. Вместо этого мы будем называть их антииммигрантскими партиями.

Новая семья антииммигрантских партий в Западной Европе обладает тремя отличительными особенностями, определяющими политическую идентичность ее членов. Первая — это действительное или мнимое проис-

¹ Meindert Fennema, «Populist parties of the right», in: J. Rydgren (ed.) *Movements of Exclusion: Radical Right-Wing Populism*. Hauppauge, NY: Nova Science Publishers, 2005, p. 1–24.

хождение из довоенного фашистского движения. Мы будем называть все партии, имеющие и видящие свои истоки в фашистском прошлом *крайне правыми*. Вторая черта — это неприятие иммигрантов и недовольство иммиграционной политикой правительства. Некоторые партии выступают за ограничение иммиграции, потому что считают иммигрантов культурно или расово неполноценными. Мы будем называть такие партии *расистскими*. Третья особенность новой политической семьи антииммигрантских партий заключается в том, что они отстаивают достоинство и здравый смысл простого человека и притязают на то, чтобы представлять «*das gesundenes Volksempfinden*». Партии, обнаруживающие последнюю черту, мы будем называть *популистскими* или *протестными* партиями. Эти три черты встраиваются друг в друга по принципу матрешки: крайне правые партии одновременно являются расистскими и популистскими, а расистские — популистскими. Но не наоборот: расистские партии не обязательно превозносят фашистское прошлое; популистские партии не обязательно выказывают ненависть к иммигрантам. И все же категории крайне правых, расистов и популистов пересекаются. Поэтому трудно провести четкую границу между ними.

Каждый из этих трех аспектов подводит нас к различным объяснениям взлета современных радикальных правых. Если рассматривать новых радикальных правых, прежде всего, как форму неофашизма, то их взлет можно объяснить при помощи некой теории возрождения. Старые фашистские партии успешно подавлялись какое-то время, но зло не было искоренено. Его возрождение обусловлено недостаточной антифашистской бдительностью. Это объяснение часто встречается в кругах радикальных левых. Если, с другой стороны, считать современных радикальных правых, прежде всего, антииммигрантскими партиями, тогда все дело будет в волнах миграции, захлестнувших Западную Европу в течение последних 30 лет XX столетия. В таком случае эти партии действуют согласно большинству консервативных наблюдателей, как раннее проявление народного недовольства политической иммиграции и международными обязательствами по принятию политических беженцев. По мнению более прогрессивных аналитиков, эти партии используют ощущение политической отчужденности для того, чтобы сделать иммигрантов козлами отпущения. Этот левый взгляд на антииммигрантские партии как расистские партии связан с третьей точкой зрения на крайне правые партии как популистские партии.

В соответствии с этой третьей точкой зрения, причины появления этих партий следует искать в технократических формах современного правления; в дефиците демократии, от которого страдают страны Европейского Союза вследствие концентрации принятия решений на уровне ЕС без соответствующей передачи демократического контроля; и в других формах глобализации, которые привели к передаче политической власти от национальных парламентов к международным регулирующим органам (Meny and Surel 2002).

Реакция государства на подъем радикальных правых во многом зависит от описанных точек зрения. В свою очередь, выбор точки зрения, принимае-

мой властями, отчасти зависит от идентичности и стратегии партий, с которыми они сталкиваются. Если партии оказываются в основном неофашистскими, то решением становится пробуждение антифашистских настроений среди населения и исполнение послевоенного антифашистского законодательства, например, в Германии. Однако неофашистские партии также могут считаться легитимными игроками на политической арене, если власти следят за тем, чтобы они не преступали границы демократических процедур, что мы наблюдаем в Италии и Австрии.

Если партии считаются, прежде всего, антииммигрантскими, то правительства могут либо опереться на антирасистское законодательство для запрета таких партий, либо создать *cordon sanitaire*, как это было сделано во Франции и Фландрии. Правительства также могут попытаться ограничить иммиграцию, принимая антииммиграционные законы. Довольно часто мы наблюдаем сочетание этих двух стратегий. Такое сочетание подавления и принятия части предложений относительно антииммиграционной политики наиболее успешно применялось в Нидерландах, пока движение Фортейна не разрушило *cordon sanitaire*, созданный вокруг проблемы иммиграции во время неспокойных выборов 2002 года. И хотя он был убит за девять дней до национальных выборов, его список все же собрал около 17% голосов. Ван дер Бруг (Van der Brug 2003) убедительно показал, что замалчивание проблемы иммиграции во многом объясняет успех движения Фортейна на выборах.

Наконец, если партии, прежде всего, считаются популистским ответом на технократический характер современного правления, дефицит демократии, связанный с европейской интеграцией и другими формами глобализации, то реакцией, скорее всего, станет попытка убедить население, что (1) нужно что-то делать с дефицитом демократии в Европе, что (2) популистский протест – это тупиковый путь и что (3) должны приниматься меры для улучшения демократического процесса на местном уровне, где популистский вызов обычно оказывается наиболее сильным.

В этой статье я попытаюсь разобраться, чем отличаются друг от друга крайне правые, расисты и популисты, чтобы избежать путаницы, когда такие ярлыки используются одновременно, и критически оценить стратегии исследования соответствующих радикальных правых партий и движений. В заключительном разделе будут рассмотрены перспективы антииммигрантских партий в соответствии с ярлыками, на которые они притязают или которых они удостаиваются. Но сначала я рассмотрю черты, которые позволяют определить, какой именно является данная радикально правая партия – крайне правой, расистской или популистской.

РАДИКАЛЬНЫЕ ПРАВЫЕ КАК КРАЙНЕ ПРАВЫЕ

Мы согласны с Клаусом фон Бейме (von Beyme 1988), что понятие *крайне правые* связано с теорией тоталитаризма, в которой фашизм рассматривается наравне с коммунизмом. Эта концептуальная схема достаточно после-

довательна, если следовать Эрнсту Нольте (Нольте 2001), который ограничил понятие фашизм определенным историческим периодом, начавшимся около 1920 года и закончившимся в 1945 году. Фашистский ярлык приберегался тогда для Национального фашистского движения в Италии, Национал-социалистической рабочей партии Германии, Австро-фашистской партии, возглавлявшейся Дольфусом, и — по крайней мере, согласно Нольте, — французского движения Аксьон Франсэз. Некоторые исследователи добавили бы сюда также испанскую Фалангу. Историки выступают резко против использования термина фашизм применительно к движениям или режимам, не входящим в этот особый пространственно-временной континуум. С большой осторожностью к тому, чтобы называть современные политические партии неофашистскими, относятся также и социологи. Чтобы использовать термин неофашизм применительно к существующим антииммигрантским партиям, нам необходимо иметь четкое представление о родовом понятии фашизма. Мы будем считать таким родовым понятием *крайне правых*, так как они позволяют прийти к согласию относительно нынешнего использования этих терминов.

Фашистская партия — это крайне правая партия в определенный период времени с определенной организацией, основанной на *Führerprinzip*, то есть сильном лидерстве, возведенном в партийный принцип. Вслед за Стернхеллом (Sternhell 1976) можно говорить о том, что фашизм определяется не только его идеологией, но и его *практиками*. Поэтому насилие фашистских активистов составляет дополнение к фашистской доктрине, определение которой будет дано нами ниже. Фашистские партии требуют полной преданности от своих членов; правящий фашизм требует *активного* участия населения. Такой обязательностью социального и политического участия и определяется его *тоталитарный* характер. Мы предлагаем определить термин *крайне правые* как понятие, которое касается только идеологии, а не политических практик. Только на уровне идеологии крайне правые тождественны фашизму. Различие между этими двумя понятиями связано с политическими практиками: фашизм всегда представляет собой особый тип *массового* движения, тогда как крайне правые движения не обязательно являются массовыми. Тем не менее термин *крайне правые* предполагает определенную историческую преемственность с довоенными фашистскими движениями. Чтобы по праву называться крайне правой, партия должна обнаруживать идеологические черты, характерные для довоенных фашистских движений, не обязательно следуя тем же *практикам* (Бурдерон 1983). Чтобы подчеркнуть историческую преемственность, для начала проанализируем идеологию фашистских движений.

Фашистская идеология

Мартин Селигер определяет идеологию как «концептуальную систему отсчета, которая дает критерии для совершения выбора и принятия решений, на основании которых происходит управление организованным сооб-

ществом» (цит. по: Sternhell 1976: 318). Концептуальная система отсчета — это совокупность связанных определенным образом ключевых понятий. Связь между этими ключевыми понятиями не обязательно должна быть *логической* до тех пор, пока между ними существует *психологическая* связь. В последнем случае связи между ключевыми понятиями носят аксиоматический характер, не требуя логической основы. Логическая связь между ключевыми составляющими политической идеологии является частью политической *доктрины*, а психологическая связь — частью политической *аксиомы*. На политической аксиоме основываются не только крайне правые, но и вообще *все* идеологии. Политическая аксиома демократической идеологии, например, прекрасно изложена в американской Декларации независимости, в которой говорится, что «все люди сотворены равными, и все они одарены своим Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами». Подтверждение того, что речь здесь действительно идет о политической *аксиоме*, можно обнаружить в самом начале приведенного предложения: «Мы считаем очевидными следующие истины...»

Политическая аксиома фашизма прямо противоположна демократической аксиоме. Фашистская идеология развивалась как антиидеология в полемическом противостоянии демократическому мировоззрению. Социальное неравенство составляет основу политической аксиомы крайне правых. Неравенство понимается здесь двояко: как социальная и моральная дифференциация и как социальная и моральная иерархия. С учетом того, что существующее общество дифференцировано и иерархизировано, социальная аксиома крайне правых кажется «естественной». Между людьми *действительно* существуют врожденные различия, и люди *действительно* занимают различное социальное положение. Фашистская идеология придает этим эмпирическим фактам моральное значение. Для иллюстрации этой мысли приведем цитату из «Майн кампф» Гитлера: «Парламентарный принцип решения по большинству голосов уничтожает авторитет личности и ставит на ее место количество, заключенное в той или другой толпе. Этим самым парламентаризм грешит против основной идеи аристократизма в природе».

Социальная иерархия объясняется и легитимируется отсылкой к природе. Этот «здравый смысл» фашизма отчасти объясняет его привлекательность и составляет его мифическую основу. Хотя мы сослались на Гитлера для иллюстрации нашей мысли, эта аксиома естественной иерархии свой-

---

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКСИОМА ФАШИЗМА
ПРЯМО ПРОТИВОПОЛОЖНА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ АКСИОМЕ. ФАШИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ РАЗВИВАЛАСЬ КАК АНТИИДЕОЛОГИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ МИРОВОЗЗРЕНИЮ

ственна не только фашистской идеологии. Она свойственна политическим правым вообще. Своеобразие фашизма заключается не в его политической аксиоме, а в его политической доктрине. Фашистская доктрина содержит четыре различные составляющие, которые присутствуют в работах всех отцов-основателей фашизма — Адольфа Гитлера, Шарля Моррасса, Бенито Муссолини и Хосе-Антонио Примо де Ривера. Этими четырьмя составляющими являются этнический национализм, антиматериализм, антипарламентаризм и теория заговора. Рассмотрим их вкратце.

Этнический национализм

В фашистской доктрине нация определяется не в политических, а в этнических терминах и, следовательно, имеет биологические коннотации. Политическая организация сама по себе не образует нацию, как это имеет место в национализме, основанном на теориях общественного договора. Государство должно быть выражением этнической общности (*Volksnationalismus*), но государство также должно формировать нацию и защищать государствообразующую этническую общность (*Staatsnationalismus*). Те, кто не принадлежит к данной этнической общности, исключаются из нации. В своей книге о национализме Ганс Кohn (Kohn 1945) провел четкое различие между этническим или культурным национализмом и договорным или политическим национализмом. Последний основывается на принципе естественных прав или на утилитарной философии, согласно которой государство должно заботиться о благе граждан, а его успешность оценивается с точки зрения благополучия граждан. Этнический национализм, с другой стороны, основывается на метафизическом понятии нации.² Нация обладает «душой», а членство определяется происхождением и общей «судьбой». Членство в этнической нации основывается на *ius sanguinis*, тогда как членство в нации, основанной на общественном договоре, зависит от *ius soli*. Этнический национализм выражается в терминах «крови» и «культуры». В фашистском дискурсе «свое» и «укорененное» противопоставляется «чужому» и «лишенному корней».

Антиматериализм

Вторая составляющая фашистской доктрины — это антиматериализм. Джованни Джентиле писал в «Доктрине фашизма»: «... фашизм выступает против всех индивидуалистических на материалистической базе абстракций XIX века». Хотя материалистическая философия развилась в XVIII веке, крайне правые партии обычно нападают на марксистские и утилитаристские доктрины XIX века. Антиматериализм выступает против рационали-

2 Национализм Франко был менее этническим и более религиозным, чем национализм Гитлера, Муссолини и Дольфуса. Он почти не обращался к биологическим метафорам (см.: Fennema 1998).

стического гражданского общества и обвиняет частные интересы в отсутствии национальной солидарности. Согласно антиматериалистической точке зрения, либерализм проповедует своекорыстие, которое ведет к фрагментации общества. С другой стороны, марксизм проповедует классовую войну, которая точно так же ведет к разрушению нации. Но по тактическим и историческим причинам фашистские движения подчеркивали свои антимарксистские взгляды, а не свой антилиберализм. Тем не менее марксизм ближе к фашистской идеологии, так как он ставил схожий диагноз буржуазному обществу, несмотря на диаметрально противоположность решений. Марксизм и фашизм разделяли холистские представления об обществе. Фашизм претендовал на создание нового синтеза между национализмом и социализмом. Термин «социалистический национализм» был изобретен французом Морисом Барресом уже в 1898 году (Sternhell 1976: 326) и стал одной из основных тем в фашистской идеологии. По словам лидера британских фашистов Освальда Мосли, «если ты любишь свою страну, то ты — националист, а если ты любишь свой народ, то ты — социалист» (Sternhell 1976: 321). Здесь мы сталкиваемся с двусмысленностью, которая делает ярлык «крайне правые» проблематичным. Антилиберальная составляющая в доктрине может принимать антикапиталистическую форму и, следовательно, рассматриваться как «левая». В этом также заключается доктринальная основа лозунга «ни левые, ни правые». Индивид должен подчинять себя народу, нации. Понятия патриотизма и героизма противопоставляются индивидуализму и эгоизму.

Антидемократизм

Фашизм ненавидит либеральную демократию, потому что такая демократия предпочитает количество качеству. В этом он отчасти наследует антидемократической традиции XIX столетия, считавшей массу народа неспособной править. И все же антидемократическая критика по своему содержанию оказывается в большей степени популистской, чем элитистской. Политические элиты в демократии не представляют народ и не преследуют общее благо. Политическая элита *вообще* борется за свои собственные материальные интересы; она — класс-паразит. Понятие паразитарного политического класса восходит к Сен-Симону (см.: Déat 1995). И все же фашизм добавляет нечто новое к антидемократической традиции. Правление большинства — это не только правление глупости, согласно берковской традиции, и не только алчность и эксплуатация, как в утопической социалистической традиции; демократия в фашистской традиции — это правление *трусости*. Политические лидеры прячутся за демократические процедуры, потому что они трусы. Они отказываются брать на себя какую-либо ответственность за свои решения. Антидемократическая бравада крайне правых никогда не касалась простых людей, как в консервативной традиции; скорее, она была нацелена на дискредитацию демократического руководства.

Второе направление критики демократии касалось того, что она стирает естественные и социально полезные различия между людьми. Организация

означает дифференциацию, то есть создание полезных различий, а демократы стремятся к равенству, которое, в соответствии с идеологией крайне правых, бесплодно и даже губительно.

Третье направление критики является изнанкой первого: демократия ведет к правлению денег. Восстание против демократии — это восстание против политики или, скорее, против «политического класса». Политики, в соответствии с крайне правым дискурсом, отстаивают не политические идеалы или интересы общества, а свои *собственные* интересы. Поэтому политический класс склонен к коррупции. (Термин «политический класс», который теперь прочно вошел в словарь политических аналитиков, восходит к старомодному элитистскому словарю, ставшему частью фашистского словаря).

Наконец, демократия связана со склоками, с пристрастной политикой. Фашизм хочет покончить с политическими партиями: «Никто никогда не рождался членом политической партии; с другой стороны, все мы рождаемся в семьях, все мы живем в городах и трудимся на работе» (Primo de Rivera 1933: 22). В антидемократическом дискурсе фашизма политический класс / политики противопоставляется народу / простым людям. Политический истеблишмент обвиняется в алчности, эгоизме и трусости. Однако необходимо добавить, что нападки на парламентскую демократию всегда производятся во имя «подлинной» или чистой демократии.

Теория заговора

Четвертая составляющая фашистского дискурса — международный заговор. Это можно считать разновидностью «аристократического заговора», характерного для якобинства (Фюре 1998: 60 и след.). Эти «заговоры» возникли во время Великой французской революции, когда угроза гражданской войны становилась особенно острой. Аристократия действительно, как убедительно показали историки Великой французской революции, плела заговоры против революции с тем, чтобы вернуться самой и вернуть свое имущество и положение. Однако в фашистском дискурсе заговор связан не с острой опасностью, а с осознанием упадка, вырождения нации. На смену аристократии пришли другие «внутренние враги»: масоны и евреи, которые имели одну общую черту, то есть были интернациональными и, следовательно, по природе, непатриотичными. Их заговоры позволяют объяснить, почему нация не так сильна, какой ей следовало бы быть в соответствии с идеологией этнического превосходства. Они связаны с политическими противниками, которые не имеют — в крайне правом дискурсе — права на существование. Заговор также связан с теорией демократической коррупции, потому что политический класс существует, как мы видели, только ради денег и, следовательно, легко может быть подкуплен тайным денежным синдикатом, наподобие семьи Дрейфуса во Франции. Тот факт, что евреи и масоны, как считается, тратят деньги на плетение заговоров, связывает также крайне правую теорию заговора с другой составляющей доктрины,

а именно — антиматериализмом. Денежная власть «международной плутократии» подрывает национальное единство и процветание нации. Массонство связано с либерализмом (Franco 1950).

После 1917 года в этот союз заговорщиков были включены коммунисты, но на сей раз теория заговора была непосредственно связана с реальностью. Коминтерн на самом деле был тайной международной организацией во главе с иностранной державой (Советский Союз), которая оказывала значительное влияние на внутреннюю политику других стран. Короче говоря, он был организован в соответствии с идеально-типическими представлениями о нем крайне правой теории заговора. В последнее время теория заговора проявляется в отрицании Холокоста (Eatwell 1991; Lipstadt 1993).

Наш анализ фашистской доктрины ясно дает понять, что его нельзя свободно применять к массе *избирателей*. Большинство граждан не имеет настолько четких представлений о политике, чтобы суметь сформулировать политическую доктрину. Доктринами обычно занимается политическая элита и интеллектуалы. Это свойственно не только крайне правым. Можно утверждать, что у всех политических партий существует разрыв между избирателями и руководством партии, ставящим перед собой целью объединение различных элементов политического дискурса в логически последовательную политическую идеологию.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что исследователи, которые считают радикально правые партии, прежде всего, крайне правыми, склонны сосредоточивать внимание на дискурсе руководства этих партий и проводить различие между публичными и закулисными действиями руководства (см.: Гоффман 2000). То есть они считают, что широкое неприятие фашизма и легальный запрет фашистских партий вынудили лидеров крайне правых партий скрывать свои фашистские корни и фашистскую идеологию. В глубинных интервью с представителями антииммигрантских партий в Европейском парламенте (Fennema and Pollmann 1998) выяснилось, что для большинства радикальных правых партий в Европе это не так. Представители Итальянского социального движения и бельгийского Фламандского блока и некоторые представители французского Национального фронта вполне открыто называли довоенных фашистских интеллектуалов источником своего идеологического вдохновения. Они также выказывали другие элементы фашистской доктрины: этнический национализм, антиматериализм и теорию заговора. Но никто из них не отвергал парламентскую демократию. Кроме того, анализ парламентской деятельности членов так называемой «Технической фракции европейских правых» в Европейском парламенте показывает, что члены европейских радикально правых партий выказывают необычайную последовательность в своей парламентской деятельности, хотя и не достигают сколько-нибудь значительных результатов вследствие бойкота со стороны других членов парламента. И даже у партий, которые, как считается, придерживаются крайне правой идеологии, — австрийская Партия свободы, французский Национальный фронт, Итальянское социальное движение и бельгийский Фламандский блок — антипарламентский дис-

курс, играющий ключевую роль в фашистской идеологии, почти не заметен. Однако эти партии обнаруживают другие элементы фашистской идеологии, а именно – этнический национализм, антиматериализм и теорию заговора. Хотя эти партии открыто не нападают на парламентскую систему (и Партия свободы, и Национальный фронт даже утверждают, что только они способны защитить такую систему), их беспощадная критика избранных политиков иногда сближается с антидемократическим дискурсом из фашистской доктрины. Поэтому есть серьезные основания называть такие партии крайне не правыми. Но даже если их критика политических элит является популистской, их лидеры, по-видимому, принимают правила парламентской демократии. Не отвергая демократию, эти партии притязают на то, чтобы быть более демократическими, чем политический истеблишмент.

РАДИКАЛЬНЫЕ ПРАВЫЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАСИЗМ

Довольно часто радикальные правые партии считаются не крайне правыми, а скорее расистскими. Для идентификации расистских партий необходимо рассмотреть их пропаганду и их политические позиции. Прагматическое опознание расистских партий кажется несложной задачей: это партии, которые выступают против иммиграции и за выдворение иностранцев. Другая особенность заключается в том, что они жестко придерживаются этнических представлений о нации. Но этнического национализма самого по себе недостаточно для того, чтобы квалифицировать партию как расистскую. К расистским высказываниям, на наш взгляд, относятся все высказывания, объясняющие социальное неравенство наследуемыми биологическими различиями. Так, в науке встречаются теории, которые можно назвать расистскими, независимо от того, насколько они истинны или ложны. Например, теория Раштона (Rushton 1997), согласно которой азиаты умнее белых, а белые умнее африканцев, является расистской, независимо от того, верна она или нет. В политике расизм делит людей на группы, соединяя биологические и социальные черты, которые считаются наследственными. Как правило, расизм означает уничтожение чужих групп на основании квазибиологических критериев. Это определение, хотя и шире тех, что придают особое значение расовой неполноценности, все не так широко как те, что используются (зачастую неявным образом) антирасистским движением. Согласно нашему определению расизма, отдавание предпочтения своей собственной культуре перед культурой других народов не обязательно означает расизм. Общие высказывания об этнических группах также не обязательно должны быть расистскими. Поэтому этнический национализм сам по себе не обязательно должен быть расистским. И проведение различий в соответствии с культурным габитусом само по себе расистским не является. Если бы это было так, то большая часть мультикультуралистского дискурса была бы расистской (ср.: Parekh 2000).

Что же делает теорию культурной несовместимости расистской? Прежде всего, тот факт, что культурные особенности превращаются в квазибио-

логические признаки. Суть аргументации нового расизма сводится к тому, что культура неизменна; что некоторые — не все — культуры несовместимы и что культура каким-то образом наследуется. По словам колумниста *Daily Telegraph*, «парламент может превратить китайцев в англичан не лучше, чем мужчин в женщин» (цит. по: Barker 1981: 22). В этом состоит краткая формула нового расизма. Иммиграция отвергается вследствие культурной несовместимости между своей и чужой культурами, но эта культурная несовместимость основывается на биологических аргументах. Не существует какой-то одной биологической аргументации; например, всегда существует различие между собственно биологическими рассуждениями и использованием биологических метафор. В новом расистском дискурсе биологическая аргументация ограничивается метафорическими высказываниями, наподобие приведенной цитаты из *Daily Telegraph*. Традиционному расистскому дискурсу свойственна более «научная» биологическая аргументация. Расистский дискурс можно оценивать по тому, как часто в нем используются биологические рассуждения или биологические метафоры.

И все же новый расизм отличается от традиционной расистской аргументации не только тем, что он использует биологические метафоры вместо биологических аргументов. Он также отличается от старого расизма тем, что последний основывается не на несовместимости культур, а на иерархии рас и культур. Низшие расы имеют низшие культуры и потому подчиняются высшей расе, которая имеет высшую культуру. Старый расизм вырос из колониального контекста, главным образом в бывших колониях белых поселенцев. Он сильнее распространен в странах, которые имели колониальные империи до окончания Второй мировой войны (Бельгия, Франция, Нидерланды или Великобритания, чем в странах, которые никогда не имели колоний (Германия или Австрия).

Колониальный расизм использовался для подчинения (а не для изгнания) и для легитимации подчиненного положения принадлежащих к одной расе низших слоев общества. Колониальный расизм служил своеобразным дополнением философии естественных прав. Если каждый человек в естественном состоянии имел право на жизнь, свободу и собственность, то трудно было понять, как некоторые люди в колониях могли по закону быть лишены таких прав. Колониальная эксплуатация, основанная на рабском труде, могла стать совместимой с либеральной идеологией и практикой в метрополии благодаря утверждению, что рабы на самом деле не были людьми, наделенными естественными правами. Это и было сделано в расистской теории XVIII–XIX веков.

Колониальный расизм достиг своего апогея в XIX веке и представляет собой сравнительно недавнее и недолговечное явление, хотя его последствия продолжительны и пагубны для жертв. Он направлен на подчинение расово определяемой группы *внутри* нации. Расово определяемый Другой может считаться гражданином второго сорта или, скорее, негражданином вообще, но он является необходимой составляющей общества, от которой зависит его экономическое благосостояние. Во многих отношениях колони-

альный расизм и новый расизм схожи, но в одном пункте между ними существует диаметрально противоположность: колониальный расизм нацелен на подчинение, тогда как новый — или этнический — расизм нацелен на изгнание. В этом состоит основная причина того, почему так трудно сравнивать расистские партии в США (наподобие ку-клукс-клана) с расистскими партиями в Европе.

Нахождение рабочего определения расистской партии — задача не из простых, потому что такая партия вынуждена скрывать свою расистскую сущность, принимая во внимание правовые или социальные ограничения (см.: Van Donselaar 1995). Расистские партии избегают открытых ссылок на расовое неравенство. Зачастую они говорят о культурной, а не о расовой несовместимости. Национальная культура представляется однородной и данной;

НАХОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАСИСТСКОЙ ПАРТИИ — ЗАДАЧА НЕ ИЗ ПРОСТЫХ, ПОТОМУ ЧТО ТАКАЯ ПАРТИЯ ВЫНУЖДЕНА СКРЫВАТЬ СВОЮ РАСИСТСКУЮ СУЩНОСТЬ, ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ ПРАВОВЫЕ ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

иностранные культуры тоже кажутся неизменными. Рассуждения в таком ключе принято называть «новым расизмом» (Barker 1981). Но так ли он нов этот расизм и — что еще более важно — так ли много в нем расизма? Расистские партии вынуждены скрывать свой расизм из-за правовых ограничений. Поэтому они склонны отстаивать свои антииммигрантские позиции, используя нерасовые доводы. Чтобы решить, действительно ли партия является расистской или нет, часто бывает недостаточно рассмотреть содержание программ и пропаганды. Мы предлагаем множество дополнительных критериев. Во-первых, отношение антииммигрант-

ских партий к расовому насилию. Расистские партии склонны указывать на насилие со стороны иммигрантов, оправдывая насилие против иммигрантов. Они отрицают дискриминацию, которой подвергаются иммигранты, и утверждают, что от дискриминации, наоборот, страдает коренное население. В этом отношении «обвинение жертвы» в конечном итоге может привести к отрицанию социальной и исторической реальности вообще, как, например, в случае с отрицанием Холокоста.

Второй критерий — это приоритет, который отдается проблеме иммиграционной политики. Если партия считает преступления, совершаемые иммигрантами, или количество беженцев единственной политической проблемой, то такая партия может быть названа расистской, даже если ее публичные заявления, взятые сами по себе, не являются расистскими. В однобокой политической программе иммигранты — причина всех зол и, следовательно, они несут вину за все социальные неурядицы. Расистские партии — это зачастую партии «одной проблемы». И здесь можно выявить важное разли-

чие между расистскими партиями и крайне правыми, потому что последние, как будет показано ниже, не являются партиями одной проблемы.

Наконец, можно рассмотреть отношения, поддерживаемые руководством партии и рядовыми членами с другими организациями, которые являются (более) открыто расистскими. Действия на «публику» получают широкую огласку, тогда как «закулисные» действия, которыми занимаются тайные организации, выполняющие поручения руководства, но при этом остающиеся формально независимыми, остаются скрытыми от взгляда общества. Если лидеры антииммигрантских партий поддерживают тесные отношения с организациями, которые выказывают явно расистские настроения и совершают расистские действия, то партия может считаться расистской. В соответствии с приведенными выше критериями, голландская Партия центра и итальянская Лига норд должны считаться скорее расистскими, чем крайне правыми. И, за исключением Итальянского социального движения, все партии, названные крайне правыми, также могут быть названы расистскими партиями (см.: Fennema and Pollmann 1998).

РАДИКАЛЬНЫЕ ПРАВЫЕ КАК ПОПУЛИЗМ

Третьей чертой крайне правых является популистский дискурс. Самая общая черта популистских партий заключается в том, что они считают политический истеблишмент технически некомпетентным и морально распущенным. Популистские партии видят «что-то гнилое в государстве». Они полагают, что простой человек в целом хорош, а его мнения всегда верны; при этом политическая элита — по своей природе — эгоистична и бесчестна. Она пытается скрыть свои эгоистические интересы за демократической и технократической риторикой. И хотя она часто говорит об общих интересах, она заинтересована только в собственном обогащении. Популистские партии видят глубокий разрыв между тем, что говорят и что делают политические лидеры. Поэтому в популистском дискурсе часто появляются теории заговора.

Популисты заявляют, что они решат социальные проблемы — общественной безопасности, иммиграции или медицинского обслуживания для пожилых — через введение более прямой демократии. Политики должны прислушиваться к людям с улицы. Простые граждане обладают гражданскими достоинствами, которых нет у политической элиты. Популисты имеют руссоистские представления о демократии. Популистские требования большей демократии — это неотъемлемая составляющая демократической традиции, которая всегда колебалась между конституционализмом и неограниченным народным суверенитетом. Популистские партии обвиняют другие партии в междоусобной борьбе. Вместо того чтобы объединять нацию, они ее разделяют. Антииммигрантские партии в Бельгии, Германии и Нидерландах утверждают, что политические партии пекутся о собственном благе, а не о благе общества (Mudde 1996: 270). То же касается Национального фронта, который выступает за прямую демократию (Taguieff 1989). Эти

антипартийные настроения восходят к старейшей радикально-демократической традиции, которая осуждает партии как своекорыстные фракции. В этом смысле все популистские партии — даже правые — имеют свои истоки в старой якобинской традиции. Конституции направлены на защиту прав человека и гражданских прав от тирании большинства или злоупотреблений правительства. Считается, что международные соглашения и конвенции защищают такие права даже тогда, когда речь заходит о демократически избранных правительствах, как в случае с Женевской конвенцией о политических беженцах 1951 года и Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года. Те, кто защищает дух конституций и конвенций, как правило, опираются на правовые доводы, тогда как те, кто сомневается в целях таких конвенций, призывают к большей демократии и превозносят здравый смысл простого гражданина. Политики должны прислушиваться к *vox populi*, а не к голосам судей и экспертов.

Протестные или популистские партии мобилизуют граждан, которые недовольны тем, как ими правят. Но это подводит нас к простому вопросу. Разве все партии, которые хотят сменить правящую партию, не выражают недовольства существующим правительством? Разве все оппозиционные партии не являются «протестными партиями»? На такое возражение несложно ответить, если согласиться с концепцией антисистемной партии, предложенной Сартори (Sartori 1982). Эти партии, согласно Сартори, нельзя считать просто «лояльной оппозицией». Они отвергают политическую систему вообще, а не находящееся у власти правительство, и тем самым могут привлечь избирателей, которые выступают не только против правительства, но и против всей политической элиты, а иногда даже против политического режима. Основное различие, указываемое ими, — это различие между «ними» и «нами». «Они» хорошо организованы и заботятся о себе, а «мы» — неудачники, которые всегда остаются с носом.

Возможно, полезно обратиться к различию между революционными и протестными партиями. И те, и другие — это антисистемные партии. Но, в отличие от революционной партии, протестная партия не стремится к замене существующего режима новым. Ее политическая цель остается глубоко «антиполитической». Она призывает покончить со «старой политикой», не предлагая полноценной альтернативы, которая есть у революционных партий. Политический истеблишмент отвечает за все социальное зло в существующем обществе, включая преступность, безработицу и неограниченную иммиграцию. Все это, однако, не значит, что эти партии не имеют собственно политической программы. Это значит, что осуществление политической программы — это не главная забота лидеров этих партий. Они стремятся дискредитировать политический истеблишмент, не предлагая полноценной альтернативы существующему политическому режиму. Но иногда партии, по-видимому, вообще не имеют никакой политической альтернативы. Они призывают к веселой политике, как популярный комик Колюш во Франции, или эротической политике, как порноактрисы Чичоллина и Моана Поцци в Италии. Такие люди или партии выделяются

своим *стилем*, а не программой, но все они, как правило, призывают к некой мягкой разновидности гражданского неповиновения.³

Популистские партии следует отличать от расистских. Партийная программа правого популизма ограничивается обещаниями избавления от преступности и безработицы и призывами к прекращению иммиграции. И хотя они нападают на иммиграционную политику, их основной мишенью являются не иммигранты, а политика вообще. Популистская политика может становиться расистской, так как она любит провоцировать «политическую корректность» властей. Популистские партии также следует отличать от крайне правых, так как с крайне правой идеологией их роднит только неприязнь к власти имущим. Сходство между крайне правыми и протестными партиями состоит в том, что они — изгои на политической арене. К партиям, которые чаще всего называют протестными или популистскими, а не крайне правыми или расистскими, относятся датская и норвежская Прогрессивные партии и шведские Новые демократы. Дания стала известна в начале 1970-х годов как страна с самой сильной правой популистской партией в Европе, завоевавшей 15,9 % голосов на выборах 1973 года. Сегодня Прогрессивная партия заметно ослабла, но на смену ей пришла правая партия нового типа — Датская народная партия, которая получила 7,2 % на выборах в 1998 году и 12 % — в 2001 году (Rydgren 2004). В отличие от Прогрессивной партии, которая была налогово-популистской и антибюрократически-протестной партией, Датская народная партия намного ближе к новым крайне правым, чем к популизму. Некоторые наблюдатели относят к популистским партиям и австрийскую Партию свободы. Вопрос о природе этих партий представляет не только праздный академический, но и вполне практический политический интерес.

По мнению тех, кто считает антииммигрантские партии протестными — или популистскими — партиями, их привлекательность снизится, когда они получат политическую ответственность. Когда им придется управлять городом, вскоре выяснится, что их предложения не решат социальных трудностей городского населения. Вхождение Партии свободы в австрийское пра-

3 В некоторых редких случаях встречаются партии, основанные людьми, которые хотят избежать тюрьмы, а не заниматься осуществлением какой-либо программы, как в случае с Руис-Матесом в Испании, участвовавшим в общеевропейских выборах в 1990 году. К его собственному удивлению, партия получила три места в Европейском парламенте и дала ему иммунитет лидера. Точно так же движение Берлускони «Вперед, Италия!» было политическим средством, призванным помешать юридическому преследованию лидера. В некоторых демократиях, установленных в развивающихся странах, лидеры политических партий чаще всего бывают либо у власти, либо в тюрьме.

Но следует сознавать, что все партии, предлагающие новый политический дискурс, обычно обвиняются в отсутствии соответствующей программы. Политический истеблишмент склонен оценивать политический вес нового политического образования в соответствии с традиционными критериями. Почти ко всем радикально новым политическим партиям приклеивался ярлык «протестных партий» во время их первого появления на политической сцене. Это, к примеру, совершенно очевидно в случае с зелеными партиями, поднявшими новые проблемы на политической арене 1970-х годов. Поначалу такие новые партии считались просто протестными партиями.

вительство привело к сокращению поддержки избирателей на региональных выборах в 2001 году. И раскол в Национальном фронте в 1998–1999 годах произошел *после* того, как некоторые местные руководители голлистского Объединения в поддержку Республики нарушили *cordon sanitaire*. И все же у этой гипотезы не слишком много эмпирических подтверждений. Доказательство пудинга всегда состоит в его съедении. И, согласно сторонникам этой стратегии, *cordon sanitaire* может оказаться смертельным. Но сторонники *cordon sanitaire* обычно отказываются говорить о популизме и называют такие партии крайне правыми.

Политики и исследователи, которые выступают против популистского дискурса, обычно просто выворачивают его наизнанку. Вместо политических элит подозреваемым становится обычный гражданин. Бец (Betz 1994), например, говорит о «недовольстве как политике». Он утверждает, что «эти партии бросают серьезнейший вызов сложившейся структуре и политике сегодняшней Западной Европы... Они являются популистскими в своем неразборчивом использовании и инструментализации широкого общественного чувства недовольства и разочарования и своем обращении к простому человеку и его якобы высшему здравому смыслу» (Betz 1994:3/4). Его определение касается политического стиля, а не политической программы. Очевидно, что в этих партиях есть нечто сомнительное, так как они обращаются к «общественному недовольству». Такое обращение явно заслуживает осуждения. Также очевидно, что сам Бец не верит в «якобы высший здравый смысл простого человека». Такие нападки на простого человека быстро приводят к безусловной защите политических элит.

ИЗБИРАТЕЛИ

До сих пор мы рассматривали идеологии и доктрины, предлагаемые лидерами радикальных правых партий. Такие идеологии и доктрины делают эти партии привлекательными для потенциальных членов и активистов, а также для определенной части интеллектуальных элит. Но что делает эти партии привлекательными для избирателей? Нет ли какой-то особой причины того, почему обычные граждане неожиданно должны проголосовать за эти новые правые партии? Исследования избирателей крайне правых партий опираются на теории, объясняющие взлет довоенных фашистских партий. Согласно первой теории, рост числа избирателей у фашистских партий был вызван проникновением рыночных сил во все сферы жизни общества, массовой безработицей и социальной изоляцией отдельных граждан. Назовем ее гипотезой социальной дезинтеграции. Эта теория была разработана социологами, которые пытались объяснить успех у избирателей довоенной НСДАП. Современные исследования избирателей склонны объяснять голосование за антииммигрантские партии этнической конкуренцией. Назовем последнюю гипотезой этнической конкуренции.

Гипотеза социальной дезинтеграции

Гипотеза социальной дезинтеграции первоначально была предложена Ханной Арендт для объяснения взлета гитлеровской НСДАП. «Массы крайне раздробленного общества, — по утверждению Арендт, — тяготели к особенно насильственному национализму» (Arendt 1951: 317). Согласно Арендт, социальная изоляция вызывает у масс саморазрушительные и иррациональные импульсы. «Восстание масс против “реализма”, здравого смысла и всего “открытого мира” (Берк) было следствием их атомизации, утраты социального статуса, вследствие чего произошла утрата целого сектора общественных отношений, в которых здравый смысл имеет смысл». Гипотеза Арендт неплохо объясняет привлекательность НСДАП на выборах. Рейнхард Бендикс (Bendix 1951) показал, что новые избиратели и те, кто не ходил на предыдущие выборы, были более склонны голосовать за НСДАП. Согласно Бендиксу, именно (еще) не интегрированные избиратели обратились к национал-социалистам. В своем недавнем исследовании Майер и Моро (Mayer and Moreau 1995) выявили у избирателей Национального фронта и немецкой Республиканской партии более высокую социальную изоляцию, о которой свидетельствовали слабые связи с профсоюзными и религиозными организациями. Эти избиратели также выказывали отсутствие стремления к объединению: они были менее склонны поддерживать новые социальные движения. В детальном географическом анализе голосования за Национальный фронт в Бретани Ричард (Richard 1996) показал, что за него голосовали прибрежные области, где традиция утратила свое влияние на общество, а бретонский язык лишился своей опоры. Национальному фронту не удалось добиться заметных успехов в областях, где сильны были традиционные семейные узы, а католицизм сохранил свое влияние. И это, конечно, подтверждает тезис Арендт.

Однако отсутствие религиозных связей, ослабление лояльности партии или утрата веры в политику нельзя приравнивать к социальной изоляции. Основываясь на результатах муниципальных и местных выборов в Веймарской республике, Гамильтон (Hamilton 1982) показал, что Гитлера поддерживали избиратели, которые не страдали от социальной изоляции. Прежде всего, потому, что число голосов, отданных за национал-социалистов, менялось обратно пропорционально размеру сообщества. Большие города, населенные «одинокими толпами», оказывали НСДАП меньшую поддержку, чем небольшие города. Именно избиратели из традиционных сельских местностей массово голосовали за НСДАП. Гамильтон также показал, что протестантские избиратели в сельской местности с большей готовностью голосовали за НСДАП, чем католические избиратели, которые остались преданными консервативной Партии центра. Сдвиг к НСДАП, по-видимому, происходил на уровне сообщества, а не на уровне отдельных избирателей. В некоторых очень небольших общинах поддержка национал-социалистов была стопроцентной. По утверждению Гамильтона, обращаться к фашизму целые общины побуждала не столько объективная социальная

изоляция, сколько неожиданная утрата защитных политических связей. Особенно часто за НСДАП голосовали те избиратели, которые чувствовали себя преданными традиционными партиями. Если такая интерпретация верна, то именно лидеры общин, а не изолированные индивиды определяют судьбу традиционных партий и ведут избирателей к новым партиям. Эмпирическое подтверждение такой теории также дано Нонной Майер (Mayer 1999), которая выяснила, что избиратели Национального фронта не хуже социально адаптированы, чем избиратели других партий. Возможно, ощущение социальной изоляции возникает не из-за социальной изоляции индивидов, а из-за разрушения традиционных связей между местными общинами и структурой политической власти. Ведь избиратели Ле Пена встречаются в традиционных сообществах, утративших связь с политическими элитами. Это объяснение часто формулируется в ином ключе: постоянно слышны сетования насчет того, что политическая элита «утратила контакт с гражданским обществом». Соответственно, успех новых партий во многом зависит от внезапного упадка традиционных партий, о чем явно свидетельствует пример Италии. И все же это объяснение кажется более правдоподобным, когда новыми партиями оказываются крайне правые или популисты. В случае антииммигрантских партий более подходящим кажется другое объяснение.

Гипотеза этнической конкуренции

Если радикальные правые партии – это, прежде всего, антииммигрантские партии, то здесь стоит рассмотреть другое объяснение. Именно иммиграцией, а не социальной изоляцией, вызван взлет антииммигрантских партий. Вместо ссылок на социальную дезинтеграцию и потребность в социальной идентификации, в этом объяснении главной и независимой переменной, объясняющей успех антииммигрантских партий на выборах, оказываются экономические интересы. Иммигранты – это конкуренты на рынке труда, на рынке жилья и даже на рынке браков. Отсюда следует, что антииммигрантские партии должны побеждать в тех областях, где встречается много иммигрантов.

Во Франции непосредственная связь между голосованием за Национальный фронт и присутствием иммигрантов опровергается исследованиями, проведенными на местном уровне (Mayer and Perrineau 1996: 372), но подтверждается на национальном (Martin 1996). Географический анализ результатов выборов на национальном и региональном уровнях обнаруживает значительное соответствие между долей голосов иммигрантов и долей голосов Национального фронта. В Амстердаме даже на уровне района существует корреляция между присутствием иммигрантов и поддержкой антииммигрантских партий (Bijlsma and Koormans 1996).

Из гипотезы этнической конкуренции также следует, что антииммигрантские партии особенно привлекательны для тех слоев, которые непосредственно сталкиваются с конкуренцией со стороны иммигрантов. За антиим-

мигрантские партии скорее будут голосовать малообразованные горожане, преимущественно мужчины. И эта гипотеза подтверждается анализом опросов в Бельгии, Нидерландах, Люксембурге и Германии (Scheepers et al. 1994, Scheepers et al. 1995; Mayer and Moreau 1995). Однако она не вполне подтверждается данными опросов во Франции, где Национальный фронт, по крайней мере до 1986 года, не привлекал значительного числа избирателей с низкими доходами и образованием. И все же после 1986 года поддержка со стороны рабочего класса заметно выросла, и в 1995 году на президентских выборах почти 30 % избирателей из числа рабочего класса поддержали Национальный фронт по сравнению с почти 20 % на президентских выборах 1988 года (Martin 1996:29). Хотя во Франции избирателями Национального фронта перестали быть в основном представители среднего класса, в Бельгии, Нидерландах и Германии положение отличалось. В них антииммигрантские партии начали привлекать избирателей из числа среднего класса, но малообразованные мужчины по-прежнему преобладают. По-видимому, антииммигрантское голосование можно объяснять с точки зрения этнической конкуренции или с точки зрения относительной депривации определенных слоев общества вследствие иммиграции.

При анализе результатов выборов обычно внимание уделяется «объективным» и «структурным» условиям, которые делают новые радикальные правые партии привлекательными для избирателей. Однако в этом случае остаются без внимания мотивы, которые побуждают индивидов голосовать за такие партии. Являются ли избиратели расистами? Нам по-прежнему очень мало известно о расистских настроениях среди избирателей в Западной Европе. В большинстве опросов не делается никакого различия между неприятием иностранцев и расистскими убеждениями. И в большинстве стран не проводится никаких опросов, направленных на выявление расистских настроений. Только в исследованиях, посвященных бельгийским выборам, встречаются данные о расистских взглядах избирателей. И хотя определение расизма, используемое в этих исследованиях, жестче предложенного нами, очевидно, что отличительной особенностью антииммигрантских партий в Бельгии служит большое число расистски настроенных избирателей, которых они привлекают. Однако во Франции наличие расистских взглядов никак не влияет на вероятность голосования за Национальный фронт. Здесь больше важны антииммигрантские настроения. Избиратели всех радикальных правых партий в Европе склонны считать проблему иммиграции более важ-

---

ИЗ ГИПОТЕЗЫ ЭТНИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ ТАКЖЕ СЛЕДУЕТ, ЧТО АНТИИММИГРАНТСКИЕ ПАРТИИ ОСОБЕННО ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫ ДЛЯ ТЕХ СЛОЕВ, КОТОРЫЕ НЕПОСРЕДСТВЕННО СТАЛКИВАЮТСЯ С КОНКУРЕНЦИЕЙ СО СТОРОНЫ ИММИГРАНТОВ

ной, чем избиратели других партий, хотя одни партии привлекают больше голосов противников иммиграции, чем другие. В этом состоит главная причина того, почему мы назвали новую семью партий антииммигрантской. Но являются ли они также популистскими или протестными партиями?

Вопрос о расизме или протестных настроениях избирателей антииммигрантских партий обсуждался не раз. Многие избиратели, голосовавшие за расистские партии, выражали не свои расистские взгляды, а скорее разочарование в политической системе. И в ответ на недавний успех на выборах австрийской Партии свободы, вступившей в коалиционное правительство с Католической народной партией, видные наблюдатели (например Симон Визенталь) заявили, что голоса, отданные за австрийскую Партию свободы — это голоса протеста, то есть голоса, не имеющие политического содержания. С точки зрения этих наблюдателей, многие голосовали за Партию свободы не потому, что они были согласны с программой этой партии, а потому, что они хотели выразить недовольство политическим клиентизмом Социалистической и Народной партии.

Но чтобы иметь аналитическое значение, протестное голосование следует определить как самостоятельную категорию, а не формально как голосование за протестную партию. Нужно проводить различие между идеологическим голосованием, стратегическим голосованием и протестным голосованием. Идеологический избиратель голосует за партию, которая ближе всего к его собственным идеологическим предпочтениям. Мотивом для голосования служит идеологическая близость. Стратегический избиратель следует не только своим идеологическим предпочтениям; он голосует для того, чтобы к власти пришла желательная или не пришла нежелательная для него партия. Прагматический избиратель оценивает также шансы предпочтительной партии стать правящей партией. Наконец, протестный избиратель голосует, чтобы «показать фигу». Протестный избиратель голосует за партию, которую презирают все остальные партии.⁴ Ни идеологическая близость, ни численность партии не играют большой роли в его решении проголосовать за конкретную партию. Избиратель отдает предпочтение партии не из-за идеологической позиции и не из-за ее шансов войти в правительство, а из-за ее (кажущегося) противостояния политическому режиму. Следовательно, протестной можно назвать политическую партию, которая привлекает множество протестных избирателей. На европейских выборах 1999 года датская Народная партия, валлонский Национальный фронт, итальянская Лига норд, немецкая Республиканская партия и голландская Партия центра смогли привлечь немало таких избирателей. Однако за Фламандский блок, Национальный альянс и австрийскую Партию свободы избиратели голосовали по идеологическим мотивам. Избиратели, отдающие свои голоса за эти партии, сами придерживаются крайне правых взглядов. Это в меньшей степени относится к недавно созданным партиям,

4 Поэтому протестного избирателя, вопреки распространенным представлениям, нельзя считать иррациональным избирателем.

которые не согласны с тем, чтобы их называли правыми партиями. Иными словами, партии, которые определяют себя как антисистемные партии, как правило, привлекают протестных избирателей.

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У РАДИКАЛЬНЫХ ПРАВЫХ?

Можно ли ожидать, что радикальные правые партии сохранятся в XXI веке? Ответ на этот вопрос во многом зависит от характера этих партий. В странах с фашистской традицией у крайне правых партий, скорее всего, будут определенные перспективы благодаря традиционной поддержке крайне правых движений значительной частью населения. В Италии, Фландрии и Австрии крайне правые партии достигли расцвета в последние два десятилетия XX века и создали довольно устойчивый круг избирателей. Отчасти это обусловлено тем, что крайне правые партии в этих странах отказались от антидемократического и насильственного наследия своих предшественников. Неофашистские партии становятся «постфашистскими» и превращаются в правые популистские партии. Антифашистское законодательство переживает трудные времена, спустя более пятидесяти лет после его принятия. Символические санкции 13 стран-членов Европейского Союза против австрийского правительства, в которое входила Партия свободы, не имели большого эффекта; они также показали, насколько слабой поддержкой пользуется наложение санкций на правительство, избранное демократическим путем. Большинство неофашистских партий в странах с фашистской традицией, то есть Итальянское социальное движение, Фламандский блок, Национальный фронт и Партия свободы, продемонстрировали поразительную способность принимать демократические правила и нормы. В Испании наследие франкистского режима было присвоено Народной партией, партией, руководство которой было лично связано с режимом Франко (ее первый лидер Мануэль Фрага Ирибарне был министром информации при Франко, а второй лидер Хосе-Мария Аснар — сыном франкистского журналиста). И все же Народная партия вскоре стала лояльной оппозицией социалистическому правительству, и она не нарушила демократические правила, став либерально-консервативной правящей партией. Короче говоря, неофашистские или постфашистские партии, которые начинают соперничать за голоса на национальных выборах, как правило, становятся «нормальными» правыми партиями, а избиратели, как правило, оценивают их по тем же критериям, по которым они оценивают другие партии. Демократии в Западной Европе обнаружили примечательную способность включать революционные партии — левые или правые. Германия в этом отношении остается исключением. Подавление крайне правых партий в Германии по-прежнему остается сильным; крайне правые партии не имеют больших шансов в борьбе за голоса избирателей на национальных выборах. В этих обстоятельствах можно ожидать сохранения подпольного движения неофашистских групп, нацеленного на революционные и насиль-

ственные действия. В остальном Европейском Союзе у крайне правых партий нет большого будущего.

Будущее расистских партий в Европе также не слишком радужно. Антииммигрантские партии, появившиеся в конце XX века, вынуждены были скрывать свою расистскую программу и выдавать себя за консервативные антииммиграционные партии. Выживание — или появление — таких партий во многом зависит от того, каким образом правительства Европейского Союза станут решать проблему иммиграции. Принимая во внимание огромный приток политических беженцев, проблема иммиграции еще долго будет оставаться одной из наиболее важных проблем. Поэтому антииммигрантские партии всегда будут иметь избирательные перспективы. Но даже когда антииммигрантские партии уходят с политической сцены, а освободившееся место занимают признанные правые партии, включая проблему иммиграции в свою партийную программу, никогда нельзя быть уверенным в том, что антииммигрантские партии не появятся вновь, о чем свидетельствует всплеск правого популизма в Нидерландах. Так будет происходить, если антииммигрантские настроения будут подвергаться цензуре, а крайне правые партии — репрессиям. Особенно сильными юридические репрессии были в Нидерландах, и они по-прежнему весьма сильны в Германии. Поэтому в Германии велика вероятность появления новых и нетрадиционных антииммигрантских партий. Итак, хотя антииммигрантские партии, скорее всего, будут переживать расцвет, положение открыто расистских политических партий в Европейском Союзе будет оставаться весьма сложным, даже если обстановка для них постепенно будет становиться более благоприятной. На европейском уровне в последние годы политический расизм подавлялся все сильнее.

Долгое время антирасистские законы были запущенной областью европейского законодательства. Но в 1986 году специальная комиссия по борьбе с расизмом и ксенофобией подготовила совместную декларацию Европейской комиссии, Европейского парламента и Совета Европы. В нем было заявлено о стремлении «гарантировать недопущение или сдерживание всех актов или форм дискриминации» (*The European Institutions in the fight against racism* 1997: 12). Это была обычная декларация, которая не требовала никаких особых правовых мер. В том же году свой первый отчет опубликовал комитет по расследованию роста фашизма и расизма в Европе, созданный Европейским парламентом. В 1991 году вышел доклад Форда. Оба исследования были проведены в ответ на избирательные успехи крайне правых на европейских выборах 1984 и 1989 годов. Однако в этих двух докладах не было предложено никаких особых правовых мер. Речь о таких мерах не заходила до 1993 года, когда в ответ на волну насилия по отношению к беженцам в Германии Европейский парламент призвал комитет «усилить правовые инструменты, существующие в этой области в странах-членах». Эта и последующие резолюции в конечном итоге привели к принятию в июле 1996 года Советом Европы программы совместных действий, направленной на развитие сотрудничества между странами-членами в преследо-

вании расовой дискриминации и «публичных призывов к дискриминации, насилию или расовой ненависти». В ней говорилось о недопустимости «публичного подстрекательства с расистскими или ксенофобскими целями, преступлений против человечности и нарушении прав человека», отрицания Холокоста и «публичного распространении сочинений, изображений или иных материалов, содержащих проявления расизма и ксенофобии».

Должно быть улучшено юридическое сотрудничество между странами-членами в преследовании этих преступлений. Кроме того, признавалось, что такие преступления «не следует считать политическими нарушениями, оправдывающими отказ от выполнения требований о взаимной правовой поддержке». Из этого текста понятно, что в программе совместных действий приоритет отдавался борьбе с расизмом перед свободой слова. Это вызвало возражения со стороны некоторых европейских стран. И все же 1997 год был объявлен «европейским годом борьбы с расизмом».⁵

Вторым важным шагом, предпринятым Европейским Союзом, было основание Европейского центра мониторинга проявлений расизма и ксенофобии. Предполагалось, что его создание позволит ЕС и его странам-членам получать «объективные, достоверные и сопоставимые данные на европейском уровне о феномене расизма, ксенофобии и антисемитизма, облегчающие принятие соответствующих мер или выработку политики». Кроме того, этим центром была создана «европейская информационная сеть о расизме и ксенофобии», включающая «исследовательские центры государственных университетов, неправительственные организации и специалистов, работающих в государственных или международных органах». Центр мониторинга также должен «содействовать организации регулярных круглых столов и встреч с другими существующими консультативными органами в странах-членах». Очевидно, что этот центр должен был заниматься выполнением не только исследовательских задач; он также должен был стать основой европейской сети антирасистских организаций, университетов и (местных) органов власти. Такая сеть вполне может превратиться в мощную коалицию в судебной и образовательной войне с расизмом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из трех типов антииммигрантских партий только популистским партиям, по-видимому, удастся выжить в грядущем десятилетии. Для неофашистских партий структура политических возможностей, вероятно, будет неблагоприятной во всем Европейском Союзе, за исключением, возможно, Италии. Даже

5 Складывается впечатление, что Европейский Союз пытался наверстать свой медленный старт в юридической борьбе с расовой дискриминацией. Здесь вновь стирается различие между расизмом и расовой дискриминацией. Понятие расизма появилось впервые в публичном дискурсе в 1968 году, когда Генеральная Ассамблея ООН с подачи Советского Союза объявила 1971 год «Международным годом борьбы с расизмом и расовой дискриминацией». В 1997 году расизм вновь попал под запрет и был приравнен к расовой дискриминации.

те партии, которые явно имеют неонацистское прошлое, наподобие Национального фронта, Партии свободы и Фламандского блока, скорее всего, избавятся от своей идеологической шелухи и предстанут в виде партий, выступающих против истеблишмента. Их программы, однако, останутся глубоко правыми. Расистские партии столкнутся с серьезными юридическими барьерами, которые сохранятся также и на европейском уровне. Поэтому вряд ли следует ожидать появления открыто расистских партий в следующем десятилетии.

С другой стороны, популистские антииммигрантские партии укрепят свое положение в Европейском Союзе в качестве признанных партий (во Франции, Австрии, Фландрии и Италии) или крайне нестабильных, но все же успешных протестных партий (в скандинавских странах, Нидерландах и Германии). Успех этих партий обусловлен непрекращающейся миграцией в Европу и связанными с ней проблемами интеграции. Популистские анти-

иммигрантские партии с выгодой для себя используют структурные трансформации в европейских демократиях, которые сами по себе не имеют отношения к расизму и антирасистскому законодательству.

Крупнейшей из этих трансформаций в европейских странах вполне может стать отход граждан от политических партий. Вследствие роста образовательного уровня и преодоления религиозных и традиционных привязанностей граждане стали более требовательными. Традиционные политические партии, профсоюзы, религиозные и гра-

---

ДАЖЕ ТЕ ПАРТИИ, КОТОРЫЕ ЯВНО ИМЕЮТ НЕОФАШИСТСКОЕ ПРОШЛОЕ, СКОРЕЕ ВСЕГО, ИЗБАВЯТСЯ ОТ СВОЕЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШЕЛУХИ И ПРЕДСТАНУТ В ВИДЕ ПАРТИЙ, ВЫСТУПАЮЩИХ ПРОТИВ ИСТЕБЛИШМЕНТА. ИХ ПРОГРАММЫ, ОДНАКО, ОСТАНУТСЯ ГЛУБОКО ПРАВЫМИ

жданские объединения быстро теряют своих членов. Политические представители находятся под более пристальным наблюдением избирателей, а правительства не только контролируются партиями и парламентами, но и оказываются под колпаком средств массовой информации. Демократия партий становится демократией зрителей (Manin 1997). Политические элиты с трудом приспосабливаются к переменам. Они по-прежнему опираются на партийный аппарат и настороженно относятся к прозрачности, которой требует демократия зрителей. Вместо создания новых каналов коммуникации с политической аудиторией, они продолжают действовать так, словно общественное мнение представляет угрозу для надлежащего управления. Они прячутся за технократическими рассуждениями об административной необходимости или за существующими обязательствами перед международным сообществом. Такие доводы не обязательно ложны, но они, как правило, включены в патерналистский дискурс демократической элитарности.

С другой стороны, сложности демократического правления также возрастают вследствие собственнического индивидуализма, подрывающего существование гражданского общества. Поэтому во всех европейских странах, за исключением Голландии, произошло снижение социального доверия, которое оказало негативное влияние на доверие правительству. Парадоксальным образом многие из тех, кто не доверяет правительству, требуют более сильного правительства, а не пытаются опереться на свое окружение и личные способности (Патнэм 1996).

В-третьих, вследствие беспрестанного контроля со стороны средств массовой информации коррупция и клиентизм политических элит теперь разоблачаются чаще, чем прежде. Во всех европейских странах коррупционные скандалы подрывали легитимность традиционных партий. Особенно это касалось итальянских социалистов и христианских демократов, которые оказались за пределами избирательного поля. В меньшей степени это затронуло социалистов и христианских демократов в Бельгии. Коррупционные скандалы теперь преследуют Социалистическую партию и голлистскую партию во Франции. Во всех этих странах радикальные правые партии добиваются больших успехов. Социалистическая партия в Испании лишилась по крайней мере части своей народной поддержки из-за масштабной коррупции при социалистическом правительстве. В политической коррупции нет ничего нового, и вряд ли вообще можно говорить о ее росте. Однако она стала более зримой, чем при старой партийной демократии. Общественное мнение настроено более критически, а избиратели менее склонны мириться с такой практикой, даже если она имеет место в партиях, за которые они отдали свои голоса. Ослабление доверия к правительству в этом отношении не обязательно является чем-то плохим; оно может означать более высокие требования к надлежащему управлению.

В-четвертых, разрыв между теми, кто имеет высокий и растущий доход, и теми, кто отстает в своих семейных доходах, вырос во всех европейских странах. В последние десятилетия XX века разрыв между богатыми и бедными расширился после почти пяти десятилетий существования уравнилельных тенденций. Требования политического равенства выросли, а экономическое равенство уменьшилось. Это противоречие в европейском обществе вполне может выразиться в росте политического цинизма и поддержке популистских партий, причем как левых, так и правых. Вероятность этого возрастает вследствие разрушения «новой экономикой» и неолиберальной политикой традиционных связей и жизни общества. Проигравшие от экономического роста и либерализации склонны во всем винить правительство, а не слепые силы рынка, тем более что все правительства Европейского Союза — и правые, и левые — выказывают примечательный вкус к приватизации и другой неолиберальной политике. Эта поддержка либеральной рыночной политики делает все правящие партии похожими.

В-пятых, дефицит демократии в Европейском Союзе стал более заметным после недавних шагов в деле политической интеграции, начиная с Маастрихта. Европейская интеграция до сих пор остается технократи-

ческим процессом, при котором принятие решений в широких политических областях передается Брюсселю. Сельскохозяйственная политика, например, во многом находится под юрисдикцией Европейской комиссии. Во время эпидемии ящура в 2001 году населению Европы неожиданно стало понятно, что национальные правительства теперь слишком ограничены в своей политике правилами и инструкциями Европейского Союза, чтобы самостоятельно бороться с подобными эпидемиями. Большинство граждан, включая фермеров, внезапно остро ощутило политическое бессилие. Через «структурные фонды» огромные средства передавались бедным и иногда отсталым областям при отсутствии какой-либо прозрачности. Решения по таким вопросам принимаются экспертами, а не представителями народа. То же касалось введения единой европейской валюты и создания европейского центрального банка. Решения экспертов сами по себе могут быть разумными, но им недостает легитимности, которая создается голосованием большинства. Об этих проблемах говорят как радикальные правые, так и радикальные левые. Жан Клод Мартинез из Национального фронта в своей книге «Безумная Европа» утверждает, что Европейский Союз действует вопреки интересам народа. Если и существуют региональные различия, то они обусловлены безответственной фритредерской политикой ЕС и использованием «структурных фондов». По словам Мартинеза, «пироманьяк стал пожарным» (Martinez 1996:14). Одновременно широкая публика узнавала о технической некомпетентности и политической коррупции, свойственные европейской бюрократии. Борьба с клиентизмом и коррупцией в Брюсселе действительно кажется крайне трудным занятием. Ревизор ЕС Пауль ван Бейтенен, занимавшийся проблемой коррупции и клиентизма в Европейской комиссии, не смог убедить свое начальство в необходимости изменений. Когда он сообщил об этом фракции «зеленых» в Европейском парламенте в декабре 1998 года, он был временно отстранен от своей должности. Даже после того, как в марте 1999 года правота его заявлений была доказана и Европейская комиссия уступила, его полномочия так и не были возобновлены (Van Vuitenen 1999). Несмотря на успешные разоблачения, он все еще оставался наказанным. Социалистическая фракция в Европейском парламенте не желала заниматься его защитой. Все это создает хорошую почву для расцвета популистского дискурса. Европейский парламент обнаруживает отсутствие широкой легитимности. И многие избиратели считают это проблемой, а не решением. Явка избирателей на европейских выборах неуклонно падала с 1979 года.

Наконец, парадокс либерализма, согласно Холлифилду, заключается в том, что его экономическая логика является логикой открытости, но его политическая и юридическая логика — это логика закрытости (Hollifield 2000). Холлифилд выступает за введение международного режима миграции, «чтобы избежать сильного политического неприятия миграции». В такой чувствительной области, как выработка политики относительно иммиграции и натурализации, он выступает против наделения простых людей правом голоса, поскольку демократия легко превращается в исключаящий

популизм. Создание такого международного режима миграции без явного согласия народа может привести к еще большему народному недовольству. Страх популизма может быть лучшим союзником популизма.

Перевод с английского Артема Смирнова

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Бурдерон, Р. 1983. Фашизм: идеология и практика. М.: Прогресс.
- Гоффман, И. 2000. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле.
- Нольте, Э. 2001. Фашизм в его эпохе. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Патнэм, Р. 1996. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem.
- Фюре, Ф. 1998. Постигание Французской революции. СПб.: ИНАПРЕСС.
- Arendt, H. 1951/1973. *The Origins of Totalitarianism*. Orlando: Harcourt Brace & Company.
- Barker, M. 1981. *The New Racism*. London: Junction Books.
- Banton, M. 1998. «European Policy Report», *Journal of Ethnic and Migration Studies* 24 (1): 209–216.
- Bendix, R. 1952. «Social Stratification and Political Power», *American Political Science Review* 46: 357–375.
- Betz, H-G. 1994. *Radical right-wing populism in Western Europe*. Houndsmill, Basingstoke: Macmillan.
- Billiet, J. and De Witte, H. 1995. «Attitudinal dispositions to vote for a 'new' extreme right-wing party: the case of 'Vlaams Blok'», *European Journal of Political Research* 27 (2): 181–202.
- Billig, M. 1989. «The Extreme Right: Continuities in Anti-Semitic Conspiracy Theory in Post-War Europe», in Eatwell, R. and O'Sullivan, eds. *The Nature of the Right*. London: Pinter Publishers.
- Björge, T. and Witte, R. eds. 1993. *Racist Violence in Europe*. Basingstoke: MacMillan.
- Chebel d'Appollonia, A. 1988. *L'Extrême-droite en France. De Maurras à Le Pen*. Brussels: Editions Complexe.
- Cheles, L., Ferguson, R. and Vaughan, M. eds. 1991. *Neo-fascism in Europe*. London and New York: Longman.
- Childers, T. 1983. *The Nazi Voter*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Chorus, J. and De Galan, M. 2002. *In de ban van Fortuyn. Reconstructie van een politieke aardschok*. Amsterdam: Mets & Schilt.
- Daru, S. and Fennema, M. *forthcoming*. «Parliamentary behaviour of anti-immigrant parties.»
- De Witte, H. 1996. «On the 'Two Faces' of right-wing extremism in Belgium. Confronting the ideology of extreme right-wing parties in Belgium with the attitudes and motives of their voters», *Res Publica*, XXXVIII (2): 397–411.
- De Witte, H., Billiet, J. and Scheepers, P. 1994. «Hoe zwart is Vlaanderen? Een exploratief onderzoek naar uiterst-rechtse denkbeelden in Vlaanderen in 1991», *Res Publica* XXXVI (1): 85–102.
- Déat, M. 1995. «The European Revolution and the New State», in Griffin, R. *Fascism*. New York: Oxford University Press.

- Eatwell, R. 1988. «The Dynamics of Right-Wing Electoral Breakthrough», *Patterns of Prejudice* 32: 1–31.
- Eatwell, R. 1991. «The Holocaust Denial: a study in propaganda technique», in Cheles, L., Ferguson, R. and Vaughan, M. eds. *Neo-fascism in Europe*. London: Longman.
- Evola, J. 1934/1991. *Révolution contre le monde moderne*. Paris: L'Age d'homme.
- Fennema, M. 1997. «Some conceptual issues and problems in the comparison of anti-immigrant parties in Western Europe», *Party Politics* 3: 473–492.
- . 1998. «Hispanidad and the construction of National Identity in Santo Domingo», *Journal of Political Ideology* 3 (2): 193–212.
- . 2000. «Legal repression of extreme-right parties and racial discrimination», in Koopmans, R. and Statham, P. eds. *Challenging immigration and ethnic relations politics*. Oxford: Oxford University Press.
- Fennema, M. and Pollmann, C. 1998. «The Ideology of anti-immigrant parties in the European Parliament», *Acta Politica* 33 (Summer): 111–138.
- Fennema, M. and Maussen, M. 2000. «Dealing with Extremists in Public Discussion: Front national and 'Republican Front' in France», *The Journal of Political Philosophy* 8 (3): 379–400.
- Fennema, M. and Tillie, J. 1994. «Ethnic Nationalism, Social Isolation and the Extreme Right», in *Rechtsextremisme en kiezersonderzoek*, Voorburg: CBS: 1–12.
- Franco Bahamonde, F. 1950/1982. *Masoneria*. Madrid: Fundación Nacional Francisco Franco.
- Gomez-Reyno Cachafeiro, M. 2001. *Ethnicity and Nationalism in Italian Politics. Inventing the Padania: Lega Nord and the Northern question*. Aldershot: Ashgate.
- Gregor, A. J. 1969. *The Ideology of Fascism. The rationale of totalitarianism*. New York/London: The Free Press.
- Griffin, R. 1996. «The 'post-fascism' of the Alleanza Nazionale: a case study in ideological morphology», *Journal of Political Ideologies* 1: 123–145.
- Hitler, A. 1943. *Mein Kampf*. Munich: Zentral Verlag der NSDAP.
- Husbands, C. T. 1983. *Racial exclusionism and the City: the Urban Support of the National Front*. London: Allen and Unwin.
- . 1988. «The dynamics of exclusion and expulsion: racist politics in Western Europe», *European Journal of Political Research* 16 (6): 701–720.
- Hollifield, J. F. 2000. «The politics of international migration. How can we 'bring the state back in?», in Bretell, B. and Hollifield, J. F. *Migration Theory: talking across disciplines*. New York.
- Ignazi, P. and Ysmal, C. 1992. «New and Old Extreme Right Parties», *European Journal of Political Research* 22: 101–21.
- Inglehart, R. 1990. *Culture Shifts in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton University Press.
- Koopmans, R. 1996. «Explaining the rise of racist and extreme right violence in Western Europe: Grievances or opportunities?», *European Journal of Political Research* 30: 185–216.
- Kohn, H. 1945/1967. *The Idea of Nationalism*. New York: Collier Books.
- Linz, J. J. 1976. «Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism in Sociological Historical Perspective», in Laqueur, W. ed. *Fascism. A Reader's Guide*. Berkeley: University of California Press.
- Lipstadt, D. 1993. *Denying the Holocaust. The Growing Assault on Truth and Memory*. London: Penguin.
- Martin, P. 1996. *Le vote Le Pen. Électorat du Front national*. Notes de la fondation Saint-Simon, October/November 1996.

- Martinez, J-C. 1996. *L'Europe folle*. Saint Cloud: Editions Les Presses Bretonnes.
- Maurras, C. 1978. *La Démocratie Religieuse*. Paris: Nouvelles Editions Latines.
- Mayer, N. 1999. *Ces Français qui votent FN*. Paris: Flammarion.
- Mayer, N. and Moreau, P. 1995. «Electoral support for the German Republikaner and the French National Front (1989–1994)», Paper presented at the Workshop on Racist Parties in Europe of the ECPR Joint Sessions of Workshops, Bordeaux 27 April — 2 May 1995.
- Meny, Y. and Surel, Y. 2002. *Democracies and the Populist Challenge*. New York: Palgrave.
- Middendorp, C. P. 1991. *Ideology in Dutch Politics. The democratic system reconsidered 1970–1985*. Assen/Maastricht: Van Gorcum.
- Mosse, G. L. 1964/1981. *The Crisis of German Ideology. Intellectual Origins of the Third Reich*. New York: Schocken Books.
- Mudde, C. 1996b. «The paradox of the anti-party party», *Party Politics* 2 (2): 265–276.
- Mussolini, B. 1952. «La Doctrine du fascisme», in *Edition définitive des oeuvres et discours de Benito Mussolini* IX. Paris: Flammarion.
- Parekh, B. 2000. «Rethinking Multiculturalism», in *Cultural Diversity and Political Theory*. Houndsmill: Macmillan.
- Pels, D. 2003. *De geest van Pim — Het gedachtegoed van een politieke dandy*. Baarn, Anthos.
- Perrineau, P. and Mayer, N. eds. 1996. *Le Front national à découvert*. Paris, Presses de Sciences Po.
- Pfahl-Traughber, A. ed. 1994. *Volkes Stimme? Rechtspopulismus in Europa*. Bonn: Dietz Verlag.
- Primo de Rivera, J. A. 1933. «Discurso de la fundación de Falange Española», *Obras Completas*. Tomo Primero. z. j. Editado por la delegación Nacional de Prensa y Propaganda de Falange Española Traditionalista y de las J. O. N. S.
- Richard, J-L. 1996. «L'extrême ouest' loin de l'Extrême droite. Le vote Front national dans la Finistère», *Revue Française de Science Politique* 46: 792–816.
- Rushton, J. P. 1997. *Race, Evolution and Behaviour: a life history perspective*. London: Transaction.
- Rydgren, J. 2003. *The Populist Challenge: Political Protest and Ethno-nationalist Mobilization in France*. New York: Berghahn Books.
- . 2004. «Explaining the emergence of radical right-wing populist parties: the case of Denmark», *West European Politics*. In press.
- Sartori, G. 1976/1982. *Parties and Party systems*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sternhell, Z. 1976. «Fascist Ideology», in Laqueur, W ed. *Fascism. A reader's guide*. Berkeley: University of California Press.
- . 1983/1987. *Ni droite ni gauche. L'ideologie fasciste en France*. Brussels: Editions Complexe.
- Stouthuysen, P. 1993. *Extreem-rechts in na-oorlogs Europe*. Brussels: VUB Press.
- Swyngedouw, M. 1998. «The Extreme Right in Belgium», in Betz, H-G. and Immerfall, S. eds. *New Party Politics of the Right: The Rise and Success of Neo-Populist Parties in Western Style Democracies*. Boulder: Westview Press.
- . 2001. «The subjective cognitive and affective map of extreme right voters: using open-ended questions in exit polls», *Electoral Studies* 20: 217–214.
- Taguieff, P-A. 1989. «The Doctrine of the National Front in France (1972–1989): A 'Revolutionary Programme'? Ideological Aspects of a National-Populist Mobilization», *New Political Science* 16/17: 28–80.

- Van der Brug, W. 2003. «How the LPF fuelled Discontent: Empirical Tests of Explanations of LPF-support», *Acta Politica. International Journal of Political Science* 38 (1): 89–106
- Van der Brug, W. and Fennema, M. 2003. «Protest or Mainstream? How the European anti-immigrant parties have developed into two separate groups by 1999», *European Journal of Political Research* 42: 55–76.
- Van der Brug, W., Fennema, M. and Tillie, J. 2000. «Anti-immigrant parties in Europe: Ideological or protest vote?», *European Journal of Political Research* 37: 77–102.
- Van der Eijk, C. and Franklin, M. 1996. *Choosing Europe? The European electorate and national politics at the dawn of unification*. Michigan: University of Michigan Press.
- Van der Eijk, C., Franklin, M. and Marsh, M. 1996. «What Voters Teach Us About Europe-Wide Elections: What Europe-Wide Elections Teach Us About Voters», *Electoral Studies* 5 (2): 149–166.
- Van Buitenen, P. 1999. *Strijd voor Europa*. Ten Have/Van Halewijck
- Van Donselaar, J. 1993. «Post-war fascism in the Netherlands», *Crime, Law and Social Change* 19: 87–100.
- Von Beyme, K. 1988. «Right-wing extremism in post-war Europe», in von Beyme, K. ed. «Right-Wing Extremism in Western Europe», *West European Politics* 11 (2): 2–18.

Роберт МЕРТОН

САМОИСПОЛНЯЮЩЕЕСЯ ПРОРОЧЕСТВО¹

Вряде работ, малоизвестных за пределами академической братии, У.А.Томас, старейшина американских социологов, изложил основную теорему социальных наук: «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям». Будь теорема Томаса и выводы из нее известны более широко, большее число людей лучше поняло бы работу нашего общества. И хотя ей недостает охвата и точности ньютоновской теоремы, она остается не менее значимой вследствие своей применимости ко многим, если не к большинству, социальных процессов.

ТЕОРЕМА ТОМАСА

Профессор Томас писал: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям». Ощущение, что он приблизился к важной идее, становится тем более сильным, если учесть, что, в сущности, та же теорема неоднократно излагалась дисциплинированными и наблюдательными умами задолго до Томаса.

Обнаруживая, что столь несхожие в иных отношениях мыслители, как почтенный епископ Боссюэ в своей горячей защите католической ортодоксии в XVII веке, иронический Мандевилль в своей аллегории улья с наблюдениями касательно парадоксов человеческого общества в XVIII веке, несдержанный гений Маркс в своем пересмотре гегельянской теории исторических изменений, плодовитый Фрейд в работах, которые, возможно, намного сильнее повлияли на изменение представлений о человеке, чем работы любого другого его современника, и эрудированный, догматичный и иногда проницательный Йельский профессор Уильям Грэхем Самнер, который сегодня выступает в роли Карла Маркса среднего класса, — так вот обнаруживая столь разношерстную компанию (и я выбрал лишь немногих из более продолжительного, хотя и менее выдающегося перечня) признающих истин-

¹ Robert K. Merton, «The Self-Fulfilling Prophecy», in Robert K. Merton, *Social Theory and Social Structure* (New York: The Free Press, 1968), pp. 475–490.

ность и важность того, что составляет суть теоремы Томаса, мы можем сделать вывод о том, что, возможно, она заслуживает и нашего внимания.

На что же обращают наше внимание Томас и Боссюэ, Мандевиль и Маркс, Фрейд и Самнер?

Первая часть теоремы непрестанно напоминает о том, что люди реагируют не только на объективные особенности ситуации, но также — и иногда преимущественно — на значение, которое эта ситуация имеет для них. И когда они придают некое значение ситуации, их последующее поведение и некоторые последствия этого поведения определяются этим приписанным значением. Но все это по-прежнему звучит довольно абстрактно, а абстракции перестают быть понятными, утрачивая связь с конкретными обстоятельствами. В чем же состоит суть идеи?

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИТЧА

Шел 1932 год. Последний национальный банк был процветающей организацией. Значительная часть его средств была ликвидной, но не слишком. Картрайт Миллинджвиль имел веские основания гордиться банком, который он возглавлял. До «черной среды». Когда он вошел в свой банк, он заметил необычное оживление. Это немного странно, потому что работникам со сталеплавильного завода А. М. О. К. и матрасной фабрики К. О. М. А. заработная плата обычно начислялась к субботе. Тем не менее здесь было два десятка людей, явно с заводов, которые выстроились в очередь перед окошком кассира. Придя в свой личный кабинет, президент сочувственно подумал: «Надеюсь, их не уволили посреди недели. В этот час они должны быть в цехах».

Но все это никак не касалось процветающего банка, и Миллинджвиль обратился к кипе документов, лежавших у него на столе. Поставив свою аккуратную подпись на нескольких бумагах, он начал ощущать исчезновение чего-то знакомого и вторжение чего-то необычного. Негромкий гул банковской работы сменился странными и вызывающими раздражение громкими возгласами. И это стало началом того, чем завершилась «черная среда», — если можно так выразиться, последняя среда Последнего национального банка.

Картрайт Миллинджвиль никогда не слышал о теореме Томаса. Но он прекрасно понимал, как она действует. Он знал, что, несмотря на сравнительную ликвидность банковских активов, слухи о банкротстве, когда в них верит достаточное число вкладчиков, могут привести к банкротству банка. И когда к концу «черной среды» — и «черного вторника», — когда длинные очереди обеспокоенных вкладчиков, каждый из которых всеми силами стремится вернуть свои средства, превратились в еще более длинные очереди еще более обеспокоенных вкладчиков, оказалось, что он был прав.

Стабильная финансовая структура банка зависит от ряда определений ситуации: веры в обоснованность переплетенной системы экономических обещаний, которыми живут люди. Когда вкладчики определяют ситуацию иначе, когда они сомневаются в возможности выполнения этих обещаний, последствия этого нереального определения бывают вполне реальными.

Ситуация знакома, и вам не нужно знать теорему Томаса, чтобы понять, что именно произошло, — по крайней мере, если в 1932 году вам было достаточно лет, чтобы голосовать за Франклина Рузвельта. Но с помощью этой теоремы трагическая история банка Миллинджвиля может быть превращена в социологическую притчу, которая позволит понять, что произошло с сотнями банков в 1930-х годах.

Притча показывает, что общественные определения ситуации (пророчества или предсказания) становятся неотъемлемой составляющей ситуации и тем самым влияют на последующие события. Это свойственно исключительно человеческим отношениям. Это не встречается в мире природы, нетронутым рукой человека. Предсказание относительно возвращения кометы Галлея никак не влияет на ее орбиту. Но слухи о банкротстве банка Миллинджвиля повлияли на реальный исход дела. Пророчество о крахе привело к его осуществлению.

Таково общее строение самоисполняющегося пророчества, свои излюбленные примеры которого имеются у каждого из нас. Рассмотрим случай предэкзаменационного невроза. Мучимый страхом, что он неизбежно провалит экзамен, студент больше времени тратит на волнение, чем на подготовку, что ведет к неудовлетворительным результатам на экзамене. Изначально ошибочная тревога превращается во вполне обоснованный страх. Или, например, война между двумя странами кажется неизбежной. Уверенные в этом представители обеих стран становятся все более отчужденными и, предчувствуя недоброе, отвечают на «наступательные» действия другой стороны собственными «оборонительными» действиями. Количество вооружений, припасов и солдат растет, и в конечном итоге ожидание войны приводит к тому, что она действительно происходит.

Самоисполняющееся пророчество — это изначально *ложное* определение ситуации, вызывающее новое поведение, которое делает изначально ложное представление *истинным*. Кажущаяся обоснованность самоисполняющегося пророчества закрепляет заблуждение. Ведь пророк неизбежно будет приводить действительное развитие событий в качестве подтверждения своей изначальной правоты. (Тем не менее мы знаем, что банк Миллинджвиля был платежеспособным и что он просуществовал бы долгие годы, если бы ложные слухи не *создали* условий для своего осуществления). Таковы превратности социальной логики.

Самоисполняющееся пророчество позволяет объяснить развитие этнического и расового конфликта в сегодняшней Америке. Такой вывод, по крайней мере для отношений между неграми и белыми, можно сделать на основании полутора тысяч страниц, составляющих «Американскую дилемму» Гуннара Мюрдаля. Тезис о том, что самоисполняющееся пророчество еще более тесно связано с отношениями между этническими группами, чем показал Мюрдаль, вкратце будет рассмотрен ниже.²

2 Противоположностью самоисполняющемуся пророчеству служит «самоубийственное пророчество» («suicidal prophecy»), которое изменяет поведение людей таким образом, что они

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Вследствие своей неспособности понять действие самоисполняющегося пророчества, многие американцы, которые сами по себе являются неплохими людьми, (иногда вопреки своей воле) сохраняют стойкие этнические и расовые предрассудки. Они воспринимают такие верования не как предрассудки, не как предубеждения, а как неопровержимые результаты своих собственных наблюдений. «Обстоятельства» не позволяют им прийти ни к какому иному выводу.

Так, наш прекраснодушный белый гражданин решительно поддерживает политику запрета на принятие негров в его профсоюз. Его взгляды, конечно же, основываются не на предрассудках, а на холодных голых фактах. И эти факты кажутся достаточно очевидными. Негры, которые «не так давно жили на неиндустриальном Юге, не воспитаны в традициях тред-юнионизма и не владеют искусством коллективного торга». Негр — это штрейкбрехер. Негр с его «низким уровнем жизни» готов выполнять ту же работу за более низкую заработную плату. Короче говоря, негр — это «предатель рабочего класса» и его нельзя принимать в профсоюзные организации. Так обстоит дело с точки зрения нашего терпимого, но практичного члена профсоюза, ничего не знающего о самоисполняющемся пророчестве как основном процессе общества.

Наш представитель профсоюза, конечно, не способен понять, что он и его коллеги сами создали те «факты», которые он наблюдает. Ибо определяя ситуацию как ту, в которой негры несправимо отказываются соблюдать принципы юнионизма, и не принимая негров в профсоюзы, он вызывает ряд последствий, которые делают трудным, если не невозможным, для многих негров уклонение от роли штрейкбрехера. Страдающие от безработицы после Первой мировой войны и лишённые возможности вступить в профсоюзы, тысячи негров не могли устоять перед соблазном занять предложенные владельцами бастующих предприятий рабочие места, недоступные для них в иных обстоятельствах.

История сама проверяет верность теории самоисполняющихся пророчеств. Подтверждением того, что негры были штрейкбрехерами потому, что их отказывались принимать в профсоюзы (и не давали работу), а не отказывались принимать потому, что были штрейкбрехерами, служит практически полное отсутствие негров-штрейкбрехеров в тех отраслях, где они были приняты в профсоюзы в последние десятилетия.

Применение теоремы Томаса также показывает, что трагичный, часто даже порочный круг самоисполняющихся пророчеств может быть разорван. Необходимо отказаться от первоначального определения ситуации, запускающего круговое движение. И когда первоначальное предположение ставится

не совершают действий, которые привели бы к его исполнению, если бы такое пророчество не было сделано. Пророчество саморазрушается. Этот важный тип здесь не рассматривается. Примеры обоих типов социального пророчества см.: R. M. MacIver, *The More Perfect Union* (New York: Macmillan, 1948); общие соображения см.: Robert K. Merton, «The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action», *American Sociological Review*, vol. 1, no. 6, 1936, pp. 894–904.

под вопрос и вводится новое определение ситуации, последующее развитие событий опровергает предположение. И тогда верование перестает определять реальность.

Но для того чтобы поставить под вопрос такие глубоко укорененные определения ситуации, простого желания недостаточно. Желание или, если угодно, добрая воля не включается щелчком тумблера. Социальное знание и добрая воля сами по себе служат *следствием* действия особых социальных сил. Они не создаются массовой пропагандой и массовым просвещением в обычном смысле этого слова, считающимися социологическими панацеями. В обществе ложные идеи спокойно исчезают при столкновении с истиной не чаще, чем в психологии. Никто не ждет, что параноик откажется от своих сложных искаженных представлений и заблуждений, узнав, что они не имеют под собой никаких оснований. Если бы заболевания психики можно было лечить просто раскрытием истины, психиатры в нашей стране страдали бы от недостатка работы, а не от ее избытка. Поэтому проведение «просветительских кампаний» само по себе не способно победить расовые предрассудки и дискриминацию.

Это не особенно популярная позиция. Обращение к просвещению как к панацее от самых разных социальных проблем глубоко укоренено в сознании американцев. Тем не менее это иллюзия. Как будет проводиться такая программа расового просвещения? Кто будет заниматься этим просвещением? Учителя в наших школах? Но они, как и многие другие американцы, разделяют те же предрассудки, с которыми должны бороться. А если у них нет этих предрассудков, то их нужно призвать пожертвовать собой во имя просветительского утопизма? Как долго продержится учитель начальной школы, старательно пытающийся избавить своих юных учеников от расовых убеждений, которые они приобрели у себя дома, в Алабаме, Миссисипи или Джорджии? Образование может служить рабочим дополнением, но не основной базой для мучительно медленного изменения установок, преобладающих в расовых отношениях.

Чтобы лучше понять, почему при проведении просветительских кампаний нельзя рассчитывать на искоренение преобладающей этнической вражды, нам необходимо рассмотреть действия «своих» (*in-groups*) и «чужих» (*out-groups*) групп в нашем обществе. Этнически «чужие» группы, если воспользоваться подходящим выражением из социологического жаргона Самнера, состоят из всех тех, кто, на наш взгляд, существенно отличается от «нас» с точки зрения национальности, расы или религии. Противоположностью этнически «чужой» группе, конечно, служит этнически «своя» группа, состоящая из тех, кто к ней «принадлежит». В границах, отделяющих «свою» группу от «чужих», нет ничего неизменного или вечного. По мере того как меняется ситуация, меняются и разделительные линии. Для большого числа белых американцев Джо Луис — член «чужой» группы, когда ситуация определяется в расовых терминах. В другом случае, когда Луис победил нацистского Шмелинга,³

3 Джо Луис (1914–1981) — профессиональный чернокожий боксер-тяжеловес, провел два боя

многие из тех же белых американцев объявили его членом «своей» (национальной) группы. Национальная лояльность возобладала над расовым сепаратизмом. Эти резкие изменения границ группы иногда вызывают серьезные трудности. Так, когда американские негры без труда обошли других участников Олимпийских игр в Берлине, нацисты, указав на то, что негры в Америке занимают положение граждан второго сорта, отказались признать победу Соединенных Штатов в играх, потому что атлеты-негры не были, по нашему же признанию, «полноценными» американцами. И что могут сказать на это Бильбо или Рэнкин?⁴

При великодушном господстве «своей» доминирующей группы этнически «чужие» группы постоянно страдают от предубеждений, которые, на мой взгляд, вряд ли способны разрушить массовое просвещение и массовая пропаганда этнической терпимости. В этом и состоит процесс, посредством которого, перефразируя замечание социолога Дональда Янга, «добродетели “своей” группы становятся пороками “чужой”». Или — проще и, возможно, доходчивее — его можно назвать приемом «что бы ты ни делал, все равно виноват» в этнических и расовых отношениях.

ДОБРОДЕТЕЛИ «СВОЕЙ» И ПОРОКИ «ЧУЖОЙ» ГРУППЫ

Чтобы выяснить, что этнически «чужие» группы осуждаются независимо от того, принимают они или нет ценности белого протестантского общества, нам необходимо сначала обратиться к одному из культурных героев «своей» группы, рассмотреть качества, которыми наделяют его биографы и народная молва, и таким образом выделить душевные и поведенческие качества, которые обычно считаются заслуживающими восхищения.

Нет никакой нужды в периодических опросах общественного мнения для того, чтобы обосновать выбор Авраама Линкольна в качестве культурного героя, который наиболее полно воплощает основные американские добродетели. Как отмечают супруги Линд в своей книге «Средний город», жители типичного небольшого городка считают величайшими американцами только Джорджа Вашингтона и Линкольна. Его называет «своим» почти столько же обеспеченных республиканцев, сколько и менее обеспеченных демократов.⁵

с немецким боксером Максом Шмелингом (1905–2005): первый поединок с ним в 1936 году он проиграл, однако в матче-реванше — в 1938 году — одержал победу. — *Прим. перев.*

- 4 Теодор Бильбо (1877–1947) — американский политик, член Демократической партии, дважды был губернатором штата Миссисипи, а позднее стал сенатором от этого штата; известный расист, сторонник сегрегации, в 1938 году выступил с одобрением действий Гитлера. Джон Рэнкин (1882–1960) — американский политик, член Демократической партии, неоднократно избирался в конгресс от штата Миссисипи; известный расист и антисемит. — *Прим. перев.*

- 5 О Линкольне как культурном герое см.: David Donald, «Getting Right with Lincoln», in David Donald, *Lincoln Reconsidered* (New York: Alfred A. Knopf, 1956, pp. 3–18).

Хотя Линкольн номинально остается символическим лидером республиканцев, это может быть просто еще одним парадоксом политической истории, наподобие того, что был подмечен в свое время Линкольном относительно Джефферсона и демократов:

«Припомнив также, что партия Джефферсона выступала, прежде всего, за права лично-

Даже обычный школьник знает, что Линкольн был экономным, трудолюбивым, жадным до знаний, честолюбивым, помнящим о правах простого человека и явно преуспевшим в карьерном росте, поднявшись с самой низкой ступени чернорабочего до почтенного положения торговца и юриста. (Нам не нужно копировать только его глупый акцент).

Если не знать, что эти атрибуты и достижения занимают важное место в ценностях американского среднего класса, то это быстро выяснится при беглом прочтении «Духа среднего города» Линдов. Ибо здесь мы находим образ Великого освободителя, полностью отражающий ценности, в которые верит средний город. И поскольку таковы их ценности, нет ничего удивительного в том, чтобы встретить в средних городах Америки осуждение и унижение тех индивидов и групп, которые, как считается, не способны проявлять такие добродетели. Если «своей» белой группе кажется, что негры *не* образованы в той же мере, что и они, что среди них «чрезмерно» высока доля неквалифицированных работников и «чрезмерно» низка доля преуспевающих бизнесменов и представителей свободных профессий, что они расточительны и так далее по перечню грехов и добродетелей среднего класса, не трудно понять обвинение в том, что негры «хуже» белых.

Зная о действии самоисполняющегося пророчества, нам нужно быть готовыми к тому, чтобы обнаружить, что обвинения в адрес негров, которые не являются явно ложными, только кажутся истинными. Голословные заявления истинны в пиквикском смысле: мы находим, что самоисполняющиеся пророчества вообще оказываются истинными. Так, если «своя» доминирующая группа верит, что негры хуже, и считает, что не стоит тратить средства на образование «этих невежд», а затем объявляет окончательным подтверждением отсталости то, что среди студентов колледжей негров в «целых» пять раз меньше, чем белых, то едва ли можно удивляться этому очевидно социальному фокусу. Заметив кролика, старательно, хотя и не слишком умело, засунутого в шляпу, нельзя без подозрения смотреть на торжественную обстановку, в которой его в конечном итоге достают. (У нас и вправду нет оснований утверждать, что среди выпускников средней школы в колледжи поступает больше негров, чем белых; но очевидно, что негры, решившие-

сти и считала права собственности второстепенными и намного менее важными, и согласившись с тем, что так называемые демократы сегодня являются джефферсоновской, а их противники — антиджефферсоновской партией, также интересно будет заметить, что они полностью поменялись принципами, которые они, как принято считать, первоначально разделяли. Демократы сегодня считают, что свобода одного человека не имеет никакого значения, когда вступает в противоречие с правом собственности другого человека; республиканцы же, напротив, выступают и за человека, и за доллар, но в случае конфликта человек важнее доллара.

Помню, однажды я был очень удивлен, увидев двух подвыпивших мужчин, подравшихся из-за своих плащей: когда продолжительный и довольно безобидная схватка закончилась, каждый из них отвоевал себе плащ другого. Если две ведущие партии сегодня действительно тождественны тем, что существовали во времена Джефферсона и Адамса, то они совершили то же трюк, что и два пьяных мужика» (Авраам Линкольн, письмо Г.Л. Пирсу и другим, 6 апреля 1859 года: Abraham Lincoln, *Complete Works of Abraham Lincoln*, edited by John G. Nicolay and John Hay, (New York, 1894), vol. V, pp. 125–126).

ся преодолеть высокие стены дискриминации, представляют собой намного лучше отобранную группу, чем белые выпускники средней школы).

И поэтому, когда господин из Миссисипи (штата, который тратит на среднего белого ученика в пять раз больше, чем на среднего ученика-негра) говорит об изначальной отсталости негров, ссылаясь на то, что врачей среди них в четыре раза меньше, чем среди белых, у нас большее удивление вызывает его запутанная логика, чем его глубокие предрассудки. Механизм самоисполняющегося пророчества в этих примерах настолько очевиден, что только тот, у кого чувства окончательно одержали победу над фактами, может принимать такие «правдоподобные» подтверждения всерьез. Тем не менее, они зачастую вызывают искреннюю веру. Самогипноз вследствие собственной пропаганды не такая уж редкость в самоисполняющемся пророчестве.

Поэтому «чужие» группы осуждаются, если они не проявляют (открыто) добродетелей «своей» группы. Это безвкусный этноцентризм, приправленный эгоизмом. Но как насчет второго этапа этого процесса? Можно ли всерьез утверждать, что «чужие» группы осуждаются, даже если они *имеют* такие добродетели? Можно.

Вследствие этого безусловно бисимметричного предубеждения этнически и расово «чужие» группы всегда оказываются виновными. В значительной степени систематическое осуждение представителя «чужой» группы продолжается *независимо от того, что он делает*. Более того, вследствие причудливого поворота капризной судебной логики за преступление наказывається жертва. Вопреки поверхностным представлениям, предрассудки и дискриминация, направленные на «чужую» группу, не являются результатом поступков «чужой» группы; напротив, они глубоко укоренены в структуре нашего общества и социальной психологии его членов.

Чтобы понять, как это происходит, нам необходимо рассмотреть моральную алхимию, посредством которой «своя» группа при необходимости без труда превращает добродетель в порок, а порок в добродетель. Продолжим наше исследование на конкретных примерах.

Начнем с удивительно простой формулы моральной алхимии: одни и те же качества должны по-разному оцениваться в зависимости от того, какой человек их выказывает. Например, опытный алхимик знает, что слово «непреклонный» должно использоваться по нисходящей. Например:

Я непреклонен,
Ты упряма,
Он тупоголов.

Некоторые из тех, кто не знаком с хитростями этой науки, скажут, что один и тот же термин следует применять ко всем трем случаям проявления одного и того же качества. Такую неалхимическую бессмыслицу следует просто оставить без внимания.

Помня об этом эксперименте, мы готовы рассмотреть, как одни и те же качества начинают оцениваться совершенно иначе при переходе от Авраама Линкольна в «своей» группе к Аврааму Коэну или Аврааму Курокава

в «чужой» группе. Здесь нужно действовать последовательно. Линкольн работал до глубокой ночи? Это свидетельствует о его трудолюбии, твердости и желании раскрыть свои способности в полной мере. Евреи или японцы работают столько же? Это свидетельствует об их «муравьином» складе ума, их безжалостном подрыве американских стандартов, их нечестной конкуренции. Герой «своей» группы бережлив, экономен и скромнен? Тогда злодей «чужой» группы скуп, прижимист и скареден. Авраам «своей» группы почитается за свой ум, проницательность и сообразительность, а Авраамы «чужой» группы точно так же осуждаются за свои хитрость, коварство, лукавство и ловкость. Упрямый Линкольн отказался всю жизнь работать руками? Он предпочел использовать свои мозги? В таком случае, все превозносят его решимость подняться по шаткой карьерной лестнице. Но, конечно, отказ от работы руками и желание работать мозгами у торговцев и юристов «чужой» группы не заслуживает ничего, кроме осуждения паразитического образа жизни. Авраам Линкольн желал познать накопленную веками мудрость при помощи постоянной учебы? Проблема еврея в том, что он — неприятный «ботаник», погруженный в книги, когда простые парни идут развлекаться. Линкольн не признавал норм своей провинциальной общины? Этого и следует ожидать от незаурядного человека. А если члены «чужой» группы критикуют уязвимые области нашего общества, то пусть убираются, откуда пришли. Линкольн, добившись высокого положения, никогда не забывал о правах простого человека и поддерживал право рабочих на забастовку? Это свидетельствует только о том, что, как и все настоящие американцы, этот величайший американец был беззаветно предан делу свободы. Но, посмотрев статистику забастовок, вспоминаешь, что подобные неамериканские действия — это результат проведения членами «чужой» группы своей вредной агитации среди обычно покладистых рабочих.

Однажды озвученная классическая формула моральной алхимии достаточно понятна. Благодаря ловкому использованию этих богатых словарей прославления и унижения члены «своей» группы быстро превращают свои добродетели в пороки других. Но почему многие члены «своей» группы оказываются моральными алхимиками? Почему многие члены «своей» доминирующей группы с такой готовностью участвуют в этом продолжающемся эксперименте по моральной трансмутации?

Объяснение можно найти, покинув на время нашу страну и последовав за антропологом Малиновским на Тробрианские острова. Здесь мы сталкиваемся с удивительно похожей ситуацией. Среди тробрианцев, до уровня которых американцы, несмотря на усилия Голливуда и желтой прессы, пока еще не скатились, успех у женщин наделяет мужчину почетом и признанием. Сексуальная удаля служит позитивной ценностью, моральной добродетелью. Но если рядовой тробрианец «переборщит» в сексуальных подвигах, если он завоюет «слишком много» сердец, то этот славный рекорд вызовет скандал и отторжение — ведь этим может гордиться только элита, вожди или облеченные властью мужчины. Вожди незамедлительно *выразят недовольство любым личным достижением, не подкрепленным социальным положением.*

Моральные добродетели остаются добродетелями лишь до тех пор, пока они ограничиваются пределами соответствующей «своей» группы. Правильные действия «неправильных» людей вызывают осуждение, а не одобрение. Ибо только так, прибегая к таким добродетелям только для себя, правители могут сохранить свое отличие, свой престиж и свою власть. Невозможно придумать более разумный способ, позволяющий сохранить систему социальной стратификации и социальной власти неизменной.

Тробрианцы могут научить нас большому. Ведь кажется очевидным, что вожди не просчитывали сознательно такую программу укрепления [своего положения]. Их поведение стихийно, бездумно и непосредственно. Их неприятие «слишком больших» амбиций или «слишком большого» успеха у простых тробрианцев не является результатом обдумывания, оно совершенно искренне. В результате, этот скорый эмоциональный отклик на «неуместные» проявления добродетелей «своей» группы также служит подходящим средством

усиления особых притязаний вождя на блага тробрианской жизни. Трудно представить что-то более далекое от истины и искажающее действительность, чем признание того, что такое превращение добродетелей «своей» группы в пороки «чужой» группы составляет часть тщательно продуманного заговора тробрианских вождей, предполагающего сохранение неизменным положения простых тробрианцев. Просто вожди уверены в том, что они знают, каким должен быть правильный порядок вещей, и считают своим тяж-

---

МОРАЛЬНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ ОСТАЮТСЯ ДОБРОДЕТЕЛЯМИ ЛИШЬ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ОНИ ОГРАНИЧИВАЮТСЯ ПРЕДЕЛАМИ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ «СВОЕЙ» ГРУППЫ

ким бременем слежение за тем, чтобы остальные не выделялись.

Но в поспешном неприятии вины моральных алхимиков нам нужно устоять перед соблазном повторения той же ошибки путем простой смены знаков при оценке морального статуса «своей» и «чужой» группы. Это не значит, что все евреи и негры ангелы, а все неевреи и белые — дьяволы. Это не значит, что добродетель и пороки индивида в этнорасовых отношениях теперь поменялись местами. Вполне возможно, что среди негров и евреев так же много порочных и злых людей, как и среди неевреев и белых. Дело в том, что уродливая стена, отделяющая «свою» группу от «чужих», мешает относиться к ним по-людски.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ И ДИСФУНКЦИИ

Нам достаточно только посмотреть на последствия этой особой моральной алхимии, чтобы понять, что в осуждении членов «чужой» группы независимо от того, проявляют они или нет добродетели «своей» группы, нет никакого парадокса. В обоих случаях осуждение выполняет одну и ту же социальную функцию. Кажущиеся противоположности совпадают. Когда негров объяв-

ляют безнадежно отсталыми, потому что они не проявляют (открыто) этих добродетелей, это свидетельствует о том, что они обладают более низким статусом в обществе по праву. А когда говорят, что евреи или японцы обладают слишком многими достоинствами «своей» группы, становится ясно, что их следует надежно удерживать за высокими стенами дискриминации. В обоих случаях надделение «чужих» групп особым статусом может считаться весьма обоснованным.

Тем не менее этот, несомненно, обоснованный механизм приводит к совершенно необоснованным последствиям, причем как логическим, так и социальным. Рассмотрим только некоторые из них.

В некоторых обстоятельствах наложение определенных ограничений на «чужую» группу — скажем, нормирование числа евреев, которым разрешено поступать в колледжи и профессиональные школы, — логически вытекает из страха перед предполагаемым превосходством «чужой» группы. Если бы дело обстояло иначе, ни в какой дискриминации не было бы нужды. Жесткие безличные силы академической конкуренции вскоре сократили бы число еврейских (или японских или негритянских) студентов до «соответствующего» размера.

Эта предполагаемая вера в превосходство «чужой» группы кажется преждевременной. Научных данных, подтверждающих превосходство евреев, японцев или негров, попросту недостаточно. Попытки сторонников дискриминации из «своей» группы заменить миф об арийском превосходстве мифом о неарийском превосходстве, с точки зрения науки, обречены на провал. Более того, такие мифы неразумны. В конечном итоге жизнь в мире мифа должна вступить в противоречие с фактами в мире реальности. Поэтому, с точки зрения простого эгоизма и социальной терапии, может быть разумным для «своей» группы отказаться от мифа и приблизиться к реальности.

Прием «что бы ты ни делал, все равно виноват» приводит и к другим последствиям — для самих «чужих» групп. Ответ на предполагаемые недостатки очевиден и предсказуем. Если постоянно твердить человеку, что он хуже тебя, что у него нет никаких достоинств, то этот человек наверняка начнет старательно приводить подтверждения обратного. Определения «своей» группы заставляют якобы отсталую «чужую» группу в целях самозащиты преувеличивать и превозносить «расовые успехи». Как заметил выдающийся чернокожий социолог Франклин Фразьер, негритянские газеты «исполнены расового сознания и выказывают заметную гордость достижениями негров, большинство из которых оказываются не такими уж значительными, если использовать для оценки более широкие критерии». Самовосхваление, обнаруживаемое в определенной степени во всех группах, часто становится ответом на постоянное унижение извне.

Однако по-настоящему странное поведение вызывает осуждение «чужих» групп за слишком большие достижения. Ибо со временем и часто в качестве защитной реакции у этих «чужих» групп складывается убеждение, что их достоинства на самом деле являются недостатками. И это служит заключительным эпизодом в трагикомедии вывернутых наизнанку ценностей.

Попытаемся рассмотреть этот сюжет со всеми сложными перипетиями внутренних противоречий. Почтительное восхищение трудным восхождением от простого посыльного до президента глубоко укоренено в американской культуре. Это долгое и трудное восхождение свидетельствует о двух вещах: оно свидетельствует о наличии в американском обществе богатых возможностей для раскрытия настоящего таланта и о достоинствах человека, прославившегося благодаря своему героическому взлету. Было бы неправильно выделять кого-то одного из множества достойных людей, которые пробивали себе дорогу, несмотря на все препоны, пока не достигли, наконец, вершины — места во главе большого стола переговоров в огромном конференц-зале совета директоров. Взятой наугад в качестве примера саги о Фредерике г. Эккере, главе правления одной из крупнейших частных корпораций в мире, занимающихся страхованием жизни, будет достаточно. Он поднялся с самых низов до самых верхов. Вполне понятно, почему на этого человека, обладающего большой властью и много достигшего, обрушился непрерывный поток почестей. Так уж случилось, хотя это личное дело этого выдающегося финансиста, что господин Эккер пресвитерианец. Тем не менее, до сих пор ни один священник пресвитерианской церкви публично не заявил о том, что успешную карьеру господина Эккера не следует принимать всерьез, что в конечном итоге лишь немногим пресвитерианцам удалось разбогатеть и что пресвитерианцы на самом деле не «контролируют» мир финансов — или страхования жизни и инвестиций. Скорее, можно предположить, что пресвитерианские священники присоединятся к остальным американцам, разделяющим представления среднего класса об успехе, в пожелании удачи выдающемуся и преуспевающему господину Эккера и остальным единоверцам, поднявшимся до таких высот. Не беспокоясь за статус «своей» группы, они будут гордиться успехами индивида, а не принижать их.

Как показывает практика моральной алхимии, выдающиеся достижения членов «чужой» группы встречают совсем иной отклик. Очевидно, что если достижение — это недостаток, то достижения должны отрицаться или, по крайней мере, принижаться. В таких условиях то, что вызывает гордость у пресвитерианцев, должно вызывать беспокойство у евреев. Если еврея осуждают за его успехи в образовании, профессиональной, научной или экономической деятельности, то вполне понятно, что многие евреи начинают ощущать, что такие достижения должны быть минимизированы просто в целях самозащиты. В конечном итоге парадоксальным образом круг замыкается членами «чужой» группы, которые доказывают «своей» влиятельной группе, что они на самом деле невиновны в чрезмерном вкладе в науку, профессию, искусство, государственное управление и экономику.

В обществе, которое обычно считает богатство подтверждением способностей, «чужая» группа подчиняется вывернутым наизнанку взглядам «своей» доминирующей группы, отрицая, что среди ее членов есть много богатых людей. «Из двухсот крупнейших небанковских корпораций... только в десяти евреи являются директорами или главами правления». Что это? Наблюдение антисемита, призванное подтвердить несостоятельность

и отсталость евреев, которые сделали так мало для того, чтобы «построить корпорации, которые построили Америку»? Нет; это ответ Антидиффамационной лиги Бнай Брит на антисемитскую пропаганду.

В обществе, где, как показал недавний опрос Национального центра исследований общественного мнения, профессия врача считается более престижной, чем любая другая из девяноста профессий (за исключением Верховного суда Соединенных Штатов), встречаются еврейские активисты, которые вследствие нападок «своей» группы отстаивают немислимую позицию, заявляя о своей «глубокой озабоченности» количеством евреев в медицинской практике, которое «непропорционально числу евреев в других профессиях». В стране, страдающей от нехватки врачей, врач-еврей становится печальным поводом для выражения глубокой озабоченности, а не для восхищения приобретенными с таким трудом знаниями и навыками и его пользой для общества. Когда команда «Нью-Йорк Янкиз» открыто выразит глубокую озабоченность слишком большим числом своих побед в ежегодном чемпионате США по бейсболу, совершенно непропорциональным числу побед других сильных команд лиги, такое самоотречение сможет показаться частью нормального порядка вещей.

В культуре, которая всегда ценила профессионалов выше, чем даже самых умелых рабочих, «чужая» группа оказывается в ненормальном положении, будучи вынужденной — со вздохом облегчения — указывать на большое число художников и расклейщиков афиш, штукатуров и электриков, водопроводчиков и кровельщиков среди евреев.

Но следует отметить еще одну превратность с ценностями. От переписи к переписи число жителей городов и пригородов постоянно растет. Уже сейчас в сельской местности проживает немногим более 20 % всего населения страны. Очевидно, что методисты и католики, баптисты и члены епископальной церкви должны признать злом такое переселение своих единоверцев в город. Ибо, как известно, одно из основных обвинений в адрес евреев заключается в том, что они живут в городах. Причем еврейские лидеры заняли немислимую позицию, призвав свой народ переселяться в сельскую местность, стремительно покидаемую стремящимися в город ордами христиан. Возможно, удастся обойтись без этого. Поскольку еврейское преступление (жизнь в городе) получает все большее распространение в «своей» группе, оно может быть превращено в особую добродетель. Но этого может и не произойти. Ибо в этом безумном смешении вывернутых наизнанку ценностей вскоре становится невозможно определить, когда добродетель — это грех, а грех — моральное совершенство.

Но, несмотря на такую неразбериху, очевидно одно. Евреи, как и другие народы, внесли выдающийся вклад в мировую культуру. Приведем только краткий перечень. В области художественной литературы (признавая серьезные различия в масштабе достижений) евреями были Гейне, Карл Краус, Берне, Гофмансталь, Шницлер, Кафка. Композиторами: Мейербер, Феликс Мендельсон, Оффенбах, Малер и Шенберг. Среди музыкальных исполнителей назовем только Розенталя, Шнабеля, Годовского, Пахмана, Крейс-

лера, Губермана, Майлстоуна, Эльмана, Хейфица, Иоахима и Менухина. А среди ученых, удостоившихся получения Нобелевской премии, перечислим известные имена Майерхофа, Эрлиха, Михельсона, Липпмана, Габера, Вильштеттера и Эйнштейна. А из понятного только для посвященных мира математических открытий назовем только Кронекера, создателя современной теории чисел; Германа Минковского, который придал математические основания специальной теории относительности; или Якоби с его основной работой по теории эллиптических функций. И так в каждой области культурных достижений нам предлагают перечень выдающихся людей, которым довелось быть евреями.

И кто так занят пением хвалебных песен евреям? Кто так усердно составляет перечень из многих сотен выдающихся евреев, которые внесли заметный вклад в науку, литературу и искусство — перечень, из которого взяты эти немногие имена? Филосемит, стремящийся показать, что его народ внес свой вклад в мировую культуру? Вовсе нет. Полный перечень можно найти в тридцать шестом издании настольной книги антисемитов, написанной расистом Фричем. В соответствии с алхимической формулой трансмутации добродетелей «своей» группы в пороки «чужой», он занимается перечислением злых духов, которые присвоили достижения, принадлежавшие исключительно «своей» арийской группе.

Поняв преобладающую роль «своей» группы в определении ситуации, парадокс кажущегося противоположным поведения «чужой» еврейской или негритянской группы исчезает. Поведение обеих групп меньшинств — это ответ на обвинения большинства.

Если негров обвиняют в отсталости и в подтверждение этого обвинения приводят их предполагаемую неспособность внести свой вклад в мировую культуру, человеческая потребность в самоуважении и забота о безопасности часто приводит к *защитному* преувеличению всех без исключения достижений представителей этой расы. Если евреев обвиняют в слишком больших достижениях и слишком больших амбициях и в подтверждение этого обвинения составляют перечень выдающихся евреев, то потребность в безопасности приведет к *защитной* минимизации действительных достижений членов группы. Кажущиеся противоположными типы поведения выполняют одни и те же психологические и социальные функции. Самовосхваление и самоуничижение становятся ответом на обвинения в предполагаемых недостатках и излишествах группы. И, сознавая моральное превосходство, уверенная в собственных силах «своя» группа с насмешкой и презрением наблюдает за этими забавными ужимками «чужих» групп.

ОСУЩЕСТВИМЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Будет ли эта жалкая трагикомедия длиться и дальше с незначительными изменениями в составе исполнителей? Не обязательно.

Если бы моральные сомнения и чувство приличия были единственными средствами для завершения этой пьесы, то она вполне могла бы длиться бес-

конечно долго. В излечении социальных болезней сами по себе моральные чувства не многим более действенны, чем в излечении психических заболеваний. Несомненно, они способствуют переменам, но они не заменяют практических инструментов для достижения этой цели, о чем свидетельствует огромное кладбище нелепых утопий.

Имеется достаточно подтверждений того, что порочный круг самоисполняющегося пророчества в обществе можно прервать сознательными и спланированными действиями. Ключом к тому, как этого можно достичь, служит продолжение нашей социологической притчи о Последнем национальном банке. В славные 1920-е годы, во время республиканской эпохи процветания, наступившей явно в результате действий Кулиджа, в среднем в год без особого шума 635 банков прекращали свою деятельность. А в течение четырех лет до и после Великого краха, во время республиканской эпохи застоя и депрессии, наступившей явно не в результате действий Гувера, число банков, прекративших свою деятельность, заметно выросло и составило в среднем 2276 банков в год. Но любопытно, что после создания при правлении Рузвельта, которое тоже не было гладким (при нем было всякое: демократическая депрессия и оживление, спад и подъем), Федеральной корпорации по страхованию депозитов и принятия нового банковского законодательства количество закрываемых банков сократилось в среднем до 28 в год. Возможно, институциональное введение законодательства и не способствует исчезновению денежной паники. Тем не менее у миллионов вкладчиков больше нет причин в панике бежать в банки просто потому, что сознательные институциональные изменения устранили основания для паники. Причины расовой вражды связаны с врожденными психологическими константами не сильнее, чем причины для паники. Несмотря на учение психологов-любителей, слепая паника и расовая агрессия не укоренены в человеческой природе. Эти образцы человеческого поведения во многом представляют собой продукт изменчивой структуры общества.

За еще одним ключом вернемся к нашему примеру широкой враждебности белых членов профсоюзов к неграм-штрейкбрехерам, пришедшим в промышленность по зову работодателей сразу же после окончания Первой мировой войны. Как только первоначальное представление о том, что негры не заслуживают членства в профсоюзе, было отброшено, неграм, получившим более широкие возможности для работы, больше не нужно было входить в промышленность через двери, открываемые предпринимателями во время забастовки. И вновь соответствующие институциональные изменения разорвали трагический круг самоисполняющегося пророчества. Сознательные социальные изменения опровергли твердое убеждение, что действовать плечом к плечу со своими белыми коллегами по профсоюзу «просто не в характере негра».

Последний пример взят из исследования проекта двухрасовых домов. Питтсбургский район Хиллтаун состоит на 50 % из негритянских семей и на 50 % из белых семей. Это не утопия XX века. Здесь, как и везде, есть некоторые межличностные трения. Но в районе, состоящем из равного количества представителей обеих рас, менее пятой части белых и менее трети негров сказали, что эти трения имеют место между представителями

различных рас. По их собственным свидетельствам, они в значительной степени ограничивались разногласиями *внутри* своей расовой группы. Только один из каждых двадцати пяти белых изначально *ожидал*, что отношения между расами в этом районе будут гладкими; впятеро больше людей ожидало серьезных проблем, а остальные предвидели терпимую, хотя и не очень приятную, ситуацию. Это что касается ожиданий. Обозревая свой действительный опыт, трое из четырех наиболее встревоженных белых впоследствии обнаружили, что в конечном итоге «расы вполне уживаются друг с другом». Здесь не место подробно приводить результаты этого исследования, но в основном они опять-таки показывают, что при *соответствующих институциональных и административных условиях* опыт мирных межрасовых отношений может вытеснить страх межрасового конфликта.

Эти и другие подобные изменения не происходят сами по себе. *Самоисполняющееся пророчество, вследствие которого страхи становятся реальностью, действует только при отсутствии продуманного институционального контроля.* И только с отказом от социального фатализма, который содержится в понятии неизменной человеческой природы, трагический круг страха, социального бедствия и еще более сильного страха может быть разорван.

Этнические предрассудки отомрут, но не быстро. Этому может помочь забвение, то есть не заявления о том, что они неразумны и не заслуживают того, чтобы сохраниться, а прекращение поддержки, оказываемой им определенными институтами нашего общества.

Если мы сомневаемся во власти человека над собой и своим обществом, если мы склонны видеть в образцах прошлого черты будущего, то, возможно, самое время вспомнить старое замечание Токвиля: «Мне кажется, что так называемые необходимые установления часто бывают теми установлениями, к которым мы просто привыкли, и что в вопросах устройства общества область возможностей намного шире, чем готовы предположить люди, живущие в различных обществах».

Конечно, в качестве основания для пессимизма могут сослаться на множество провалов в планировании взаимоотношений между этническими группами. В мировой лаборатории социолога, как и в более уединенных лабораториях физиков и химиков, именно успешный эксперимент, а не тысяча и один провал, предшествующий ему, имеет решающее значение. Из единственного успеха можно извлечь больше, чем из множества провалов. Единственный успех доказывает, что он возможен. После этого нужно только понять, почему он удался. По крайней мере, именно эта социологическая мысль раскрывается в словах Томаса Лава Пикока «все существующее — возможно».

Перевод с английского Артема Смирнова

Шамсудин МАМАЕВ

НА ГРАНИ «ЧЕТВЕРТОЙ МИРОВОЙ» ВОЙНЫ С ТЕРРОРОМ

Все четверо бомбистов, взорвавших 7 июля Лондон, оказались англичанами. Из Йоркшира. Правда, трое из них пакистанского происхождения, а один родом из Вест-Индии, но все они родились и выросли в Англии. И учились не при медресе, а в обычных английских школах. Все были «незасвечены» и не проходили ни по одной из множества антитеррористических баз всех спецслужб мира, поскольку не проходили стандартных джихадистских «университетов» в Афганистане, Ираке или на какой-либо другой «территории войны» — для их воспитания вполне хватило джихадистских вебсайтов и нескольких месяцев пребывания на своей этнической родине. А через две недели еще четверо «незасвеченных» лондонских иммигрантов из Восточной Африки попытались организовать вторую волну терактов в Лондоне, но, к счастью, ни одна из их бомб не сработала. Учитывая, что для свершения терактов в Америке бен Ладен снарядил свою саудовскую гвардию, а мадридские теракты в марте 2004 года организовали марокканские иммигранты, нужно ли более наглядное доказательство того, что американская стратегия глобальной антитеррористической войны зашла в тупик и число «спящих» приверженцев «Аль-Каиды» в мусульманских общинах Запада растет как на дрожжах? В частности, как показал опрос общественного мнения мусульман Великобритании, заказанный английской Daily Telegraph сразу после терактов 7 июля, в то время как 88 % английских мусульман безоговорочно осудило эти теракты, 6 % все же заявили, что они были оправданы. Другими словами, даже сейчас, после лондонских терактов, в Великобритании имеется порядка 100 тысяч человек, готовых если не к их свершению, то к оказанию поддержки террористам! Эти люди и составляют стратегический резерв так называемого «третьего поколения джихадистов» — террористов, порожденных афганской и иракской войной. То есть самой стратегией антитеррора.

Первые сомнения в контрпродуктивности собственной стратегии возникли в Пентагоне в октябре 2003 года, когда министр обороны Дональд Рамсфельд приказал своим подчиненным разработать точные критерии по которым можно было бы объективно судить о прогрессе в деле борьбы с террором. В результате в марте этого года Дональдом Рамсфельдом и начальником

Объединенного комитета штабов США генералом Ричардом Майерсом был утвержден новый секретный «Стратегический план войны с терроризмом для Вооруженных сил США». На основании которого Пентагон представил в Национальный совет безопасности и соответствующие рекомендации для президента США. Поскольку новый план действий требует серьезной перестройки не только стратегии американской армии, но и других институтов, обеспечивающих безопасность страны. И в конце июля Рамсфельд, Майерс и советник президента по национальной безопасности Стивен Хедли, вместо стандартного оборота о «войне с терроризмом», заговорили с журналистами о «глобальной борьбе против экстремизма и насилия». Более того: «как говорят источники в Пентагоне условия для вывода американских войск уже не включают в себя победу над повстанцами», — описал последние вашингтонские слухи Newsweek.

Ключевая посылка новой доктрины заключается в том, что теперь «первоочередным врагом» США декларируется уже не «Аль-Каида», а «экстремистские суннитские и шиитские движения, которые используют ислам в политических целях» и образуют часть «глобальной паутины враждебных сетей». Учитывая, что «Аль-Каида» имеет ячейки уже как минимум в 60 странах, а сети всего исламского интернационала еще шире, то неудивительно, что даже твердокаменному Дональду Рамсфельду пришлось согласиться с собственными генералами о том, что главную роль в борьбе с этой паутиной должна играть не американская армия, уже и так завязшая в Ираке и Афганистане, а другие ведомства. Соответственно возникла и новая формулировка — «глобальная борьба против экстремизма и насилия».

Однако эта «разрядка» длилась недолго — первого августа, объявив о своем назначении, причем в обход американского сената, Джона Болтона послом США в ООН, президент США Джордж Буш заявил, что «этот пост слишком важен, чтобы оставаться незанятым во время войны». А вечером, на совещании в Белом Доме, посетовал, что никто не посоветовался с ним насчет упразднения «войны с террором» и через день, выступая в Техасе, употребил этот оборот в своей речи целых пять раз. «Не надо нас путать, мы находимся в состоянии войны. С врагом, который атаковал нас 11 сентября 2001 года», — подчеркнул он.

Объяснение, что характерно для Джорджа Буша, совершенно неуклюжее — за исключением его самого уже весь мир знает, что багдадский режим никакого отношения к терактам 9/11 не имел. Но по-своему принципиальное — судя по всему Вашингтону предстоит в ближайшее время жесткая разборка с вторым представителем «оси зла», Ираном, снова возобновившему свою программу обогащения урана, и Буш желает, как он неоднократно подчеркивал, иметь под рукой все возможности для силового давления. Именно для этого ему и нужен в ООН Джон Болтон — несмотря даже на то, что хорошо известная репутация этого специалиста по пресечению распространения оружия массового поражения в части преувеличения иностранных угроз, презрения к мнению другой стороны и запугиванию даже своих подчиненных, обещают сделать его столь одиозным символом «американского империализма»

в ООН, что даже сенаторы-республиканцы были далеко не в восторге от этой кандидатуры. Зато неоконны не скрывают радости от своей победы.

«War on terror» — ключевая фраза, которую президент США Джордж Буш произнес сразу после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне 9/11, уже во время американского вторжения в Афганистан, стала трудами неоконнов трансформироваться в концепцию «четвертой мировой войны» (третьей мировой они считают «холодную» войну). Которую исламские террористы якобы объявили Америке не 11 сентября 2001, а еще в 1983 году, когда террористы шиитской экстремистской организации «Хезболла» взорвали казарму морской пехоты США в Ливане. Поскольку же спонсорами «Хезболлы» являются Иран и Сирия, то они тоже оказались странами-изгоями, включенными в «ось зла». И хотя неоконнам так и не удалось до сих пор «продать» концепцию «четвертой мировой» американскому общественному мнению, упрямство Джорджа Буша означает, что применение американских вооруженных сил против «Хезболлы» в Ливане, а также против Ирана и Сирии не снимается с повестки дня. Даже несмотря на то, что деятельность Абу аль-Заркави в Ираке сделала изначально маловероятный союз суннитской «Аль-Каиды» и шиитской «Хезболлы» совершенно невероятным. За исключением, разве что, случая прямой американской интервенции в Иран — в конце концов, Вашингтон сумел же добиться столь же невероятного союза баасистов с алькаидовцами в Ираке!

Надо сказать, что пока история повторяется: новый президент Ирана Махмуд Ахмадинежад, официально вступив в эту должность 6 августа, уже через день принял своего первого высокого зарубежного гостя — в Тегеран с официальным визитом прибыл президент Сирии Башар Асад. «Между иранской и сирийской нациями не ощущается никаких разногласий, а Сирия стоит на передовой линии защиты интересов исламского мира», — подчеркивается в сообщении президентской пресс-службы. И это притом, что организации исламистского толка находятся в баасистской Сирии под законодательным запретом и беспощадно преследуются властями! Но перед лицом общего врага эти разногласия отходят на второй план — в этот же день Тегеран объявил о возобновлении своей программы обогащения урана. Что по логике вещей должно привести к рассмотрению в Совете Безопасности ООН вопроса о наложении санкций на Иран. И если Джон Болтон сумеет добиться того, чего ждут от него неоконны, то «четвертая мировая» война с террором действительно окажется не за горами. Поскольку «Аль-Каида» тоже сжигает корабли — две волны терактов в сверхлиберальной по отношению к радикальным исламистам Великобритании означают именно это.

О «ПЯТОМ ЭЛЕМЕНТЕ» ЛОНДОНСКИХ ТЕРАКТОВ

Скотленд-Ярд атаку террористов против туманного Альбиона ждал давно, особо готовясь к парламентским выборам 5 мая этого года — учитывая испанский опыт, где подогнанная к выборам террористическая атака привела к падению правительства Хосе Азнара, втянувшего страну в иракский поход. Но выборы прошли спокойно; Тони Блэр был благополучно переиз-

бран премьер-министром и назначил на 7 июля саммит лидеров «большой восьмерки» в Глениглс, Шотландии. Естественно, все внимание Скотленд-Ярда переключилось на обеспечение безопасности этого саммита, а полицейские части со всей страны отправились защищать Глениглс от антиглобалистов. Именно этот момент четверка йоркширцев и выбрала для нанесения традиционного для алькаидовцев синхронного удара — все три бомбы в лондонском метро сработали в течение 50 секунд. Этих двух фактов было вполне достаточно, чтобы эксперты, знакомые с почерком «Аль-Каиды», согласились с тем, что за действиями четверки йоркширских новичков стоял весьма опытный организатор — «пятый элемент». Зато вторая группа террористов, иммигрантов из Эфиопии и Эритреи, производит впечатление неподготовленных «самопальщиков» — у них не сработали бомбы, они не были камикадзе и при этом не подготовили себе никаких путей отхода и через несколько дней были все арестованы. Другими словами, никакого «пятого элемента» за их спинами не чувствовалось — скорее их просто израсходовали, как малоценный материал, на имитацию терактов.

Международный терроризм в отличие от ранее известных форм, при которых террористическая деятельность являлась лишь вспомогательным средством реализации политических целей, все больше выступает в качестве средства прямого достижения цели. Которая, к тому же, бывает известна лишь узкому кругу организаторов. Это его характерная черта — непрозрачность мотивов игроков. Например, лейтмотив действий чеченских и палестинских шахидов понятен — война против «оккупантов». Это их собственная война, даже если ее оседлает международный терроризм. Совсем иное дело европейский джихад — Мадрид и Лондон от имени иракцев атаковали марокканские, пакистанские и восточно-африканские иммигранты, которые иракскую войну видели исключительно по телевизору и от нее никак не пострадали. К тому же ячейки «исламского интернационала» и эмиссары «Аль-Каиды» сейчас работают самостоятельно, используя лишь бренд этой организации. Причем часто это лица и движения весьма отличные по своей идеологии от «Аль-Каиды». А за бен Ладеном и Айманом Завахири остается лишь право «освящать» те или иные уже свершившиеся теракты.

На роль идеолога европейского джихада сейчас претендует разыскиваемый испанской полицией как организатор мадридских терактов Мустафа Сетматиар Насар (он же Абу Мусаб аль-Сури), 47 лет, сириец по происхождению, один из основателей «Аль-Каиды» — в декабре прошлого года он даже выпустил книгу о стратегии будущего джихада против стран НАТО и России. Однако возглавить подобный джихад он, конечно же, не может — для этого нужны такие организационные ресурсы, которых у него просто нет. Но Насар, за голову которого американцы назначили 5 млн долларов, прячется сейчас, по данным Мадрида, в Ираке у Абу Мусаба аль-Заркави, главы местного филиала «Аль-Каиды». А у Заркави такие ресурсы возможно скоро появятся — он уже обратился к мусульманам Европы с призывом присылать ему людей для иракского джихада. И, учитывая его амбиции, вполне возможно, что он, подражая бен Ладену («Аль-Каида», буквально «База

данных», начиналась последним с регистрации данных об арабских моджахедах, приехавших в Афганистан для ведения джихада), создает таким образом для себя кадровую базу европейского джихада. И то, что теракты в Великобритании, в отличие от испанских, были выполнены не заезжими гастролерами, а местными кадрами, говорит о весьма серьезном «окне возможностей», которое открывается для террора «Аль-Каиды» в Европе.

Однако лондонские шахиды были связаны с Пакистаном, а не Ираком или Марокко и командовал ими (предположительно — Лондон не желает в это верить) 30-летний англичанин индийского происхождения, который начал свою войну задолго до Ирака — Гарун Асват, еще в 1999 году ездивший в США для подготовки американских шахидов в Орегоне. По всем данным, Гарун Асват подходит на роль «пятого элемента» лондонских терактов просто идеально: тоже йоркширец он, однако, имеет десятилетний стаж сотрудничества с «Аль-Каидой» и спецслужбы выявили примерно два десятка разговоров между ним и двумя из йоркширских террористов, один из них утром 7 июля улетел из Лондона за несколько часов до терактов 7/7. А через две недели он был, как сообщили сразу две таких респектабельных газеты как Times и Guardian, арестован в Пакистане. Где он скрывался в медресе под чужим именем, имел при себе оружие, пояс смертника, 17 тысяч долларов наличными и собирался перебраться в Афганистан. Это объясняет, почему вторая волна лондонских терактов оказалась столь плохо подготовленной, — уехав из страны после терактов 7/7, Асват уже просто физически никак не мог контролировать подготовку второй группы террористов.

Самое неожиданное, однако, началось после этих сообщений прессы: Исламабад официально опроверг информацию об аресте Асвата и, как подозревают американцы, выпустил его. Но через 10 дней его все же арестовали в Замбии и депортировали в Англию. Однако этот арест и депортация проводились по запросу Вашингтона и вопреки желанию Лондона — последний настаивает на том, что доказательств вины Асвата нет, и что зафиксированные переговоры между бомбистами и Асватом, возможно, велись лишь с телефона последнего, но без его участия! Более того, когда 8 августа Гарун Асват из-за американского требования о его депортации впервые предстал перед судьей, то Скотленд-Ярд заявил, что у него нет к нему вопросов и отказался предъявить ему обвинения по терактам 7/7 — похоже, в Лондоне очень не хотят, чтобы Асват заговорил!

Но у Вашингтона свои счеты с Асватом и он подозревает, что последний был двойным агентом — работал сразу на МИБ и «Аль-Каиду», объяснил телеканалу Fox News знакомый с досье Асвата бывший прокурор министерства юстиции США Джон Лофтус. «Все эти ребята должно быть связаны с «Аль-Мухаджирун», которая рекрутировала для «Аль-Каиды» людей в Лондоне и специализировались на работе среди получивших британский паспорт детей иммигрантов. Работу возглавлял однорукий имам мечети в лондонском Финсбери парке. А его помощником был Гарун Асват. Два года назад мы арестовали нью-йоркское отделение «Аль-Мухаджирун». У них были планы взорвать две станции метро Нью-Йорка».

Бывший глава английского отделения «Хизб ут-Тахрир», шейх Омар Бакри Мухаммад, по прозвищу «Талибан из Тотенхема», создал и возглавил международную организацию «Аль-Мухаджирун» («Эмигранты») в 1996 году. Она разместилась в том самом Финсбери парке, где располагалась мечеть «однорукого имама» Абу Хамза аль-Масри и они оба работали в тесном союзе. Целью Бакри является, как говорит он сам, создание в Европе «мусульманской пятой колонны» для оказания давления на правительства европейских стран во имя создания Всемирного исламского халифата. Поэтому Бакри активно занимается фандрайзингом в пользу джихадистских группировок и не скрывает, что оказывает «политическую» поддержку «Аль-Каиде». Несостоявшийся «двадцатый террорист» терактов 9/11 Закариа Муссауи и «сапожник» Ричард Рейд, пытавшийся взорвать самолет с помощью бомбы в каблуке, были их воспитанниками.

«МЫ НЕ ДЕЛАЕМ РАЗЛИЧИЙ
МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМИ И НЕГРАЖДАНСКИМИ, НЕВИНОВНЫМИ
И ВИНОВАТЫМИ, ТОЛЬКО МЕЖДУ
МУСУЛЬМАНАМИ И НЕВЕРНЫМИ.
А ЖИЗНЬ НЕВЕРНОГО НИЧЕГО
НЕ СТОИТ. ОНА НЕ СВЯЩЕННА»

Однако поскольку заявления Омара Бакри обычно столь же провокационны, как заявления Владимира Вольфовича, то его вплоть до недавнего времени воспринимали просто как шута — не далее, как в апреле прошлого года он заявил португальскому журналу *Publico*, что теракты в Лондоне неизбежны: «потому что несколько взрывов готовятся разными группировками. Так, одна очень хорошо организованная группировка в Лондоне, называющая себя «Аль-Каида в Европе» и пользующаяся большой популярностью у молодых мусульман, уже готова осуществить «большую операцию». Добавив: «Мы не делаем различий».

Добавив: «Мы не делаем различий между гражданскими и негражданскими, невиновными и виноватыми, только между мусульманами и неверными. А жизнь неверного ничего не стоит. Она не священна». Он поделился с журналом и своей мечтой — вывесить знамя ислама над резиденцией британского премьер-министра на Даунинг-стрит. «Я уверен, что когда-нибудь это случится, потому что это — моя страна. Мне нравится здесь жить», — заявил он. Но уже через полгода ему пришлось объявить о роспуске «Аль-Мухаджирун» — ввиду резко ухудшившихся условий работы, как говорилось в его заявлении. Что, впрочем, не помешало ему тут же открыть новую организацию с аналогичной программой — практически он лишь ушел в неглубокое подполье.

27 мая 2004 года власти Британии по запросу Вашингтона арестовали Абу Хамзу аль-Масри — в США ему вменяется в вину попытка организовать, вместе с арестованным ранее в США неким Джеймсом Уджамои, тренировочный лагерь в Орегоне. Такое же обвинение предъявили и Гаруну Асвату, как третьему участнику этого заговора, но документы последнего были затем найдены на трупе убитого боевика в Афганистане и его розыск был прекращен. Пока он

вновь не всплыл на поверхность в связи с терактами в Лондоне и утечка информации со стороны Лофтуса объясняется скорее всего тем, что Вашингтон подозревает, что его водят за нос. Тем более что Лондон так и не выдал ему аль-Масри — в октябре прошлого года он сам привлек последнего к суду по 16 пунктам обвинений, включая подстрекательство к убийству и вынудил Бакри распустить «Аль-Мухаджирун». Можно по-разному относиться к той терпимости, которую Лондон демонстрирует к подобным организациям, но Джон Лофтус объяснил ее прагматическую составляющую — «Аль-Мухаджирун» возникла для ведения войны в Боснии и Косово. «Хотите верьте, хотите нет, но британская разведка действительно нанимала алькаидовцев для помощи мусульманам в Албании и Косово. ЦРУ финансировало эти операции, британские спецслужбы нанимали людей. Так и раскручивалась «Аль-Мухаджирун»».

История с Гаруном Асватом и «Аль-Мухаджирун» наглядно демонстрирует новый тезис Пентагона о необходимости сделать упор не на войну с террором, а на «глобальную борьбу против экстремизма и насилия» — если Вашингтон никак не может добиться от своего ближайшего союзника выдачи таких проповедников, как Абу Хамза аль-Масри или боевиков вроде Гаруна Асвата, а Лондон разрешает функционирование на своей территории организации, рекрутирующей боевиков для «исламского интернационала», то, как может помочь здесь американская армия? Впрочем, лондонские теракты могут преломить эту ситуацию — когда Бакри Мохаммед назвал террористов, совершивших взрывы 7/7, «великолепной четверкой» и заявил, что Бог запрещает мусульманам предоставлять полиции Великобритании информацию о подготовке в стране терактов и их долгом является сражаться с британскими войсками в Ираке и в Афганистане, терпение Лондона лопнуло. Премьер-министр Великобритании Тони Блэр объявил, что более не намерен мириться с «проповедниками ненависти», а правительство выразило намерение обвинить Бакри Мохаммеда в измене Великобритании. Так что сейчас Омар Бакри, отдыхающий в Ливане, уже не уверен, сможет ли он вернуться обратно: «я не думаю, что у меня будут проблемы с возвращением в Великобританию, но мне не хотелось бы, чтобы правительство воспользовалось присутствием Омара Бакри, чтобы изменить правила игры», — мрачно пошутил он. Впрочем, если Вашингтон начнет войну с террором еще против «Хезболлы» и в Ливане, то Бакри долго без работы не останется — вопрос исключительно в том, на чьей стороне он выступит. Вопрос этот достаточно серьезен — он, например, может расколоть «Аль-Каиду» и столкнуть лбами бен Ладена и главу иракской «Аль-Каиды» Абу Мусаба аль-Заркави.

ШИИТОФОБИЯ АЛЬ-ЗАРКАВИ

«Безусловно убийство мусульман, которых запрещено убивать, является тяжким злом; однако допустимо совершать этот грех — более того его требуется совершать — если этим можно предотвратить еще большее зло, а именно грех прекращения джихада... Ибо закон ислама гласит, что вера важнее, чем жизнь, честь, собственность», — с такой речью обратился к иракцам в мае

этого года Абу Мусаб аль-Заркави, глава «Аль-Каиды» в этой «земле двух рек». И в этой же речи проинформировал их о том, что отрубил голову захваченному его боевиками главе разведки шиитской бригады аль-Бадра. Эта бригада является военным крылом фундаменталистской шиитской партии Высший совет исламской революции Ирака (SCIRI), но шииты хуже чем крестоносцы и «их предательство вырезано на лбу истории», — заявил Заркави.

Эта речь аль-Заркави и его поведение, включая похищение и убийство египетского посла в Ираке, вызвала немалое неудовольствие даже в среде самих радикальных исламистов — с предупреждением не нарушать нормы ислама выступил его собственный духовный учитель Абу Мухамад аль-Макдиси. А две радикальные исламские организации Египта обвинили Заркави в неверном стратегическом курсе, справедливо заметив, что он воюет не столько за освобождение Ирака от войск оккупантов, сколько за отстранение от власти курдов и шиитов. Эта критика была тем более болезненна, что исходила от египетской аль-Гама аль-Исламия, чей лидер Абу Ясир Рифай Ахмад Таба был одним из основателей, наряду с Осамой бен Ладеном, Международного фронта для борьбы с евреями и крестоносцами. Правда, с тех пор их пути разошлись и сам бен Ладен на заявление аль-Заркави никак не отреагировал, но в данном случае молчание не стоит трактовать как знак согласия. Поскольку бен Ладен и Айман Завахири всегда призывали к джихаду против евреев и крестоносцев, но никогда против шиитов — «шиитофобия» стала фирменным знаком самого Заркави.

Абу Мусаб аль-Заркави (родился в 1966 в аль-Заркаа, Йордания) формально принадлежит ко второму поколению джихадистов — из-за того, что когда он в 1989 году, в возрасте 23 лет, прибыл в Афганистан, то шурави отсюда уже ушли. Тем не менее Афганистан его преобразил — хулиган и выпивоха, он вернулся домой радикальным исламистом. Через десять лет аль-Заркави вновь вернулся в Афганистан — бен Ладен в 1999 году готовил здесь вторжение в Среднюю Азию и был в зените своего влияния. Тем не менее Заркави отказался следовать общему примеру моджахедов и не стал приносить клятву верности бен Ладену — он предпочел организовать собственный лагерь в Герате. Когда и как он оттуда перебрался в Ирак точно не установлено, видимо это произошло уже после разгрома талибов, но именно его появление в Ираке Вашингтон объявил доказательством преступной связи между Саддамом Хусейном и «Аль-Каидой». Чем и создал ему известность среди никогда не слышавших его имя иракцев.

Где-то сразу после оккупации Ирака аль-Заркави создал свою организацию «Таухид вал Джихад» («Монобожие и Джихад»). Которая сразу же начала войну с шиитами — в сентябре 2003 года, еще до того как Заркави обезглавил своего первого американского заложника, отец его второй жены Ясин Джаррад взорвал главу SCIRI аятоллу Мухаммада Бакира аль-Хакима и вместе с ним несколько десятков простых иракцев. Но даже «после целого года джихада мы ничего не достигли. Никто из нас не смог найти даже пяди земли, где можно было бы отдохнуть в безопасности. Это горькая картина и все мы испытываем чувство ужасной неудачи», — написал в своем письме о джихаде Заркави один

из его ближайших соратников. Видимо это и побудило аль-Заркави написать свое известное, перехваченное американцами в январе 2004 года, письмо руководству «Аль-Каиды». Где он описывает ему ситуацию в Ираке почти в библейских терминах, излагает свою стратегию и предлагает союз.

«Американцы, как вы хорошо знаете, пришли в Ирак на контрактной основе чтобы создать Великий Израиль от Нила до Ефрата, полагая, что /его/ создание ускорит появление Мессии. Зная из религии Бога, что решающая битва между неверными и Исламом произойдет на этих землях, мы не должны жалеть сил, чтобы создать здесь свой плацдарм». Битва в суннитском треугольнике уже началась и «это заставило американцев заключить сделку с шиитами, самым большим злом человечества. Шииты за свое выступление против моджахедов в рядах крестоносцев получают две трети добычи». И теперь «американская армия уже исчезла из ряда городов, ее место занимает иракская армия и в этом главная проблема. Поскольку этот новый враг видит нас насквозь и поэтому значительно опаснее крестоносцев». Шииты это «притаившаяся змея, высокомерный и злобный скорпион, шпионящий враг и всепроникающий яд», — Заркави не только не пожалел злобных эпитетов в их адрес, но совершил несколько экскурсов в историю, чтобы доказать бен Ладену их предательскую роль в истории. Его вывод — крестоносцы «завтра или послезавтра просто исчезнут», поэтому основной удар надо направить против шиитов. «Наносить удары по религиозным, военным и прочим кадрам шиитов, чтобы заставить их склониться перед суннитами. [Или] чтобы заставить их обнажить спрятанную ненависть к суннитам. Если нам удастся втянуть их в религиозную войну, то станет возможным разбудить и невнимающих суннитов» (т.е. соседние с Ираком суннитские нации). «Кто прав или неправ в этой ситуации неважно. Религия Бога куда важнее, чем жизни и души». Письмо заканчивается предложением союза: «Таков наш путь, мы сделали его ясным. Если вы согласны с нами, если вы принимаете его как программу и дорогу, мы будем вашими солдатами и публично принесем присягу верности. Если же у вас другое видение, то мы — ваши братья и несогласие не испортит нашей дружбы».

А через месяц с небольшим, 3 марта 2004 года, во время священного праздника шиитов, Заркави продемонстрировал, что не тратит слов зря — девять камикадзе в Карбале и три в Багдаде атаковали шиитских паломников практически одновременно, унеся жизни почти двухсот семидесяти человек. Ирак, который никогда не знал религиозной войны, был потрясен — даже сами шииты не поверили тому, что это была работа «Аль-Каиды». Тем более, что бен Ладен лично выступил с осуждением этих терактов. Так что его союз с аль-Заркави тогда так и не состоялся, но последний нашел для себя другой выход.

ФАЛЛУДЖА И НАДЖАФ

Заркави смог преломить ситуацию в Ираке в свою пользу с помощью по-своему блестящей провокации в Фаллудже: 31 марта его боевики атаковали и сожгли здесь две спортивных машины с четырьмя американцами. После чего торжествующая толпа окружила горящие автомобили и, декламируя

«Фаллуджа это кладбище американцев», вытащила из них обгоревшие трупы, торжествующе проволокла их по улицам и вывесила на мосту для всеобщего обозрения. Заснятая на видео эта вакханалия шокировала американцев и ударила пентагоновским «ястребам» буквально под дых — она напомнила им аналогичную, десятилетней давности, сцену в Могадишо, которая заставила Билла Клинтона вывести свои войска из Сомали. Национальным позором назвали такое решение республиканцы и поэтому теперь Белый Дом был полон решимости продемонстрировать прямо противоположное решение. В результате противостояние сторон привело к штурму Фаллуджи, большим разрушениям и потерям среди гражданского населения и крайне неудачному компромиссу — американцы согласились вывести свои войска из города и поручить патрулирование Фаллуджи спецбригаде из бывших баасистов. Рассчитывая, видимо, что бывшие баасисты и нынешние исламисты не смогут найти общего языка. Однако сами иракцы расценили это соглашение иначе — жители Фаллуджи вместе с боевиками Заркави, выгнав американские войска из города, одержали первую победу над оккупантами. В результате Заркави сразу прославился на всю страну, а Фаллуджа превратилась в то самое безопасное лежбище для его боевиков, которого им так не хватало.

Параллельно американцы совершили еще одну роковую ошибку: как раз во время штурма Фаллуджи некий иракский судья выдал ордер на арест радикального шиитского клерика Муктаду аль-Садра и американский «проконсул» в Ираке Пол Бремер распорядился о его исполнении. Однако настоящей причиной этого приказа стала гневная пятничная проповедь проирански настроенного Муктады аль-Садра, посвященная гибели от израильской ракеты духовного отца движения «Хамас» шейха Ахмеда Яссина — аль-Садр пообещал, что его «Армия Махди» будет воевать плечом к плечу вместе с «Хамас» и «Хезболлой». Учитывая отношения Белого Дома к «Хезболле» эта проповедь, судя по всему, и стала той последней каплей, которая переполнила терпение Пола Бремера, и он дал ход уже давно висевшему над Садром судебному делу с обвинением в подстрекательстве к убийству. А в результате шиитские боевики «армии Махди», которые до того придерживались нейтралитета и не вмешивались в боевые действия между американцами и суннитскими боевиками, взялись за оружие, и шиитские области Ирака оказались охвачены восстанием. Багдад, Наджаф, Насирийа, Амара — вот несколько городов, в которых уже в первый же день разгорелись бои. Что, скорее всего, и послужило главной причиной того, почему американцам пришлось заключать мир с Фаллуджей — войска были нужны на юге.

Союз между аль-Заргави и бен Ладеном возник в октябре 2004 года — Вашингтон вернул Ираку суверенитет, вмешательство великого аятоллы шиитов Аль-Систани позволило остановить шиитское восстание, «армия Махди» согласилась для виду сложить оружие и аль-Заргави вновь обратился на своем апокалиптическом языке к «нации ислама» за помощью. Он перечислил ее врагов — американцы, курды, шииты — и подвел итог: «вы стоите перед лицом беспощадной гражданской войны, но победа, если захочет Аллах, будет за вами. Смотрите, в Ираке вспыхнула искра, пламя разгорит-

ся и, если того захочет Аллах, сожжет Армии Креста». В этот раз бен Ладен откликнулся на его призыв: «Абу Мусаб аль-Заркави и присоединившиеся к нему отряды лучшие из джамаата сражающегося во имя Аллаха. Их отважные операции обрадовали нас. Знайте, что военный командир Абу Мусаб аль-Заркави является Амиром организации «Аль-Каида» на землях Тигра и Ефрата и наши товарищи там должны повиноваться ему». Тем не менее бен Ладен отказался санкционировать шиитофобию аль-Заркави — взамен он санкционировал уничтожение тех иракцев, которые поступают на службу в армию, спецслужбы или становятся членами Национальной гвардии: «они апостаты о которых нельзя молиться после их смерти. Они не могут наследовать и не могут передавать наследство после смерти. Их жены объявляются разведенными, их нельзя хоронить на мусульманских кладбищах».

Союз аль-Заркави и бен Ладена вызвал разноречивые комментарии в среде джихадистов, поскольку придал аль-Заркави такую легитимность, которую собственными силами ему было бы достичь нелегко и которой многие из них завидуют. Ибо очевидно, что его престиж поднимется в первую очередь в традиционных сферах влияния самого бен Ладена — в Саудовской Аравии и странах Залива. Таким образом благословление бен Ладена сильно облегчит Заркави доступ к главным источникам финансирования джихадистского движения. Тем более, что «шиитофобия» самого саудовского ваххабизма хорошо известна. Ну и, наконец, этот союз открывает Заркави возможность «карьерного роста» в самой «Аль-Каиде» — получив сейчас под свой контроль земли «от Тигра до Ефрата» он в будущем может и расширить этот мандат. Что же касается самого бен Ладена, то его вмешательство в иракский джихад, как и вмешательство аятоллы Систани в шиитское восстание, скорее всего было вызвано назначенными на январь 2005 года выборами в первый парламент нового Ирака. Именно поэтому аятолла Систани, учитывая, что шииты составляют 60 % иракского населения, прекратил восстание и призвал ООН провести выборы. Соответственно Аль-Заркави и поддержавший его бен Ладен, учитывая, что сунниты составляют всего 20 % иракского населения, объявив выборы и демократию противоречащими исламу, запретили им под страхом смерти принимать участие в них. Ибо шиитское правительство в Ираке — это уже геополитика. Причем такая, которая совершенно не по вкусу Эр-Риаду и особенно саудовским фундаменталистам. К сожалению, Заркави добился своего и сунниты Ирака не пошли на выборы. Что и является сейчас главной головной болью американцев в Ираке.

НА ВСТРЕЧНЫХ КУРСАХ

Возобновление Ираном процесса обогащения урана и предупреждение «Евротройки» и Вашингтона о том, что это может привести к экономическим санкциям против него, грозит полномасштабным международным кризисом. Ибо Иран сейчас тщательно выполняет все требования Договора о нераспространении ядерного оружия, включая полномасштабный мониторинг МАГАТЭ, и вероятность российского или китайского вето весьма вели-

ка — Джон Болтон способен скорее лишь обострить, чем решить эту задачу. Но если ООН будет неспособна справиться с этим кризисом, то возникает вопрос, какие есть другие альтернативы у Вашингтона?

«Сегодня Иран является основным государством-спонсором терроризма в мире — он пытается приобрести ядерное оружие, одновременно лишая свой народ той свободы, которую последний заслуживает. Обращаясь к иранскому народу, я говорю сегодня: если вы встанете за свою свободу, то Америка встанет рядом с вами», — обратился к иранцам в феврале этого года в своем президентском послании Джордж Буш-младший. Тем самым Белый Дом впервые официально подтвердил свою готовность к поддержке бархатной революции в Иране — в отличие от Конгресса США, который еще в 2003 году принял акт «О поддержке свободы и демократии в Иране». А 17 июня, за день до президентских выборов в Иране, Джордж Буш вновь обратился к иранцам: «Сегодня Иран управляется людьми, которые подавляют свободу дома и распространяют террор во всем мире. Власть находится в руках нескольких неизбираемых личностей, которые сохраняют ее с помощью выборного процесса, противоречащего принципам демократии».

Нам, после той серии «цветных революций», которые прокатились за эти два года по СНГ, вряд ли надо объяснять скрытый смысл этих заявлений — непризнания легитимности иранских выборов и призыва к иранской оппозиции подняться на борьбу за демократию. Увы, для Вашингтона — ответом ему оказалось двойное «нет»: после первого тура выборов иранская оппозиция отвергла идею «оранжевой революции», а во втором туре голосования иранцы отказались поддержать даже идею переговоров с «Великим Шайтаном». Ибо нарушивший давнее табу аятоллы Хомейни и выступивший за урегулирование отношений с США могущественный аятолла-олигарх Али Акбара Хашеми-Рафсанджани, один из отцов-основателей Исламской Республики Иран, и уже дважды занимавший пост президента Ирана, проиграл никому неизвестному бывшему басиджу (члену народного ополчения) Махмуду Ахмадинежаду с предвыборным рейтингом не выше 5%. Результат выборов стал «абсолютным унижением» Соединенных Штатов, не без оснований заявил глава государства и духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи.

Теократический режим иранских мулл может еще долго держаться во власти, Иран не находится в предреволюционной стадии и в ближайшее время смена режима маловероятна, — такова была секретная оценка иранской ситуации, которую дали американские спецслужбы Белому Дому весной этого года, написал NEWSWEEK в своем номере от 15 августа. Президент Джордж Буш не намерен отступать от тех своих оценок насчет Ирана, которые он сделал перед выборами 17 июня, прокомментировал это сообщение пресс-секретарь Белого Дома. Другими словами, учитывая явную неготовность завязшей в Ираке американской армии к операции против Ирана, единственным вариантом для смены тегеранского режима — в случае дальнейшего обострения противостояния — у Вашингтона является, пожалуй, дурно пахнущий «сальвадорский вариант». Тот самый, который нынешний

«царь разведки» Джон Негропonte с успехом реализовал двадцать лет назад в Сальвадоре и который он подготовлял в прошлом году в Ираке, будучи там послом США. «NEWSWEEK узнал, что в Пентагоне сейчас интенсивно обсуждается вариант, который восходит ко все еще секретной стратегии рейгановской администрации против левацкой герильи в Сальвадоре в начале 80-х. Временное правительство премьер-министра Аяда Аллави является одним из самых открытых сторонников сальвадорского варианта», — опубликовал 9 января этого года свою эксклюзивную информацию этот американский журнал. Подчеркнув, что решение пока не принято.

Стратегия «сальвадорского варианта» хорошо известна. Ее претворял в жизнь Джон Негропonte: в 1981 году его отправили послом-чистильщиком в Гондурас. В то время, сразу после победы сандинистской революции в Никарагуа, Вашингтон всерьез опасался, что следующей костяшкой домино может стать Сальвадор. Поэтому было решено использовать бывших гвардейцев свергнутого никарагуанского диктатора Анастасио Сомосы для организации повстанческого движения против победивших сандинистов. Поскольку же местное население их ненавидело и организовать партизанскую войну в самом Никарагуа не представлялось возможным, то им предоставили в качестве базы для организации своих карательных рейдов в Никарагуа и Сальвадор территорию Гондураса. Заодно эти же эскадроны смерти помогали местному гондурасскому диктатору расправляться со своими политическими противниками. В конце концов эти зачистки истожили поддержанные Кубой революционные движения Никарагуа и Сальвадора и Джон Негропonte получил вполне заслуженное, хотя и дурно пахнущее, звание одного из самых безжалостных бойцов холодной войны.

«Следуя этой модели одно из предложений заключается в том, что Пентагон пошлет свои спецчасти для консультирования и тренировки иракских команд, скорее всего специально отобранных бойцов из курдской пешмерги и шиитской милиции, для работы против суннитских повстанцев и им сочувствующих, включая рейды через границу», — продолжает NEWSWEEK. А еще через десять дней известный своими журналистскими расследованиями лауреат Пулитцеровской премии Сеймур Херш сообщил новые детали. Его расследование на эту тему появилось в NYPost. Администрация Джорджа Буша намерена эскалировать войну с терроризмом и «в моих интервью мне постоянно говорили, что следующей стратегической целью будет Иран», — утверждал журналист. Причина заключается в том, что Белый Дом уверен, что Тегеран обманывает ведущих с ним переговоры европейских дипломатов и втайне создает ядерное оружие. Поэтому уже с лета прошлого года в Иран засылаются спецкоманды с целью выявления секретных атомных объектов, по которым будет необходимо нанести точечные воздушные удары. Рамсфельд и его первый заместитель Пол Вулфовиц верят, что эти удары развеют ауру непобедимости режима и тогда Запад сможет срежиссировать в Иране еще одну бархатную революцию, сообщил ему источник в правительстве.

«Мы должны сломать ось Иран-Хезболла-Садр так, как это могут сделать спецназовцы» — в этих словах Уильма Сэфайра, написанных им в дни боев

за Фаллуджу заключена вся та неоконовская премудрость, которая заставила Пола Бремера переключиться, в самый неподходящий момент, вместо битвы за Фаллуджу на разгром «армии Махди». Проблема неоконов заключается в том, что они изначально уверены, что все экстремисты действуют против США заодно — что иранские аятоллы, как и ранее Саддам Хуссейн, находятся в тайном союзе с «Аль-Каидой». «Сеть террора куда более едина, чем думают наши аналитики. Террористические мафии работают вместе, а их задачи определяются государствами, которые защищают, вооружают, финансируют и помогают им: Ираном, Сирией и Саудовской Аравией», — так сформулировал этот тезис «серый кардинал» неоконов Ричард Перл. Отчасти поэтому Вашингтон постоянно гоняется «за двумя зайцами сразу» — даже тогда, когда для этого нет никаких оснований. А в результате антитеррор в кризисе — выигрывает как раз тот «враг, который атаковал нас 11 сентября 2001 года». И если падение Багдада сделало бен Ладена героем в глазах арабской улицы, то через год разгром «армии Махди» Полом Бремером превратил Абу аль-Заркави в главного героя суннитского сопротивления Ирака. Так что, если Джордж Буш не учтет этих уроков истории, то назревающее противостояние Вашингтона и Тегерана выигрывает как раз «Аль-Каида».

Ариэль МЕРАРИ

ТЕРРОРИЗМ КАК СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ¹

«МОДА» В ПРОГНОЗИРОВАНИИ ТЕРРОРИЗМА

Надежда, что при новом мировом порядке терроризм может окончательно исчезнуть, связана с двумя ложными предположениями. Первое — это предположение, что в целом терроризм так или иначе поддерживается государствами. Новый мировой порядок, достаточно сильный для того, чтобы диктовать ненасильственные правила поведения в мире, угрожая государствам-изгоям серьезным наказанием, если они будут вести себя неподобающим образом, приведет к исчезновению такого поведения.² Это предположение ошибочно, потому что терроризм в основном является внутренней проблемой государства: его осуществлением занимаются локальные группы применительно к локальным целям, то есть его не направляют и не контролируют иностранные государства. Поэтому вряд ли изменение правил международного поведения способно оказать на него сколько-нибудь серьезное влияние.³

Вообще международный терроризм контролировать проще, чем терроризм внутригосударственный. За последнюю четверть века при помощи международных соглашений, устанавливающих ответственность для лиц, причастных к террористической деятельности, удалось добиться опре-

1 Ariel Merari, «Terrorism as a Strategy of Struggle: Past and Future», Max Taylor and John Horgan (eds.), *The Future of Terrorism* (London: Routledge, 2002). Pp. 52–65.

2 Высказывания американских чиновников высокого ранга об опасности использования террористами оружия массового поражения см.: Richard A. Falkenrath, Robert D. Newman, and Bradley A. Thayer, *America's Achilles' Heel: Nuclear, Biological and Chemical Terrorism and Covert Attack* (Cambridge, MA: The MIT Press 1998) pp. 3–4.

3 Представление, что большая часть террористических организаций создается или поддерживается государствами, обусловлено главным образом освещением средствами массовой информации проблемы терроризма, пользующегося государственной поддержкой, а также тем обстоятельством, что большинство публикуемых статистических данных о терроризме касается только международных террористических актов, то есть той категории, в которой роль терроризма, пользующегося государственной поддержкой, наиболее велика.

деленных успехов в сдерживании этой разновидности терроризма. Тем не менее, едва ли можно рассчитывать на то, что международный терроризм исчезнет в обозримом будущем.

Второе ошибочное предположение заключается в том, что терроризм представляет собой нечто ненормальное, некую разновидность социальной или политической болезни, которая исчезнет, как только будет найдено лекарство от нее. Рекомендуемые средства варьируются в зависимости от политических позиций участника. Для одних таким лекарством служит смягчение недовольства, для других — более действенная и решительная система правоохранительных органов. Но на самом деле терроризм представляет собой наиболее доступную форму насильственной борьбы, а насильственная борьба существует везде, где имеют место достаточно острые конфликты. Терроризм — это первая форма насилия, которая появляется при эскалации конфликта. Поэтому утверждать, что терроризм может исчезнуть, — значит полагать, что человеческая природа может подвергнуться серьезным изменениям или что организация общества может измениться таким образом, что для ожесточенных конфликтов не будет никаких оснований. Обе посылки, к сожалению, утопичны.

По другую сторону спектра оптимизма-пессимизма лежит представление о том, что терроризм вполне может принять новые, чудовищные формы, особенно если он прибегнет к использованию оружия массового поражения (ОМП). Эта идея не нова, но она стала особенно популярной после событий марта 1995 года, когда японская секта Аум Синрике распылила в токийском метро нервно-паралитический газ зарин. После этого случая появилось множество публикаций, посвященных перспективам терроризма с использованием ОМП.⁴ Опасения насчет использования террористами нового оружия сочетались со страхом неблагоприятных изменений в среде самих злоумышленников и особенно возникновения религиозного терроризма. Наиболее типичным выражением этого образа мысли может служить следующее утверждение:

Рост религиозных террористических организаций и превращение религиозного терроризма в одну из главных причин увеличивающейся разрушительности международного терроризма ставят под сомнение одно из базовых предположений о террористах и творимом ими насилии. Это также поднимает серьезные вопросы об уместности многих традиционных представлений о терроризме, в особенности тех, что касаются возможного использования террористами оружия массового поражения в будущем.⁵

4 См., напр.: Brad Roberts (ed.), *Terrorism with Chemical and Biological Weapons: Calibrating the Risks and Responses* (Alexandria, VA: The Chemical and Biological Arms Control Institute 1997); James K. Campbell, *Weapons of Mass Destruction Terrorism* (Seminole, Florida: Interpact 1997); Richard A. Falkenrath, Robert D. Newman, and Bradley A. Thayer, *America's Achilles' Heel*; Хоффман Б. *Терроризм: Взгляд изнутри*. М., 2003.

5 Хоффман Б. *Терроризм: Взгляд изнутри*. М., 2003. С. 252–253.

В своей недавней статье Уолтер Лакер высказал такую идею еще более четко:

Именно слияние двух отдельных тенденций, появления оружия массового поражения и нового фанатизма (или, возможно, возвращения старого варварства), делает опасность столь грозной.⁶

ИЗМЕНИЛСЯ ЛИ ТЕРРОРИЗМ?

Этот вопрос связан с рассмотрением вопроса об особенностях терроризма как формы борьбы и вероятных изменениях в обозримом будущем. Гипотетически изменения в способах ведения борьбы могут касаться множества различных аспектов, включая форму организации, используемое оружие, выбор мишеней и так далее. Например, война с применением обычных вооружений претерпела существенные изменения с течением времени. Многие изменения были связаны с организацией (например, введение фалангового строя в сражениях древними греками, введение всеобщей воинской повинности после Великой французской революции и так далее) или технологическим прогрессом в вооружениях, средствах транспорта и коммуникации. В XX веке серьезные изменения произошли в организации, огневой мощи, скорости и масштабе ведения войн. С появлением тотальной войны особое значение приобрели ядерное оружие, воздушная мощь, подводные лодки и авианосцы, танки, ракеты, радиоэлектронная борьба и спутники.

Однако терроризм не претерпел столь существенных изменений в течение последнего столетия и даже в течение последней четверти века. Такой застой становится особенно заметным, если учесть серьезные перемены, произошедшие за это время в традиционной войне. Способы действия и вооружения террористов на протяжении долгого времени остаются неизменными. Первый захват самолета произошел в 1931 году, а первый террористический захват воздушного судна по политическим мотивам был совершен в 1968 году. Первый взрыв на борту самолета во время полета был произведен в 1955 году. Заминированные автомобили использовались в Палестине еще в 1947 году. И с тех пор никаких изменений в стратегии и тактике этой формы борьбы, связанных с выбором целей и базовой структурой террористических групп, не произошло. Формы нападения, перечисленные в первом исследовании международного терроризма, проведенном ЦРУ в 1976 году под руководством Дэвида Милбэнка,⁷ по-прежнему составляют сегодняшний репертуар террористических операций: размещение взрывных устройств, нападения небольших групп на намеченные цели, похищение людей, угон самолетов, захват заложников, отправка взрывных устройств почтой и саботаж. В начале нового столетия террористы продолжа-

6 Walter Laqueur, «The New Face of Terrorism», *The Washington Quarterly* 21 / 4 (1998). P. 171.

7 Central Intelligence Agency, *International and Transnational Terrorism: Diagnosis and Prognosis* (Washington, DC: US Government Printing Office (PR 76 10030) 1976).

ют использовать то же оружие, что и в прошлом веке, а именно — пистолеты, ружья и самодельные взрывные устройства.

Этот застой тем более удивителен, что раньше — в конце XIX века — русские террористы осваивали новые взрывные средства, как только они изобретались. Особенно удивительно, что, несмотря на мрачные прогнозы экспертов, террористы воздерживаются от использования оружия массового поражения. И хотя химическое оружие применялось во время Первой мировой войны, биологическое оружие — во время Маньчжурской и Второй мировой войн, а ядерное оружие — во время Второй мировой войны, террористы *не* пытались взять его на вооружение. Имеются свидетельства того, что некоторые террористические группы иногда обсуждали возможность использования химического оружия, но пока оно было использовано лишь единожды в 1995 году упомянутой японской сектой Аум Синрике. Хотя могут сказать, что террористы не использовали ядерное оружие только потому, что у них не было возможности создать или получить его, а не потому, что у них отсутствовали мотивы для его использования, этот довод не может объяснить, почему террористы так и не стали применять химическое и биологическое оружие. Производство такого оружия хотя и связано с определенными трудностями, но все же по силам многим террористическим группам.

Отсутствие изменений в терроризме как форме борьбы требует объяснения. На мой взгляд, отсутствие изменений в организационных особенностях терроризма и ограниченное использование новых технологий в террористической борьбе отчасти обусловлено организационными особенностями этой формы борьбы, а отчасти психологическим, социальным и политическим контекстом, в котором действуют террористы.

Организационные особенности террористических операций тесно связаны с самой этой формой борьбы. Деление на ячейки, тщательный отбор членов и действие малыми группами отвечают требованию поддержания секретности. Это, в свою очередь, налагает определенные ограничения на тактику, доступную террористам (уже упоминавшиеся взрывы, вооруженные нападения, захват заложников и так далее). Кроме того, вследствие неизбежного ограничения, связанного с поддержанием секретности операций, даже крупные организации, которые используют терроризм в качестве средства борьбы, перенимают тактику малых групп. Этим и объясняется, почему даже государства, когда они обращаются к терроризму, могут использовать лишь ограниченный набор форм нападения и причинять ограниченный ущерб, несмотря на наличие у них оружия и людских ресурсов, способных нанести намного больший вред. Например, в 1986 году Сирия имела сотни современных военных самолетов, несколько тысяч танков, артиллерию и спецподразделения, способные причинить огромный ущерб в открытой войне. Тем не менее, когда она решила использовать терроризм в своей борьбе с Израилем, она отправила одного агента, Низара Хиндави, чтобы пронести бомбу на борт авиалайнера компании *El Al*. И если государство не желает нести ответственность за свои террористические действия, ему приходится действовать скрытно, подобно небольшой террористической

группе. Эта же логика налагает ограничения, связанные с использованием поддерживаемого государством терроризма. Государственная поддержка, конечно, расширяет возможности террористических групп, но в этом нет ничего нового, и она не ведет к глубоким изменениям в образе действия террористов (например, она не ведет к преобразованию их в «элитные подразделения», как утверждает Хоффман). Ответ на вопрос, почему даже неограниченная государственная поддержка не способна изменить образ действий террористов, заключается в том, что террористы должны сохранять в тайне сотрудничество с соответствующим государством, оказывающим им поддержку. Так, Ирак имел серьезные счеты с Соединенными Штатами и долгое время поддерживал террористические группы. Тем не менее, Ирак не смог направить специально подготовленное террористическое подразделение, скажем, из тридцати бойцов для проведения дерзкого и сложного нападения на Нью-Йорк или хотя бы на американскую базу в Персидском заливе. Дело в том, что когда государства обращаются к терроризму, они вынуждены действовать подобно террористам. Пользующийся поддержкой государства терроризм нуждается в сохранении секретности.

СТАЛ ЛИ ТЕРРОРИЗМ ПРЕДСТАВЛЯТЬ БОЛЬШУЮ УГРОЗУ ДЛЯ ЖИЗНИ?

Заявления, что терроризм меняется в худшую сторону, основываются на представлении о том, что за последние тридцать лет террористические нападения стали представлять большую угрозу для жизни. Мысль об этом была высказана исследователями из корпорации РЭНД, а в качестве эмпирических подтверждений справедливости этой мысли использовались сведения из базы данных «Хронология международных террористических актов», составленной этой корпорацией. Используя в качестве критерия отношение числа нападений на людей к числу нападений на те или иные объекты, а также среднее количество жертв в результате нападения, Брюс Хоффман, а ранее — Брайан Дженкинс, показал тенденцию к увеличению числа жертв терроризма с конца 1960-х по 1995 год.⁸ Эта тенденция вызывает тревогу, потому что складывается впечатление, что угроза жизни со стороны терроризма только растет и, в конечном итоге, достигнет катастрофического размера. На основании этого делается вывод о том, что террористы неизбежно придут к использованию оружия массового поражения.⁹ Она также вызывает тревогу, потому что рост угрозы для жизни связывается здесь с самими террористами или с использованием терроризма как формы войны или и с тем, и другим вместе, а не с результатом сложившихся (и, следовательно, временных) особенностей глобальной картины терроризма.

Поскольку мрачный прогноз относительно будущего терроризма покоится на предположении, что рост числа жертв от террористических актов

8 Хоффман Б. *Терроризм*. С. 242–252.

9 Там же. С. 241–242. См. также: Falkenrath *et al.* Pp. 2–3.

будет расти, этот вопрос заслуживает более внимательного рассмотрения. Несмотря на популярность этого представления, его обоснованность вызывает серьезные сомнения по причинам, которые будут изложены ниже.

Статистика, согласно которой угроза для жизни людей растет, относится только к *международному* терроризму, тогда как большая часть террористической деятельности ведется внутри государств. Количество инцидентов в этой статистике невелико и, следовательно, может быть легко искажено единичными происшествиями. Взрыв самолета может привести к 100 %-ному изменению в ежегодной статистике жертв терроризма. Например, в 1988 году от международного терроризма погибло 658 человек — один из наиболее высоких ежегодных показателей по жертвам терроризма. Однако 270 человек — 41 % жертв международного терроризма за этот год — погибли во время одного теракта — взрыва самолета компании *Pan Am* над Локерби. Точно так же в 1989 году жертвами международного терроризма стали 390 человек, но 282 из них — 71 % — погибли в результате двух терактов: взрыва авиалайнера компании *UTA* над озером Чад 19 сентября 1989 года и взрыва авиалайнера компании *Avianca* в Колумбии 27 ноября 1989 года. Эти случаи также обращают внимание на то обстоятельство, что значительное число жертв возникает в результате нападений совершенно особого рода — взрывов самолетов. Делать на основании очень небольшого числа очень специфических и спорадических инцидентов общие выводы о тенденциях терроризма вряд ли оправданно.

К тому же, такие «тенденции» неустойчивы. Каждый год происходят флуктуации, которые можно объяснить только региональными или локальными политическими событиями (например, войной в Афганистане, ирано-иракской войной, войной в Персидском заливе и так далее), а не общими изменениями в природе терроризма. Так, утверждение о том, что терроризм представляет все большую угрозу для жизни, якобы основывается на сравнении данных за несколько десятилетий. Но пристальное рассмотрение ежегодных изменений показывает, что, например, в 1990-х годах были годы, когда происходило заметное сокращение не только абсолютного, но и среднего числа жертв. В 1997 году, например, число международных терактов по сравнению с 1996 годом выросло на 3 %, но на 30 % сократилось число погибших и на 76 % — число раненых.¹⁰

НЕИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ НАПАДЕНИЯ

Террористами прошлого, о которых говорят отдельные ностальгирующие наблюдатели, были анархисты XIX — начала XX века. Их борьба была направлена против определенной категории людей, а именно — правящего класса. Нападения на правящий класс неизменно были нападениями на конкретных индивидов — королей и правительственных министров. Тем

¹⁰ US Department of State, *Patterns of Global Terrorism 1997* (Washington, DC: US Government Printing Office 1998).

не менее, даже анархисты иногда совершали неизбежные нападения. 8 ноября 1893 года испанский анархист Сантьяго Сальвадор бросил две бомбы в зрительный зал театра Барселоны (22 человека погибло и 50 были ранены). В феврале 1894 года несколько бомб, брошенных анархистами, взорвалось в кафе и на улицах Парижа. Можно привести и другие примеры, но в целом анархистский терроризм не был направлен против широкой публики. Выбор целей у современных анархистов столь же избирателен, как и в случае со старыми разновидностями анархистского террора. Так, группы, наподобие французской Аксьон Директ, бельгийских Боевых коммунистических ячеек и немецкой Фракции Красной Армии, не совершали нападений на широкую публику.¹¹ Группы, систематически осуществлявшие неизбежные террористические нападения, почти всегда состояли из иностранцев. Так, когда палестинские террористы совершают произвольные нападения на израильтян, это происходит потому, что они считают своим врагом Израиль, а не какой-то отдельный слой израильтян. Логика и моральное оправдание неизбежных террористических нападений ничем не отличаются от тех, что были у американского политического и военного руководства, систематически осуществлявшего бомбардировки японского гражданского населения во время Второй мировой войны. В сущности, в основе такого терроризма лежит идея тотальной войны. Неизбирательный террор типичен для групп, которые ведут национальную или этническую борьбу, потому что они воюют со всем населением. Террористы, преследующие социально-идеологические цели, практически всегда тщательно выбирают объекты для своих нападений, за исключением некоторых случаев правого терроризма в Европе в 1980-х годах. В этих случаях неизбежные нападения совершались для создания атмосферы хаоса и неуверенности, которая должна была заставить общество требовать от правительства принятия жестких мер. Неизбирательные нападения следует связывать не с более строгими моральными ценностями прошлого, а с различиями в программах террористических групп, которые находятся в центре внимания общества (и исследователей).

ЛОГИКА И МОРАЛЬНОЕ ОПРАВДАНИЕ
НЕИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ
НАПАДЕНИЙ НИЧЕМ НЕ ОТЛИЧАЮТСЯ
ОТ ТЕХ, ЧТО БЫЛИ У АМЕРИКАНСКОГО
РУКОВОДСТВА, СИСТЕМАТИЧЕСКИ
ОСУЩЕСТВЛЯВШЕГО БОМБАРДИРОВКИ
ЯПОНСКОГО ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

---

¹¹ Эти группы не были по-настоящему анархистскими, хотя по своим истокам и ментальности европейский терроризм второй половины XX века очень близок к анархизму. На самом деле чисто анархистские террористы действовали индивидуально, поскольку идея анархизма противоречила любым формам организации.

МЕНЯЕТСЯ ЛИ МОТИВАЦИЯ ТЕРРОРИСТОВ В ХУДШУЮ СТОРОНУ?

Описание растущей опасности терроризма также покоится на утверждении, что современные террористы намного более жестоки, чем их предшественники 30 или 100 лет тому назад. Рассмотрим вкратце мотивацию террористов.

Мотивы обращения к терроризму можно анализировать с точки зрения идеологии, которая побуждает использовать насилие группой людей (то есть *raison d'être* группы), и с точки зрения психологических мотивов, которые побуждают некоторых людей совершать выбор в пользу насилия, а не в пользу альтернативных ненасильственных образов действия.

Терроризм — это средство, а не цель. Поскольку он представляет собой простейшую форму вооруженной борьбы, кажется, что всегда и везде в ситуации достаточно острого конфликта находятся некоторые люди, готовые обратиться к насилию. Так что мотивы использования терроризма могут быть совершенно разными, поскольку они отражают весь спектр человеческих устремлений. Так, терроризм служил различным социальным, религиозным и националистическим целям. Во всякий момент истории многообразии существующих террористических групп просто отражает многообразие и глубину существующих конфликтов. Следовательно, прогнозирование будущих конфликтов зависит от понимания мотивации террористов.

Личные мотивы обращения к терроризму могут отличаться от заявленной идеологической цели. Самой по себе идеологии недостаточно для того, чтобы побудить человека участвовать в терроризме. В конце концов, существует много радикально настроенных мусульман, но лишь немногие из них участвуют в террористической деятельности. По-видимому, имеются другие факторы, которые отличают террористов от не-террористов. Однако наше знание психологического облика террористов достаточно скудно. Долгие поиски террористической личности не выявили ни Снарка, ни Буджума.¹² Иногда говорят, что терроризм «вырождается» в обычную преступность. В качестве подтверждения обычно приводится причастность некоторых террористических групп в Латинской Америке (особенно Революционных вооруженных сил Колумбии и Армии национального освобождения) к наркобизнесу. Я сомневаюсь, что подобные примеры симптоматичны для политического терроризма в целом и что они указывают на будущую природу терроризма. Напротив, они являются следствием локальных политических, социальных и экономических обстоятельств. Представление о том, что сегодняшние террористы — это преимущественно ненормальные люди, также необоснованно.¹³

12 «Но, дружок, берегись, если вдруг набредешь

Вместо Снарка на Буджума.

Ибо Ты без слуху и духу тогда пропадешь,

Не успеv даже крикнуть «спасибо» (Льюис Кэрролл, *Охота на Снарка*).

13 Лакер, например, утверждает, что «распространенное представление о нормальности террористов и банальности зла перестает быть истинным». См.: Walter Laqueur, «The New Face of Terrorism». P. 170.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ УГРОЗЫ

Чтобы не рассуждать далее об общих вещах, рассмотрим вкратце возможную опасность, которая в настоящее время вызывает наибольшую обеспокоенность общества: использование ядерного, биологического и химического оружия террористами.

Нападения с использованием оружия массового поражения чаще всего называют среди серьезных опасностей будущего терроризма. Эта идея не нова. Задолго до изобретения ядерного оружия Анатолий Франс изложил в своем «Острове пингвинов» мрачный сценарий, по которому западная цивилизация была разрушена одним террористом, создавшим крайне разрушительное взрывчатое вещество. Несколько анонимных взрывов создали хаос, который привел к распаду общества. Этот сюжет часто повторяется в современных триллерах и боевиках. Научные работы по этому вопросу появились в 1970-х годах. Особого внимания заслуживает ряд исследований, подготовленных программой «Терроризм и войны низкой интенсивности» корпорации РЭНД под руководством Брайана Дженкинса, а также работа Роберта Куппермана.¹⁴ Однако террористы упрямо отказывались от использования оружия массового поражения. В отсутствие подтверждений из реальной жизни, интерес исследователей к этому вопросу несколько ослаб. И, наконец, 20 марта 1995 года Аум Синрике распылила нервно-паралитический газ зарин в системе токийского метро, в результате чего 12 человек погибло и тысячи людей поступили в больницы с отравлениями. Это событие привело к резкому возрастанию интереса общественности к терроризму с использованием оружия массового поражения: появилось множество научных и околонучных работ, в большинстве из которых говорилось о начале новой грозной эпохи терроризма. Брюс Хоффман, например, писал:

Между тем лицо терроризма меняется и в иных отношениях. В последние годы появились новые соперники, новые мотивации и новые причины, влияющие на традиционные представления о террористах и терроризме...¹⁵

И:

ни в какой другой области... критическая лакуна [не кажется] более очевидной, чем в отношении возможного применения террористами оружия массового поражения, а именно ядерного, химического и биологического оружия.¹⁶

Такая обеспокоенность понятна, но она кажется весьма преувеличенной. Примечательно, что нападение Аум Синрике было единственным случаем использования оружия массового поражения в истории. Прежде чем оценивать вероятность повторения подобных террористических актов, необходимо задать вопрос, почему таких нападений не было ранее, несмотря

14 Robert H. Kupperman and Darrell Trent, *Terrorism: Threat, Reality, Response* (Stanford, CA: Hoover Institution Press 1979).

15 Хоффман Б. *Терроризм*. С. 241.

16 Там же.

на то, что химическое оружие было доступно террористам со времен Первой мировой войны, и почему их не было после этого случая. Сам по себе этот факт ставит под сомнение опасения насчет распространения терроризма с использованием оружия массового поражения в будущем. Один случай не составляет тенденции. Сторонники теории опасности оружия массового поражения признают этот факт и находят его неудобным для своих паникерских взглядов. И все же для оправдания своей позиции — в отсутствие реальных террористических актов с использованием оружия массового поражения, за исключением случая в токийском метро, — они отчаянно ищут «похожие» инциденты. Хоффман, например, признает:

Хотя различные террористические группы, включая ФКА, КБ и некоторые палестинские организации, время от времени обыгрывали идею применения губительного оружия массового поражения, ни одна из них не переступила критический психологический рубеж, то есть не пошла на осуществление этих ужасных замыслов и смутных планов. По некоторым предположениям, в 1979 палестинские террористы отравили партию апельсинов из Яффы, экспортируемых в Европу, в надежде подорвать экономику Израиля. В ходе полицейского рейда, устроенного в убежище ФКА в Париже годом позже, была обнаружена мини-лаборатория, созданная для производства ядовитой культуры *clostridium botulinum*. Однако эти два не связанных между собой инцидента представляли собой полный спектр как использования, так и попыток разработки террористами оружия и тактик нетрадиционных типов.¹⁷

Этот пример показывает, насколько жалкими бывают попытки найти подтверждение опасности использования оружия массового поражения. В случае с отравлением апельсинов в 1979 году, только в несколько апельсинов было введено небольшое количество ртути. Люди, которые их съели, почувствовали тошноту, но никто из них не заболел и, конечно, не умер. Очевидно, что целью злоумышленников было не убийство людей, а причинение вреда израильскому экспорту. Даже с большой натяжкой этот инцидент нельзя назвать случаем использования оружия массового поражения. В другом случае в 1980 году французская полиция будто бы обнаружила в парижской квартире то, что выглядело как попытка вырастить культуру ботулина. Квартиру снимал член немецкой Фракции Красной Армии. Цель этой попытки осталась невыясненной. На протяжении всей своей истории ФКА никогда не осуществляла неизбирательных нападений, и вряд ли ботулин предназначался для массового убийства. Таким образом, эти случаи больше говорят о пристрастности экспертов, нежели о наклонностях террористов.

И все же имеются отдельные примеры попыток подготовки и проведения террористами химических атак на случайных мирных жителей. Например, в 1965 году попытка палестинских террористов отравить систему водоснабжения Израиля ядом для насекомых потерпела провал. Она была дилетант-

¹⁷ Там же. С. 243–244.

ской и поэтому вряд ли могла привести к жертвам. Любопытно, что подобные попытки не повторялись, хотя палестинским группам вполне по силам осуществить их.

Редкие случаи терроризма с использованием оружия массового поражения свидетельствуют о том, что обычные террористы вряд ли пойдут на применение ОМП. Такую редкость следует связывать с отсутствием готовности, а не с отсутствием возможности совершить теракт. Хотя ядерные устройства недоступны террористам, а биологическое оружие крайне трудно создать, составляющие химического оружия могут достать даже начинающие террористы, не говоря уже о том, что члены некоторых групп имеют химическое, физическое и инженерное образование. Нежелание террористических групп использовать такое оружие почти целиком является результатом осознанного решения, по крайней мере в том, что касается химического оружия. Убедительное объяснение такого нежелания давным-давно было предложено Брайаном Дженкинсом. Террористические группы не склонны использовать оружие массового поражения, потому что они опасаются, что оно приведет к решительным ответным действиям со стороны правительства при горячей поддержке со стороны общества. Такие ответные действия, скорее всего, будут предприняты не потому, что в результате нападения с использованием ОМП погибнет много людей, а потому, что такое нападение более опасно, чем нападения с обычными бомбами или огнестрельным оружием, а также потому, что использование химического, биологического и ядерного оружия представляет собой некое табу. Какие террористические группы готовы нарушить это табу и пренебречь разрушительными последствиями для своих собственных интересов? На мой взгляд, не случайно, что единственной группой в истории, действительно совершившей неизбирательное нападение с применением химического оружия, была секта. Очевидно, что единственными группами, у которых имеются предпосылки для обращения к ОМП, являются секты.

Секты часто описываются как «религиозные группы» (нередко по отношению к ним применяется политкорректный термин «новые религии»), но они отличаются от большинства религиозных групп в нескольких отношениях, которые имеют большое значение для вопроса об использовании ОМП. «Обычные» воинственные религиозные группы, например палестинский Хамас, ливанская Хезболла, египетская аль-Джихад и алжирская Вооруженная исламская группа ничем не отличаются от других террористических групп, кроме идеологии. Они не являются более склонными к насилию или к неизбирательным терактам, чем группы, придерживающиеся националистической или этнической идеологии. Как и у советского, иранского или ливийского режима, идеология этих групп может быть радикальной, но их политическое поведение всегда прагматично. Они предпочтут пойти на компромисс, чем совершить самоубийственное нападение на своих врагов.

Другое дело секты. В социальном отношении они представляют собой замкнутые группы, обычно полностью преданные харизматичному лидеру, приказание которого они выполняют независимо от того, насколько

странными и противоречащими обычным нормам поведения они могут быть. Секты часто живут в изоляции, не поддерживают связи с внешним миром и варятся в собственном соку. Толкование событий, происходящих во внешнем мире, дается лидером. Сами по себе такие элементы не делают секты склонными к насилию, не говоря уже об использовании ОМП. В мире существуют, наверное, тысячи сект, которые живут своей изолированной жизнью и не представляют опасности для общества. И чтобы секта стала потенциальным кандидатом на терроризм с использованием ОМП, необходимо два дополнительных элемента: конфликтные отношения с обществом и предсказание грядущего конца света. Секты, которые могут обратиться к использованию ОМП, не только считают себя силами добра, борющимися со всем остальным миром зла, но и верят в конец света, окончательную войну, в которой обязательно победит добро. И вновь самой по себе веры в конец света недостаточно для того, чтобы побудить группы использовать оружие массового поражения. Для этого необходимо, чтобы группа считала конец света неизбежным. Нападению, скорее всего, будут предшествовать события, которые группа истолкует как свидетельства подготовки нападения силами зла (обычно в такой роли выступает правительство).

ЧТО НЕ ТАК С НЕБОЛЬШОЙ ИСТЕРИЕЙ?

Здесь читателю следует удивиться: не лучше ли перестраховаться, чем быть виновным в халатности? Именно такой позиции придерживаются более разумные пророки конца света, например Фалькенрат и его коллеги. Они признают, что вероятность использования оружия массового поражения террористами невысока (или даже крайне низка), но утверждают, что, принимая во внимания серьезность последствий применения такого оружия, разумно вкладывать огромные средства в предотвращение и в подготовку кризисного управления в таких ситуациях, независимо от того, насколько велика вероятность их возникновения. Этот подход связан с двумя проблемами. Первая касается величины расходов. Поскольку правительства должны вкладывать средства в предотвращение потенциальных жертв, распределение этих средств должно быть разумным. Число источников бедности, страданий и смерти можно заметно уменьшить, если направить больше средств на соответствующие цели. Взять, например, автокатастрофы (в 1997 году в США на дорогах погибло 42.420 человек¹⁸), болезни (в 1997 году в США 725.790 человек умерло от сердечных приступов и 537.390 человек — от рака¹⁹) или даже жертв обычной преступности (в 1995 году в США было совершено 15.551 убийство²⁰). Вложения в любую из этих действительных проблем позволят сохранить намного больше жизней, чем вложения в пре-

¹⁸ Статистика Национального центра статистики здравоохранения при министерстве здравоохранения США см.: *The New York Times: World Almanac and Book of Facts, 1999*. P. 876.

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ Статистика Совета национальной безопасности см.: *The New York Times: World Almanac and Book of Facts, 1999*. P. 880.

дотворачивание гипотетической опасности терроризма с использованием оружия массового поражения.

Вторая проблема, связанная с широким вниманием, уделяемым терроризму с использованием ОМП, заключается в том, что такой терроризм вполне может развиваться по механизму самоисполняющегося пророчества. Пока террористы не используют химическое и биологическое оружие, потому что использование этих видов оружия остается социальным и политическим табу, нарушение которого может привести к решительным ответным действиям. Именно поэтому в применении химического оружия замечены только секты, ожидающие наступления конца света. Нежелание использовать такое оружие, возможно, обусловлено также и тем, что оно считается слишком сложным. Нынешняя озабоченность общества этим оружием может перевести его в разряд каких-то обычных вещей и парадоксальным образом ослабить запрет на его использование. Постоянные разговоры об этом делают его легитимным, повышая тем самым вероятность его использования.

Перевод с английского Артема Смирнова

Александр ПОГОРЕЛЬСКИЙ

БИЗНЕС ВОКРУГ ТЕРРОРА

Террор в современном мире становится системообразующим фактором, вокруг него сложилась мощная экономическая инфраструктура, за счет которой существует значительный слой людей, а иногда целые народы и государства. Террор сегодня — успешный и выгодный бизнес, позволяющий получить максимум прибыли при минимуме вложений. Победить какой-либо бизнес можно только при помощи другого бизнеса, еще более выгодного или связанного с меньшим количеством рисков. До тех пор человечеству придется мириться с терроризмом как с формой обыденности. Борьба с террором на сегодняшний день может предполагать разве что ограничение масштабов террора, что тоже весьма проблематично.

Тема террора, терроризма и борьбы с ним всегда была и остается прерогативой авторов из числа «узких специалистов». То есть либо тех, кто в силу профессии борется с террористами, либо тех, кто, имея отношение к террористическим организациям, выступает в качестве апологета террора. Настоящая статья представляет совсем иной подход к теме, ее автор не принадлежит к числу профессиональных борцов с террором и, тем более, чрезвычайно далек от террористического сообщества. Будучи экономистом и ведя свой бизнес, я счел для себя возможным принять участие в обсуждении наиболее актуальной на сегодняшний день политической и экономической темы, посмотрев на терроризм с точки зрения его анализа в качестве своеобразной формы бизнеса. Тем более что «профессионалы» с обеих сторон именно бизнес-аспект этого явления нередко либо замалчивают, либо искажают его значение.

В центре внимания статьи окажется не только сам террор и способы получения различных дивидендов на нем, но и противоположный бизнес, — основанный на антитерроре, — который имеет не меньшие масштабы и не меньшие последствия. Не стоит забывать и то обстоятельство, что обычные, вполне мирные формы бизнеса подвергаются деформации в условиях активизации террористической деятельности в современном мире.

Естественно, автор далек от мысли, что «рыночная подоплека» играет главную или тем более единственную роль в терроризме как социальном явлении. Однако без «бизнес-подхода» к проблеме картина может оказаться

неполной, а главное — есть основания полагать, что именно взгляд с точки зрения бизнеса позволяет увидеть перспективы преодоления захлестнувшей мир эпидемии террора, или хотя бы смягчения ее последствий.

ОТ ЗАКАЗНОГО УБИЙСТВА ДО ГЕНОЦИДА

Прежде всего, необходимо определить ключевые понятия. На сегодняшний день существует, как минимум, две сотни различных определений терроризма. Так, определение, предложенное экспертом по проблеме терроризма А. П. Шмидтом, гласит: «Терроризм — это внушающий беспокойство (страх или панику) метод многократных насильственных действий, применяемый (полу) нелегальными индивидуумами, группами или государствами по идейным, преступным или политическим мотивам, при котором, в отличие от убийства, прямые мишени насильственных действий не являются главными целями (актов терроризма). Непосредственные человеческие жертвы насилия выбираются, как правило, случайно (мишени по стечению обстоятельств) или выборочно (представительские или символические мишени) из целевого населения и служат своего рода “посланиями”. Угроза и насилие — основные приемы коммуникации между террористом (террористической организацией), потенциальными жертвами и основными мишенями, которые служат для манипуляции основной мишенью (ее аудиторией), ее запугивания, выдвижения требований или привлечения внимания, в зависимости от того, нацелен ли терроризм на унижение, принуждение или пропаганду».

Согласно консолидированному экспертному определению, поддерживаемому ООН, «любое действие, намеревающееся причинить смерть или серьезный вред гражданским жителям или невоюющим сторонам, когда цели такого акта по его характеру или содержанию направлены на то, чтобы запугать население или заставить правительство (международную организацию) выполнять или воздерживаться от каких-либо действий, не может быть оправдано никакими основаниями и составляет акт терроризма».

Можно выделить несколько ключевых составляющих терроризма как специфической формы политического насилия: а) акт терроризма совершается преднамеренно направлен на создание атмосферы крайней степени страха, ощущения произвола и незащищенности (классический пример — отчаяние и смятение, охватившее американское общество после 11 сентября); б) реальная цель террористического акта всегда несравнимо шире, чем непосредственные его жертвы (совершая взрыв в израильском кафе, террорист-смертник убивает нескольких оказавшихся рядом случайных посетителей, но мишенью палестинского террора является все государство Израиль, все израильское общество); в) мишенью террористов, как правило, становятся относительно случайные люди, гражданские лица, однако сам выбор мишени носит систематический и символический характер (например, мишенью исламского терроризма потенциально являются все граждане США и развитых стран, но фактическими жертвами становятся лишь некоторые случайные жертвы); г) акты насилия, совершаемые террористами, наруша-

ют основные социальные нормы, они непременно попадают в поле зрения СМИ и вызывают массовый шок в обществе, (достаточно вспомнить, какое тяжелое моральное потрясение в российском обществе вызвали взрывы жилых домов в 1999 г. и захват театрального центра на Дубровке в 2002 г.); д) терроризм — это средство, при помощи которого определенные политические силы пытаются вынудить своих противников пойти на уступки, предать гласности политические причины конфликта, либо наоборот провоцируют чрезмерно жесткую реакцию, пытаясь усилить конфликт.

Таким образом, терроризм можно кратко охарактеризовать как, прежде всего, насильственные действия, связанные с убийством или угрозой жизни людей, совершаемые с целью устрашения, направленные на принуждение правительств и народов к тем или иным шагам. Когда мы рассматриваем разные виды террора, мы различаем индивидуальный, случайно групповой, групповой и массовый террор — это некий видимый спектр явления. Интересно, однако, посмотреть, что же находится за его пределами, так сказать, в инфракрасной и ультрафиолетовой областях. Это позволяет лучше понять суть явления, а также ощутить, насколько условны его границы.

В ультрафиолетовой области, которая непосредственно примыкает к уровню индивидуального террора, мы находим заказное убийство, террористический акт, направленный против конкретного лица, его семьи, партнеров, близких людей (здесь главной целью является не запугивание, а физическое устранение конкретного лица). Если мы посмотрим на другую — инфракрасную — сторону, то обнаружим за массовым террором факты геноцида и угрозу уничтожения всего человечества. В последнем случае можно обнаружить существенное отличие от собственно террора, и опять же здесь нет цели запугать противника, речь идет о его уничтожении.

Очевидно, что сегодня *большинство актов индивидуального террора совершается за деньги*, то есть являются формой заказного убийства. При этом многие заказные убийства призваны воздействовать на общественное и групповое сознание, и содержат элементы запугивания. Террор всегда рассчитан на пресловутый пиар-эффект, на публикации в СМИ и вызываемый ими массовый страх.

Широко известны вполне реальные прогнозы, согласно которым в ближайшее время мы, как это ни печально, можем столкнуться с попытками захвата террористами объектов атомной энергетики или непосредственно атомного, химического или биологического оружия, изготовления оружия массового поражения, рассчитанного на применение в атаках террористов-смертников. В таких условиях границы между собственно террором и попытками геноцида, по сути, стираются.

УСПЕШНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

С точки зрения экономики и бизнеса *террор — чрезвычайно эффективный метод борьбы*. Как правило, он не требует большого числа людей, занятых в его организации и реализации, например, не требует массовой мобилиза-

ции. Даже когда мы говорим о массовом терроре. Известно, что массовый террор в период якобинской диктатуры во Франции в отдельно взятом городе Марселе осуществляли всего пять человек, но, повинаясь их воле и власти, огромное число людей покорно шло на гильотину. В новейшей истории мы имеем еще более красноречивые примеры, в частности, устройство нацистских лагерей смерти, для охраны которых требовалось очень небольшое количество войск, а в отдельных случаях (как, например, в Латвии) концлагеря и еврейские гетто фактически не охранялись, настолько массовый террор пользовался поддержкой местного населения.

Высокая эффективность террора заставляет предположить, что мы не можем добиться его полного искоренения. После того, как было изобретено огнестрельное оружие, заставить армии ограничиться использованием лука и стрел стало невозможно. *В современном мире террор стал массовым явлением, своеобразной формой обыденности.* В таких процессах фанатики составляют незначительное меньшинство. Большинство же участников преследуют собственные, зачастую корыстные цели.

Необходимо различать разные виды эффекта, получаемого от террористической деятельности. Помимо чисто финансовых существуют также политические, психологические и иные дивиденды, которые получают участники террористических и антитеррористических акций. Главный психологический дивиденд, получаемый от террора — возможность насладиться властью, которую получают порой совершенно ничтожные, ранее никому неизвестные люди. Так, лидер террористов, захвативший в заложники пациентов больницы или зрителей музыкального шоу, не просто получает возможность решать судьбы сотен, а то и тысяч людей. Находясь перед объективами ведущих телекомпаний, он ставит в зависимость от своих действий целую страну, вступает в переговоры на равных с первыми лицами государства, подобным образом осуществляя «обратную связь» между террористическим сообществом и властью.

Между тем, не стоит забывать, что политическая карьера одного из лидеров партии «Единая Россия» фактически началась со штурма «Норд-Оста», когда он, будучи заместителем министра внутренних дел, в прямом эфире докладывал стране о проведенной контртеррористической операции и ее предварительных результатах. Точно так же, как героический образ другого лидера «партии власти» во многом сложился в дни ликвидации последствий взрывов жилых домов в сентябре 1999 года. Впрочем, политическая составляющая террора — отдельная тема.

БИЗНЕС-ИЕРАРХИЯ ТЕРРОРА

Как в любом бизнесе, *в терроре и антитерроре можно обнаружить розницу, от и крупный бизнес.* В отношении ситуации, которая сложилась сегодня на Северном Кавказе, представляется оправданным различать три уровня бизнеса вокруг террора:

- 1) солдатский бизнес,

- 2) офицерский и генеральский бизнес,
- 3) бизнес, который делают политики и спонсоры.

Каждую из этих форм можно рассмотреть в двух аспектах — со стороны террора и антитеррора, — а затем проследить их известное единство. При рассмотрении **солдатского бизнеса** важно понимание того, что террор в современном мире является следствием серьезных демографических сдвигов. Рассмотрим с этой точки зрения ситуацию Чечни.

В 1944 году войсками НКВД из Чечни было вывезено 250 тысяч человек. Около трети из них погибло от холода и болезней в первую же зиму во время переселения в Казахстан. По сути дела речь, действительно, шла о геноциде целого народа. Однако посмотрим на следующие цифры. В 1957 году, в Чечено-Ингушскую АССР вернулось всего 350 чеченцев, а в 1991 году численность чеченцев в Российской Федерации выросла до одного миллиона. По данным последней переписи населения чеченцы — едва ли не единственный этнос в России, который увеличил свою численность за последние 10–15 лет (во многом за счет массового возвращения из Казахстана и других стран ближнего зарубежья). Сейчас в России, несмотря на все потери в ходе двух чеченских войн, проживает 1 миллион 400 тысяч чеченцев. Многие люди, которые раньше скрывали свое происхождение, стали идентифицировать себя с чеченским этносом. Но, главное происходит компенсаторный всплеск рождаемости, особенно в сельской местности. Образующийся в результате относительный избыток населения не микшируется за счет трудовой миграции в другие регионы страны.

Основу прироста составляют молодые, непристроенные в жизни люди, выросшие на войне 90-х, с детства умеющие держать в руках огнестрельное оружие, — это тот горючий материал, на основе которого построен солдатский бизнес на терроре. *Террор стал формой заработка для целого поколения.* Не стоит приводить общеизвестные цифры, сколько платят за установленную растяжку или за мину на дороге, сколько получает семья «шахида», после того как тот выполнил свою задачу. Цифры мизерные, но другого источника дохода у них все равно нет.

ТЕРРОР СТАЛ ФОРМОЙ ЗАРАБОТКА
 ДЛЯ ЦЕЛОГО ПОКОЛЕНИЯ. НЕ СТОИТ
 ПРИВОДИТЬ ОБЩЕИЗВЕСТНЫЕ
 ЦИФРЫ, СКОЛЬКО ПЛАТЯТ ЗА УСТА-
 НОВЛЕННУЮ РАСТЯЖКУ ИЛИ ЗА
 МИНУ НА ДОРОГЕ, СКОЛЬКО ПОЛУ-
 ЧАЕТ СЕМЬЯ «ШАХИДА». ЦИФРЫ
 МИЗЕРНЫЕ, НО ДРУГОГО ИСТОЧНИ-
 КА ДОХОДА У НИХ ВСЕ РАВНО НЕТ

Что с точки зрения солдатского бизнеса происходит на стороне антитеррора? Любая армия на территории военных действий либо кормится правительством, либо кормится сама — это аксиома. Ясно, что в условиях ограни-

ченности чеченцев в Российской Федерации выросла до одного миллиона. По данным последней переписи населения чеченцы — едва ли не единственный этнос в России, который увеличил свою численность за последние 10–15 лет (во многом за счет массового возвращения из Казахстана и других стран ближнего зарубежья). Сейчас в России, несмотря на все потери в ходе двух чеченских войн, проживает 1 миллион 400 тысяч чеченцев. Многие люди, которые раньше скрывали свое происхождение, стали идентифицировать себя с чеченским этносом. Но, главное происходит компенсаторный всплеск рождаемости, особенно в сельской местности. Образующийся в результате относительный избыток населения не микшируется за счет трудовой миграции в другие регионы страны.

Основу прироста составляют молодые, непристроенные в жизни люди, выросшие на войне 90-х, с детства умеющие держать в руках огнестрельное оружие, — это тот горючий материал, на основе которого построен солдатский бизнес на терроре. *Террор стал формой заработка для целого поколения.* Не стоит приводить общеизвестные цифры, сколько платят за установленную растяжку или за мину на дороге, сколько получает семья «шахида», после того как тот выполнил свою задачу. Цифры мизерные, но другого источника дохода у них все равно нет.

ченного финансирования современной российской армии, особенно в 90-е годы, не могли не возникнуть мародерство под видом конфискации и поборы на блокпостах — в колоссальных масштабах. То же самое касается розничной продажи оружия, боеприпасов. Солдатский бизнес, таким образом, процветает и с той, и с другой стороны.

Однако самое важное заключается в том, что в процессе двух чеченских войн здесь *практически полностью исчезла разница между террором и антитеррором*. Люди с обеих сторон носят одинаковую одежду, применяют одни и те же методы борьбы, оперируют тождественными понятиями, у них формируются схожие представления о достойном и недостойном, возможном и запретном. Это поражает не только в поведении российской армии. Мародерство на своей земле, по отношению к своим собственным соплеменникам, стало неотъемлемым элементом поведения чеченских боевиков. Противоборствующие стороны сравнялись в своем падении. Произошла их взаимная ассимиляция и, как следствие, в ходе войны на Северном Кавказе удалось достичь своеобразной, уродливой формы интеграции двух противоборствующих этносов и культур.

Офицерский (генеральский) бизнес. Известно, что террором во всем мире занимаются не беднейшие слои населения, но в первую очередь ущемленные представители среднего класса, лишенные перспектив социального продвижения. Основную массу лидеров чеченского сопротивления составляют бывшие работники силовых структур, инженеры, члены Союза писателей, актеры, агрономы. Маргинализованные представители среднего слоя советских граждан — основные лидеры и костяк террористического движения на Северном Кавказе, его своеобразная офицерская прослойка.

Офицерский бизнес в первую очередь заключается в разворовывании спонсорской помощи. Мы знаем, что даже в развитых странах до непосредственных адресатов деятельности благотворительных организаций, доходит только 20 % выделяемой помощи. В терроре до непосредственных исполнителей — то есть до солдатского уровня — доходит не более 5 % выделяемых средств. Речь идет не только о пожертвованиях, которые собираются как на территории России, так и в странах Ближнего и Среднего Востока, но и о федеральных деньгах, часть которых в условиях коррупции, так или иначе, попадает к боевикам.

Что касается офицерского бизнеса в федеральных силах, здесь имеет место продажа информации, оптовая продажа оружия, продажа солдат в рабство. Известно выражение: «Война все спишет». Техника списания приобрела у российских военных в Чечне колоссальное развитие: известны случаи, когда пропадали целые эшелоны с ценными товарами, например, с автомобилями «Вольво» (отдельный вопрос, зачем в воюющей республике потребовались дорогие иномарки?).

В свое время автору, совместно с группой экспертов, приходилось анализировать уровень так называемых «откатов» при поставках различных товаров в Российской Федерации. Если при анализе стоимости дизельного топлива, поставляемого в дорожное строительство большинства регионов

России, превышение рыночной цены составляло 30 %, то при поставках дизельного топлива в воинские подразделения на территории Чечни этот уровень превышал 100 %. Суммы пресловутых «откатов» легко вычислить, исходя из указанных цифр.

Таким образом, в условиях российского Северного Кавказа сложился значительный слой людей, которые могут быть успешными в жизни только при наличии террора и борьбы с ним, этих двух непрерывных, взаимно дополняющих явлений. Главная опасность заключается в том, что они не видят себя вне этой искаженной обыденности. В описанной бизнес-системе происходит постепенная смена ролей. Офицеры и генералы, которые преуспели, поучаствовав в этом бизнесе, зачастую готовы к переходу на другой уровень — политический. Эта опасность не до конца оценена представителями властных структур. «Спящие элиты» при определенных условиях склонны «просыпаться» и делать попытки брать на себя управление страной.

МАКРОЭКОНОМИКА ТЕРРОРА

Самый масштабный бизнес вокруг террора, естественно, осуществляется на политическом уровне. В начале XXI века террор становится эффективным средством геополитики. Он влияет на нефтяные цены, способствует снятию напряжения между элитой и народом в традиционных обществах. С помощью террора обеспечивается изменение направлений трубопроводов и транспортных потоков. Террор служит прикрытием других незаконных видов бизнеса: наркоторговли, торговли оружием, производства фальшивых денег, выпуска «воздушных» авизо и т. п.

Существование огромного количества международных организаций сегодня обосновывается именно наличием террора. Блок НАТО, который, по сути, после развала СССР потерял свое принципиальное значение, сейчас может оправдать свое существование исключительно за счет террористической угрозы. Сюда же можно добавить различные международные антитеррористические центры, огромное количество престижных и высокооплачиваемых должностей. Борьба с террором — это и тиражи газет, и рейтинги телевизионных компаний. На антитерроре делаются колоссальные деньги, и отказаться от них достаточно трудно.

В современном мире складывается парадоксальная ситуация: государства и различные международные структуры постоянно декларируют решимость раз и навсегда покончить с терроризмом и урегулировать питающие его региональные конфликты, однако после каждой подобной декларации террор, как правило, только усиливается. Классическим примером в данном случае может служить ситуация на Ближнем Востоке, когда на лужайке у Белого Дома очередной израильский премьер и бессменный палестинский лидер жали руки под умиленным взором американского президента-мировладельца, а буквально на следующий день CNN показывало новые кадры взрывов и крови в зоне арабо-израильского конфликта.

Борьба с терроризмом давно стала средством решения вопросов в большой политике и транснациональном бизнесе. Арабские шейхи, поддерживая антитеррористическую операцию в Ираке, думают о росте цен на нефть. Как известно, в 2000 году цена на нефть пошла вверх. Некоторые тогда задавались вопросом: «Не пошел ли террор вверх, потому что нефть подорожала?» На самом деле все скорее наоборот: рост цен был целью, террор — средством обеспечения этого роста.

Есть все основания полагать, что и президент США Джорд Буш-младший, и российский глава Владимир Путин своим избранием на высокие посты во многом обязаны наличию террора и необходимости борьбы с ним. Первые лица российской «партии власти» — Сергей Шойгу, Владимир Васильев — создали свою репутацию именно на борьбе с террором и преодолении последствий террористических актов. *Террор на сегодняшний день — это способ раздела власти и собственности в разных странах.* Многие режимы в странах Центральной Азии были аутсайдерами мировой политики до того момента, как после 11 сентября не появилась антитеррористическая коалиция и не началась антитеррористическая операция в Афганистане. Среднеазиатские режимы в одночасье были приняты мировым сообществом, нашли свое место в мире.

Террор и антитеррор стимулируют развитие целых отраслей экономики. В первую очередь, это производство средств защиты. Например, на стратегически важных объектах ставятся сложные комплексы, при помощи химического анализа определяющие наличие взрывчатых и других опасных химических веществ. Стоимость только одного такого комплекса — несколько миллионов долларов. Но ведь каждый такой объект, будь то аэропорт, вокзал, станция метрополитена, крупный торговый центр, правительственные здания в условиях террора нуждаются в подобных средствах защиты. И чем больше опасений и страха в мире, тем больше процветает бизнес по производству и модернизации средств защиты.

Не стоит забывать, что террористическая активность играет огромную роль с точки зрения фондового рынка. В моменты, когда мир содрогается от беспрецедентных терактов, возникают колоссальные возможности по использованию информации о терроре в биржевой игре. Очевидно, что те компании, которые что-то предчувствуют или знают накануне крупных терактов, имеют возможность получать огромные деньги, сыграв на падении рынка.

БИЗНЕС ПРОТИВ БИЗНЕСА

Очевидно, что структуры, призванные профессионально заниматься борьбой с терроризмом, задачу окончательной ликвидации этого явления не реализуют никогда. Здесь уместно вспомнить известную притчу о крысолове: когда крысолов завершает свою работу по очистке амбара от грызунов, он обязательно выпускает обратно двух самых больших крыс. Поскольку не хочет оставаться без работы... Бизнес вокруг террора может победить только другой более прибыльный бизнес.

Не в первый раз человечество обнаруживает, что некоторые явления зла приобретают в его жизни системообразующий характер. Чтобы ни говорили по поводу террора, сегодня он — системное явление, часть обыденной жизни. Мы не можем заставить людей, целые политические партии и группы отказываться от того, чтобы использовать террор как способ получения экономических и политических дивидендов. Возможно, ситуация еще более печальная, и происходит сращивание, осуществляются сговоры большого масштаба.

Террор, как форма войны, есть продолжение политики другими способами. Это форма асимметричного ответа, с которым мы сегодня сталкиваемся по всему миру. Число регионов, пораженных террором, постоянно растет. Став системообразующим элементом современной жизни, террор в настоящее время практически непобедим. От него нельзя избавиться ни за год, ни за десятилетие. Его можно только смягчить или приглушить.

Существует незначительный набор методов ограничения террора. Если говорить вообще, то самый главный из них заключается в *изменении форм обыденности, что подразумевает вовлечение людей, занимающихся террором, в другие виды деятельности, разрушение системы воспроизводства террора*. Кавказскую войну прекратил не жестокий и высокоинтеллектуальный генерал Ермолов, не блестящий военачальник Паскевич, а генерал-губернатор Воронцов, который начал с того, что стал устраивать балы для местных элит, после которых было неудобно заниматься джигитовкой. Постепенно люди гор втянулись в другую обыденность. Позитивные формы обыденности удалось создать советской власти: «лишние» жители Кавказа не стреляли, а отправлялись на отхожие промыслы в другие районы страны, работали на крупных стройках. Терроризм как социальное явление не прекратится до тех пор, пока мы не вернем к нормальной жизни людей, в него вовлеченных.

Здесь наиболее сильное оружие цивилизованного мира — *массовая культура*. Когда люди начинают придавать значение материальным ценностям, приятной стороне жизни, у них пропадает желание заниматься террором. Некоторые даже полагают, что вместо того, чтобы направлять материальную помощь в Чечню, надо каждому чеченцу выдать телевизор, чтобы он смотрел «Муз-ТВ» и сериалы. Отвлеченность на мир массмедиа снимает массовую агрессивность молодежи. Массовая культура и общество потребления воспитывают в человеке эгоизм, любовь к себе, стремление к получению удовольствий. «Пороки» цивилизации становятся ее оружием. Именно *такое «развращение» могло бы стать мощным оружием в борьбе с террором*.

Однако с точки зрения бизнеса самое главное заключается в другом. *Любой бизнес всегда побеждается только бизнесом*, более выгодным и безопасным. До тех пор пока террор не будет вытеснен другими источниками заработка и обогащения, победить его будет крайне сложно.

Для начала борьбы с бизнесом вокруг террора очень важно перестать давать деньги, перекрыть источники его финансирования. То, что мы сейчас называем монетизацией льгот, на Северном Кавказе явно работает во вред. Здесь, напротив, скорее необходима, большая натурализация. В эти

республики прежде всего нужно давать купленные по нормальным тендерным ценам строительные материалы, продукты, промтовары, причем делать их мечеными, чтобы исключить возможность их перепродажи в другие районы страны и на местных рынках.

Безусловно, *необходим подкуп элит в нестабильных регионах*. Очевидно, что федеральный центр сегодня вынужден направлять существенные дотации в республики Северного Кавказа, тем самым пополняя карманы местных правящих кланов и снимая напряжение, постоянно грозящее перерасти в новый виток террора. До определенного момента такая система работала в Дагестане, пока Москвой не был нарушен баланс во взаимоотношениях местных элит.

Таким образом, возникает возможность «перекупки бизнеса», когда взамен заработка на терроре создаются синекуры для элиты и рабочие места для народа — и на их основе долговременный, финансовый интерес, дать людям возможность заниматься бизнесом с меньшим уровнем риска. При этом *необходимо продолжать использование жестких силовых методов, чтобы сам террор превратился в чрезвычайно опасную операцию*.

Виталий КУРЕННОЙ

ВОЙНА, ТЕРРОРИЗМ И МЕДИА

Терроризм стал основной политической категорией современного мира. В течение нескольких лет, прошедших после 11 сентября 2001 г., это понятие заново организовало политический язык современности. Дело не в частотности использования самого слова «терроризм». Речь идет о глубокой трансформации политического.

Политическое, если воспользоваться формулой Карла Шмитта¹, в своем высшем, наиболее чистом проявлении задается особой парой категорий, свойственной только ему. Это категориальное различие друга и врага, различие, которое, если брать его в конкретном смысле, означает бытийную сопричастность друзей и, напротив, отрицание самого существования, «экзистенции», врагов. Практической же формой выражения политического противостояния в его чистой форме является война. Таким образом, согласно Шмитту, война — это не просто «продолжение политики другими средствами», как гласит известный афоризм Карла фон Клаузевица², но есть высшее проявление политического как такового.

Сущность политического может поблекнуть, потеряться в рутине общественной и государственной жизни, но тем самым она не становится достоянием прошлого и всегда готова предъявить нам свой безжалостный смысл. По отношению к политическому вполне можно отнести то, что Клаузевиц сказал по поводу войны: «фактический рост культуры нисколько не парализует и не отрицает заключающегося в самом понятии войны стремления к истреблению противника.... Война является актом насилия, и применению его нет предела»³.

При этом меняется другое — область того, что может быть подведено под категорию «врага». Политическое, как отмечает тот же Шмитт, не имеет личностной окраски, это не личная неприязнь или вражда. Политическое действие предполагает наличие какой-то социальной общности (обозначаемой определенным абстрактным понятием), которая образует условие возможности объявления и ведения войны. Война может объявляться представителям иных религиозных взглядов, другим государствам или социальным группам («классовая война»). В настоящее время той абстрактной общностью, по отно-

1 См. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35–67.

2 фон Клаузевиц К. О войне: Том I. М.: Издательство АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. С. 47.

3 Клаузевиц. Указ. соч. С. 26.

шению к которой легитимно проявление политического и, соответственно, возможно объявление войны, является «терроризм». Политическая логика в настоящее время имеет форму примерно такого силлогизма: «все террористы — враги; х — террорист; следовательно, х — враг».

Таково нынешнее положение дел, и мы не станем здесь рассматривать вопрос о том, насколько эта новая политическая практика является обоснованной и справедливой, а насколько просто удобным и риторически выгодным способом конвертировать пеструю картину прежних политических и военных столкновений в единый эквивалент «борьбы с терроризмом». нас интересуют другие вопросы, связанные с медийным аспектом этой темы. Но при этом речь идет не о том, чтобы сформулировать какие-то рецепты для современных медиа, которые могли бы быть полезны, например, при освещении террористических актов в СМИ. Эти вопросы крайне важны и насущны, но не менее важно попытаться разобрать общие проблемы, связанные со структурной ролью медиа (в первую очередь, конечно, средств массовой информации) в тех новых войнах, которые идут в современном мире. Не претендуя, разумеется, на некий исчерпывающий взгляд, мы рассмотрим эту проблему, руководствуясь следующими вопросами:

- 1) как изменилась современная война, и какое место занимает в ней терроризм?
- 2) какую роль фактически играли и играют СМИ в ситуации войны?
- 3) могут ли медиа способствовать прекращению современной войны?

После этого мы вкратце затронем практический вопрос, связанный с новейшими российскими законодательными инициативами, направленными на регулирование деятельности СМИ по отношению к терроризму и террористическим акциям.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЙНЫ

Для начала попробуем разобраться, что происходит с современной («новой») войной самой по себе. Это довольно большая тема, и мы ограничимся здесь краткими замечаниями, которые позволят нам затем взглянуть на роль СМИ в современных войнах с точки зрения формы самой войны. Предварительно, однако, важно отметить, что когда речь идет о противопоставлении «старой» и «новой» войны, его не следует понимать в том смысле, что война прodelьывает некую линейную эволюцию, по ходу которой один тип войны уходит в прошлое, уступая место другому. В современном мире сосуществуют самые разные формы войны (за исключением, разве что, кочевых войн, отличающих эпоху переселения народов). Для медийного аспекта военной темы это имеет особое значение, поскольку, на наш взгляд, СМИ задействованы в современных войнах двумя принципиально различными способами. Для раскрытия этих различных функций медиа важно, однако, рассмотреть тему возникновения нового типа военных конфликтов.

Для описания и концептуализации «новых войн» используется несколько подходов, которые разрабатывались такими теоретиками как Карл Шмитт,

Раймон Арон, Мартин ван Кревельд и др. Обобщенный взгляд на эти концепции можно найти, в частности, в работах Герффрида Мюнклера⁴. Под новыми войнами понимаются главным образом формы вооруженных столкновений, получившие распространение после 1945 г. в виде многочисленных «локальных конфликтов», а в последнее время прорвавшиеся на территорию развитых стран в форме международного терроризма. При этом новые войны обнаруживают ряд особенностей и тенденций, которые можно обнаружить уже в «старых», массовых войнах XIX–XX. Речь идет, в частности, о концепции партизанской войны, успешно реализованной Мао Цзэдуном на практике, а также о стратегии антиколониальных и национально-освободительных войн этого периода. Ключевой фигурой, угадавшей мощнейший потенциал нового типа войны, Карл Шмитт считает, что Ленин, являясь именно вождем большевистской революции «был тем, кто осознал неизбежность насилия и кровавых революционных гражданских войн и войн государств и потому одобрил и партизанскую войну как необходимую составную часть общего революционного процесса. Ленин был первым, кто вполне осознанно постиг партизана как важную фигуру национальной и интернациональной гражданской войны и пытался превратить его в действенный инструмент центрального коммунистического партийного руководства».

Поскольку используемое здесь противопоставление «старой» и «новой» войны имеет исторический характер, то и описание характерных черт новой войны лучше всего пояснить, используя исторический подход. В целом изменения, позволяющие говорить о возникновении «новой войны», связаны с тем, что в прошлое или, вернее сказать, в потенциальное состояние уходит та форма войны, которая возникла в результате Великой французской революции. С некоторыми модификациями, определяемыми развитием технологий, эта форма просуществовала вплоть до последней мировой войны и нашла свое продолжение в логике военных доктрин, определявших наращивание военного противостояния во время «холодной войны». Характер этой войны эпохи «модерна» определялся рядом политических, социальных и культурно-технологических факторов, сформировавшихся в разное время и быстро изменявшихся во второй половине XX в.⁵

4 Шмитт К. Теория партизана [[http://www.vif2.ru/users/ryadovoy/geopolitika/teoriya_partizana%20\(Shmitt\).htm](http://www.vif2.ru/users/ryadovoy/geopolitika/teoriya_partizana%20(Shmitt).htm)] (далее цитаты из Шмитта, приводимые в тексте, даны по этому источнику); Арон П. Мир и война между народами. М.: Nota Bene, 2000; Van Creveld Martin. The Transformation of War. New York: The Free Press, 1991; Münkler Herfried. Die neuen Kriege. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2002. На русском языке см. также Мюнклер Г. Войны XXI века [<http://www.icrc.ru/documents/52.pdf>].

5 Под «модерном» в социальной и политической науке обычно понимается период, который начинается с конца XVIII – начала XIX в., когда в западных обществах складывается специфическая политическая, социальная, экономическая и культурная система, которая не является характерной для традиционных или домодерновых обществ. Эту систему в общих чертах можно определить как индустриально-капиталистическую систему хозяйствования, которая политически структурирована системой национальных государств. Окончание периода «модерна» принято увязывать с наступлением эпохи глобализма, постиндустриального или информационного общества, а также целым рядом изменений, произошедших в культуре и описываемых в различных концепциях постмодернизма.

Политический порядок этой «старой» системы был заложен задолго до Французской революции — речь идет о принципах, положенных в основание заключенного в 1648 г. Вестфальского мира. Этот порядок предусматривал четкую дихотомию внешней и внутренней (гражданской) войны. Субъектом войн выступает здесь государство, понимаемое как гарант внутреннего порядка, обладающий также суверенным правом ведения войны (после Французской революции этот суверенитет определяется как «народный»). Внешняя война представляет собой при этом военный конфликт отдельных суверенных государств и их союзов. Эта политическая система и связанное с ней суверенное право ведения войны подверглось пересмотру на основании опыта катастрофических европейских войн XX столетия. После создания в 1945 г. Организации Объединенных Наций право на ведение войны перестало быть неотъемлемым атрибутом государственного суверенитета. Его ограничили международные обязательства, контролируемые ООН, — организации, ставшей прообразом многих других международных структур, перенимающих на себя в нынешнем глобализирующемся мире все большее число прежних функций национальных государств. Как известно, США в последнее время практически отказались от этого международного ограничения и попытались — ко всеобщему неудовольствию — вернуть себе статус суверена в полном объеме. Однако вопрос об эффективности такой стратегии остается открытым.

Государство как таковое переживает сегодня не лучшие времена. Оно испытывает ослабляющее его давление сверху (международные политические и экономические организации), сбоку (транснациональные корпорации, разного рода неправительственные организации) и снизу (ослабление национальной солидарности и потеря государством лояльности со стороны своих членов). С этой точки зрения сомнительно, что в настоящее время именно отдельное государство является объектом террористической агрессии. Равно как и то, что действия одного, даже самого мощного государства, способны ликвидировать причину этой агрессии. Результаты кампаний, инициированных США в Афганистане и, еще более отчетливо, в Ираке только подтверждают эти сомнения. Популярность цивилизационных и геополитических концепций, предлагающих новое (или, скорее, хорошо забытое старое) описание специфики современных конфликтов, является дополнительным аргументом в пользу того, что прежняя политическая единица конфликта (государство) не вполне соответствует новым реалиям нынешних военно-политических столкновений. Впрочем, изменение конфигурации политических субъектов ведения войны не является совершенно новым явлением. Российская революция практически стерла классическое представление о различии внешней и внутренней войны. Импортируемая из нового коммунистического государства революционная идеология (которая, однако, не сопровождала весь период существования Советского Союза, но была характерна лишь для его начальной фазы) привела, согласно известной интерпретации Эрнста Нольте⁶, к возникновению ситуа-

6 См. *Нольте Э.* Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. М: ЛОГОС, 2003.

ции всевропейской гражданской войны, которую также сложно анализировать с использованием этого классического противопоставления.

С социальной точки зрения прежняя военная система «модерна» предполагала массовый характер мобилизации и войны (немецкий генерал Э. Людендорф назвал такую войну «тотальной»). Институт армии основывается здесь на всеобщей воинской повинности, которая — наряду со всеобщим образованием — одновременно является важнейшим институтом формирования «национальной идентичности» граждан государства. Это положение резко противопоставляет массовые войны XIX–XX вв., ведущиеся силами «народных» армий, предшествующим европейским войнам, где в качестве основной военной силы выступали сравнительно небольшие наемные и профессиональные армии. Уже в силу этого характер военных конфликтов в этот «домодерновый» период не мог иметь большого масштаба. Клаузевиц, бывший свидетелем трансформационного перехода от «домодерновой» к «модерновой» войне, писал, что к началу XVIII века «ненависть и вражда уже не побуждали государства к непосредственной деятельности, а война превратилась в торговое предприятие»⁷. Но к концу того же столетия «на сцене появилась такая сила, о которой до той поры не имелось никакого представления. Война сразу стала делом народа... Благодаря участию в войне всего народа на чашах весов оказалось не одно правительство и его армия, а весь народ со всем присущим ему весом. Отныне уже не было определенных пределов ни для могущих найти применение средств, ни для напряжения сил; энергия ведения войны больше уже не находила себе противовеса, и потому опасность, грозившая противнику, возросла до крайности»⁸.

Эта социальная трансформация протекает одновременно с технологической революцией, поставившей науку на службу технике и в первую очередь — именно военной технике (милитаризация науки). С тех пор не только массовость, но и техническая оснащенность становится основным фактором, определяющим характер войны, ее успешность или неуспешность. Своеобразным символом этой новой роли техники является фигура Наполеона, первоначально командовавшего артиллерийским подразделением (именно артиллерия в это время была основным объектом планомерного и целенаправленного приложения науки к военной технике). Выполнение сложных и дорогостоящих задач по содержанию и перевооружению новой массовой армии становится в этот период под силу только государству. Армия превращается в огромное национализированное предприятие, на которое работает значительная часть общества (милитаризация промышленности).

В общем виде структура вооруженных конфликтов этого периода может быть определена как «симметричная». Адекватным ответом на наращивание военных и технологических сил потенциального противника является здесь такое же наращивание своей собственной армии и развитие сходных военных технологий или технологий, обеспечивающих итоговый баланс

⁷ Клаузевиц. Указ. соч. Том II. С. 400.

⁸ Там же. С. 408.

сил (в ответ на совершенствование системы противоракетной обороны разрабатываются ракеты, с которыми эта система не может эффективно справляться).

К числу важнейших особенностей симметричных войн относится то, что военный конфликт между враждующими сторонами регулируется определенным типом рациональности, который является общим для воюющих сторон. Это утверждение может показаться странным, поскольку войну привычнее считать чем-то неразумным, получающим свой импульс от иррационального стремления к господству и уничтожению. Такое понимание войны, однако, верно лишь отчасти. Для того, чтобы составить более полное представление об этом предмете, необходимо обратиться к идеям крупнейшего военного теоретика XIX–XX вв. Карла фон Клаузевица. Последний рассматривал войну как систему, которая включает в себя три основных субъекта действия. Первым из них является *народ*, воплощающий в себе иррациональную стихию уничтожения, свойственную всякой войне. В своем чистом виде «народная война» не признает никаких «правил» и «приличий» ведения войны. Об этом нам хорошо известно из «Войны и мира» Л. Толстого, вдохновенно воспевавшего «дубину народной войны», а заодно и популяризовавшего эту идею Клаузевица. Противоположной инстанцией, воплощающей в себя чисто рациональную сторону войны, является *политик*. Несмотря на то, что именно политик принимает решение о начале ведения войны, заложенная в этом акте чистая сущность политического (в том смысле, как ее понимает Карл Шмитт) ограничивается впоследствии тем, что политик действует рационально, соизмеряя выигрыши и потери от войны. В конечном итоге эта политическая рациональность имеет ту же природу, что и экономическая рациональность, свойственная капиталистической системе хозяйствования. Именно политик полагает предел иррациональной разрушительной стихии войны, принимая решения о завершении военных действий и, тем самым, ограничивая неумолимую логику политического, требующую уничтожения самого существования «врага». Наконец третьей, промежуточной инстанцией войны является полководец, стратегическое искусство которого состоит в том, чтобы сопрягать эти различные устремления двух других субъектов войны, что, в свою очередь, требует от него немалого искусства и изобретательности.

Таким образом, классическая симметричная война предполагает наличие общего рационального знаменателя, образуемого рационализмом политиков и представляющего собой общую платформу для взаимодействия воюющих сторон. Практическим выражением этой общей рациональности являются не только возможность заключения мира, определение условий договоров о капитуляции, экономический расчет размеров контрибуций и т. д., но и правила ведения самой войны, как-то: запрет определенных видов оружия, нормы обращения с гражданским населением, с военнопленными и т. д. И хотя фактически эти правила часто нарушаются, они имеют принципиальное значение для симметричной войны, поскольку всегда оставляют открытой возможность для прекращения непримиримого взаимоунич-

тожения и переходу к рациональному торгу, к *коммуникации*, между враждующими сторонами.

Наличие этого общего рационального базиса, который определяет также и всю остальную логику симметричной войны, порождает множество эффектов, на которых здесь не место останавливаться. Упомянем лишь процесс «дегероизации» западных обществ, т. е. эрозию поведенческого образца жертвенности, исчезновение представление об «абсолютном враге», а также постепенную рационализацию войны. На фоне этой рационализации феномен европейских мировых войн XX столетия с их практикой массовых уничтожений произвел поистине шоковое воздействие на всю западную культуру, от которого она не оправилась и по сей день.⁹

Современная, «новая война», разновидностью которой является война

террористическая, отличается от старой «модерновой» войны по всем основным признакам. И хотя в мире по прежнему существуют «массовые» армии, основная часть тех вооруженных конфликтов, которые можно назвать военными, протекает не так, в европейских войнах XIX столетия и в последующих мировых войнах. При этом мы можем провести различие между структурно новым типом войны, к которому мы обратимся ниже (*структурно асимметричные войны*), и военными конфликтами, новизна которых состоит в том, что в них дей-

---

МЫ МОЖЕМ ПРОВЕСТИ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ СТРУКТУРНО НОВЫМ ТИПОМ ВОЙНЫ (СТРУКТУРНО АСИММЕТРИЧНЫЕ ВОЙНЫ) И ВОЕННЫМИ КОНФЛИКТАМИ, НОВИЗНА КОТОРЫХ В ТОМ, ЧТО В НИХ ДЕЙСТВУЮТ ПРОТИВНИКИ, СИЛЫ КОТОРЫХ НЕСОИЗМЕРИМЫ В ТЕХНИЧЕСКОМ И РЕСУРСНОМ ОТНОШЕНИИ (НАЗОВЕМ ИХ *КОЛИЧЕСТВЕННО АСИММЕТРИЧНЫЕ ВОЙНЫ*)

ствуют противники, военные силы которых несоизмеримы в техническом и ресурсном отношении (назовем их *количественно асимметричные войны*). Возникновение последних связано со сложившейся после исчезновения СССР констелляцией политических сил, которая по отношению к характеру военного противостояния как такового выступает как случайная. Очевидно, что симметричная война в качестве условия своего существования предполагает возможность достижения того симметричного баланса сил, на котором построена ее военная стратегия. После второй мировой войны сложились два центра сил, способных соблюдать этот баланс (СССР и США

9 Теоретики франкфуртской школы неомарксизма полагали, однако, что практика тотального уничтожения является вовсе не иррациональным феноменом, но, напротив, следствием крайней рационализации буржуазного общества (см. *Адорно Т., Хорхаймер М.* Диалектика просвещения. М.: Медиум, 1997). Концлагерь, если рассматривать его как особое «предприятие», организован совершенно рационально.

с их спутниками). Когда СССР был вынужден сойти с дистанции этого противостояния, возник центр сил, который обладает подавляющим военным превосходством в сфере неядерных военных конфликтов. Для обозначения технического и стратегического характера этих конфликтов военные теоретики используют понятие «дистанционные бесконтактные войны»¹⁰. В этой ситуации «старая» война, которая в настоящее время ведется США и их союзниками с каким-то национальным государством силами обычных вооружений, является асимметричной в силу технического и количественного ресурсного превосходства, заведомо обрекающего противника на поражение. Именно такого рода конфигурация конфликта имела место в «Войне в заливе», Югославской войне, последних военных операциях США и их союзников против Афганистана и Ирака. По всей видимости, военные конфликты после окончания «холодной войны» вообще могли бы свестись именно к такой форме (по крайней мере до тех пор, пока не была бы восстановлена сопоставимая по балансу военных сил «многополярность», о которой продолжают мечтать российские военные), если бы на наших глазах не произошло возникновение структурно новой войны. С одной стороны она включает в себя современный терроризм, а с другой выдвигает на первый план те формы военных конфликтов, которые хотя и не являются новыми, но до этого рассматривались как периферийные с точки зрения доминирующей симметричной стратегии. Что, впрочем, не отменяло их досадный характер для того же СССР (Афганистан) или США (Вьетнам).

«Новые войны» ведут не государства, а главари кланов, отряды полевых командиров, члены сетевых террористических организаций. Эту главную политическую трансформацию субъектов называют *приватизацией* войны (в противоположность «национализации», которая произошла вместе с появлением массовой современной войны). Эти новые субъекты могут воевать между собой, а также вступать в конфликт с традиционными регулярными военными силами или, как в случае террористических акций, действовать непосредственно на территории противника, обходя существующие системы внутренней безопасности какого-то государства. В двух последних случаях наиболее отчетливо проявляются специфические черты новой войны, которые определяются общим понятием *асимметричность* (такую войну можно назвать *структурно асимметричной*). На сегодняшний день тема асимметрии подробно описана, и здесь нет необходимости на ней задерживаться. Воспользуемся для краткости определением стратегической асимметрии, данным в одном из документов Института стратегических исследований США: «В сфере военной политики и национальной безопасности асимметрия понимается как действие, способ организации или тип мышления, *отличный* от действия, организации или мышления противников. Оно направлено на максимизацию собственных преимуществ и основывается на слабостях противника, направлено на перехват инициативы или полу-

10 См., в частности, лекцию генерал-майора В. Слипченко «К какой войне должна быть готова Россия» [<http://polit.ru/lectures/2004/11/18/slipch.html>].

чение большей свободы действий. Эта стратегия может иметь *политический, военный* или операциональный характер, а также представлять собой комбинацию таковых. Она может включать иные по своему характеру методы, технологии, ценности, формы организации, временные перспективы или различные комбинации всего этого. Она может быть краткосрочной или долгосрочной. Она может быть умышленной или вынужденной. Она может быть самостоятельной или же осуществляться в сочетании с симметричными подходами. Она может иметь как психологическое, так и физическое измерение»¹¹. Будучи самым общим, это определение, тем не менее, указывает на важнейшую особенность новой формы войны: она ведется *иными* способами. То есть теми, которые противник не можем ожидать и предвидеть, чтобы симметричным образом готовиться к ним и реагировать на них. Иными словами, новые войны ведутся таким образом, что сложившаяся военная организация, успешно работавшая в период массовых «модерновых» войн, не способна справляться с новыми стратегическими вызовами. Широко распространенная точка зрения на причину возникновения новых войн состоит в том, что они представляют собой ответ слабой стороны на подавляющее военное превосходство сильной («терроризм — это оружие слабых»). Т. е. структурную асимметрию можно трактовать как следствие количественной асимметрии.

Характер новых войн в достаточной степени может быть определен через отрицание обозначенных выше характеристик старых, массовых войн, и для нас нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. Необходимо, правда, подчеркнуть, что постольку, поскольку речь продолжает идти именно о войне, она имеет место лишь в том случае, если насильственное действие, выполняемое «неклассическим» субъектом (например, сетевой террористической организацией), руководствуется политическим (а не экономическим, моральным, личным и т. п.) мотивом.

В теме трансформации войны важно выделить и конкретизировать аспекты, имеющие непосредственное отношение к нашей теме. И в этой связи следует добавить, что ряд специфических особенностей новых войн восходит к стратегии *партизанской* войны. Эта последняя была «изобретена» испанцами (испанская герилья 1808 г.) практически одновременно с возникновением современной регулярной массовой армии. Карл Шмитт выделяет четыре основных признака партизанской войны: нерегулярность, повышенная мобильность, высокая степень политической ангажированности и теллурический характер.¹² Мы задержимся на двух последних характеристиках.

В отличие от регулярной армии, основанной на иерархическом дисциплинарном контроле и управлении, направленность, координированность и согласованность действий партизан основывается не на начальственной

11 Johnson II D.V., Metz S. Asymmetry and U.S. Military Strategy: Definition, Background, and Strategic Concepts. Strategic Studies Institute, 2001. P. 5–6. [<http://www.carlisle.army.mil/ssi/pubs/display.cfm?pubID=223&CFID=125530&CFTOKEN=57409701>]

12 Подробнее см. Шмитт К. Теория партизана [[http://www.vif2.ru/users/ryadovoy/geopolitika/teoriya_partizana%20\(Shmitt\).htm](http://www.vif2.ru/users/ryadovoy/geopolitika/teoriya_partizana%20(Shmitt).htm)].

иерархии, а на идеальном единстве, формируемом какой-то определенной идеологемой (что в организационном плане может выражаться, в частности, в связи партизанских отрядов с «партийной» организацией, являющейся носителем этой идеологемы). В силу наличия этой общей основы — более гибкой, чем традиционная дисциплинарная иерархия, — партизанская война довольно легко может адаптироваться к действиям регулярных военных сил, используя те ресурсы организации и самоорганизации, которые социологи называют сетевой структурой. В силу этого, в частности, с практической точки зрения не имеет большого смысла устранение управляющих центров такой организации, тогда как для иерархической структуры это, напротив, может иметь фатальные последствия. Но это также означает усиление роли «идеального» плана войны, поскольку именно он образует основу для действия сетевой партизанской (или террористической) организации.

Что же касается теллурического (т. е. связанного с землей, «почвой») характера партизанской войны, то — в отличие от партизанских войн, которые ведутся с начала XIX в., — он также претерпевает трансформацию в современной террористической войне. Связь с «землей» можно при этом истолковать двояким образом. С одной стороны, речь идет о том, что «классический» партизан опирается на поддержку местного населения. С другой стороны, эта связь выражается в том, что партизан использует для ведения войны инфраструктуру, существующую на данной территории. В силу этого характер партизанской войны сильно зависит от характера этой инфраструктуры, определяя, в частности, скорость и масштаб возможных акций насилия. Так, в настоящее время гражданские самолеты могут быть превращены в ракеты для уничтожения зданий врага. Современная террористическая война может в силу этого пониматься как *вариант партизанской войны, которая способна обходиться без поддержки населения*. В то же время сама эта возможность основана на максимизации использования определенных инфраструктурных особенностей обществ, являющихся объектом террористической агрессии. При этом «инфраструктура» должна пониматься максимально широко, включая в себя социальные и культурные особенности современных западных и вестернизированных обществ, специфику глобализированного рынка труда и т. д. Например, согласно исследованиям американского специалиста по терроризму Марка Сейджмана¹³, группа, из которой международные террористические организации рекрутируют своих членов, состоит в основном из людей, имеющих мало общего с религиозными фанатиками. Это, как правило, обладающие высоким уровнем образования, хорошо встроенные в глобализированный рынок труда, имеющие приличные доходы и не получавшие специального религиозного воспитания выходцы из стран с традиционным культурным укладом. Их вступление в террористические сетевые организации является следствием своего рода фрустрации, испытываемой этими людьми при столкновении с атомизированным западным обществом, характерной особенностью которого явля-

13 См. Sageman M. Understanding Terror Networks. University of Pennsylvania Press, 2004.

ется индивидуалистическая культура. Именно в террористических организациях эти люди находят взаимную поддержку и сопричастность, дефицит которой они остро чувствуют в этой новой для себя среде.

Помимо этих особенностей социальной и культурной коммуникативной инфраструктуры (своего рода «software» современного общества) существуют и более осязаемые инфраструктурные элементы («hardware»), такие как банковско-финансовая система, транспортные сети, разнообразные информационные каналы, используемые для организации и осуществления террористических актов. Очевидно, что в обществе аграрного типа, состоящего из небольших сельских поселений с присущей им инфраструктурой и системой коммуникаций, невозможно появление партизана и, тем более, террориста, не пользующегося поддержкой населения. В контексте нашей темы принципиально важно то, что средства массовой информации также являются критически важной частью инфраструктуры современных обществ. Тем самым мы обозначили переход ко второму нашему вопросу.

МЕДИА И ВОЙНА — КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ

СМИ и «симметричные» массовые войны XIX – первой половины XX в.

Связь характера войны и медийной системы общества является чрезвычайно тесной. Можно даже сказать, что каждой медийной эпохе соответствует свой тип войны и *vice versa*. При этом нет необходимости использовать понятие медиа в широком антропологическом смысле как средства/инструмента, или же рассматривать те информационные и коммуникативные каналы, которые являются частью военной технологии. Данный тезис справедлив также применительно к узкому коммуникативному пониманию медиа как средств массовой информации. С этой точки зрения можно установить четкую и однозначную корреляцию между зарождением и эволюцией «модерновой», массовой войны и возникновением и развитием современных массмедиа. «Медийные революции», такие как возникновение книгопечатания, без которого едва ли можно представить феномен Реформации и последующие религиозные конфликты в Европе, также оказывали влияние на характер военных действия. Но непосредственная милитаризация медиа, прямое включение их в механизм разворачивания политических и военных конфликтов, начинается только с появлением массовой войны и массовой периодической прессы. Значение последней было точно предугадано Наполеоном, который организовал выпуск военных газет, регулярно сообщавших о его победах в Италии и Египте, что подготовило возможность для захвата власти 18 брюмера 1799 г. Наполеон и впоследствии уделял самое пристальное внимание прессе, лично определяя детальное содержание отдельных сообщений, и даже снимал редакторов газет за сообщения, которые он считал неприемлемыми.¹⁴

¹⁴ См., например, случай, описанный у Е. Тарле (*Тарле Е.* 1812 год. М.: Академия наук СССР, 1959. С. 93).

Возникновение той структуры массмедийного представления, которая нам известна на сегодняшний день и предполагает наличие относительно независимых журналистов, освещающих военные события, относится, однако, к более позднему времени.¹⁵ Первая «война в прессе» возникает лишь во второй половине XIX века и имеет непосредственное отношение к России. Речь идет о Крымской войне 1853–1856 гг. Именно в ходе этой войны армию союзников, воевавших с Россией, сопровождают английские и французские корреспонденты, подробно освещавшие в первую очередь осаду и взятие Севастополя. Наиболее известным из них был Вильям Говард Рассел, сотрудник лондонской «Times», которого часто называют также первым военным корреспондентом. Критические репортажи Рассела вызвали яростные протесты военных, обвинивших его, в частности, в нарушении военной тайны в ходе освещения осады Севастополя. Описывая в своих сообщениях численность и местоположение войск осаждающих, он, якобы, сослужил хорошую службу Николаю I. В связи с этим в Англии разгорелась общественная дискуссия, в которой победили военные. В конце войны, 25 февраля 1856 г. была введена военная цензура. Это создало прецедентный случай, определивший логику отношений СМИ и военных структур на все последующее столетие. Остается добавить, что газета «Times» во время Крымской войны увеличила свой тираж почти на одну треть, что продемонстрировало вполне очевидный экономический смысл медиатизации военной темы. Этот экономический момент является — применительно к капиталистическим обществам — одним из важнейших для понимания всей последующей истории взаимоотношений между СМИ и войной.

В связи с Крымской войной стоит обратить внимание также на то обстоятельство, что именно в это время появляется техническая возможность иного типа медийного представления войны. Войска союзников в это время уже сопровождает ряд фотографов, среди которых наибольшую известность получил англичанин Роджер Фентон, чья фотолаборатория размещалась на повозке, запряженной тройкой лошадей. Правда, его серия из 350 фотографий¹⁶ не использовалась прессой (технически, такая возможность появилась только после 1880 г.). Фотографии предназначались для размещения на специальных выставках. Экспедиция Фентона финансировалась английским правительством, которое не в последнюю очередь стремилось представить посредством нового «объективного» медиума вполне тенденциозный образ войны. Именно по этой причине, а не только из-за технических ограничений, на этих фотографиях нельзя найти, в частности, батальных сцен.

15 В данном случае мы следуем реконструкции истории взаимоотношений между СМИ и массовой войной, предложенной Т. Доминиковским, из работы которого почерпнут также ряд фактических сведений из этой истории. Подробнее см.: Dominikowski Thomas. "Massen" medien und "Massen" krieg. Historische Annäherungen an eine unfriedliche Symbiose/Krieg als Medienereignis. Grundlagen und Perspektiven der Krisenkommunikation. Hrsg. von Martin Löffelholz. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993. S. 33–48.

16 Сейчас они доступны в Интернете. См., например, <http://sevastopol.ws/history/war1/fenton/gallery01.htm>.

Новый этап взаимоотношений между войной и медиа начинается вместе с Первой мировой войной. Средства массовой информации превращаются в инструмент *массовой пропаганды*, которая стала неотъемлемым структурным элементом как этой, так и следующей мировой войны. В ходе последней огромные пропагандистские машины были созданы всеми основными воюющими сторонами. Совершенно особое положение применительно к теме пропаганды занимает в XX веке Советская Россия. Однако именно в силу того, что СМИ как инструмент пропаганды функционирует здесь в режиме военного времени практически без перерывов с начала Первой мировой войны и до эпохи «гласности», вся соответствующая проблематика заслуживает отдельного рассмотрения и не включается в настоящую статью.

В Германии министерство пропаганды действовало, начиная с 1933 г., в Великобритании Министерство информации было создано в первые дни войны и в течение месяца увеличило свою численность до 999 человек. Наибольшим размахом и профессионализмом отличалась организация немецкого министерства, которым заведовал Геббельс. Разумеется, речь в данном случае не могла идти о независимых или гражданских корреспондентах. Но на переднем крае немецких фронтов в 1943 году работало около 2000 репортеров, что давало немецкой информационной машине серьезное преимущество для доминирования в информационном поле. Профессионализм и сравнительная реалистичность немецкой продукции первоначально завоевали ей широкое признание во многих нейтральных странах. Различным СМИ предлагался широкий выбор технически хорошо выполненных репортажей, фотографий и кинособесед о войне (в сентябре 1944 г. число последних составляло уже более 5 миллионов). Немцы активно совершенствовали технику, необходимую для этого (в частности, именно в это время появляются компактные кинокамеры, оттачивается форма документального представления событий и т. д.). Не меньшее внимание СМИ уделяли также США. Генерал Эйзенхауэр даже сформулировал максимум: «public opinion wins war» («войну выигрывает общественное мнение»). Военные действия американской армии сопровождались широкой PR-компанией, проводником которой выступали военные корреспонденты. Военные репортеры при этом могли достаточно свободно передвигаться по фронтовой области. Собранная ими информация, правда, передавалась затем по каналам военной связи, что позволяло военной цензуре снять любое нежелательное сообщение.

Подводя некоторый итог этой теме, можно сказать, что опыт массовых войн XIX — первой половины XX вв. продемонстрировал своеобразный «симбиоз войны и средств массовой информации» (Т. Доминиковский). Невозможно себе представить одно без другого. Средства массовой информации выполняли функцию *массовой мобилизации* населения, задавая для него такую степень переживания *сопричастности* происходящим на фронте событиям, которую иначе просто невозможно было бы достичь. Голос Юрия Левитана, например, до сих пор остается узнаваемым для большого числа граждан бывшего СССР.¹⁷ А без

17 «Маршал Рокоссовский как-то сказал, что голос Левитана был равносителен целой дивизии.

этой сопричастности, создаваемой СМИ, невозможно себе представить также ту степень массовости и напряжения, с которой велись эти войны. Эта тенденция достигла своего апогея во время Второй мировой войны, когда основные воюющие стороны превратили средства массовой информации в часть военномобилизационного механизма, организовав мощные пропагандистские машины, контролируемые характер медийного освещения военных действий. Массовые войны, со своей стороны, всякий раз давали новый качественный толчок техническому развитию медиа: без войн мы имели бы сейчас другие средства массовой информации. Те изменения в структуре и формах медийной репрезентации событий, которые являются следствием активного участия средств массовой информации в военных действиях, начиная с XIX столетия, позволяют говорить о том, что информация в современном мире была подвергнута милитаризации, последовав в этом вслед за промышленностью и наукой.

Скорость производства и передачи сообщений о ходе военных действий, а также характер средств массовой информации претерпели значительную модификацию во второй половине XX в. Своеобразным поворотным моментом, значительно скорректировавшим отношение между СМИ и военно-политическими структурами, стала война США во Вьетнаме. По характеру медийного освещения она занимает промежуточное положение между всеми предыдущими и последующими войнами. Вьетнамская война стала «первой домашней войной»: новое средство массовой информации – телевизор – начал в это время свою победоносную оккупацию частного пространства жилища. Военные события вступили за порог дома, что не могло не сказаться на способах подачи и восприятия военных действий (правда, события этой войны еще не освещались на телевидении в режиме реального времени). Вторая отличительная особенность войны во Вьетнаме состояла в том, что это была первая война, освещение которой не подвергалось прямой цензуре.¹⁸ Два этих обстоятельства нередко рассматриваются как причины, заставившие США прекратить военные действия во Вьетнаме. Действи-

---

ВЬЕТНАМСКАЯ ВОЙНА СТАЛА «ПЕРВОЙ ДОМАШНЕЙ ВОЙНОЙ»: НОВОЕ СРЕДСТВО МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ – ТЕЛЕВИЗОР – НАЧАЛ В ЭТО ВРЕМЯ СВОЮ ПОБЕДОНОСНУЮ ОККУПАЦИЮ ПРИВАТНОГО ПРОСТРАНСТВА ЖИЛИЩА

А Гитлер считал его врагом рейха № 1. Главнокомандующий Сталин значился под номером 2» (Дурсунов А. Юрий Левитан: народный диктор СССР. [http://www.aif.ru/online/superstar/51/44_01]).

¹⁸ Правда, чтобы отправиться во Вьетнам журналист должен был иметь военное звание. Однако помимо некоторых общих правил соблюдения военной тайны на них не налагалось никаких других ограничений. Журналист получал аккредитацию, имея визу и сопроводительное письмо любого СМИ. В 1967 г. в Южном Вьетнаме находилось уже около 700 журналистов, сама численность которых исключала полный контроль со стороны военных.

тельно, наступление новой медийной эпохи телевидения в сочетании с бесцензурным репортажем сыграли в этом свою роль. Однако можно заметить, что представление о том, что именно СМИ стали причиной, заставившей США бесславно завершить эту военную кампанию, является также и весьма удобным мифом именно для военных, тем самым отводящих от себя подозрение в бессилии армии (аналогичный рефлекс военных работал также и во время первой кампании российских войск в Чечне¹⁹). Непредвзятый анализ репортажей из Вьетнама говорит о том, что их критическая роль является сильно преувеличенной. Тем не менее американские военные сделали выводы из той ситуации, которая сложилась в СМИ в ходе этой войны. Информационная политика последующих войн, которые вели США, свидетельствует о том, что армия создала высокоэффективную систему *информационного менеджмента*, позволяющую справляться с неконтролируемыми последствиями отсутствия военной цензуры, учитывающую особенности современных медийных форм репрезентации войны и интенсивность их воздействия. Можно сказать, что структурно аналогичную роль для России сыграла первая чеченская война, что самым заметным образом отразилось на подготовке и проведении той медийной кампании, которая идет с начала новой «антитеррористической операции» в Чечне. Но если американские военно-политические структуры корректировали освещение последующих вооруженных конфликтов путем совершенствования своей системы «общественных связей», то в России эта корректировка состояла, фактически, в возврате к практике цензурных санкций.²⁰

СМИ и новые «асимметричные» войны

Изменения форм ведения войны, связанные с появлением описанных выше современных асимметричных войн, самым непосредственным образом сказались на той роли, которую играют в них современные средства массовой информации. Прежде чем мы рассмотрим эти новые функции, напомним о тех технологических изменениях, которые оказали революционное воздействие на состояние современной информационной среды. Первое принципиальное изменение связано с совершенно новым скоростным режимом передачи информации, который стал возможен только с появлением современных средств связи. В настоящее время информация может поступать в СМИ в режиме реального времени, что самым радикальным

19 Например, в статье «Уроки чеченского кризиса» полковник М. Захарчук писал: «Вообще лично я никогда в своей жизни не видел, чтобы абсолютное большинство СМИ ратовали за успех врага. Ну такого вообще не было никогда. За успех врага ратовали. Вот это и ясно, что все куплено. Все прикуплено» (Захарчук М. Уроки чеченского кризиса // Независимая газета. 1995. 22 апр.) — Цит. по Гакаев З. Чеченский конфликт в зеркале российских СМИ [http://www.cjes.ru/lib/content.php?content_id=3053&category_id=4].

20 «С началом антитеррористической кампании военное командование практически ввело цензуру на всю информацию о ходе вооруженных действий, особенно это касается электронных СМИ (телевидения). В случае если журналист передаст информацию, на взгляд военных, не соответствующую действительности, его могут лишить аккредитации» (Гакаев З. Указ. соч.).

образом меняет представление об актуальности информации. В силу этого информация, поступающая в СМИ, приобретает новые функции, превращаясь в непосредственно действующий элемент самого освещаемого события. Если в предыдущий период о СМИ можно было говорить как об элементе события такого масштаба как война в целом или длительное сражение, т. е. как об элементе комплексных и длительных процессов, то сейчас информация, транслируемая по массмедийным каналам, способна выступать функциональным элементом локального события, разворачивающегося здесь и сейчас. Этот качественный скачок оперативности информации имеет еще одно весьма важное последствие для структуры самого медийного производства. Дело в том, что вещание в режиме реального времени означает устранение любой промежуточной инстанции между репортером и, например, телезрителем. Причем как инстанции цензуры, так и инстанции анализа, которая позволяла бы обдуманно отнестись к передаваемой информации, выделить главное, отсеять второстепенное и т. д.

Второй момент связан с тем, что на территории развитых стран мира эксплозивно возросла плотность и разнообразие форм информационных каналов (по сути, в настоящее время каналом передачи аудиовизуальной информации может выступать такой предмет повседневного обихода как мобильный телефон). Из этого вытекают два важных в контексте нашей темы последствия. Во-первых, в настоящее время практически невозможно скрыть какое-то событие. Высокая (хотя и весьма неоднородная) информационная плотность современного мира в целом означает невозможность полного контроля над потоками информации со стороны какой бы то ни было инстанции. Во-вторых, параллельно с ростом информационных сетей как таковых растет также и предложение в сфере СМИ. Что, в свою очередь, означает рост конкуренции между отдельными медийными компаниями и вытекающие отсюда требования к дешевизне получения, новизне, оперативности, зрелищности и доступности (тривиальности) информации.

Возвращаясь к роли СМИ в современных войнах, можно теперь выделить различные режимы их функционирования, которые варьируются в зависимости от того, идет ли речь о количественно асимметричной или структурно асимметричной войне. В последнем случае также имеют место две разновидности, одна из которых связана с терроризмом, а другая — с асимметричным типом ведения боевых действий, которые в настоящее время можно наблюдать в разного рода «локальных» конфликтах. Последний тип отличается очень широким разнообразием, охватить которое даже в самых общих чертах нам не позволяют рамки данной статьи. Поэтому мы сосредоточимся на принципиальных особенностях функционирования СМИ в первом и во втором случае.²¹

21 Применительно к локальным конфликтам следует сказать, что основной проблемой, связанной с ними в аспекте отношения к СМИ, является *избирательность*. Эти конфликты происходят, как правило, на территориях с весьма ограниченной или вообще отсутствующей информационной инфраструктурой. Несмотря на их кровавый и масштабный характер, лишь немногие из них оказываются в зоне внимания международных информационных

Роль СМИ в современных количественно асимметричных конфликтах может быть раскрыта через два понятия — «виртуальная война» и «информационная война». Первое из них описывает эффекты того взаимодействия, которое установилось в этих войнах между военными и публичной информационной сферой. Второе же определяет СМИ как функциональный элемент самих боевых действий. Рассмотрим два эти аспекта более подробно. С одной стороны, СМИ сыграли ключевую роль в складывании образа новой дистанционной войны, создав для нее имидж практически бескровного и даже гуманного в сравнении с предыдущими войнами предприятия, в ходе которого высокоточное и высокотехнологичное оружие позволяет разгромить военные силы и сломить политическую волю противника не за счет уничтожения его живой силы, а путем планомерного уничтожения его военной и экономической инфраструктуры. Эффективное выполнение этой внешней, нацеленной на формирование определенного общественного мнения, функции СМИ стало возможным в силу того, что военные сопровождали свои действия хорошо продуманным информационным менеджментом, который учитывал интересы и структуру самих СМИ. Такое информационное обеспечение превратило войну в своего рода хорошо срежиссированное шоу. В остроумной интерпретации Бодрийера²² это означало, что война «виртуализовалась», сама стала частью массмедийного производства. Однако этот удивительный эффект медиализации войны следует считать заслугой системы общественных связей военных, сделавших, в частности, необходимые выводы из неконтролируемых медийных эффектов войны во Вьетнаме и обративших себе во благо ряд стратегических особенностей военных конфликтов нового типа. К этим особенностям относится, в частности, то, что в этих войнах, ведущихся дистанционным высокоточным оружием, практически исчезло понятие «фронта». Раньше журналист имел возможность выбирать, где ему находиться: у передовой, в штабе батальона или армии, и в зависимости от этого мог давать различный информационный срез войны и, соответственно, выбирать различные уровни адекватности в освещении военных событий. Но в войне, где точечные удары наносятся по отдельным рассеянным на большом пространстве объектам, журналист в конечном счете будет вынужден оперировать лишь той информацией, которую контролируемым образом сообщают ему военные, использующие информационные каналы, доступные только им для освещения этих событий (информация, поступающая с военных спутников и т. д.). Для того чтобы получить более «реальный» образ войны, бессмысленно находиться даже поблизости от вражеских солдат. Бесконтактные дистанционные войны не ведутся против живой военной силы противника. К этому следует добавить, что ситуация управляемости СМИ со стороны военных, которая обу-

сетей. И если крупная автомобильная авария в центральном европейском городе немедленно становится достоянием всемирного информационного пространства, то гибель многих тысяч людей в какой-нибудь африканской стране вообще может не попасть в сети глобальных массовых коммуникаций.

22 Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Художественный журнал. 1994. № 3.

словлена объективными особенностями современных количественно асимметричных войн и в весьма небольшой степени зависит от субъективных установок представителей самих СМИ, одним из своих побочных следствий имеет потерю журналистской идентичности, основанной (в своем нормальном виде) на стремлении к объективному и беспристрастному освещению событий. Э. Катц, заявивший после «Войны в Заливе» о «конце журналистики», в этой связи писал: «Но фактом остается то, что мы, собственно, вообще не видели войны. Мы наблюдали только отдельные аспекты какой-то войны, о которой можно было сказать, что она идет».²³

Однако медиатизация этих войн связана также с тем, что СМИ в них выступали одновременно и как внутренний структурный элемент ведения войны («информационная война»). Условие реализации этой возможности заключается в уничтожении информационной инфраструктуры врага — как закрытой (военной), так и публичной (СМИ). И действительно, во время последних войн, которые можно отнести к числу количественно асимметричных, в число объектов инфраструктуры, уничтожаемых наряду с военными и экономическими, входили также информационные. Во время боевых действий в Югославии были разрушены практически все здания, обеспечивавшие работу СМИ. «Информационная война» не только позволяет нарушить работу военной системы (разрушение военных информационных каналов) и лишить политический режим возможности оказания информационного влияния на население собственной страны. В современном обществе, где политическая стабильность также является своего рода функцией СМИ, это означает возможность быстрой смены власти, поскольку национальная система СМИ заменяется интернациональной со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тем самым с высокой степенью эффективности может быть решена военная задача «сокрушения политической воли врага», поскольку в таком случае заменяется сам враждебный политический субъект.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что технологические изменения как в военной, так и в публично-информационной сфере привели к тому, что в современных количественно асимметричных войнах СМИ превратились в важнейший элемент вооруженного конфликта и стали дополнительным инструментом войны в руках технологически и информационно доминирующего участника этого конфликта. С точки зрения классической теории войны эту трансформацию можно рассматривать как рационализацию основного канала коммуникации, определяющего характер современной системы отношений между инстанциями «политика», «полководца» и «народа». При этом военные (инстанция «полководец»), наладив эффективный информационный менеджмент, получают возможность весьма успешно контролировать стихию общественного мнения («народа») и даже оказывать определенное влияние на инстанцию «политика», позиция которого в современном обществе находится под влияни-

²³ Katz, Elihu. Das Ende des Journalismus — Reflexionen zum Kriegsschauplatz Fernsehen, in: Bertelsmann-Briefe 10/1991, S. 7.

ем средств массовой коммуникации. Масштаб и эффективность этого контроля возрастает необычайно, поскольку в современном обществе именно СМИ образуют ту «кровеносную систему», которая придает этому обществу целостность и обеспечивает функциональную координацию между его различными элементами и подсистемами. С другой стороны, разрушая соответствующую информационную структуру противника, воюющая сторона, обладающая подавляющим технологическим превосходством в такого рода войнах, многократно увеличивает эффективность своих действий за счет разрушения медийной «кровеносной системы» врага и подмены ее собственной «информационной капельницей». Политическая эффективность такого рода «информационной войны» зависит, однако, от уровня информационной модернизации соответствующего общества. Если в Югославии это позволило быстро сокрушить политический и военный режим Милошевича силами самого этого общества, то в менее информационно-зависимых обществах (например в Ираке) уничтожение информационной инфраструктуры врага явно недостаточно для того, чтобы поставить под собственный информационный контроль его «народную» стихию с соответствующими последствиями для его политической и военной системы.

Эффективное встраивание СМИ в стратегию ведения современных количественно асимметричных войн основано в значительной степени на том, что военный и политический информационный менеджмент учитывает имманентную логику работы самих СМИ, их ориентацию на событийный характер, потребность в актуальной и наглядной информации, желательность развертывания событийного сюжета в таком драматическом ключе, который способен заставить аудиторию следовать дежурной просьбе телеведущих «оставайтесь с нами». Простой иллюстрацией такого рода синхронизации работы машины современной войны и СМИ является, например, привязка определенных военных или военно-политических акций к времени выпуска новостных программ. Это обстоятельство указывает на то, что военный информационный менеджмент учитывает автономные²⁴ правила функционирования медийных институтов и приспосабливается к ним.

Но эти же самые относительно автономные правила образуют также условие возможности для инструментализации СМИ в структурно асимметричных войнах, наиболее чистой манифестацией которых является терроризм и террористическая война. Феномен современного терроризма основан, как было указано выше, на максимизации использования инфраструктуры противника. Причем именно СМИ представляют собой наиболее важную часть этой инфраструктуры, без которой невозможно себе представить произошедшую революцию политического, определившую «международный терроризм» в качестве основного претендента на роль «врага» нынешних основных субъектов политического действия.

²⁴ Автономные в той мере, в какой они не могут контролироваться, в данном случае, системой венного информационного менеджмента, поскольку формируются под влиянием других социальных и культурных подсистем (экономики и т. д.).

Складывание нового политического языка, признание его убедительности и привыкание к нему произошло во многом в силу того, что террористические акты превратились в практически неотъемлемый структурный элемент современных СМИ. Начав утверждение своего присутствия с новостной лентой событий, терроризм постепенно вошел в тематику телевизионных сериалов и документальных фильмов, обратил на себя перья публицистов и колумнистов и т. д. и т. п. Однако в этом процессе трансформации политического СМИ играют не только роль усилителя и медиатора. Терроризм в новой своей роли общепризнанной политической категории является медийным продуктом по преимуществу. Сам по себе терроризм не является новым явлением, поэтому его значимость не определяется его новизной. Терроризм как прием насилия обозначает способ действия, но по своим целям и мотивам он является сложным и неоднородным явлением, поэтому его значимость не определяется ясностью в отношении новизны или необычайности его причин. В отличие от войн, затрагивающих огромные массы населения, терроризм по своим прямым последствиям распространяется на сравнительно узкий круг людей, поэтому вызываемый им резонанс не связан с его масштабностью. Если бы драматические события, вызванные террористическими актами, нельзя было наблюдать в реальном времени, сидя дома у телевизора, то осуществившаяся трансформация политического едва ли была бы возможна. Колоссальный рост политической значимости терроризма связан с тем, что теракты имеют характер драматически разворачивающегося *события*, как события они *зрелищны*²⁵ и, наконец, происходят на территориях, имеющих *высокую плотность информационной инфраструктуры*. Эти формальные особенности террористических актов делают их оптимально подходящими для включения в информационный формат современных массмедиа. Эффект, который в случае количественно асимметричных современных войн удается достичь посредством информационного военно-политического менеджмента, а также в силу тех преимуществ, которые дают военным их собственные информационные каналы, в данном случае удается достичь за счет особой конфигурации самого акта насилия, сразу же превращающего его в оптимальный материал для подачи в СМИ. Во многих случаях террористы стремятся также наладить свой собственный информационный менеджмент, привлекая журналистов так, как это имело место в ходе событий вокруг Норд-Оста. Однако принципиальным является здесь именно то, что современные СМИ просто не способны обойти или проигнорировать акт террора в силу имманентно присущей им логики функционирования. Эта логика не является произвольной и, в свою очередь, внешним образом задана экономическим режимом их существования. Они существуют в конкурентной среде, что — в сочетании с высокой плотностью информационной инфраструктуры на территории развитых государств мира — исключает сколь-

25 В терминах кантовской эстетики их можно определить как «негативно возвышенные», что определяет их специфическую привлекательность для наблюдателя, захваченного их созерцанием.

ко-нибудь эффективную возможность информационной блокады тех событий, которые ставит на повестку дня терроризм, посредством, например, межкорпоративных соглашений и норм, принимаемых частью медийных корпораций. Иными словами, современный террорист, которого с точки зрения военной теории можно определить как партизана, действующего без поддержки местного населения и максимизирующего работу с инфраструктурой врага, достигает наиболее эффективных результатов своей деятельности, используя существующую инфраструктуру СМИ. При этом структурные особенности ее функционирования не позволяют блокировать использование этой инфраструктуры в террористических целях, поскольку это означало бы проведение системных изменений как в политическом, так и в экономическом строе всего современного общества. До какой-то степени современное государство все еще может поставить под контроль ход освещения антитеррористической операции, замкнув систему информирования о ней на пресс-центры соответствующих силовых структур или штабов. Но что оно точно не в состоянии сделать, так это поставить под контроль предъявления в СМИ террористического события в своей внешней феноменальности. В случае же с событиями масштаба 9/11 само это предъявление практически полностью исчерпывает его смысл, просто не оставляя места для возможности установления внешнего контроля.

Резюмируя сказанное о медийных аспектах современных войн, можно заметить, что в соответствии с дифференциацией этих войн различается и медийная форма их репрезентации. С одной стороны, мы имеем максимальным образом управляемое освещение хода событий «виртуальных войн», которые представляют собой симбиоз современных информационных технологий, высокоточной техники ведения дистанционных войн и средств массовой информации, действующих в режиме «реального времени». Это своего рода апофеоз рационально-технологической ипостаси войны, достигшей своего наиболее полного и законченного выражения в силу того, что в этих войнах в настоящее время существует доминирующая сторона, военные и информационные ресурсы которой намного превышают аналогичные ресурсы ее противников. По своей медийной форме они приближаются к жанру хорошо поставленного телевизионного шоу, развивающегося по продуманному заранее сценарию, что и позволило таким теоретикам, как Бодрийяр, говорить о том, что содержание этих войн практически исчерпывается медийной зрелищностью. Однако именно в том момент, когда эта рациональность, казалось бы, имела шанс восторжествовать в системе современного миропорядка, этот порядок был взорван качественно и структурно асимметричным приемом насилия, называемым «терроризмом». Примечательно также то, что террористы зачастую действуют по схеме, которая представляет собой своего рода негативный отпечаток информационной политики военных штабов, ведущих количественно асимметричную войну: они ведут собственную PR-кампанию и осуществляют собственную информационную программу, взаимодействия с представителями СМИ. Кроме того, в системе современных медиа акт террора помимо внутренней собы-

тийности способен организовывать вокруг себя внешнюю, фоновую драматичность. Теракт как событие разрывает постановочную ткань вещания, создает для режиссируемой сетки медийного вещания ситуацию растерянности (что-то нужно в ней менять в связи с трагическим событием, но что и в каком направлении — не вполне ясно²⁶). Но любое изменение обычного режима, в каком бы направлении оно ни осуществлялось, лишь усиливает атмосферу «чрезвычайности», нарушает систему привычных ожиданий, еще более усиливая эффект от события. Вся эта цепочка социально-психологических последствий, становится, однако, возможной только в силу того, что этот асимметричный удар наносится по обществам, неотъемлемым функциональным элементом которых являются средства массовой информации, превращающихся здесь в важнейший инфраструктурный элемент самого террористического акта. Высокотехнологичное, информационное и рыночное демократическое общество достигло здесь своего парадоксального предела, когда угроза его стабильности приходит не извне, а индуцируется внутри него самого. Две эти крайние формы современной войны в прямо-таки образцовой форме образуют диалектическое противоречие, в котором слабый делает сильного заложником его собственных преимуществ. Приведем здесь примечательное рассуждение Брюса Хоффмана о связи между интенсивностью террористического давления и развитостью информационной системы США: «За последующие 30 лет [после запуска США первого телевизионного спутника в 1968 г. — В. К.] террористы совершили больше нападений на американских граждан и интересы этой страны, чем пришлось на долю любой страны мира. Существуют разные объяснения того, почему террористы именно американские мишени находят столь привлекательными, однако единственным ярко выраженным фактором всегда были исключительные возможности для широкой огласки и известности, которую террористы всегда могли получить от вездесущих американских СМИ. Наиболее ярко эта особенность проявилась во время кризиса с захватом рейса 847 авиакомпании “Трансуорлд Эр Лайнз”, когда британский корреспондент, освещавший события, обнаружил, что террористы не придавали никакого значения “неамериканским и нетелевизионным журналистам”».²⁷

*СМИ как средство кризисной коммуникации:
возможна ли позитивная перспектива?*

Выше мы рассмотрели характер старых и современных войн, а также те фактические функции, которые выполняли и выполняют СМИ в ходе этих войн. На основании этого рассмотрения можно прийти к общему заключе-

²⁶ Это замечание не относится к новостным каналам, вроде CNN, структура подачи информации в которых изначально приспособлена к любым неожиданностям. С наибольшей остротой эта проблема встает для «общенациональных» каналов, организованных как своеобразный «микроскоп», планируемая гармония которого просто не способна справляться с неожиданными новостями такого рода, как терроризм.

²⁷ Хоффман Б. Терроризм — взгляд изнутри. М.: Ультра. Культура, 2003. С. 166–167.

нию о том, что СМИ не являются независимой инстанцией по отношению к войне. Эта зависимость не является, однако, однородной, поскольку, если мы воспользуемся классической схемой Клаузевица, то обнаружим, что каждый из элементов этой схемы может выступать как субъект соответствующего влияния. В старых массовых войнах такой инстанцией является *политик*. В массовых войнах XIX–XX в. именно политическая инстанция государства превращает СМИ в мобилизационную и пропагандистскую машину. В современных количественно асимметричных войнах подчинение СМИ достигается за счет эффективного военного информационного менеджмента, использующего, в частности, преимущества милитаризованных информационных каналов. Иными словами, контролирующей инстанцией здесь является *полководец*. В такой же функции выступает в предельном случае

В СОВРЕМЕННЫХ КОЛИЧЕСТВЕННО
АСИММЕТРИЧНЫХ ВОЙНАХ ПОДЧИ
НЕНИЕ СМИ ДОСТИГАЕТСЯ ЗА СЧЕТ
ЭФФЕКТИВНОГО ВОЕННОГО ИНФОР
МАЦИОННОГО МЕНЕДЖМЕНТА,
ИСПОЛЬЗУЮЩЕГО, В ЧАСТНОСТИ,
ПРЕИМУЩЕСТВА МИЛИТАРИЗОВАН
НЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ КАНАЛОВ

и террорист, также способный организовать собственный информационный менеджмент, используя событийные преимущества акта террора. Наконец, третий субъект войны — *народ* — в современном обществе подчиняет себе функционирование СМИ посредством экономических механизмов рынка. К этому следует добавить, что в современных развитых обществах СМИ подчинены своему собственному *технологическому совершенству*. Плотность информационных каналов и их скорость задает для современных СМИ такие правила игры, которые они, если брать систему массмедиа в целом,

не в состоянии игнорировать. Эти предварительные замечания должны сразу же предостеречь нас от бессмысленного морализаторства в отношении современных массмедиа. И все же при всех этих ограничениях существует аспект, который позволяет более конструктивно подойти к вопросу о том, обладают ли СМИ миротворческим потенциалом. Речь идет о *коммуникативной функции* СМИ. Но прежде чем мы рассмотрим вопрос о том, каким образом эта функция может реализоваться в различных типах военных конфликтов, необходимо хотя бы вкратце затронуть одну принципиальную проблему, вызванную, в частности, тем, что уже сама попытка говорить о войне, то есть о том, что всегда связано с насилием и смертью, в аспекте коммуникации вызывает значительные сомнения.

Прежде чем обратиться к особой коммуникативной функции СМИ в современных военных конфликтах, необходимо сделать ряд общих замечаний, относительно их коммуникативной роли в современном обществе в целом. Ведь возникает вопрос, почему мы вообще можем говорить о СМИ

как о средстве коммуникации? С точки зрения системной социальной теории современное *информационное* общество отличают две противоположные тенденции.²⁸ С одной стороны, по мере исторического развития возрастает дифференциация и специализация его различных частей и сегментов. С другой стороны, возрастает взаимная зависимость этих частей друг от друга, что является необходимым следствием тенденции специализации. Эта система в целом приобретает стабильность и динамизм благодаря интенсивным информационным обменам между ее элементами и подсистемами, каналы выполняющих в таком случае именно коммуникативную функцию. Если такой коммуникативный обмен не налажен или испытывает функциональные сбои, то соответствующим подсистемам грозит утрата социальной успешности и эффективности. Роль информационных потоков, обеспечивающих интеграцию системы, возрастает также потому, что ее отдельные элементы уже не могут координироваться одной управляющей инстанцией в рамках упорядоченной иерархии (в силу сложности этой системы в целом). Помимо специализированных каналов информационного обмена, общество в качестве интегрирующего момента порождает также средства массовой информации, обеспечивающие взаимодействие между различными социальными подсистемами по наиболее важным вопросам, имеющим общее значение. Развитие медийно-информационной сферы, впрочем, также испытывает влияние двух противоположных тенденций. Одна из них ведет к дифференциации и специализации уже самих информационных каналов. Общенациональная, а теперь и глобальная система массовой информации, напротив, стремится компенсировать возникающую информационную специализацию. Социальная система в целом имеет противоречия, формой проявления которых является конфликт. Роль СМИ при освещении военных столкновений может быть определена как коммуникация в ситуации *кризисного конфликта*.²⁹ Военный конфликт определяется как кризисный в силу того, что в данном случае исчезает возможность коммуникации, позволяющей привести к иным (не насильственным) способам разрешения конфликта.

Принимая во внимание существо военно-политического столкновения, в своем чистом выражении отрицающего за «врагом» право на самое его существование, можно предположить, что переход конфликта в военную фазу означает отказ от коммуникативного действия как такового. Последнее предполагает признание за партнером по коммуникации определенной значимости, тогда как отрицание права на существование является, на первый взгляд, отрицанием одного из условий возможности коммуникации. Однако такой вывод был бы поспешным, поскольку существует множество примеров

28 Подробнее см.: Löffelholz Martin. Beschleunigung, Fiktionalisierung, Entertainisierung. Krisen (in) der «Informationsgesellschaft» / Krieg als Medienereignis. Grundlagen und Perspektiven der Krisenkommunikation. Hrsg. von Martin Löffelholz. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993. S. 49–64.

29 Подробнее см.: Löffelholz Martin. Krisenkommunikation: Probleme, Konzepte, Perspektiven / Krieg als Medienereignis. Grundlagen und Perspektiven der Krisenkommunikation. Hrsg. von Martin Löffelholz. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993. S. 11–32.

того, что коммуникативная интенция не предполагает существование того субъекта, на которого она направлена. Молитва — один из наиболее очевидных примеров этому. Каким бы образом мы не решали вопрос о бытии Бога «на самом деле», искренняя молитва имеет для верующего реальное значение. Но и для вполне секуляризованных людей существует множество ситуаций, в которых несуществование не ведет к разрыву коммуникативных связей (например, выполнение обещаний, данных когда-то умершему человеку). Рассуждая в этом направлении, мы можем прийти к выводу, что война как реализация сущности политического, предполагающая отрицание «экзистенции» врага, не противоречит тому, что именно инстанция политического может одновременно выступать как рациональное начало ведения и прекращения войны (иначе говоря, Шмитт и Клаузевиц не противоречат друг другу), так как коммуникативная взаимосвязь является самостоятельной структурой, границы которой не совпадают с границам сущего. Отрицание за кем-то права на существование может представлять собой специфическое коммуникативное действие, вовсе не означающее коммуникативное безразличие по отношению к тому, чье существование отрицается. Как раз наоборот, вражда — парадоксальным образом — является одним из наиболее сильных коммуникативных взаимодействий, и ее высшее проявление (отрицание права на существование) — предельно напряженным коммуникативным актом, подтверждающим коммуникативную значимость врага. Сказанное подтверждает также то обстоятельство, что мы не рассматриваем в качестве врагов предметы или существа, исключенные из сферы нашей возможной коммуникации: животных, растения, явления природы и т. п. Гегель, рассматривая столкновение двух самосознаний, описал существо смертельной вражды как стремление, направленное на установление и удостоверение взаимного *признания*: «Отношение обоих самосознаний, следовательно, определено таким образом, что они *подтверждают* самих себя и друг друга в борьбе не на жизнь, а на смерть. — Они должны вступить в эту борьбу, ибо достоверность самих себя... они должны возвысить до истины в другом и в себе самих».³⁰ Иначе говоря, война как кризис коммуникативного взаимодействия, не означает отказа от всякой коммуникации. Однако ее целью является такое изменение структуры коммуникации, которое не может быть достигнуто способом, отличным от насильственного, и оно осуществляется путем отказа от «нормальной», рациональной коммуникации, основанной на аргументации и поиске компромисса.³¹ Насилие же возникает там, где

³⁰ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. С. 101–102.

³¹ С точки зрения коммуникативной теории войну можно считать регрессивным шагом, возвращающим нас от собственно коммуникативного к стратегическому действию (если воспользоваться известным различием Ю. Хабермаса), ориентированному исключительно на достижение конечного *успеха*. Действуя стратегически субъекты социального действия «стремятся достичь своих целей, оказывая внешнее влияние на понимание ситуации их соперником, на его решения и мотивы, с использованием оружия или подкупа, угроз или посулов» (Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действия. СПб.: Наука, 2000. С. 199). В классической новоевропейской социально-политической теории коммуникативное взаимодействие традиционно рассматривается как проходящее на смену

стоит вопрос о власти, о порождении такой структуры социального взаимодействия, которая включает в себя отношения господства и подчинения. Это отношение, если мы и далее будем следовать гегелевской диалектике господина и раба, возникает в силу различного отношения к страху смерти (этому «абсолютному господину», как называет его Гегель). Господин приобретает власть над рабом в силу того, что он рискует жизнью. Отрицая значение жизни, «бытия», господин тем самым утверждает свою свободу, которую теряет раб, испытывающий страх смерти и тем самым обнаруживающий свою привязанность к бытию и жизни: «Между тем господин властвует над этим бытием, ибо он доказал в борьбе, что оно имеет для него значение только в качестве некоторого негативного; так как он властвует над этим бытием, а это бытие властвует над другим, [над рабом], то вследствие этого он подчиняет себе этого другого».³² Однако господин вследствие этого также приобретает несамостоятельность, зависимость от раба, которая имеет социально-коммуникативный характер, поскольку «для господина получается его признанность через некоторое другое сознание» (там же).

Описанная коммуникативная динамика — при всех отличиях, которые необходимо принимать во внимание, проецируя схему межличностных коммуникативных взаимодействий (на анализе которых главным образом и строится коммуникативная теория) на межгрупповые и межгосударственные, — может быть поставлена в соответствие классической, современной войне, которая стремится удерживаться в рациональных политических рамках, нормативно ограничена определенным набором правил ведения войны и завершается нормализацией коммуникативного взаимодействия между враждующими сторонами через заключение мирных соглашений. Эту войну отличает, таким образом, возможность государственно-политического контроля над коммуникативным процессом. Консенсусная, согласительная форма этого процесса прерывается на время ведения войны и возобновляется при переходе к переговорам.

Этой политической логике подчинено и функционирование СМИ (если мы рассматриваем их роль в исторической ретроспективе XIX–XX вв.). Однако в информационном обществе, единство которого обеспечено глобальной сетью информационных каналов, они приобретают сравнительно самостоятельную роль, которая оставляет за средствами массовой информации возможность оказывать влияние на принятие политических решений за счет изменения интенсивности информационного обмена между социальными образованиями, вовлеченными в политический конфликт. Иными словами, существует возможность для того, чтобы СМИ выступали в миротворческой

стратегическому: «войну всех против всех» сменяет общественный договор, войну между народами — «вечный мир» и т. д. Для этой эволюционной модели, обнаруживающей свое влияние также и в современных коммуникативных теориях, современная война является «неудобным» фактом. Примечательно, что теоретики нашего времени, рассматривающие конфликт как центральный элемент социальной динамики (например, Аксель Хоннет), не затрагивают специально тему войны.

³² Гегель, указ. соч. С. 103.

функции. Они играют эту роль постольку, поскольку удовлетворяют собственной сущности, т. е. предоставляют информацию. Этот вывод основан на допущении, что большая информированность конфликтующих сторон друг о друге увеличивает шансы на то, что они будут избегать вооруженного конфликта, быстрее перейдут к мирному урегулированию, а само военное столкновение будет иметь менее смертоносный характер. Принятие этого допущения основывается на описанной выше коммуникативной функции информации в дифференцированной социальной системе. Несмотря на довольно ограниченные возможности такого рода воздействия СМИ (о том, насколько эти возможности ограничены, свидетельствует вся история военных столкновений XIX–XX вв.), такая возможность, в принципе, не исключена. Теоретически говоря, она может проявляться весьма активно в современных обществах, где не существует формальных военно-цензурных инстанций и, следовательно, ослаблен и государственно-политический контроль над коммуникативными потоками и самостоятельными инициативами СМИ. Исход первой Чеченской войны говорит о том, что выполнение СМИ такого рода функций не только возможно, но и имеет место на практике (как бы мы ни относились к характеру и последствиям достигнутых тогда мирных соглашений). Однако в целом никакой такого рода масштабной миротворческой функции СМИ в современном обществе мы не наблюдаем. Человек, имеющий доступ к интернациональным каналам массовой коммуникации, лучше осведомлен о жизни бегемотов в Африке (благодаря таким каналам как «National Geographic»), чем, например, о внутренней жизни Югославии в период Югославской военной кампании и т. д. Причиной этого является, видимо, не только политическая лояльность конкретных медийных компаний или неформальные механизмы цензуры и самоцензуры. Дело, скорее всего, в том, что современные СМИ, самым влиятельным из которых остается телевидение, не имеют подходящего формата для включения в информационное пространство определенных событий и процессов — в силу отсутствия зрелищности, трудоемкости сбора информации, отсутствия, наконец, достаточной аналитической компетенции у журналистского сообщества. В результате целые сегменты социальной реальности выпадают из системы массовой коммуникации, которая лучше приспособлена и адаптирована для освещения военных конфликтов, чем для налаживания информационно-коммуникативного взаимодействия, позволяющего избежать кризисного военного коллапса коммуникации. Несмотря на все это для современных СМИ не существует затруднений принципиального характера, не позволяющих им смягчать напряжения, ведущие к возникновению кризисных военных конфликтов, или же содействовать их более мирному протеканию. Это относится в первую очередь к количественно асимметричным конфликтам, а также к тем локальным конфликтам, которые во множестве вспыхивают, например, на территории так называемых «несостоявшихся государств» (failed states) и о которых мы осведомлены, пожалуй, хуже всего в свете упоминавшейся выше проблемы избирательности информации.

Иная ситуация складывается в ходе террористической войны. Конфликт, который имеет место в этом случае, на наш взгляд, принципиальным образом отличается от классического современного военного столкновения. Соответственно и система коммуникации между враждующими сторонами здесь также является иной. Основное отличие состоит в том, что здесь не существует никакой латентной, «рамочной» рациональности, которая в классическом военном столкновении отвечает за правила ведения войны, помещает враждующие стороны в пространство взаимного политического признания, обеспечивающего возможность заключения мирных соглашений, и т. д. и т. п. Иными словами, акт террора строится на отрицании основополагающих конвенций ведения войны: расстрел детей говорит о том, что в этой войне отрицаются базовые ценности того общества, против которого направлен этот террористический акт. Ситуация вражды тем самым выводится из плоскости потенциального коммуникативного урегулирования, допускаемого классической войной: террорист не является врагом в политическо-легитимном смысле, но рассматривается как субъект криминального действия. Парадоксальность же медийной репрезентации акта террора состоит в том, что его включение в массовое коммуникативное пространство не может рассматриваться как возможность, позволяющая коммуникативным образом урегулировать или смягчить кризисный конфликт посредством ресурсов информационного общества.

Эту особенность можно пояснить путем сравнения со случаем «нормальной» функции СМИ в ситуации кризисного конфликта. Например, рабочие, требующие выплаты задолженности по зарплате, перекрывают автомагистраль. Цель этой насильственной акции состоит в том, чтобы вывести переговоры из тупика, в котором исчерпаны все коммуникативные ресурсы взаимодействия с работодателем. В информационном обществе этот коммуникативный тромб наиболее эффективно может быть ликвидирован в том случае, если событие попадает в средства массовой информации. Такую же роль выполняет голодовка — конвенционально приемлемый акт насилия над самим собой, свидетельствующий о крайней степени отчаяния. Все эти акции предпринимаются постольку, поскольку обычные средства и каналы коммуникации (например, профсоюз) не работают или оказываются недейственными. В том случае, если это событие попадает в СМИ и это стимулирует нахождение новых коммуникативных ресурсов, то переговорный процесс имеет шанс вновь войти в нормальное коммуникативное русло. Однако тот вид насилия, который демонстрирует терроризм, попадая в СМИ, отрицает по своему существу возможность восстановления коммуникации. Требования, которые выдвигались, например, террористами в Беслане, по имеющейся публичной информации сводились к возвращению в политическую и переговорную плоскость отношений между Россией и чеченскими боевиками.³³ Но сама форма этого требования отрицает

33 «По словам Аушева, террористы показали ему листок из школьной тетради, на котором были изложены их требования к президенту России. Среди них были следующие — «остановить

возможность возврата к правилам политической коммуникации, поскольку строится на отрицании базовых конвенций не только политического, но и военного взаимодействия.³⁴ Если исходить из известной нам информации о том, что мотивы действия террористов в Беслане и на Дубровке сводились к тому, чтобы перевести противостояние в Чечне в политическое русло, то с политической точки зрения это является ошибочным переносом криминальной схемы шантажа в сферу, в которой она не может работать, если давление пытаются оказать на полноценного политического субъекта. При этом следует добавить, что в своем чистом виде политическая логика не может напрямую зависеть от аффективного воздействия ставших достоянием СМИ террористических событий на население. Рассуждения о «психологической войне», которая оказывает деморализующее, угнетающее и проч. влияние на население, исходят из того, что террор нарушает психологический комфорт обывателя и тем и страшен. Но с политической точки зрения более страшны последствия удовлетворения предлагаемых условий и возврат к рациональной политической коммуникации. Это бы означало, что вы принуждены играть по правилам партии в шахматы, в которой ваш соперник, нарушая эти правила, нашел средство заставлять вас продолжать партию, воруя с доски ваши фигуры.³⁵ Более того, медийное освещение террористических актов крайне затрудняют последнюю возможность политического взаимодействия, которую предоставляет тайная политика (по крайней мере последствия ее обнаружения будут крайне негативными для политика). Как сами террористы, так и ассоциированный с ними «могущественный третий»³⁶ в результате становятся врагом, на которого

войну, вывести войска из Чечни, Чечня остается в рублевой зоне, Чечня входит в состав СНГ, Чечня вместе с федеральными силами наводит порядок на Кавказе и не допускает там вмешательства третьих сил». [<http://www.newsru.com/russia/28sep2004/aushev.html>].

34 В собственном смысле любой партизан, а не только террорист, находится, как показывает весь опыт войн XIX–XX вв., вне действия правил ведения войны. Карл Шмитт пишет по этому поводу «Партизан... не имеет прав и преимуществ участников войны; он преступник согласно общему праву и может быть обезврежен суммарными наказаниями и репрессивными мерами. Это было принципиально признано и на судебных процессах по делам военных преступников после Второй мировой войны, главным образом в приговорах Нюрнбергского процесса против немецких генералов (Jodl, Leeb, List), причём само собой разумеется, что все выходящие за пределы необходимого подавления партизан жестокости, террор, коллективные наказания или даже участие в геноциде, остаются военными преступлениями» (*Шмитт, Теория партизана*).

35 Несмотря на то, что эмпирически мы едва ли когда-нибудь будем знать что-то достоверное по поводу конкретной мотивации организаторов терактов на Дубровке и в Беслане, выдвигание в данном случае политических требований с расчетом на успех следовало бы считать абсурдным действием, если бы не прецедент Буденовска. Именно в данном случае российские власти действовали совершенно недопустимо с политической точки зрения, поскольку именно в Буденовске ими был запущен политический механизм переговоров с людьми, действовавшими террористическими методами. Политик должен опознать войну и никогда не принимать ее за что-то другое. Акт террора есть акт войны со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые не предполагают беседы по телефонам между начальниками воюющих штабов.

36 Воспользуемся здесь термином Шмитта: «Заинтересованный в партизане могущественный третий может эгоистически думать и действовать; со своим интересом политически

не распространяются правила политического коммуникативного взаимодействия и ведения войны. Иными словами, репрезентация террористического события в средствах массовой коммуникации ведет к отрицанию возможности политической коммуникации: СМИ в этом случае работают как катализатор войны. Резкое изменение позиции общественности во время второй чеченской кампании является, на наш взгляд, следствием того, что воюющая чеченская сторона оказалась связана (вольно или невольно — другой вопрос) с террористическими акциями. Политический контроль над российскими СМИ, элементы цензуры, плохой информационный менеджмент чеченцев и другие часто упоминаемые в этой связи факторы являются в данном случае вторичными и несущественными. При этом, разумеется, с точки зрения теории заговора всегда может быть озвучено подозрение в том, что это выгодно в первую очередь подвергнувшемуся террористическому нападению политическому субъекту (что по факту имело место как в США, так и в России).

С данной политической логикой, которую приводит в действие террористический акт, может вступать в противоречие логика выстраивания общественного мнения, формируемого под влиянием наглядной медийной репрезентации террористического акта. По своему характеру она является эмпатической. Когда драма с захватом заложников разворачивается на экранах домашних телевизоров, зритель неизбежно сопереживает оказавшимся в беде невинным жертвам и требует их спасения любой ценой, не задумываясь, возможно, о долгосрочных политических последствиях такого рода действий. Естественным образом отвечая на это движение сопереживания, политик всегда в этом случае говорит: «сейчас наша главная цель — спасти заложников». Тем не менее, следует отдавать себе отчет в том, что с чисто политической точки зрения (как и с точки зрения «полководца») гибель людей не является основанием для отказа от той логики войны, которую запускает в действие любой акт террора. Лишь в силу того, что современный политик зависит от складывающегося преимущественно под влиянием СМИ общественного мнения, он вынужден считаться с тем гуманистическим императивом, который спонтанно формулируется общественностью в такой ситуации. Точнее говоря, политик сообразуется не с непосредствен-

---

КОГДА ДРАМА С ЗАХВАТОМ ЗАЛОЖНИКОВ РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ НА ЭКРАНАХ ДОМАШНИХ ТЕЛЕВИЗОРОВ, ЗРИТЕЛЬ НЕИЗБЕЖНО СОПЕРЕЖИВАЕТ ОКАЗАВШИМСЯ В БЕДЕ НЕВИННЫМ ЖЕРТВАМ И ТРЕБУЕТ ИХ СПАСЕНИЯ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

он находится на стороне партизана. Это имеет следствием политическую дружбу и является видом политического признания, даже если дело не доходит до гласных и официальных признаний как воюющей партии или как правительства».

ной реакцией общественности, а с ее предполагаемой реакцией, которая реконструируется, исходя из содержания медийного послания, формируемого в ходе разворачивания террористического события.³⁷ К этому следует добавить, что под влиянием этих факторов политик способен совершать весьма серьезные ошибки, будучи поставлен перед необходимостью очень быстро реагировать на происходящее в режиме реального времени события, сразу же получающие эмоциональный отклик общественности. С точки зрения возможности оказания давления на политическую систему современного общества, следует обратить внимание также на то, что срежессированный и хорошо подготовленный террористический акт имеет своей целью формирование позитивного имиджа террористов в ходе их непосредственных контактов с журналистами (достаточно вспомнить тот ореол, который приобрел Басаев во время захвата больницы в Буденовске).

Однако помимо террористических актов, за которыми, как то имеет место в России, прямо или косвенно стоит набор политических требований, есть и другие акты террора, полностью исчерпывающиеся демонстрацией насилия (разрушение башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке). Такого рода акции, не сопровождающиеся никакими условиями, говорят о том, что здесь имеет место безусловное отрицание ценностей подвергнувшегося нападению общества, крайняя форма отторжения всех его социально-культурных качеств не только с точки зрения используемых средств, но и с точки зрения конечных целей. Данная тема, впрочем, ведет нас к вопросу о мотивах и причинах современного терроризма, который является слишком неоднородным и сложным, чтобы его можно было бы содержательно привлечь к настоящему рассмотрению. Важно лишь то, что на основании характера используемых средств терроризм, несмотря на разнообразие причин и мотивов, выключается — с политической точки зрения — из сферы возможной рациональной политической коммуникации, (даже если его единственной целью является именно ее восстановление).

Этот вывод указывает также на то, что определение врага в качестве террориста может служить удобным инструментом в любом собственно политическом или даже социальном конфликте, поскольку абсолютизация врага, имеющая место в этом случае, максимизирует императив политики, требующий простого уничтожения врага, и выводит его из под контроля рациональных ограничителей насилия. Определение кого-то в качестве «террориста» означает, что в таком случае политическая инстанция блокирует возможность коммуникативного взаимодействия и опирается в дальнейшем только на насилие, передавая контроль над ситуацией силовым структурам. В силу этого идентификация события в качестве террористического должна осуществляться крайне осмотрительно, поскольку всякий политический

³⁷ Не вдаваясь в этот довольно тонкий вопрос, следует, однако, заметить, что в силу этого обстоятельства явная или скрытая политическая цензура в современном обществе — это не ограждение общества от нежелательной информации, а ограждение политика от его собственных страхов перед воображаемой реакцией общества, которую он вынужден реконструировать по своей собственной реакции на медийное послание.

строй всегда склонен к тому, чтобы назвать «терроризмом» любую форму действия (даже сугубо социально- или политически-протестного), направленного против этого строя или его конкретной реализации.

В итоге мы пришли к довольно неутешительному выводу: с учетом особенностей функционирования современных средств массовой коммуникации их роль в современной террористической войне не может рассматриваться как миротворческая в своей возможности. Скорее, они способствуют доведению этой ситуации до своего кризисного предела, за которым коммуникация (в ее политической форме) становится невозможной. Реакция общественного мнения при этом выступает как дополнительный осложняющий фактор для политика. В итоге напрашивается вывод, что оптимальной стратегией СМИ в отношении терактов является их информационная блокада. Тем самым, 1) террористы перестают провоцироваться к совершению своих акций, исходя из расчета на широкое освещение их акций в СМИ, 2) общество изолируется от травматических последствий, связанных с медийным освещением терактов, а также исключается из сферы действия PR-менеджмента террористов, 3) политик не принужден к абсолютизации врага в лице тех сил, которые стоят за террористическими актами, поскольку эта абсолютизация является следствием предъявления демонстративных актов насилия, исключающих любую последующую политическую коммуникацию. Он не испытывает также и противоположного по своей направленности давления общественного мнения, которое может привести его к принятию поспешных и политически необдуманных решений в пользу сил, использующих террористические методы оказания давления.

Однако в современном обществе данное тривиальное решение является невыполнимым, а попытки его проведения в ограниченной форме — неэффективными по ряду вполне объективных причин. Во-первых, система запретов на демонстрацию террористических событий вступает в противоречие с некоторыми базовыми принципами современных демократий. Во-вторых, даже если такого рода система будет введена (что возможно, например, в России, где такого рода принципы не являются в достаточной степени укорененными), она будет не эффективна в силу глобального характера современной информационной сети, а также в силу экономических регулятивов работы СМИ, действующих в ситуации рыночной конъюнктуры и конкуренции. Само наличие такой конъюнктуры указывает на то, что общество чрезвычайно заинтересовано в получении информации о происходящих событиях и не намерено отказываться от нее (вопреки всем аргументам о стрессовом характере такой информации). Наконец, освещение террористических актов и антитеррористических операций в СМИ позволяет обществу осуществлять свой гуманитарный контроль над действиями военных и решениями политиков, ограничивая их возможность по реализации быстрых силовых решений, которые во многих случаях могли бы вести, в частности, к гибели заложников.

Учет этих объективных факторов, делающих информационную блокаду террористического действия невозможной в современном обществе, побу-

ждает к другому простому решению, состоящему в ограничении доступа к информации о терроризме вообще и к информации о ситуации в зоне совершения террористических актов в частности. Соглашаясь с необходимостью ограничения действий СМИ в некоторых ситуациях, связанных с возможным риском для жизни невинных людей, мы попытаемся, тем не менее, предложить способ решения патовой проблемы медийной репрезентации террористического события, отличный от стремления установить полный контроль над информацией о терроризме, которым, как мы укажем ниже, руководствуются также новейшие российские законодательные инициативы в этой области. Необходимость поиска альтернативного решения в данном случае мотивирована следующим общим соображением, вытекающим из всего вышесказанного. Война с врагом, использующим террористические средства, выводит из участия в ведении этой войны инстанцию рационального политического контроля и передает всю инициативу силовым инстанциям («полководцу» в классической схеме Клаузевица). Если к этому присоединяется подконтрольное тем же самым структурам регулирование поступающей через систему СМИ информации, доступной обществу, то мы получаем единственную – силовую – инстанцию, действия которой оказываются подконтрольной только самой себе. Последствия такой трансформации имеют если не прямо негативные, то, по меньшей мере, непредсказуемые последствия.

В силу названных объективных причин необходимо альтернативное информационной блокаде или полному информационному контролю решение проблемы освещения терроризма в СМИ. Для нахождения такого решения необходимо, на наш взгляд, обратить самое внимание на одно обстоятельство, которое нужно учитывать, при анализе последствий участия СМИ не только в освещении, но и разворачивании террористических актов. Речь идет о наличии и вариативности *зазора* между содержанием медийного послания и его восприятием общественной и политической аудиторией. Терроризм, опосредованный системой массовых коммуникаций, использует последние как средства для оказания влияния на политику и общественность, что, в свою очередь, выступает как движущий мотив самого террористического акта. Но информационная блокада – это лишь один из способов предотвращения негативных последствий такого воздействия, равно как и минимизации соответствующей мотивации совершения террористических актов. Другой способ, более отвечающий реалиям современного информационного общества (в котором такая блокада просто-напросто невозможна или неэффективна), может состоять в занятии аудиторией определенной дистанции по отношению к содержанию медийного послания, инспирированного террористами. Необходимость ограничения информации о террористических актах и терроризме продиктована патерналистской логикой политиков, военных или экспертов, и основывается на представлении о том, что общественное сознание напрямую подвержено манипуляции посредством информации, передаваемой СМИ. Эту же предпосылку разделяют и террористы, полагающие, что медийное

предъявление акта террора или более сложные манипуляции с информацией, достижимые в случае захвата заложников и получения возможности непосредственного контакта с журналистами, могут оказывать предсказуемое воздействие на общественные настроения и оказывать тем самым желательное влияние на политику и общество.³⁸ Но эта предпосылка правдоподобна лишь постольку, поскольку мы допускаем, что содержание медийного сообщения определяет и содержание реакции на него. В том случае, если такой непосредственный механизм влияния не работает, то не работает и вся схема в целом. Исходя из этого альтернатива информационной блокаде состоит в расширении зазора между содержанием медийного послания и реакцией на него. Можно также сказать, что речь идет именно о *критической дистанции* по отношению к содержанию медийного послания, позволяющей распознать манипулятивный его характер (даже если работающие в этом случае в экстремальном режиме представители СМИ, сами становящиеся в известном смысле заложниками ситуации, не способны занять такую дистанцию самостоятельно).

Эта критическая дистанция может, в свою очередь, иметь двоякое происхождение. С одной стороны, она может быть выработана за счет расширения информационного горизонта аудитории усилиями самих СМИ. Речь идет об отказе от чисто событийного формата репрезентации событий, «созданных специально для их нужд», а именно террористических актов, и расширении представлений аудитории о корнях, побудительных мотивах, результатах, стратегии и тактике терроризма в форме аналитических и экспертных расследований. Такую же просвещенческую роль играют материалы, посвященные работе СМИ в ходе освещения терактов и экспликации тех механизмов, которые действуют в этом случае.³⁹ Аналогичную функцию способно выполнять и медиаобразование, формирующее необходимые навыки критического отношения к медиaposланиям. Тем более что их важность не ограничивается только информацией, связанной с терроризмом, но распространяется на все тематические области, представление о которых складывается через современную систему СМИ. Впрочем, апелляция к сознательным возможностям СМИ и к системе образования не лишено морализаторского оттенка и ее эффективность в любом случае должна оцениваться с определенной долей скепсиса.

Второй источник выработки критического иммунитета по отношению к режиссируемым медиaposланиям, связан не с позитивной корректировкой содержания СМИ, а, скорее, с самостоятельными действиями аудитории, которая является поставленной перед необходимостью мобилизации

38 Брюс Хоффман совершенно справедливо подчеркивает в этой связи, что действия любых террористических групп, какими бы мотивами они ни руководствовались, всегда отличает один общий момент: «ни одна из них не совершает случайных или необдуманных действий» (Хоффман. Указ. соч. С. 159).

39 Они, кстати сказать, не обязательно должны иметь документальный характер. Аналогичную функцию в США выполняет голливудская кинопродукция, в которой весьма внушительное место занимают сюжеты, связанные с терроризмом.

ресурсов критического здравого смысла в том случае, если сталкивается с многообразной, неоднородной и даже противоречивой информацией. Иначе говоря, занятие критической дистанции к предлагаемой информации является функцией ее многообразия и, соответственно, — возникающей возможности информационного выбора, а не функцией качества самой информации. Такое решение проблемы имеет по отношению к стратегии содержательного перфекционизма целый ряд преимуществ. Во-первых, оно не апеллирует к конкретным СМИ как субъектам морального и рационального действия, но исходит из совокупного системного эффекта их свободного самоопределения. Во-вторых, если речь идет о повышении качества информации, то движение в этом направлении мыслится как однонаправленное. Следствием этого является гомогенизация информации (каковую — даже ничего не предполагая о возможных ее причинах — мы можем наблюдать в последнее время в российских СМИ). Но гомогенное информационное пространство лишь увеличивает риск ошибки, за которую в данном случае никто не несет ответственности.

В качестве возражений этому могут быть приведены следующие позиции.⁴⁰ Активные действия СМИ по сбору информации в области терроризма имеют своим последствием риск для жизни людей (заложников). Сразу же необходимо согласиться с тем, что действия журналистов в случае событий, аналогичных Буденовску, Норд-Осту или Беслану, должны быть ограничены. Акт террора есть акт войны, даже если эта война имеет локальный характер, и все, что с этим связано, протекает в режиме чрезвычайного положения. Но следует сразу же добавить, что эти ограничения не повысили, к сожалению, эффективность действия силовых структур, в особенности, в последнем случае. Однако на этом основании никто, кажется, не предлагает отстранить или ограничить в сфере их компетенции силовые структуры. Поэтому за пределами непосредственных тактических действий вокруг таких ситуация нет никаких оснований для ограничения действий СМИ по выполнению их прямых информационных функций. Второе возражение строится на аргументе о негативном характере пропаганды, которая неизбежно является составной частью медийной информации о терроризме. На это можно было бы возразить двояким образом. С одной стороны, следует просто повторить сказанное о механизме формирования критической дистанции посредством расширения информационного выбора. Эмпирическое же возражение могло бы в данном случае основываться на результатах общественного мнения, позволяющих фиксировать эффективность этой явной или скрытой террористической пропаганды. Применительно к России таких

⁴⁰ Эти позиции не представлены эксплицитно в рамках дискуссии о терроризме в России. За исключением инициатив представителей СМИ по установлению корпоративных правил освещения терактов после событий на Дубровке такая дискуссия просто отсутствует в явном виде. Однако они могут быть реконструированы в качестве принципов той политики, которую мы наблюдаем в российском информационном пространстве в последнее время (отбор новостей и язык их преподнесения на телеканалах, закрытие доступа к определенным сайтам и т. д.).

данных у нас нет. При этом мы можем, однако, сослаться на результаты аналогичных исследований в США, в частности, произведенных корпорацией RAND в 1988–1989 гг. и приводимых Брюсом Хоффманом.⁴¹ В соответствии с ними, высокий интерес общественности к информации о террористических действиях, сочетающийся с активными пропагандистскими усилиями террористов, не имел ровно никакого эффекта с точки зрения одобрения общественностью действий террористов. Эти результаты позволяют автору прийти к следующему заключению: «общепринятые суждения о взаимовыгодных отношениях между СМИ и терроризмом кажутся куда менее очевидными, чем это принято считать. В то время как большинство террористов жаждут внимания СМИ, которое те в свою очередь всегда готовы им уделить, известность, которую приобретают террористы, является двоякой. С одной стороны, террористы убеждены в том, что их действия призваны принести им известность. Но, с другой стороны, отношение и реакция общественности, которые они желают вызвать своими действиями, являются как менее предсказуемыми, так и менее податливыми, чем считают террористы и всякого рода эксперты».⁴² Косвенным подтверждением этого является, на наш взгляд, уже упоминавшаяся выше переоценка общественностью действий российских властей в Чечне во время последней чеченской кампании. Радикальное изменение к этим действиям по сравнению с первой чеченской кампанией следует, в таком случае, приписывать не изменению характера их медийного освещения, а установленной (по крайней мере в общественном сознании) связи между действиями чеченских боевиков и террористическими акциями последних лет.

Если от этих общих аргументов перейти к текущим практическим вопросам, то следует обратить самое пристальное внимание на новый законопроект «О противодействии терроризму», внесенный в Государственную Думу в ноябре 2004 г. Насколько мы можем судить по доступной информации,⁴³ этот законопроект в части, относящейся к деятельности СМИ, имеет два раздела. Первый из них касается освещения «обстоятельств, связанных с террористической акцией» в целом. Один из пунктов этого раздела налагает запрет на распространение информации «обосновывающей или оправдывающей необходимость» террористической деятельности (это помимо запрета на информацию, напрямую «призывающую к осуществлению террористической деятельности»). Следует сразу же заметить, что данная формулировка является слишком расплывчатой и, будучи понята в строгом смысле, исключает любой анализ причин и истоков терроризма. Поскольку эти причины и будут «основанием» действий террористов. Если следовать буквальной интерпретации этого пункта, то медийная информация о терроризме не может выходить за рамки негативных оценочных суждений и в СМИ должны пресекаться любые попытки выяснения мотивов тер-

41 См. Хоффман, указ. соч. С. 174–175.

42 Хоффман, указ. соч. С. 179.

43 См. в частности, материал «Антитеррор в законе» [<http://www.gzt.ru/headline.gzt?id=6405070000038381>].

рористической деятельности. Не очень понятно также содержание пункта, воспринимающего сообщение информации «содержащую сведения о фактах или сценах особо жестокого насилия», в силу содержательной неопределенности понятия «особая жестокость» (любого рода убийство — это уже особая жестокость или еще нет?).

Раздел же, содержащий перечень запретов на действия работников СМИ «в зоне проведения контртеррористической операции», содержит пункты, позволяющие 1) осуществлять полный цензурный контроль над всей полученной при этом информации (запрещено «скрывать от лиц, проводящих контртеррористическую операцию, факты осуществления аудио- и видео-записи, кино- и фотосъемки, а также документирования информации или событий иными способами») и 2) осуществлять полный контроль над медийным освещением терроризма путем пресечения сторонних информационных каналов («получать с нарушением установленного порядка предоставления сведений о контртеррористической операции информацию от ее участников или лиц, оказывающих им содействие»). Проблематичность этих пунктов состоит в том, что они направлены не на предотвращение неуместного использования получаемой информации во время осуществления самой операции (что является совершенно правомерным требованием), но на контроль над полученной информацией как таковой, в том числе и для ее использования после того, как миновала кризисная ситуация, делающая рискованным ее использование. Такой подход к вопросу об освещении терроризма и террористических актов исходит из логики полного контроля над информацией со стороны силовых структур, который распространяется не только на ход непосредственного освещения этих событий, но и на их контекст и, в конечном счете, на освещение феномена терроризма в целом. Однако с точки зрения сохранения общественного контроля над этими событиями, а также с точки зрения недопустимости злоупотребления логикой абсолютной террористической войны, эти ограничения могут быть оправданы лишь в рамках определенного времени, ограниченного сроком проведения конкретной контртеррористической операции.

Ким КРЭЙГ, Сара ДЭЙЛИ

ДИНАМИКА ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ

ОЦЕНКА ГРУППОВЫХ МОТИВАЦИЙ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Сегодня, когда многие страны участвуют в войне против терроризма, направленной не только против аль-Каиды, но и против других террористических групп, разбросанных по всему земному шару, основной задачей любого правительства, сталкивающегося с террористической угрозой, становится ее устранение или максимальное ослабление. Объявленная Соединенными Штатами война против терроризма нуждается в значительных военных и дипломатических ресурсах. Она может затянуться на долгие годы, но ее успех напрямую зависит от верной расстановки приоритетов.

Поэтому определение наиболее острых угроз со стороны террористов и установление наиболее уязвимых мест в террористических организациях может оказаться весьма полезным для аналитиков и руководства спецслужб. Традиционно в своей работе американские спецслужбы руководствуются интуитивным подходом к оценке террористической угрозы. Как правило, аналитики оценивают степень угрозы, исходя из количества нападений, совершенных террористами против США и других западных целей за определенный промежуток времени, или же рассматривают сильные и слабые стороны отдельной группы, избегая систематического сравнения с другими террористическими организациями.

Несмотря на то, что в краткосрочной перспективе подобная процедура оценки кажется логичной и оправданной, она не позволяет оценить изменение возможностей террористической группы. К тому же, при таком подходе не учитывается угроза со стороны групп, которые в последнее время не совершали нападений на американские цели, но от своих намерений не отказались. В средне- и долгосрочной перспективе такие группы могут представлять более серьезную угрозу. Таким образом, при оценке террористической угрозы необходимо учитывать динамику между намерениями и возможностями террористов, а затем на основании этого можно будет делать выводы о целе-

сообразности вмешательства спецслужб в развитие террористической группы с тем, чтобы предотвратить ее усиление и рост.

С этой целью экспертами корпорации РЭНД была разработана аналитическая схема, позволяющая дать более точную оценку террористической угрозы с учетом мотивации и возможностей экстремистских групп¹. В этой схеме выделяются пять различных уровней антиамериканских настроений и пять уровней возможности совершения терактов. Хотя обычно такой подход не используется при анализе и оценке угрозы терроризма, он уже давно стал неотъемлемой составляющей оценки угрозы в стратегических исследованиях и оборонном планировании. В этом смысле предлагаемая схема представляет собой простую адаптацию традиционных оборонных исследований к исследованиям терроризма. По вполне понятным причинам основной акцент в этой схеме сделан на той угрозе, которую террористические организации представляют для Соединенных Штатов, а не на международном терроризме вообще.

В качестве критерия для оценки намерений террористических групп по отношению к США были избраны «антиамериканские настроения». Поскольку некоторые организации вообще не выказывают своего отношения к США (например, некоторые израильские террористические группы, совершающие нападения на палестинцев, не выражают недовольства Соединенными Штатами), этот порог антиамериканских настроений считается нулевым.

Таблица 1. Показатели намерений террористической группы

Пороги антиамериканских настроений	Численное значение
Антиамериканская риторика и/или намерение дестабилизировать важных партнеров Соединенных Штатов	1
Связь с другой террористической группой, стремящейся нанести удар по американским гражданам и институтам	2
Открыто антизападная идеология и/или серьезные нападения на важных партнеров Соединенных Штатов в прошлом	3
При преследовании локальных целей мишенями становятся американские граждане и/или собственность	4
Отчетливая направленность на американские цели	5

Первый порог — антиамериканская риторика и/или намерение дестабилизировать важных партнеров Соединенных Штатов — соответствует отно-

1 Здесь не учитывается степень угрозы со стороны отдельных террористов, не связанных с организованными группами, наподобие Тимоти Маквее, совершившего в 1995 году теракт в Оклахома-Сити.

сительно невысокому уровню антиамериканских настроений. На самом деле многие террористические группы испытывают ненависть к США, но не нападают на их граждан и предприятия за рубежом. Например, непальские маоисты используют левую воинственную антиамериканскую риторику, но совершают нападения лишь на местные непальские цели.

Второй порог — связь с другой террористической группой, стремящейся нанести удар по американским гражданам и институтам, — введен, прежде всего, потому, что в последние годы аль-Каида оказывала поддержку множеству различных террористических организаций. Хотя в прошлом ООП, баскская ЭТА и Временная ирландская республиканская армия (ВИРА) поддерживали между собой неформальные отношения, подобная модель оказания поддержки и обучения других террористических групп относительно нова и связана с аль-Каидой. В то же самое время многие союзники аль-Каиды, несмотря на ее поддержку, отказываются нападать на американские цели. Примером может служить Салафитская группа проповеди и борьбы — организация алжирских исламистов, которая не совершила ни одного нападения на американцев.

Третий порог предполагает выраженную антизападную идеологию и/или совершение в прошлом серьезных нападений на важных партнеров Соединенных Штатов. В качестве примера можно привести пакистанскую группу Лашкар-и тайба, которая не нападает на американцев и американские объекты, но представляет серьезную угрозу для пакистанских властей.

На четвертом пороге американские граждане и/или собственность становятся мишенями террористических организаций, преследующих локальные цели. Иногда террористические группы убивают иностранцев, чтобы оказать давление на государственные или местные власти. Примером служат Революционные вооруженные силы Колумбии (РВСК), которые не раз нападали на американские нефтепроводы с целью дестабилизации колумбийского правительства. Подобные нападения не обязательно направлены против Соединенных Штатов, но степень антиамериканских настроений в них выше, нежели в простой риторике или при нападениях на американских партнеров.

И, наконец, на пятом пороге террористические группы четко ориентированы на нанесение ударов по американским целям. Наиболее показательный пример — аль-Каида, которая напала на американские посольства, корабли ВМФ США и нанесла удар по башням Всемирного торгового центра и Пентагону 11 сентября 2001 года.

Теперь в распоряжении у аналитиков имеется перечень довольно объективных критериев, который позволяет оценивать намерения террористических групп. При помощи этих критериев можно установить, какая из нескольких групп, обладающих одинаковыми возможностями для совершения терактов, представляет большую угрозу Соединенным Штатам. Например, возможности Тигров освобождения Тамил Элама сопоставимы с возможностями РВСК, но эта группа никогда не выказывала антиамериканских настроений. Поэтому, в соответствии с табл. 1, ей присваивается численное значение «0», а РВСК — «4». Полезность этой системы отсчета заключается в том, что она

позволяет проводить различия между террористическими группами и выработать целенаправленную политику противодействия терроризму.

Такая схема помогает также проводить различия между террористическими группами со схожими идеологиями, но различными намерениями. Например, и аль-Каида, и Хамас — исламистские группы, но первая ведет войну против США, а последняя совершает нападения в Израиле и на оккупированных территориях. Из-за сходства идеологий эти группы зачастую относят к одной и той же категории угрозы: исламистские террористы. Однако с точки зрения США, намерения аль-Каиды куда более опасны, нежели намерения Хамас.

Несмотря на полезность оценки намерений террористических групп, не менее важно оценивать также степень возможности совершения ими успешных нападений. Как и в случае с оценкой намерений террористов, выделяются пять порогов возможностей совершения терактов.

Таблица 2. Показатели возможностей террористической группы

Пороги возможности совершения нападений	Численное значение
Возможность убийства или ранения 50 человек за одно нападение	1
Возможность намеренного нанесения удара по неохраняемым иностранным подданным	2
Возможность убийства или причинения ранений 150 или более человек за одно нападение	3
Возможность нанесения ударов по охраняемым целям	4
Возможность координации множества нападений	5

Поскольку большинство террористических нападений совершается на уровне, который не требует проведения специальных разведывательных мероприятий, наличия определенных технических навыков, а иногда и планирования, то этот уровень принимается за нулевой.

Первый порог характеризуется возможностью убийства или ранения 50 человек за одно нападение. На этом уровне террористическая группа может получать элементарные знания о цели, владеть техническими навыками (например, создать взрывное устройство в кустарных условиях), планировать и совершать нападения, обеспечив минимальную степень оперативной безопасности. Например, в январе 1998 года Вооруженная исламская группа взорвала в алжирском кинотеатре самодельное взрывное устройство, что привело к гибели примерно 50 человек. Хотя нападение не было очень сложным, результат доказывает, что группа обладает навыками, позволяющими ей планировать и совершать успешные нападения на сконцентрированные группы людей.

Следующий порог предполагает возможность намеренного нанесения удара по неохраняемым иностранным подданным. Подобные нападения на иностранцев всегда требуют более высокой степени владения разведывательными и техническими навыками, а также планирования. В качестве примера такого теракта можно привести совершенное 8 мая 2002 года нападение пакистанских террористов на французских инженеров, проживавших в одной из гостиниц Карачи, в ходе которого было убито 13 и ранено 25 человек. Террористы знали не только местонахождение жертв, но и расписание поездок на работу и обратно.

Третьим порогом является возможность убийства или ранения 150 или более человек за одно нападение. Примером служит взрыв 21 декабря 1988 года самолета компании Пан Американ над Шотландией, в результате которого погибло 270 человек в воздухе и на земле. В действительности, на этом уровне трудно отделить *намерение* убить 150 и более человек от *действительной возможности* его осуществления. Например, Египетский исламский джихад (ЕИД) за все время своего существования так и не смог убить за одно нападение более 150 человек. Такое отсутствие масштабных терактов можно было бы посчитать следствием неспособности ЕИД совершить подобное нападение. Тем не менее члены ЕИД участвовали в нападении на американское посольство в Найроби, столице Кении, унесшем жизни более 150 человек. Следовательно, ЕИД может убить 150 или более человек, несмотря на то, что он не сделал этого в прошлом.

Четвертый порог предполагает возможность нанесения ударов по охраняемым целям, то есть проникновения на военные объекты или в посольства. Например, 24 июля 2001 года Тигры освобождения Тамил Элама напали на базу шриланкийских ВВС и гражданский аэропорт, уничтожив восемь военных и шесть гражданских самолетов. Как правило, навыками нападения на охраняемые цели лучше владеют партизанские организации, нежели террористы. Партизаны обычно нападают на военные цели, чтобы взять под контроль людей и территорию. Террористические группы используют насилие для привлечения внимания к своим политическим целям или для оказания давления на правительство с целью изменения его политики.

Последним порогом является возможность координации множества нападений. Такие нападения требуют сложного планирования, тщательного обеспечения оперативной безопасности, владения разведывательными и техническими навыками и слаженной системы командования и управления. Наиболее ярким примером нападения, соответствующего этому порогу возможностей, служат события 11 сентября 2001 года.

Теперь следует рассмотреть то, что лежит в основе таких возможностей, а именно – организационные и оперативные ресурсы. При первом приближении деятельность террористических групп делится на две категории: во-первых, это деятельность, направленная на поддержание единства группы, и, во-вторых, деятельность, позволяющая террористам совершать нападения. Такое разграничение открывает новые возможности перед теми, кто занимается разработкой политики противодействия терроризму. В том случае,

если задачей подобной политики становится предотвращение конкретного нападения или ослабление непосредственной угрозы терактов, то основные усилия должны быть сосредоточены на второй категории. Если же целью становится полное уничтожение террористической группы в долгосрочной перспективе, то вектор приложения силы должен быть направлен главным образом на первую категорию. Таким образом, поддержанию сплоченности террористических групп способствуют *организационные инструменты*, а совершению успешных нападений — оперативные.

В рамках этого общего разграничения можно выделить одиннадцать основных инструментов: четыре организационных — направляющая идеология, руководство, вербовка, огласка; и семь оперативных — командование и управление, оружие, подготовка, оперативное пространство (пространство и время, необходимые для планирования, подготовки и проведения нападений), оперативная безопасность, разведка, деньги.

ОПЫТ НИРА СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О НЕОБХОДИМОСТИ НАЛИЧИЯ В ГРУППЕ ХАРИЗМАТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕГО ЕЕ СПЛОЧЕННОСТЬ

Далее указанные организационные и оперативные инструменты будут рассмотрены на примере четырех организаций — Настоящей ирландской республиканской армии (НИРА), Хамаса, РВСК и аль-Каиды, которые можно считать «идеальными типами» террористических групп, действующих на четырех из пяти порогов возможности совершения успешных нападений.

Ключевым организационным инструментом, обеспечивающим сплоченность группы, является *идеология*. Часто тер-

ррористические группы используют свою идеологию в качестве инструмента в борьбе за власть. В данном контексте под идеологией понимается согласие относительно объектов недовольства и целей, которых террористическая группа пытается достичь при помощи насилия. Идеологии могут быть самыми различными (религиозными или политическими), но служат всегда одним и тем же целям.

НИРА ведет борьбу за освобождение Северной Ирландии от британского правления и объединение ее с Ирландской республикой. Большинство ее членов составляют бывшие бойцы ВИРА, выступающие за отказ от переговоров с британским правительством, что облегчает поддержание сплоченности группы. Однако идеологическая связь между НИРА и местным населением довольно слаба. Большинство республиканцев из Северной Ирландии поддерживают мирные усилия Социал-демократической рабочей партии и Шинфейна.

Не всегда бывает легко выделить идеологию конкретной группы. Например, Хамас считает свою террористическую кампанию против Израиля составной частью борьбы за палестинскую независимость, но в то же самое время участвует в религиозной борьбе внутри самой палестинской элиты против сторонников светского государства. Такая стратегия позволяет придер-

живаться националистической идеологии, отказывая при этом в законности светскому палестинскому государству.

Бойцы РВСК борются за контроль над Колумбией и проведение социальных реформ. Поскольку РВСК и местное население вовлечены в торговлю наркотиками, можно предположить, что причины, по которым местное население оказывает поддержку РВСК, являются не столько идеологическими, сколько экономическими.

В идеологии аль-Каиды религиозные и политические составляющие взаимно переплетаются. В состав аль-Каиды входят многие террористические группы, которые преследуют собственные локальные цели и в то же самое время подчиняются общей панисламистской идеологии, направленной против общего врага – Соединенных Штатов.

Вторым организационным инструментом является *руководство*, которое в данном случае следует отличать от командования и управления конкретной операцией. Террористические группы, как правило, объединяются вокруг харизматических личностей, которые привлекают и вдохновляют своих сторонников. Поэтому руководство играет в таких группах сплачивающую, а не оперативную роль.

Майкл Макевит основал НИРА и руководил ею вплоть до своего ареста в 2001 году. Принадлежность в прошлом к ВИРА позволила ему без труда сформировать группу своих сторонников. После его ареста в группе возникли некоторые разногласия. В 2002 году в британской прессе появились публикации о создании новой террористической группы, отколовшейся от НИРА. Опыт НИРА свидетельствует о необходимости наличия в группе харизматического лидера, обеспечивающего ее сплоченность.

В Хамас таким лидером был шейх Ахмед Ясин. Именно он в середине 1970-х годов объединил движение. И хотя в начале 1990-х годов он отошел от непосредственного управления организацией, до своей гибели в апреле 2004 года он играл роль своеобразного духовного лидера.

Харизматическим лидером РВСК является Мануэль Маруланда. Он формулирует общую идеологию, но все оперативное управление находится в руках командующих различными «фронтами» РВСК, которые играют важную роль в поддержании групповой сплоченности.

Наконец, несмотря на то, что Усама бен Ладен остается идеологическим и духовным лидером аль-Каиды, сплоченность ячеек, входящих в эту террористическую сеть, по-прежнему обеспечивают местные руководители. Многие террористические группы, заявляющие о своей принадлежности к аль-Каиде, например Исламский фронт освобождения Моро на Филиппинах, проводят свои акции, не ставя в известность руководство аль-Каиды. Во многом устройство аль-Каиды схоже с устройством РВСК, но действует она в мировом масштабе и включает в себя множество различных групп.

Принято считать, что ключевым вопросом в политике противодействия терроризму является вопрос *руководства* террористических организаций. Однако действительное руководство во многом отличается от сложившихся представлений. Обычно в качестве классических примеров того, как устра-

нение руководителей оказывает негативное влияние на террористическую группу, приводят поимку Абимаэля Гусмана Рейносо из перуанской организации Сендеро Луминосо и арест Абдуллы Оджалана из Рабочей партии Курдистана в Турции. В то же самое время ликвидация руководителей Хезболла и Хамаса не оказали на эти группы такого влияния. Примечательно, что в случае Гусмана и Оджалана у их организаций не было четкого плана передачи руководства преемникам. Хотя опыт НИРА свидетельствует о том, что нанесение удара по руководителям террористических групп может разрушить единство группы, в Хамас, РВСК и аль-Каиде, по-видимому, имеется достаточное количество руководителей среднего звена, имеющих своих сторонников и вполне способных справиться с потерей основного руководителя. Таким образом, можно сделать вывод о том, что роль *руководства* в поддержании единства группы зависит как от структуры организации (наличие одного или нескольких руководителей), так и от личной харизмы одного лидера.

Одним из важнейших условий выживания террористической группы является привлечение новых членов, которые необходимы для усиления влияния группы и восполнения потерь. Поэтому НИРА, Хамасу, РВСК и аль-Каиде приходится уделять особое внимание *вербовке* новых членов.

Первоначально НИРА, будучи небольшой террористической группой, смогла привлечь на свою сторону многих опытных боевиков ВИРА. Однако сегодня новые бойцы — преимущественно молодежь из Армы, Дерри и Дублина, прежде не принимавшая участия в насильственных акциях, — поддержали отколовшуюся организацию. Пример НИРА свидетельствует о необходимости привлечения новых членов таким образом, чтобы оно не подрывало сплоченности группы.

Хамас тратит значительные силы и средства на привлечение новых членов. Изначально сторонниками Ясина были беженцы из лагерей на западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, но теперь среди членов Хамас есть студенты и даже заключенные. Хамас поддерживает тесные связи с местными жителями, создавая на оккупированных территориях образовательные учреждения (от детских садов до университетов), приюты, больницы и спортивные клубы. По некоторым оценкам, до 60 % средств Хамас идут на социальные нужды.

Обычно новыми членами РВСК становятся крестьяне, проживающие на подконтрольных территориях на юго-западе Колумбии. Однако в начале 1990-х годов во время соперничества с Силами самообороны Колумбии РВСК пытались использовать тактику запугивания местного населения и вводили воинскую повинность.

Наконец, аль-Каида привлекает новых членов самыми различными способами. Иногда для проведения отдельных акций она нанимает подготовленных специалистов со стороны, иногда сама готовит новых членов в собственных лагерях, а иногда просто использует членов местных террористических групп со схожей идеологией и целями. Подобная тактика вербовки свойственна только аль-Каиде.

Огласка — привлечение внимания средств массовой информации к действиям, намерениям или идеологии террористических групп — представляет собой последний организационный инструмент.

НИРА и Хамас заявляют о своих нападениях или распространяют призывы к СМИ, одновременно выступая против своих соперников в борьбе за власть (у НИРА — это «мирные» республиканские группы, у Хамаса — светские власти Палестинской автономии) и против своего прямого противника (у НИРА — британские власти, у Хамаса — Израиль). В отличие от них, РВСК не придают значения освещению своих акций в местных СМИ. Тем не менее в распоряжении РВСК имеются собственные радиостанции, которые позволяют группам поддерживать связь между собой на значительных подконтрольных территориях. Поведение РВСК полностью соответствует модели партизанской пропаганды. Аль-Каида, как и РВСК, не объявляет о своих нападениях. Однако арабские СМИ регулярно получают и обнародуют видеозаписи обращений террористов-смертников и руководства аль-Каиды.

В отличие от организационных инструментов, необходимых для поддержания единства и сплоченности группы, оперативные инструменты используются для проведения успешных нападений.

Командование и управление представляет собой механизм, при помощи которого террористические группы планируют, координируют и осуществляют свои нападения. Стремление спецслужб внедрить своих агентов в террористические группы заставляет террористов выстраивать командование и управление таким образом, чтобы оно было как можно менее уязвимым.

Несмотря на свою небольшую численность, НИРА все же сталкивается с серьезными трудностями, связанными с управлением. В сентябре 2002 года британские власти арестовали двоих террористов НИРА, которые пытались взорвать завод в Ньюри. Полученные показания позволили задержать 46 членов группы. Британским спецслужбам удалось успешно использовать внедренных агентов и информаторов для разрушения террористической сети.

В начале 1990-х Хамас предъявлял минимальные требования к командованию и управлению. Тогда при координации операций группа использовала письма, переправляемые курьерами. Однако в последнее время усилия Израиля по противодействию терроризму заставили Хамас создать помимо обычных оперативных групп также «резервные группы», которые должны доводить до конца намеченную операцию в случае ареста или уничтожения израильцами основной группы.

В РВСК командование и управление опирается на систему руководителей среднего звена. Они проводят регулярные встречи с высшим руководством для определения стратегических целей и задач, но ответственность за планирование и проведение конкретных операций целиком возложена на командиров подразделений. Взаимодействие отдельных групп поддерживается при помощи радиосвязи.

Отличие аль-Каиды от остальных групп состоит в том, что она использует децентрализованную систему командования и управления, предоставляя широкую автономию отдельным локальным группам, которые проводят многие террористические операции без явного руководства со стороны аль-Каиды.

Несмотря на то, что при совершении терактов используется самое разнообразное *оружие* (от ножей и винтовок до отравляющих веществ), взрывча-

тые вещества по-прежнему остаются наиболее «популярными». С апреля 2001 по апрель 2002 года около 60 % террористических нападений во всем мире было совершено с использованием взрывных устройств.

Как правило НИРА, Хамас и РВСК используют простое автоматическое оружие и самодельные взрывные устройства. Но в отличие от НИРА и Хамас, которым приходится рассчитывать на местные источники оружия, боевики РВСК связаны с широкой сетью контрабанды оружия, охватывающей Центральную и Южную Америку. В арсенале боевиков аль-Каиды имеется самое различное оружие. В последнее время широкое распространение получила тактика использования смертников. Кроме того аль-Каида тесно связана с черными рынками оружия в Кашмире, Средней и Юго-Восточной Азии.

Террористическим группам также необходимо время и место для планирования, обучения и проведения своих атак. *Оперативное пространство* может простирается от городских общин до государств, предоставляющих им прибежище, но все террористические группы нуждаются в поддержке местного населения.

НИРА действует в городах Северной Ирландии и опирается на активную и пассивную поддержку местных жителей, скрываясь от полицейских и военных. Хамас пользуется поддержкой жителей западного берега реки Иордан и сектора Газа. РВСК и аль-Каида сохраняют контроль над территорией: под контролем РВСК находится южная часть Колумбии, а аль-Каида контролирует пограничные территории между Афганистаном и Пакистаном. Чтобы планировать сложные атаки, террористические группы нуждаются не только в оперативном пространстве. Лагеря беженцев, университетские городки и тюрьмы подходят для решения тактических задач, но непригодны для долгосрочной стратегии.

Оперативная безопасность предполагает способность террористических групп препятствовать спецслужбам в выяснении планов готовящихся операций и выявлении лиц, вовлеченных в их подготовку.

Залогом безопасности НИРА служит то, что члены одних ее ячеек не всегда осведомлены о планах других. Тем самым сокращается возможность предотвращения теракта благодаря получению агентурной информации, хотя арест одной или нескольких ячеек может погасить импульс всей террористической кампании. В ответ на активную антитеррористическую кампанию израильских властей руководством Хамаса была разработана структура основных и резервных групп, описанная выше. Боевикам РВСК приходится обеспечивать оперативную безопасность на большой территории, причем различные «фронты» в РВСК выполняют различные задачи (приобретение оружия, торговля наркотиками, партизанские кампании против военных целей) и каждый «фронт» предъявляет свои требования к оперативной безопасности. О том, какое значение обеспечению оперативной безопасности придает аль-Каида, свидетельствуют найденные в Великобритании руководства для ее членов, в которых содержатся рекомендации по уходу от преследования, созданию укрытий, даче показаний на допросах и т. д.

Кроме того, для проведения успешных терактов террористическим группам необходимо, чтобы их члены обладали соответствующей *подготовкой*: они долж-

ны уметь изготавливать взрывные устройства, владеть оружием, соблюдать меры конспирации и т. д.

Поскольку ни НИРА, ни Хамас не контролируют значительных территорий, возможности подготовки членов своих групп у них ограничены. НИРА удалось избежать проблем с подготовкой, так как многие ее члены были уже опытными бойцами ВИРА. Хамас вынужден использовать для подготовки своих членов лагерь Хезболла на юге Ливана. Задача подготовки членов РВСК облегчается тем, что они контролируют населенные территории на юго-западе Колумбии. Хотя РВСК прекрасно владеют тактикой партизанской войны в сельской и горной местности, попытки организации борьбы в городской среде оказались безуспешными. Поэтому РВСК приглашали в качестве инструкторов по проведению операций в городе бывших боевиков ИРА. Большое значение подготовке своих бойцов придает и аль-Каида, но в ее афганских лагерях проходили подготовку также арабские и южно-азиатские террористы.

Проведение *разведывательных мероприятий* необходимо террористам для установления потенциальной цели, планирования нападения и правильной оценки отклика, который оно вызовет у целевой аудитории. Потребность в сборе разведанных напрямую зависит от сложности запланированной акции.

Несмотря на то, что значительную часть НИРА составляли опытные бойвики, покинувшие ВИРА и владеющие различными методами сбора разведывательной информации, ни одна из акций НИРА по сложности своего исполнения не достигала уровня ВИРА. До недавнего времени Хамас нуждался лишь в базовых разведывательных сведениях (расписания автобусов, обеспечение безопасности в отдельных кафе и ресторанах, способы скрытного проникновения в Израиль с западного берега или из сектора Газа), но после начала интифады аль-Аксы и последующего усиления мер безопасности в Израиле к разведанным стали предъявляться более высокие требования.

РВСК обладают довольно развитой разведывательной сетью в Колумбии. Часть доходов от торговли наркотиками идет на содержание осведомителей в колумбийских силах безопасности. Кроме того, бойцы РВСК, прекрасно знакомые с тактикой борьбы с партизанами, прежде чем совершить нападение, обязательно проводят необходимые разведывательные мероприятия.

На подготовку своих «зрелищных» атак аль-Каида тратит значительные силы и средства, тщательно собирая разведывательную информацию. Причем аль-Каида не только собирает информацию, но и проводит операции по дезинформации противника. Например, в 1998 году Исламская армия освобождения святынь взяла на себя ответственность за нападения на американские посольства в Кении и Танзании. Теперь доказано, что они были совершены аль-Каидой, но тогда власти долгое время шли по ложному следу.

Все без исключения террористические группы нуждаются в *денежных средствах* для проведения ряда успешных операций.

Немногочисленность НИРА и незначительные средства, имеющиеся в ее распоряжении, не позволяют выплачивать жалование ее членам. Многие бойцы продолжают работать, чтобы содержать себя и свои семьи. Суммы, которые

НИРА удается собрать традиционными методами (помощь диаспоры, грабежи и мошенничества с кредитными карточками), относительно невелики.

В отличие от НИРА, Хамас уделяет намного больше внимания обеспечению ресурсов. Помощь Хамасу оказывают выходцы из Палестины, проживающие в США, религиозные организации Ирана и Саудовской Аравии. Полученные средства идут не только на проведение своих террористических операций, но и на благотворительную деятельность на территории Палестинской автономии.

РВСК приходится тратить значительные средства на выплату жалованья профессиональным военным и приобретение формы, средств связи, оружия и боеприпасов, но такие затраты с лихвой окупаются прибылями, получаемыми от торговли.

Наиболее острую потребность в финансовых средствах испытывает аль-Каида. На протяжении долгого времени бен Ладен вкладывал большие средства в страны, используемые им в качестве убежища. Кроме того, аль-Каида оказывает поддержку другим террористическим группам, придерживающимся схожей идеологии.

Обычно террористические группы рассматриваются как статические организации. В действительности же они довольно гибки и способны приспосабливаться к меняющейся политической, социальной и экономической обстановке. Поэтому вышеизложенная схема нуждается в привнесении в нее динамической составляющей.

Чтобы проиллюстрировать широкий спектр потенциальных изменений, которым могут подвергнуться террористические организации, были выбраны четыре группы: перуанская Сендеро Луминосо, ливанская Хезболла, Египетский исламский джихад и филиппинская Группа Абу Сайяфа — все они развиваются в различных условиях, преследуют различные цели и заметно различаются по своей организационной структуре.

Движение *Сендеро Луминосо* («Сияющий путь») было создано в 1960-х годах под руководством Абимаэля Гусмана Рейносо в сельских областях на юго-востоке Перу и пользовалось поддержкой местных крестьян. В 1980-х годах группа быстро росла и к началу 1990-х годов стала представлять угрозу для городских центров Перу. Предпринимавшиеся правительством меры — создание зон, контролируемых военными, аресты гражданских лиц и выявленных членов СЛ — давали лишь временный эффект. В конце 1980-х годов правительство Альберто Фухимори сосредоточило основные усилия на поимке руководства СЛ, предоставив спецслужбам самые широкие полномочия. Поражению СЛ способствовало также изменение тактики этой организации. Перенос основной деятельности в города при полном отсутствии опыта городской борьбы облегчил спецслужбам внедрение в организацию. В сентябре 1992 года власти арестовали Абимаэля Гусмана и захватили архивы главного командования СЛ. В короткие сроки полицией и военными было арестовано или уничтожено практически все руководство организации. Арест Гусмана привел к распаду СЛ на множество небольших групп, которые уже не представляли серьезной опасности для перуанского правительства.

Возможности совершения терактов у СЛ расширились линейно и в полном соответствии с предложенными порогами возможностей: от незначительных терактов в начале 1980-х годов до нападений на охраняемые объекты в начале 1990-х. Внешние факторы не оказали заметного влияния на развитие группы. Ее стремительный рост был обусловлен наличием оперативного пространства, постоянным притоком новых членов и средствами, получаемыми от торговли наркотиками. Еще более стремительному краху СЛ способствовало сочетание двух основных факторов: смена тактики организации привела к утрате народной поддержки, а избранная Фухимори стратегия противодействия терроризму фактически лишила СЛ руководства.

Хезболла («Партия Аллаха») развивалась иначе, чем СЛ. К созданию Хезболла привели палестино-израильский конфликт и гражданская война в Ливане: в начале 1980-х годов палестинские террористы использовали южный Ливан в качестве базы для нападений на север Израиля, а шиитское меньшинство Ливана вело борьбу за власть с христианами. Стратегические цели группы были двоякими: избавление от израильского военного присутствия на юге Ливана и завоевание политической власти в Ливане. Так как христиане в то время были союзниками Израиля, палестинцы оказывали помощь в обучении и поставляли оружие шиитским боевикам на юге Ливана, которые в конечном итоге и составили костяк Хезболла. Внешняя помощь поступала также со стороны шиитского Ирана: иранские инструкторы обучали ливанцев сбору разведывательной информации и тактике использования смертников. После серии крупных терактов с использованием смертников израильтяне сосредоточили основные усилия на устранении руководства Хезболла. Но подобная стратегия противодействия терроризму оказалась неэффективной, так как организационная структура Хезболла позволяла группе продолжать свою деятельность даже в случае смерти руководителя. В мае 2000 года израильские войска были выведены с территории южного Ливана. Этот уход считается триумфом Хезболла и показывает, что террористические кампании могут быть успешными.

Хезболла развивалась нелинейно и, перескочив несколько этапов, за каких-то 2–3 года превратилась из горстки разномастных боевиков в четко структурированную влиятельную организацию. Одним из ключевых факторов, обусловивших столь быстрое развитие группы, была помощь извне – со стороны пале-

---

ОБЫЧНО ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ РАССМАТРИВАЮТСЯ КАК СТАТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ. В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЖЕ ОНИ ДОВОЛЬНО ГИБКИ И СПОСОБНЫ ПРИСПОСАБИВАТЬСЯ К МЕНЯЮЩЕЙСЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКЕ

стинских террористов и иранских властей. Кроме того, Хезболла удалось заручиться поддержкой шиитского населения, проживавшего на юге Ливана.

Египетский исламский джихад сформировался в конце 1970-х годов из радикально настроенных сторонников «Братьев-мусульман», преимущественно студентов, выступавших против светского правительства Египта. Террористическая кампания против правительственных чиновников, начавшаяся в 1981 году с громкого убийства египетского президента Анвара Садата, вскоре была подавлена спецслужбами и полицией. Часть членов Египетского исламского джихада была арестована, а части удалось перебраться в Афганистан и принять участие в советско-афганской войне на стороне моджахедов. После окончания войны бойцы Исламского джихада вернулись в Египет и продолжили террористическую деятельность. Однако радикализм Исламского джихада оттолкнул местное население, которое поддерживало менее экстремистскую Джамаат Исламия. В 1993 году многие члены Исламского джихада покинули Египет с тем, чтобы совершать нападения на египетских чиновников за рубежом, а не внутри страны. Несмотря на ряд успешно проведенных терактов, руководство Исламского джихада предпочло отказаться от прежней тактики и присоединиться к террористической сети Усамы бен Ладена. Произошла смена приоритетов — теперь Исламский джихад боролся не против египетского правительства, а против «сионистов и крестоносцев». После нескольких крупных терактов, проведенных в 1998 году в различных странах, многие члены этой террористической группы были арестованы спецслужбами. В июне 2001 года уцелевшие боевики Египетского исламского джихада окончательно влились в аль-Каиду.

Подобно Хезболла, Исламский джихад в своем развитии «перескочил» несколько этапов, превратившись из группы радикальных студентов в организацию, способную наносить удары по охраняемым целям. Навыки партизанской войны, полученные в Афганистане, оказались бесполезными при совершении терактов в египетских городах. Связь с аль-Каидой позволила группе действовать на более высоком пороге возможностей. Основной причиной упадка Исламского джихада стало отсутствие народной поддержки: группа неспособна была привлечь новых членов, а постоянные репрессии со стороны спецслужб попросту ее обескровили. Пример Исламского джихада показывает, что небольшая, но способная террористическая группа может прийти в упадок, отказавшись от прежней тактики и войдя в широкую международную сеть.

Группа Абу Сайяфа (ГАС) — это филиппинская террористическая группа исламистского толка, действующая на Минданао. Она была основана в 1991 году Абдуражимом Абубараком Джанджалани после разрыва с Фронтом национального освобождения Моро и первоначально занималась похищениями местных жителей, взрывами церквей или убийствами местных христиан. Благодаря поддержке бен Ладена возможности группы в середине 1990-х годов значительно расширились: боевики аль-Каиды занимались подготовкой членов группы, а зять бен Ладена Мухаммед Джамаль Халиф создал на юге Филиппин систему нескольких организаций, оказывавших помощь местным мусульманам. Сотрудничеством с бен Ладеном привело к переориентации группы на американские и саудовские цели. После успешной операции, проведенной филиппинскими

военными в 1998 году, Джанджалани был убит и группа раскололась на несколько враждующих фракций.

Определяющее влияние на развитие группы оказала аль-Каида. Благодаря сотрудничеству с ней возможности группы значительно расширились, но одновременно изменилась и ее тактика: вместо борьбы с местными христианами она стала совершать нападения на иностранцев. Такая перемена показывает, каким образом идеологически близкие организации могут влиять на повстанческие группы, особенно если эти внешние организации обеспечивают финансирование.

Теперь, рассмотрев развитие групп, действовавших в различной обстановке, преследовавших различные цели и сталкивавшихся с различной реакцией властей, можно выявить сходства, понимание которых может способствовать выработке эффективной политики противодействия терроризму. Например, всем этим группам удалось с большим или меньшим успехом приспособиться к ответным действиям со стороны государства. Выяснилось, что внешняя поддержка способна оказать значительное влияние на изменение возможностей и намерений групп. Наконец, рассмотренные группы оказались особенно уязвимыми при утрате низовой поддержки.

Усиление давления со стороны спецслужб заставляет террористические группы меняться, а любые перемены предполагают неопределенность — неопределенность при выборе новой организационной структуры, новой стратегии и новой тактики. Именно в этот момент террористические группы становятся наиболее уязвимыми, поскольку неверный выбор может привести к губительным результатам. Таким образом, власти нуждаются в оценке степени давления, оказываемого на террористические группы, и изменений, которые оно за собой влечет, с тем, чтобы иметь возможность принять дополнительные меры, способные в конечном итоге заставить террористов сделать неверный выбор.

Всегда сложно прогнозировать развитие новых и зарождающихся тенденций в терроризме. Представители различных спецслужб зачастую недооценивают степень враждебности и возможности той или иной террористической группы и не всегда им удается предотвращать теракты. Такова природа терроризма. По меткому замечанию Брюса Хоффмана, «террористическая кампания подобна акуле в воде: она должна двигаться вперед, неважно с какой скоростью, чтобы не погибнуть»². И в этой обстановке правительствам и спецслужбам многих стран приходится сталкиваться с террористической угрозой, которая постоянно изменяется — ослабевает или усиливается. Поэтому очень важно владеть инструментами, которые позволяют верно оценивать степень опасности, принимая во внимание ее динамический характер. В этой работе были рассмотрены внутренние и внешние факторы, вызывающие изменение террористических групп, и выявлены слабые места последних, которые можно успешно использовать при разработке общей стратегии противодействия терроризму.

2 Хоффман Б. *Терроризм – взгляд изнутри*. М.: Ульгра Культура, 2003. С. 198.

Михаил МАЯЦКИЙ

КУРОРТ ЕВРОПА (I)¹

Они думают только о пенсии (...). Их идеал — госбогадельня, огромный последний приют; (...) как христианин готовится к смерти, так современный человек готовится к пенсии. Это — умонастроение пенсионеров и пансионеров. Вопрос только в том, видит ли мир свое предназначение в том, чтобы стать гигантским домом престарелых.

Шарль Пегу, около 1900 г.

(Эта цитата заключала выставку, посвященную меланхолии, в Париже в конце 2005 г.)

Предлагаемый здесь сценарий ближайшего будущего Европы, вытекающий из сегодняшних ее тенденций, вовсе не кажется мне пессимистичным. Он может, однако, стать таковым, если европейские политики будут продолжать вытеснять его (иначе говоря: в упор его не видеть) вместо того, чтобы готовить себя и свои народы к этой более чем возможной перспективе.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ СТАРЕЮЩЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Великий и спорный русский этно-гео-историософ предлагал провести границу между Европой и Азией не по произвольному Уральскому хребту и еще более произвольным южным горам и степям, а согласно строго определенному критерию: по изотерме января. Там, где она выше ноля, будет Европа, где ниже — Азия. Совершенно случайно эта грань практически совпадает с восточной границей Польши.

Сходным образом напрашивается другой критерий, позволяющий различить два мира, граница между которыми, правда, исторически подвижна: мир индустриальный и тот специфический постиндустриальный мир, который мы назовем курортным, или бальнео-культурным. Таким критерием мог бы послужить вопрос типа: «Готовы ли вы работать в течение десяти лет по 12 часов в сутки семь дней в неделю, если такая работа гарантирует благополучие ваших детей?» Сообщество, которое бы ответило более чем на 50 % положительно на этот вопрос, принадлежало бы к индустриально-

¹ Эти заметки были впервые опубликованы на сайте www.prognosis.ru в ноябре 2005 — январе 2006 гг.

му миру, менее чем на 50 % — к миру курортному. Позволю себе гипотезу, что современные Китай, Индия и Бразилия ответят на этот вопрос в большинстве своем положительно, а все западноевропейские страны — отрицательно.

Европейское воображаемое выковывает себя в последние годы в согласии с текущим императивом: европейским строительством. Интенсифицировалось обсуждение «европейских ценностей», «европейского проекта». Разговоры эти перестали быть красивой мечтой нескольких политиков или интеллектуалов, а стали наполняться реальными интересами и ожиданиями: как глобализоваться гуманно, «социально», красиво, словом, по-европейски? Как стать ограничивающей альтернативой американизму? Как образовать единство, включая в себя все более разнородные элементы?

Однако равнение на сверхзадачу формирует и новый фантазм, который затуманивает Европе вменяемость ее собственного восприятия. Неким полуэксплицитным замыслом Европы в ее современном исполнении можно считать злободневный ответ на монополизацию и монополяризацию мира в результате падения Стены и СССР. Европа должна явить собой некоторый иной по сравнению с американским, альтернативный ему вариант мирового развития. Однако, как это случается часто, конкуренция с соперником строится по навязанным им же законам. Альтернатива пока осуществляется в значительной степени как попытка «догнать и перегнать», двигаясь, собственно, по тому же пути. В общественном представлении этот путь предстает так или иначе как путь производственный, как соревнование прежде всего в производстве, будь то материальном или финансово-виртуальном. Внутренний политический дискурс новой единой Европы собирается по прошлым рецептам: главными компонентами в них служат по-прежнему труд и капитал, которые в гармоничном алхимическом взаимодействии дают в результате философский камень благоденствия. Рецепты разнятся, но всем им общо сокрытие одной страшной тайны, заключающейся в том, что Европа сместилась и продолжает смещаться на периферию мирового производства. Тайной для европейцев этот секрет Полишинеля смог оказаться только потому, что в течение нескольких веков они были избалованы центральным положением Европы, и не готовы теперь, на исходе этой эпохи, новую свою периферийность — и себя как периферию — принять и помыслить.

Самые яркие симптомы (впрочем, почему симптомы? Кто-то болен? И так —), самые яркие признаки такой периферизации — это, конечно, восхождение новых звезд мирового хозяйства (вышеупомянутые Китай, Индия и Бразилия, взятые в единстве с их мегарегионами) и так называемая «делокализация», т. е. экспорт индустрии в страны второго и третьего мира. Между Европой и Китаем недавно разгорелась настоящая текстильная война, а сделать делокализацию козырем в игре вынуждены, кажется, все европейские политические силы. Однако проблемы эти решаются и медийно представляются лишь в их сиюминутности, без попытки увидеть их в широкой перспективе и долговременной логике.

Какой будет Европа завтра? Что бы ни мнили — или делали вид, что мнят — политики, какого бы нового подъема они ни сулили избирателям, она навер-

няка не будет снова-индустриальной. Она будет, скорее, тем, чем в тенденции является уже сегодня, — природно-культурным курортом. Путь Европы очерчен: от «Прометея» через «Фауста» к «Курортнику» (Аллергичным к Гессе можно предложить «Волшебную гору» Томаса Манна или «Маленьких лошадок из Тарквинии» Маргарит Дюрас).

Наш прогноз — не диагноз, но здоровью Европы не повредило бы яснее увидеть направление своего движения, признать достижение некоторых своих целей невозможным, а сами цели — мнимыми. Приятие светлого курортного будущего сулит Европе отнюдь не почивание на лаврах или пляжном песке. Напротив, она должна будет принять вызов жестокой конкуренции в этой (впрочем, не совсем новой для нее) отрасли, признать которую основной ей пока не позволяет ее историческое высокомерие. В китайцах она видит лишь текстильных конкурентов, а не спасительных потенциальных туристов. У Европы, впрочем, хорошие шансы. Ее будущее представляется обеспеченным, пусть и по-скромному: в год хватит и пары десятков миллионов курортников, ностальгиков по культуре, ценителей сплина и поклонников несвоевременного, чтобы заполнить ее декадентские гостиницы, где вас помнят с позапрошлого года, и кафе, где читаются газеты и пишутся книги, ее старомодные университеты, в которых еще на полном серьезе преподают Humanities, и ее альпийские хижины с их спартанским уютом, ее замки, спасающие от суеты городов лучше, чем некогда от нападений сарацинов, и ее театры, где ежевечерне оглашается окончательная истина мира.

СУМЕРКИ В ПОЛДЕНЬ

Пока утихали подпарижские волнения², этот давно зревший нарыв социального воспаления (а утихали они судя по тому, что число сожженных машин постепенно вернулось к обычному, т. е. к 90 автомобилям за ночь; именно такова среднестатистическая французская «норма»), не угасал энтузиазм, с которым парижская публика искала разгадку своего, куда менее излечимого недомогания, которое, быть может, не так уж чуждо и пригородной молодежи: предмет неослабевающего интереса парижан и гостей столицы, великолепная выставка в Большом дворце (Grand Palais), была посвящена меланхолии.

Сладкий недуг этот родился вместе с европейской цивилизацией и продолжает преследовать, донимать, очаровывать, гипнотизировать ее через века, меняя маски и имена. То, в чем Гиппократ видел доминанту характера, отцами церкви было объявлено грехом (ацедия, уныние), потом стало лечиться как душевная болезнь, чтобы затем возвыситься до источника вдохновения, доказательства дара, а — при его отсутствии — стать жизненной и художественной позой. Наконец, в нынешней фазе цивилизационного угасания оно опять низведено до болезни, уже не душевной, а соматиче-

2 Им мы посвятили колонку на сайте, перепечатанную в прошлом номере *Прогнозиса* (№ 3 (4) 2005. С. 361).

ской. Привесок «психо-» здесь уже в пользу бедных. Души нет и в ближайшее время не завезут. Современные когнитивные науки сулят положить фармацевтический конец этому вековому бедствию (переименованному в «депрессию»), а заодно и доисторическому шаманизму — лечению души без воздействия на «субстрат». Нет души, нет и душевных заболеваний. И разве Томас Манн не назвал психоанализ «разновидностью меланхолического знания»? Однако уже за век до Фрейда (и Карла Абрахама) романтики увидели в меланхолии не только бич, но и средство — пусть и заведомо бесполезное — против надвигающейся эры европейской и мировой цивилизации. Болезнь или лекарство?

У истока меланхолии — ощущение тщеты и хрупкости существования, суеты сует, преходящести всего сущего. Скорбь по — еще — живому, по — еще — существующему. Ее невозможно смягчить, к ней нельзя заранее подготовиться, например, простым удалением от близких существ, от земного и эфемерного быта. Попробовавшие было это средство в III в. н. э. первые христианские монахи встретили описанного Гиппократом демона черной желчи в египетских и сирийских пустынях. Меланхолическая двойственность на века приклеилась к самому монашескому состоянию: оно по задаче призвано бороться с соблазнами, но оно же к ним и располагает. В пустыни ли, в келье ли, везде монаха поджидает отвращение к месту, где он находится, к себе, безразличие, угасание рвения, а там и веры. Это состояние особенно часто подстерегает на шестом часу монастырского распорядка дня, в полдень. Солнце и время остановились, движение невозможно, невысказано.

От этой усталости не отдохнешь, потому что сам отдых есть бездеятельность, праздность, лень, будь то рук или сердца (или лень кишечная, как не без эlegantности именовался запор). В широтах, удаленных от средиземноморского полуденного зноя, оцепенение духа может сопровождаться не оцепенением тела, а, наоборот, «неусидчивостью духа», бессмысленной тягой к перемене мест и к бурной деятельности. Так же и печаль — вовсе не обязательный спутник меланхолии: ренессансный топос противопоставляет плачущего Гераклита смеющемуся Демокриту. Однако именно Демокрита — этого патрона будущих когнитивистов — настигает меланхолия, тайну которой он, собственно, хотел постичь. Он изображается сидящим, устало подперев щеку рукой, в окружении скелетов и туш животных, самолично разделанных в безрезультатном поиске источника зловерной черной желчи.

Иконография меланхолии подчеркивает двойственность, выбирая образы неустойчивые: осень, сумерки, оборотень. Меланхолик двуличен, в манияльности не очевидно опознать депрессивность и наоборот. За человеком скрывается волк, и в конце концов волк съедает человека. Волку или Сатурну (другому тотему меланхолии) особенно по вкусу дети: символ бессилия родителей перед пожирающим их потомство монстром меланхолии. Среди масок монстра — и не лишенный позы *taedium vitae*, и манерный английский сплин, и слезливый немецкий *Weh-* или *Schwermut*, и безалабер-

ная русская хандра, и *saudade*, мечта о прошлом и воспоминание о будущем. Здесь и сидение на игле, и вегетирование на обочине общества. Гойя истолковал меланхолию как лик цивилизации, самовольно идущей в разнос, ибо отправляющей своих детей на бессмысленное съедение богам войны. Сон разума порождает чудовищ отнюдь не только в голове прикорнувшего монаха. Однако сегодня Сатурн посылает не на войну, а на вынужденную праздность. Бездеятельность, свобода от принудительного, прежде всего физического, труда, досуг — обязательное условие созерцательного, теоретического образа жизни, знания и творчества, — но одновременно и ловушка, в которой поджидает сладкий меланхолический искуc. Из тысячелетней привилегии элит бездеятельность за один последний век стала достоянием, завоеванием и кошмаром масс. Обуздание непокорной материи оказалось делом куда более простым, чем «поиски своего я», занятием эфемерным и конечным собой. Может быть, трудно быть богом, но и отдыхающим — непросто. Лечение желательно, но с точки зрения вечности (или, скорее, бренности) бессмысленно. За отсутствием дел время наполняется своим чистым протеканием. Жизнь как смерть. Почему жизнь этой цивилизации как вежами маркируется смертями: бога, философии, романа, поэзии, субъекта? Неужели и европейского «последнего человека» благополучно переживет беспощадно-обворожительный полуденно-сумеречный демон меланхолии?

GOOD-BYE, НОМО FABER?

Путешествующего по потусторонне-красивому северо-западному скалистому берегу Корсики за очередным виражом встречает впечатляющая индустриальная руина, которая, как и положено руине, наводит путника на размышления о бренности существования и вносит в безупречно райский пейзаж приятно-щемящую ноту. Выработывавшая здесь асбест фабрика — один из первых корсиканских промышленных объектов, закрытых уже в середине 60-х годов. За несколько десятилетий остров из аграрно-рыбацкого стал туристическим. Переквалификация преобразовала и отчасти травмировала корсиканскую национальную идентичность. Каштановые и инжирные рощи и сады, уютные рыбацкие порты пригодились, а вот асбест пришлось убрать. Вредно для здоровья работников, потребителей, курортников, для окружающей среды. Однако само огромное здание, прилепившееся к скалистому обрыву над морем, к счастью, осталось. Меняется отношение к недавней индустриальной истории. Она становится предметом памяти и эстетического любования — верный знак того, что страница окончательно перевернута.

На материковой Франции в прошлом году произошло событие, несмотря на очевидную важность, не нашедшее должного отражения в повседневной трескотне медиа. Закрылась последняя французская шахта. Последний выход из забоя в истории Франции. Последний душ шахтера в истории Франции. Нерентабельно. Невыгодно. Исчезновение архаичной угольной отрасли прошло незамеченным на фоне «реструктуриации» известнейших

фирм вовсе не только в добывающих отраслях, повлекшей за собой закрытие целых заводов. Как некогда церкви, все чаще в Западной Европе бывшие фермы, сараи, мельницы, бывшие автомобильные заводы, текстильные фабрики, гидроэлектростанции переоборудуются под музеи, гостиницы, жилые дома. Названия некоторых концертных залов и площадок сохраняют следы своего происхождения, наделенного теперь неоностальгической поэзией: L'Usine, Forces Motrices, Rote Fabrik (т. е. «Завод», «Турбины», «Красная Фабрика»). Обречены ли на исчезновение европейские промышленность и сельское хозяйство? Будем надеяться, что нет. Будем надеяться, что политики предпримут все, чтобы помешать этому. Ибо завтрашние туристы-курортники захотят видеть Европу живой и как раз-таки не «туристической».

Как в тех — несколько преувеличенно-очаровательных — средневековых городках, которые сегодня все больше возрождаются к своему «новому средневековию» в Италии, Франции, Германии, где кузнец работает — или делает вид, что работает, — для своих заказчиков, а не для толпы зевак, наводняющих его вылизанную кузню летом или по выходным (если солнечно). Изредка, да находятся заказчики и среди празднующихся туристов. Мода на штучную работу растет по экспоненте. От фабрики назад к мануфактуре, а от нее — к ремесленной мастерской. От массового изделия — назад к шедевру

мастера. Это движение совпадает с выходом из моды новых и со входом в моду старых добрых материй и вещей. Новое устарело. За крошечные полвека Европа пережила сперва пластмассовую революцию, потом контрреволюцию вкусных традиционных элементов: дерева, металла, стекла, глины. То есть в пластмассе мы по-прежнему нуждаемся, но ее же можно ввозить из второго и третьего мира, готового ее производить в каком угодно количестве. Вредная асбестовая фабрика с Корсики ведь переехала во Вьетнам, оставив на средиземноморских скалах свою ностальгическую скорлупу.

Итак, крестьяне должны пахать, заводы, ну хоть некоторые, самые безвредные — дымиться, университеты — учить, лаборатории — искать, пусть даже на выходе будет получаться, главным образом, не конкурентоспособная продукция, а социальный пейзаж, в котором приятно жить или хоть остановиться на пару дней. Разумеется, одно другому мешать не должно. Платные экскурсии на оставшиеся заводы и ГЭС, трудовые отпуска на крестьянских дворах постепенно станут столь же популярны, как и присутствие на генеральных репетициях оркестров и посещение мастерских художни-

---

ОБРЕЧЕНЫ ЛИ НА ИСЧЕЗНОВЕНИЕ
ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО? БУДЕМ
НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО НЕТ. ИБО ЗАВ-
ТРАШНИЕ ТУРИСТЫ-КУРОРТНИКИ
ЗАХОТЯТ ВИДЕТЬ ЕВРОПУ ЖИВОЙ И
КАК РАЗ-ТАКИ НЕ «ТУРИСТИЧЕСКОЙ»

ков. Уже сегодня взыскательный турист избегает мест в Европе, которые прямо на туризм нацелены. Там он чувствует себя таким же обведенным вокруг пальца, как и у себя дома. Тогда зачем? Взыскательный турист ищет возможности подсмотреть иную жизнь, как она течет без него. Как выглядит горный курорт в межсезонье? Так же ли плотничает сошедший со средневековой гравюры плотник в пасмурные осенние будни, когда досужая толпа разъезжается по своим рабочим местам, чтобы мечтать о следующем отпуске, а свою вуайеристскую жажду временно утолять у телевизора?

Впрочем, в рабочее время и зевака может трудиться на поприще туристско-курортном, пусть в широком смысле этого слова. В Лондоне, Париже, Мадриде и Амстердаме гостинично-ресторанное хозяйство уже и сегодня является отраслью хозяйства, занимающей наибольшее число рабочих рук. К тому же там не бывает межсезонья, и в календаре царит перманентная страда. Европейцу непросто узнать себя в этой неизбежной смене веков: его социальное существование будет осциллировать между курортником и его слугой, а обмен этими ролями будет куда более быстрым, чем тяжеловесная диалектическая акробатика господина и раба.

ПРОЛЕТАРИИ! СОЕДИНЯЙТЕСЬ ПРОТИВ ПРОЛЕТАРИЕВ ВСЕХ СТРАН!

За редким исключением программы большинства европейских партий содержат три общих пункта: рост производства, обеспечение занятости и борьбу с «делокализацией», т. е. с уводом промышленных отраслей в другие страны, преимущественно третьего мира, или в трудолюбивые молодые страны европейского Востока. Все три врага рассматриваются как временные, преодолимые или как возникшие в результате несостоятельности вот этого вот правительства. Все три цели представляются как довольно легко достижимые, стоит только отстранить нынешнее несостоятельное правительство (или, соответственно, заткнуть рот мешающей работать оппозиции).

Рост производства стагнирует (в целом в зоне евро он, как известно, чуть ниже 2%), а должен и может быть куда шибче. Ну да, говорит обывателю нынешнее правительство, в этом квартале резкого роста по непредвиденным обстоятельствам не получилось, зато в следующем... Вот увидите. Из всех партий одни только зеленые осмеливаются вполголоса усомниться в экологической целесообразности продолжения гонки за ростом производства. Но за это они платят долей голосов на выборах куда более низкой, чем та, что диктуется серьезностью и насущностью поднимаемых ими проблем.

Безработица не уменьшается, колеблясь в среднем вокруг 10% и доходя в некоторых странах, регионах, профессионально-половозрастных категориях (а также в зависимости от способа подсчета), и до 50%. Надо признать, говорят желающим верить ответственные господа, что в прошлом году по независящим от нас причинам резко снизить процент безработицы не удалось. Конъюнктура, цены на нефть, кризис там и сям, терроризм, тай-

фун, засуха. Зато как дело пойдет в следующем году... Вот увидите. В итоге политика в области занятости остается непоследовательной и не отвечающей ни грядущей, ни даже нынешней ситуации. Безработных принуждают к постоянной «переквалификации», с большей или меньшей изобретательностью создавая иллюзию, что имеются отрасли, жаждущие рабочих рук. То и дело раздаются обнадеживающие кличи о надвигающейся нехватке школьных учителей или информатиков. Как правило, эти прогнозы оказываются ошибочными или меняются на другие так быстро, что становится неясно, как ситуация могла так внезапно измениться. Вероятнее, что прогнозист подстраховался другим вариантом или прогнозы принадлежат разным инстанциям, которым плюралистически нет дела одной до другой.

По сравнению с низкой производственной динамикой и безработицей, «делокализация» — враг молодой, хотя сам феномен, разумеется, вовсе не нов. Говорить о его правомочности и закономерности — не политкорректно, и никто из политиков на это не отваживается. Между тем очевидно, что она есть не очень отдаленное следствие недавнего европейского поворота от цивилизации принуждения к цивилизации удовольствия. Индивидуализм и растущее осознание прав человека сделали эффективную эксплуатацию несовместимой с достойным человеческим существованием, что привело к неизбежной делокализации индустрии в страны, в которых консумеризм молод, зелен, боек и еще способен убедительно сулить искупление за потогонность. Большая или меньшая неповоротливость западных экономик, на которую указывают критики, — это, если взглянуть позитивно, прежде всего такая система мер по охране прав работника (установленная минимальная зарплата, сложная процедура увольнения, гарантированное пенсионное обеспечение), которая в свою очередь отпугивает работодателя. В этом одна из причин стагнации численности европейских безработных, часть которых к тому же не спешит расставаться с этим статусом, дающим право и на другие скидки и вспомоществования.

С другой стороны, европейская модернизация осуществлялась в большой степени за счет других стран (прежде всего, колоний) и во многом в ущерб им. При этом ценность универсализма, ей присущая, требовала, чтобы и другие субъекты могли вкусить ее плодов, иначе говоря, стать на путь модернизации. В то время, как Европа подходит к исчерпанию своей модели, другие страны и регионы только с энтузиазмом обнаруживают возможности ее применения у себя. Нетрудно увидеть некую историческую (если не «поэтическую») справедливость в этом реваншистском сценарии. Однако пока европейцы видят в делокализации явление враждебное и подлежащее, по крайней мере, ограничению и контролю. Оптимистические эксперты бодро релятивизируют его серьезность. Правые, особенно если у власти, обещают его взнуздать. Левые, особенно если в оппозиции, проклинаят его страшными словами.

Их-то реакция и представляется наиболее странной. Протекционистская по сути, она нацелена на защиту своего национального пролетариата. Как мы знаем, история не подтвердила мнения, будто пролетариат не имеет отечества. Он его имеет. Однако при нарастающей глобализации изоли-

рованное рассмотрение одной отдельно взятой национальной экономики дает картину все более искаженную. Сегодня невозможно рассматривать классовую структуру общества, ограничиваясь национальными границами, как было бы абсурдно рассматривать экономику метрополии в колониальную эпоху без учета колоний. Кстати, типологически ситуация осталась сходной. Большая (и всё большая) часть сегодняшнего пролетариата Запада живет не на Западе. Но левые сегодня вовсе не готовы к тому, чтобы защищать этот свой пролетариат, живущий на других континентах и говорящий на тридцати языках. Ведь он же не голосует! Наш пролетариат, да не наш электорат! Вместо этого куда благодарнее и благодатнее озаботиться своим местным пролетариатом, пусть статистически невеликим по сравнению с настоящим, далеким и иноязычным, зато и тем более дорогим, что требует, как и всякий редкий исчезающий вид, экологически-бережного обращения. Впрочем, этот декоративный пролетариат, пролетариат-алиби, тоже становится все более и более иноязычным, иноконфессиональным, инкультурным, живущим по своим законам, а порой и вне закона, т. к. без вида на жительство и вообще какой бы то ни было признанной законом идентичности. Хорошо бы, конечно, и его выселить туда, к настоящему, вместо того, чтобы его интегрировать и обучать языку и манерам. Там он хотя бы не будет загаживать отдыхающим вид на лиловый, отменно-меланхоличный закат Европы.

СТАР, ОЧЕНЬ СТАР, СУПЕР-СТАР

Выражение «старушка Европа», «старая добрая Европа» стало наполняться новым (старым?) смыслом: Европа стареет. В демографически динамичных регионах Азии, Африки, Латинской Америки количество людей моложе 25 лет достигает двух третей, местами трех четвертей общего населения. В Западной Европе — и пропорция обратная, и тенденция к ее усугублению налицо. Послевоенный бэби-бум остался казусом. Сексуальная революция, скорее, окончательно разъединила «сам процесс» и то, что некогда считалось результатом. Феминизм при всей разнородности и противоречивости был един в своем запрете на отношение к женщине как к воспроизводящей машине. Откуда растущее число старо- и никогда-не-рождающих. При этом медицина делает головокружительные успехи, суля — если совершенно случайно не помешает эвтаназия — привести человека прямо к вершинам бессмертия.

Увы, даже к бессмертию дорога ведет через старость. И с удлинением жизни все большая ее доля будет приходиться на старость. Старость занимает уже не последнюю сцену пятого акта, а два последних акта целиком. При этом официальный срок выхода на пенсию медленно, но повышается, тогда как реальный временной порог прекращения активной фазы жизни снижается: сорокалетним безработным трудно, а пятидесятилетним — и вовсе невозможно устроиться на работу. То есть старики статистически и стареют (т. к. растет продолжительность жизни), и молодеют (т. к. все более молодые

люди де факто выходят на покой). Европейская система социального обеспечения, конечно, в мировом авангарде. Но экономическая и демографическая стагнация нагоняет над ней серьезные тучи. Уже сегодня европеец стар по сравнению с прочим миром. От кого же ему ждать полагающихся старику заботы, такта, внимания, лечения? От тех, кто молод или, по крайней мере, моложе. И кого, чисто статистически, все меньше и меньше. Ксенофобские реакции, сегодня процветающие на антиисламской и /или антиизраильской волне, кроме своей архаичности-атавистичности в принципе, несостоятельны еще и экономически. Завтра миллионам европейских стариков будет некому подать стакан воды, не окажись под рукой приезжий или потомок приезжего. Европа — дом престарелых? Во всяком случае, дом отдыха, санаторий прежде всего для себя, для своих, европейских стариков.

При этом общество — по образцу рекламы, этого трубного гласа социума, — о стариках помалкивает, а если решит высказаться, то хочется, чтобы старики этого не слышали. Господствующий дискурс о них (за пределами профессионального геронтологического) формируется плохо скрытыми жалобами пенсионных фондов и поэтому получается кульпабилизирующим: «Живут и живут, понимаешь ты». Такое отношение к старикам скандально приравнивает их к самым страшным глобальным язвам. СПИД, потепление планеты, исчерпание недр, озонная дыра, старение населения... Старики не протестуют, терпят (а может быть, и признают первородную вину; ведь для многих из них религиозное воспитание — еще не пустой звук). Вообще европейские старики, не в ровень российским, социально пассивны, и их протест не получает сколь-нибудь общественно слышимой артикуляции. Или им живется получше, чем российским?..

Между тем за спиной у нынешних стариков, гражданами какой бы страны они ни были, — «короткий XX век» (1918–1989) со всеми его прелестями. Не последняя его «прелесть» — падение престижа труда. Нынешние старики еще жили, чтобы работать (и чтобы заслужить работой отдых), тогда как следующее поколение согласно, так и быть, работать, чтобы жить, но лучше все-таки — просто жить. И уж философию жизни ради работы оно рассматривает как своего рода коллективное помрачение, за которое уж точно никакой награды не полагается. Не удивительно, что старики предпочитают не мозолить глаза ювенильно-одержимому обществу и по возможности прятаться от его немого или озвученного укора. Пока есть силенки — в путешествиях, пока остались денежки — на курортах. Там по крайней мере к ним относятся как к клиентам и — хотя бы в этом качестве — искренне желают жить вечно.

Европеец с возрастом не становится меньшим индивидуалистом. Поэтом верхом несчастья считает старение при собственных детях, у них на виду и на шее. Чуть менее плохое решение — дом престарелых. Наказание здесь состоит не в уходе (в Европе обычно хорошем), а во взаимообременности на собратьев по несчастью. Идеал — автономия. Рынок чутко откликнулся на этот зов. Два салона, проходящих сейчас в Париже, предлагают старикам альтернативу. Один салон — мореходный, витрина одной из немногих процветающих ныне отраслей, мелкого и среднего прогулочного судострое-

ния. У кого в порядке деньги и здоровье — покупайте или арендуйте яхты, катера, пароходы, и — за горизонт! Другой салон, прямо адресованный пожилой категории населения и носящий почти советское название «Счастливая старость», предлагает более доступную по цене возможность предаваться индивидуализму. Строительная индустрия работает над моделями домов для старика, которые позволили бы ему не абсолютно зависеть от доброй воли юных слуг или социальных работников. В предлагаемых моделях жилищ будущий старик, не вставая с постели, сможет фильтровать гостей, открывая дверь, кому нужно, сможет въезжать под душ на кресле waterproof, готовить пищу одной рукой, не вставая с того же кресла, и причесываться перед зеркалом, предусмотрительно установленным на уровне все того же кресла. При этом дизайнеры подумали и о том, чтобы не напоминать старику ежеминутно о его беспомощности и дать ему возможность упражняться, прилагать усилия, поддерживать форму.

Альтернатива получается, впрочем, не взаимоисключающая. Немного кооперации — и будет вам модель яхты, где прикованный к креслу старик с парализованной правой рукой сможет не только готовить и купаться, но и ловить рыбу, поднимать паруса и бросать якорь, словом, автономно бороздить океаны вдали от недобрых взглядов подрастающего поколения. Конечно, это решение для 0,01 % старческого населения. Дом-автомат — еще для пары процентов. Остальному подавляющему большинству придется довольствоваться тем же рецептом, что и везде и всегда, а именно взаимопомощью со стариками-соседями с некоторой надеждой на бескорыстных добровольцев помоложе.

Что потом? Потом стариками станут нынешние зрелые, потом нынешние молодые. Их прототипы уже угадываются в пока, к счастью, редких образцах новой, доселе невиданной породы стариков (почему-то преимущественно из стран «конца истории», оказавшихся вдали от трагедий прошедшего «короткого века»). Новый старик легко отличим по тому, что история обошла его. Его жизнь была сменой не эпох, а физиологических фаз, и потому старение его — чисто физиологично. Единственный опыт, который отложился в морщинах его чела, — это опыт потребителя и знатока прав потребителя. Самый интересный конфликт его жизни — многолетняя тяжба с табачной кампанией или банком или турагентством. Если уже в сегодняшнем социальном воображаемом труд перестает быть достаточным основанием для вознаграждения комфортабельным покоем, то станет ли таким основанием жизнь, отданная напряженному, изнурительному консумеризму?

А потом состарится сегодняшний избалованный ребенок, или, как его называют педагоги, «ребенок-король». Тут и сказке конец.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ, КОТОРОГО НЕ ХВАТАЕТ

Нет жалобы более распространенной, чем на нехватку времени. Дефицит времени стал самым банальным топосом общения и самоощущения. Между тем подлинно массовой эта беда стала совсем недавно. Два поколения назад у боль-

шинства европейцев времени не было настолько, что не было даже времени на то, чтобы это заметить. Знаменитую формулу Августина (пока не думаю о времени, понимаю, что оно такое; когда задумываюсь, перестаю понимать) современная цивилизация переписала так: пока не было времени, его хватало. Вот уже по меньшей мере полстолетия Европа является цивилизацией свободного времени, хотя упорно предъясвляет и расценивает себя как цивилизацию труда. Если в середине XIX века рабочее время съедало почти две трети времени бодрствования среднего европейца, то сегодня оно занимает только одну седьмую его часть. Речь идет, конечно, не о предвиденной Марксом «отмене труда» как такового, а пока, скорее, о его экспорте в младо-индустриальные страны. В любом случае для Европы это радикальное сокращение рабочего времени — не преходящая конъюнктура, а долговременная тенденция.

Досуг как деятельность породил — сначала, еще на заре классового общества, у предков так называемого праздного класса, а в середине XX века у многомиллионных масс — свободное время как такое особое время, которое уже не определяется по функции и характеру трудом (а именно: как компенсация за него), а выстраивается уже независимо от труда, отражая антропологически бесконечное (хотя и всякий раз исторически обусловленное) множество способов лепить свою жизнь и идентичность. Трудовой этос сменился на этос личной самореализации, предполагающий многообразие возможных моделей. Трудящийся стал ценить свою работу отнюдь не в последнюю очередь за то, сколько свободного времени она ему оставляет, за возможность самому составлять свой график, учиться параллельно с работой, читать в рабочее время, за длинный отпуск, за раннюю пенсию, т. е. согласно ценностям цивилизации досуга.

В какой-то момент символический рубикон был перейден: свободное время обогнало по длительности рабочее и стало основным типом социального времени. Это произошло вскоре после второй мировой войны. Первые социологические отчеты об этом событии, в самом начале 50-х годов, казались преувеличенными и остались незамеченными: слишком противоречили они очевидности тогдашнего промышленного бума. Первые исследователи нового феномена делали акцент на неслыханные возможности массового образования, на свободное время как базу новой культурной революции. Вскоре стало ясно, что запросы к освободившемуся времени и ожидания от него слишком велики, чтобы «просто» тратить его на овладение «тем, что накопило человечество». Будете как боги? Но боги не сидят за книжками. Выяснилось, что большая часть населения не знает, что делать с этими упавшими на них двумя-тремя тысячами часов в год и уж во всяком случае намеревается пустить их на развлечения, а вовсе не на образование. Вслед за трудом, свободное время стало полем социального расслоения, но уже по иным критериям: по способности или неспособности совладать со своей свободой.

Нехватка времени — это прежде всего острое переживание неспособности или невозможности прямо конвертировать свободное время в счастье. Нехватка «времени на жизнь» занимает уже с начала 80-х годов первое место среди причин фрустрации французов. Говоря экономически, возникновение «обще-

ства потребления» было ответом на угрозу кризиса перепроизводства: требовалось все больше времени на потребление все большего числа и за все более короткое время произведенных благ. Эта тенденция усугубляется с пропорциональным ростом рынка услуг по отношению к рынку товаров. Говоря социологически, в обществе усиливается ощущение нехватки времени на потребление произведенного. Это можно считать формулой отчуждения труда, скорректированной для общества с доминирующим свободным временем.

Пока темпоральной осью социума было рабочее время, жизнь делилась на периоды, прямо соответствовавшие основному занятию: юность (с, как правило, недолгой учебой), «собственно жизнь», т. е. зрелость и работа, наконец, старость (период ничтожно короткий из-за низкой продолжительности жизни; что касается отдыха, то пенсия, оплачиваемый отдых по старости, была известна ничтожному меньшинству трудящихся до самой Первой мировой войны). Вытеснение сегодня трудовых (зрелых, взрослых) ценностей на периферию жизненного универсума воспринимается поэтому как инфантилизм, присущий, по единодушному мнению, нынешней европейской цивилизации: юность затягивается на всю жизнь, потому что и конец учебы, и трудовая жизнь, и брак (эти столпы традиционной социализации) наступают позже, а в прежнем, строгом, смысле — никогда. С приходом постиндустриальной эпохи периоды жизни стали многократно перемежаться, залезать друг на друга. Первые стажировки, временные контракты и другие встречи с миром труда начинаются рано, но постоянная работа начинается на десятилетие позже, чем у предыдущего поколения. Работа постоянно сочетается с учебой (переподготовкой, перепрофилированием, повышением квалификации и т. д.), так что учеба занимает все большую долю самой работы. Занятость все чаще перемежается с периодами безработицы в той или иной ее форме. Пенсия часто сопровождается «второй карьерой», будь то профессиональной или любительской. Продолжительность жизни и, следовательно, длительность активной жизни растет, а сама трудовая деятельность сокращается. Нередко первый пост человек получает после 30, а должен (или может) выйти на пенсию уже в 50. К тому же нередкой стала ситуация, когда работающий человек только в свободное время может предпринимать шаги, способные улучшить его рабочее положение, обеспечить профессиональное продвижение, а тем более «прорыв», тогда как труд в рабочее время способен только увековечить его статус-кво. Свободное время стало диктовать закон времени рабочему.

Времени будет все больше и его все больше будет не хватать. Потому что требуется свободное от свободного времени время, чтобы понять, что с этим свободным временем делать.

ДЕВЯТЬ СЕКУНД

Как некогда в храм, еще недавно входил европеец в музей, место если не благоговейности и отрешенности, то во всяком случае сосредоточенности. Местные заходили сюда на регулярную мессу задумчивой несвоевременности, приезжие паломничали к чудесам человеческого гения или изо-

бретательной природы. Совместный продукт секуляризации, прогресса, колониализма и вуйеризма, музей из частной коллекции куншттюков был мобилизован в качестве могучего средства сплочения сообщества под знаменем локальной идентичности, будь то национальной или региональной. Музейная институция — это часть общества, делегированная им, чтобы мыслить его и весь мир в их «музеальной» ипостаси, отбирая не только архивируемое (заслуживающее хранения и ему поддающееся), но и экспонируемое (заслуживающее показа и ему поддающееся). Традиционная миссия, возложенная на музей, состояла в том, чтобы, будучи выше частных интересов, указывать человеку как человеку его место в мире (природе и истории), сообщаясь со сверхзадачами общества, но не взирая на публику.

Изначально эклектичный, музей размежевался на, грубо говоря, музей исторический и музей художественный. Первый отвечал за создание коллективной этно-пространственно-временной идентичности, второй — за воспитание общественного вкуса. Другим размежеванием была специализация на музей своего-родного и музей экзотического. Крах таких лобовых национально-культурных проектов в результате двух мировых войн сменился после непродолжительного послевоенного упадка неслыханным музейным подъемом. Музей диверсифицировался. Из музеев, ныне существующих в различных европейских странах, от 70 до 90 % были созданы после войны. Помещения для новых музеев (как и для театров) стали любимым упражнением в фантазии для архитекторов, как соборы для готического искусства и как вокзалы для XIX в. Углубилась, систематизировалась музейная мысль. Если основные специализированные журналы возникли в начале века, то теперь открылись кафедры и факультеты музеологии.

Но к 90-м годам после промышленного закончился и музейный бум. Приостановился рост, затем началось падение числа посетителей. Забуксовала музейная рефлексия, вынужденная признать, что — не повинуюсь ее благим пожеланиям и под влиянием куда более мощных факторов — и миссия музея, и его стратегия стали претерпевать многоплановую метаморфозу. Эрзац храма, последнее прибежище ритуалов гражданственности, музей стал сегодня сценой ее кризиса. Из конечного ориентира локального бытия современный музей превратился в место, где переписывание своей истории и идентичности становится наглядным, очевидным. В полном сознании этого обстоятельства музеи стали делать самих себя своей темой, обнажая прием, устраивая самоироничные выставки, заменяя экспозицию историей экспозиций как историей способов сообщества видеть себя. Таким «повинным», постсовременным актом музей как бы признается в собственном релятивизме и, будучи не в силах вполне искренне занять какую-то очередную заведомо субъективную позицию, пока только честно освещает различные предыдущие. Музей становится собственным экспонатом, предваряя то, возможно, скорое время, когда сама музеальность станет знаком исторически ограниченного (Европа, Новое время) отношения к истории.

Век назад музей мыслил себя как альтернативу забегаловке (ср. с благочинным музейным кафетерием) и ярмарке (ср. с позаимствованными у бала-

гана панорамами и действующими моделями). Социальной задачей музея было поместить человека в окружение ценных предметов и тем поднять его на новые уровни уважения к себе и миру. Переступая через музейный порог, человек соглашается не столько на знакомство с новыми фактами и смыслами, сколько на участие в социальном ритуале самодисциплинирования и самоформирования. Однако институцией однозначно образовательной музей так и не стал. Сегодняшняя его эволюция к развлечению представляется, по крайней мере, на обозримое время, необратимой. Налицо тенденция к музею авторскому, субъективному, делающему ставку на сценографию, постановку, эффект, суггестию. Исторический музей все более следует модели музея искусств. Так называемая «новая музеология», переместившая центр тяжести с вещи на контекст, со «что» на «как», предвосхитила этот сдвиг, хотя вряд ли может считаться ответственной за его крайности. Музей отвернулся от общества и стал лицом к публике, уступив вездесущему требованию стать привлекательным, динамичным, живым.

Стала падать ценность постоянной экспозиции по сравнению с временными и/или передвижными. Публике нужны «события». Одна ударная выставка обеспечивает до 15 % общенациональной годовой кассы. Появились музеи вовсе без постоянной экспозиции. Хранитель или куратор часто вынужден выбирать между успехом у публики и одобрением профессиональных критиков. Несмотря на рост числа музеев, львиную долю средств и публики стали стяжать музейные гиганты, более

ЭПОХА, КОГДА МУЗЕЙ ОЩУЩАЛ
СЕБЯ КУЗНЕЙ СОЦИАЛЬНОГО
ЕДИНСТВА, МИНОВАЛА. ВРЕМЯ
ВЕЛИТ ДРОБИТЬ ПУБЛИКУ НА КАТЕ-
ГОРИИ, ЧТОБЫ ТОЧНЕЕ УДОВЛЕ-
ТВОРЯТЬ ПОТРЕБНОСТИ КАЖДОЙ

приспособленные к маркетинговой игре. Они, например, создали отделы по изучению публики. Эпоха, когда музей ощущал себя кузней социального единства, миновала. Время велит дробить публику на категории, чтобы точнее удовлетворять потребности каждой. Услуги увеличиваются и разнообразятся: экскурсии, уроки, семинары, серии докладов, концерты, мастерские, развлекаловка для детей, кинопоказы, встречи с художниками. Множатся и платные услуги, товары на продажу. Музеи открывают собственные киоски и бутики, другим арендуют свои фойе, сдают кинозалы. А портики бесплатно предоставляют роллерам и скейт-бордистам: авось когда-нибудь образумятся и заглянут вовнутрь. Что уже учитывается архитекторами при постройке новых музеев.

На этом фоне произошла неоднозначная встреча с мультимедиа, включение которых в структуру музея необыкновенно облегчает жизнь исследователю или любознательному, но и грозит потеснить инстанцию посещения музея, личного присутствия, созерцания. Если можно проконсультировать музейную экспозицию, к тому же «интерактивно», в зале или вестибюле музея, то тем более комфортно это можно делать дома или в кафе, независи-

мо от того на каком расстоянии от музея они находятся. Новые медиа могут выявить и новую силу музея — от противного: очевидной демонстрацией того факта, что никакое изображение не может заменить предмета — в его сингулярности, бренности, хрупкости (в том числе в его подверженности выцветанию, порче, пожару или краже). Но медийная «навигация» не прервет и еще больше сократит те девять секунд, которые современный посетитель проводит в среднем перед экспонатом.

Музей стоит на пересечении траекторий. В траекторию художественного входят мастерская художника, частная коллекция, аукцион, галерея; исторического-краеведческого — быт/обиход, блошинный рынок, антикварная лавка. Но музей все больше включается и в другую цепь: аэропорт — гостиница — ресторан — магазины. Уже сегодня 2/3 посетителей европейских музеев — иностранцы. Как музей дает срез окружающего внешнего мира, так и целые города и страны стали предъявлять и продавать себя как «музеи под открытым небом». У Европы пока не меньше, чем у других, оснований для такого самопредставления. Музей как способ приближения-дистанцирования есть европейский феномен. Музей и есть европейское отношение к истории. Стремясь потрогать глобальному потоку, европейский музей рискует утратить свою европейскую экзотику.

ДОЛГО ЛИ ПРИДЕТСЯ ЕСТЬ ПИРОЖНЫЕ?

Чем будет жить Европа, утратив свои индустриальные позиции? Труд мечтает, чтобы его заменили машины, чтобы работа делалась сама; капитал мечтает, чтобы деньги прирастали сами собой, без захода в утомительный производственный процесс. Европа (а тем более ее динамичный американский форпост) нашла способ совместить обе мечты. Капитал прирастает от обращения в виртуальном далеке.

На скромный, без помпы, конец промышленной эры, наступивший тридцать лет назад, капитал отреагировал чутче и быстрее, чем все общественные науки вместе взятые. Рецессия, безработица были опознаны им как тенденции «тяжелые», медленные, требующие поэтому от него не полумера типа затягивания поясов или работы «тщательнее», а структурного сдвига. Еще не стояла столбом речь о глобализации и виртуально-дигитальной революции, но уже стало ясно, что грядут перемены, перед которыми государственные рычаги окажутся бессильны.

Тенденция к усилению финансового капитализма привлекла критическое внимание экономистов уже в начале века. Торстейн Веблен уже в 1904 г. обвинял новый класс финансовых экспертов в том, что их погоня за приращением капитала разрушает индустриальную компетенцию. В 1910 г. вышла книга Рудольфа Гильфердинга «Финансовый капитал», вдохновившая и В. И. Ленина на его знаменитый анализ современного ему империализма. К середине 70-х годов, т. е. к концу «славного тридцатилетия», тенденция к финансовизации капитализма окончательно победила в совокупности развитых стран. Выход на экономическую арену новых технологий усугубил эту тенденцию.

Вся последняя четверть XX века, до самого интернетного кризиса 2000 года, прошла под знаком триумфа так называемой «новой экономики», сменившей допотопный предпринимательский (семейный, династический, патриониальный) капитализм.

Первым предвестником смены парадигмы было расщепление инстанции хозяина на две: собственника и управляющего. Управляющий нанимается, чтобы извлекать финансовую прибыль любыми средствами, включая упразднение производства (идеальная модель Alcatel: «предприятие без завода»). Минимум прибыли был установлен консенсусом инвесторов на уровне 15 %, что намного выше общих темпов роста, как известно, не дотягивающих сейчас в Европе и до 2 %. В результате долговременную предпринимательскую логику заменила краткосрочная финансовая. Она позволяет лучше и быстрее перераспределять риски, реагировать на конъюнктуру, а фактически и создавать ее. Целью предприятия стала финансовая рентабельность, или максимизация ценности акций. Биржа как экономический фактор получила новый импульс с открытием коммерческих горизонтов интернета. Возникают мириады start-ups. Банки подбивают их к размахистым операциям, грандиозным бизнес-планам. Инвесторы требуют бесшабашной отваги. Согласно сетевому анекдоту, интернетный пузырь — это лапша, которую 30-летние хитрюги навесили на уши 50-летним лохам по наущению 40-летних прохвостов. За одну пятилетку произошел радикальный сдвиг к виртуальной стоимости, основанной не на результатах, обороте или реальных ресурсах, а на мнении. Те, кто финансировался по старинке, сообразно некоему «положению дел», обрекли себя на слишком медленный рост и оказались на обочине. Стремительно выросла роль образа, репрезентации. Для выжимания 15 %-й прибыли понадобилась как раз истеричная реакция общественного мнения, способного отвечать преувеличенно резкими жестами на любой слух, им же порожденный. Таков механизм финансовых пузырей, раздуваемых блефом и стадным инстинктом. Мнение становится перформативным, реализуя то, что возвещает. Неоправданно высокую 15 %-ую планку можно перепрыгнуть только ограниченным числом способов, впрочем, совместимых друг с другом. Можно урезать у работников, чтобы подбросить акционерам, — это рискованно. Можно как-нибудь попытаться поднять производительность, — это хлопотно. Можно попробовать сократить затраты — это сложно. Наконец, можно свернуть производство, перегнав его в недвижимость или переместив туда, где больше солнца и меньше профсоюзов, — это, пожалуй, проще всего.

Отсюда новая расстановка сил современного капитализма. Его характер сегодня — экономическая демократия, а социальная база — народный акционариат. Рабочий, могильщик как прежнего капиталиста, так и самого себя, сам стал капиталистом, т. е. акционером. Пусть мелким и почти иллюзорным: вся его свобода заключается в том, чтобы поскорее и желательно без потерь избавиться от акций, которые накапливает управляющий, гарантирующий себе тем самым власть принятия решений. Теперь общественные противоречия разыгрываются прямо в душе «нового капиталиста». Как

трудящийся, он, конечно, хочет, чтобы промышленность оставалась в его стране, чтобы у него росла зарплата и т.д. Как потребитель, он голосует кошельком за дешевые товары, произведенные в солнечно-беспрофсоюзных краях. Как гуманист, он возмущен условиями труда своих далеких азиатских собратьев. Как капиталист, он ожидает, что его акции принесут ему максимальную прибыль, благодаря самоотверженному трудолюбию, принятому среди все тех же собратьев. Поэтому, отражая расщепленность его сознания, общество реагирует на очередное коллективное увольнение какой-нибудь фирмой так же шизофренично: наигранным возмущением в новостях и ростом пунктов этой фирмы на бирже. Фактически трудящиеся Севера становятся капиталистами над трудящимися Юга, которым и перепадает «грязное дело производства». Сегодня базу мирового капитализма образует около 5 % населения Земли, т.е. 300–400 млн человек – держателей акций (главным образом, американцев, европейцев и японцев), 1 % из которых обладает половиной акций. Добрая треть этих акций – пенсионерская. Как будущий пенсионер, наш труженик-акционер надеется, что это положение дел пребудет если не вечным, то долгим. Но с этим, кажется, есть проблемы. Миллиарды долларов биржевой капитализации, вращающиеся вокруг планеты, не только обеспечивают ему завтра пенсию, но и обрекают его сегодня на безработицу, а заодно и разрушают планету «руками азиатов».

Однако что можно сделать с этой машиной и, главное, кто может что-то сделать? Лопнувшие пузыри последних лет (Enron, Parmalat...) показывают, что если можно делать деньги, разоряясь, то устоять от этого соблазна практически невозможно. Государство стало первой жертвой «новой экономики»: избежать его контроля и было, собственно, одной из ее целей. Международные механизмы регулирования находятся в зачаточном состоянии. Их развитие будет, вероятно, крайне медленным и извилистым, учитывая могущество лобби, им противодействующих. Постоянно предлагаемая отмена «налоговых раев» остается пожеланием вполне утопичным. Регулирующим инстанциям противостоит Протей финансового потока, а такого субъекта в суд повесткой не вызовешь. Европа, возможно, попытается взнуздать мустанга спекулятивного капитализма: будет препятствовать концентрации фирм и капиталов, налагать политическое вето на экономические решения во имя «интересов Европы». Некоторые предлагают сопротивляться американской модели, где акционариат диктует политическую волю (хотя, как ни крути, это такая форма демократии). Но, скорее всего, и в этом Европа помчится догонять своего юного и незакомплексованного отпрыска. Ибо краткосрочная спекулятивная логика прекрасно соответствует короткому электоралистскому дыханию европейской политики.

МЫ, ГРЕКИ, ИЛИ ЧУДО ПРАЗДНОГО ЛЮБОПЫТСТВА

Является ли курортный поворот каким-то радикальным разрывом с некоторой европейской традицией? Нисколько. Скорее, напротив, он возвращает Европу к тем ценностям покоя, свободы от труда и суеты, которые были

воспеты классическими элинами, предками всех европейцев. Он исполнил многовековую мечту, и если исполнение ее терзаемо противоречиями, то отчасти оттого, что и давешняя мечта была их не чужда.

О безмятежности, конечно, говорить сегодня не приходится, ибо меланхолический демон не дремлет, но пропорционально все более длительный досуг, нынешний удел миллионов европейцев, был еще недавно достоянием элиты, а до этого — исключительной привилегией языческих богов, пока новый бог-мученик не спустился с пьедестала навстречу *conditio humana*. Первое поколение греков (т.е. людей) «были как боги», не знало ни забот, ни мук, ни нищеты. Пятое, железное, поколение невыгодно отличается от своих предков. Оно осуждено на труд, угрызения совести, зависть, классовую борьбу, поиск другогополого партнера для продолжения рода и массу других неудобств. У него стало ощутимо меньше досуга. Да и оставшийся оно норовит поставить себе в упрек. В архаичные времена праздность *scholê* приравнивалась к лени-*argia* и соответственно осуждалась, а затем и преследовалась по закону (закон Солона против тунеядства). Бездеятельность-*argragmosunê* ассоциировалась с дурашливостью, нелюбознательностью, инертностью, тупостью. И вместе с тем она одобрялась у богов как необходимое условие душевного покоя-*hêsuchia*. Человеку покой нужно было еще заслужить — трудом, подвигом, военной или спортивной победой (как у Пиндара).

Греки видели в покое не противоположность деятельности, а середину между двумя одинаково отвратительными крайностями — ленью и интриганской суетливостью (*polupragmosunê*, *philopragmosunê*, *periergia*). Эти по видимости противоположные пороки склонны к альянсу: лентяй часто и живет возней, дрязгами, крючкотворством. И наоборот, для плодотворной деятельности нужно освободиться от суеты, чужой и своей. В эсюхии классического периода нет, однако, ничего от углубленного молчания позднейшего православного исихазма: она мыслилась прежде всего как свобода от житейских забот, например, как безмятежность участника праздника или пира. Регулярные массовые пиры более или менее религиозного или политического характера были, в отличие от дружеских пирушек, своего рода обязанностью гражданина, а никак не предметом выбора или личного решения, поэтому современному понятию досуга не вполне соответствуют. (Впрочем, нынешние развлечения — разве они не принудительны?)

Понятое как состояние граждан, спокойствие души — это и противоположность гражданской войне, мир. В период нарастания афинского империализма эсюхия стала паролем пацифистов, врагов экспансии. И дело мирапокоя нужно было защищать, вплетая свой голос в гвалт экклезии, чтобы прыткие и задиристые не навязали тебе свой гиперактивизм, пока ты вкушаешь благостное ничегонеделание. Поэтому и философы, видя в досуге гаранта спасения полиса, понимали его то как спокойствие души, то как политическую активность.

Только поздний Аристотель, после смерти Александра удалившись от административных дел и Афин, смог целиком предаться подлинному

досугу (философскому творчеству) и провозгласить, что досуг — это цель всякого, а не только богатого, человека. Как цель войны — мир, так цель занятий — досуг. Если нужно быть способным воевать и работать, то еще больше — жить в мире и досуге. Вплоть же до Аристотеля досуг — удел имущих. Согласно Трудам и дням, трудиться нужно всем, вот ведь и цари не бездельничают, но постигают Зевсову справедливость и вершат суд сообразно ей. Трудовая этика демонстративно — и подозрительно — настаивает на своей универсальности. На поверку у гесиодовского крестьянина оказываются батраки и слуги. Он, конечно, делит с ними тяготы преодоления материала. Но забота воспевать труд, а также следить, чтобы никто не отлынивал от воспеваемого им блага, все-таки ложится исключительно на его плечи. Равно как и бремя досуга. Кому этика труда (пришедшая через две с лишним тысячи лет, правда, ненадолго, к трактовке труда как самоцели), а кому эстетика досуга — удел имущих и богемы, т. е. тех, кто считает, что бедность — это еще не основание для того, чтобы не стремиться к жизненному идеалу богатых.

Афины стали, возможно, первым городом, в котором организация досуга стала государственной заботой. Перикл говорит у Фукидида: «Мы предоставили в качестве средства от усталости многочисленные развлечения: состязания и религиозные праздники сменяют друг друга целый год, а повседневное пользование роскошными сооружениями прогоняет печаль». Но остановись греки на этом, не случилось бы никакого греческого чуда. У рационалистического максималиста Сократа определением досуга становится наилучшая деятельность, которую может выбрать человек в данный момент. Если не наилучшая, значит выбор ее был несвободен! Праздношатающийся болтун в глазах врагов, Сократ — в глазах учеников — освобождает себе время для титанических философских деяний. И становится моделью... для политика! Если спокойно-праздный гражданин (*apragmôn, hêsuchos*) следит за общественным благом, то и философ занимает свой и учеников досуг подготовкой к самой важной деятельности — политической. По Ксенофону, свободное время нужно, чтобы не упустить самое главное. Он мечтает для Афин о жизни, целиком отданной досугу (ибо обеспеченной добычей серебра и торговлей, правда, на шахтах Лориона и на веслах все же придется трудиться рабам), а значит физическому и умственному самосовершенствованию граждан. Программа платоновских Законов детализирует по сути ту же мечту.

На закате жизни Сократа и, вероятно, не без его влияния произошло (детально изученное E. Welskopf, L. Carter и особенно P. Demont) судьбоносное изменение семантики слова «*scholê*». Оно стало обозначать не праздный досуг, а учебу, любознательное занятие для ума, что затем дало и школу, и схолию, и схоластику. От времени «свободного от» — ко времени «освобожденного для». В различении досуга и труда появились и обертоны любимой философской проблематики души и тела. Поэтому на постижение блага и иных идей тратили досуг только души, достаточно свободные от своих тел. Другим оставались, как и сейчас, развлечения, зрелища: сплетни, шопинг,

петушинные бои, попойки, оргии, диета и прочая забота о здоровье (все это резко осуждается ригористской Политейей).

У сегодняшнего шестого, виртуального, поколения людей — свободного времени, почти как у обитателей Олимпа. Но его бездеятельность во многом вынуждена. Нынешняя унаследовавшая грекам цивилизация все меньше обременяет человека трудом и все меньше учит его занимать самого себя. Аскеза отброшена с христианством, а самосовершенствование — с Просвещением. Поэтому любое лишение ощущается как испытание, а каждое недоступное развлечение принимается как пощечина вершине творения. Европейцы и сейчас раздираемы все теми же двумя желаниями: высвободить время от труда или частных дел, чтобы заняться политикой (на агоре, в магистратурах или в ассоциациях), и, послав всё, «позаботиться о себе». Но по мере того, как политика теряет свою роль, ища нового — скромного — места в новой экономике желаний (и просто экономике), стремление заниматься ею будет угасать. Пока какие-нибудь новые потрясения не поставят ее опять во главу угла. Сколько бы европейцы ни вписывали христианство в свою конституцию, они остаются — да что там: все более становятся — языческими греками. Досуг — их последняя религия, которая завтра окончательно задвинет христианскую борьбу за занятость.

Евгений КРУТИКОВ

НЕЗАВИСИМОСТЬ ЧЕЧНИ – ДЕЛО ВРЕМЕНИ

17.3.2006

Харизма Рамзана Кадырова в чеченском истеблишменте, если это импортное слово в данном случае уместно, постепенно приближается к тому критическому уровню, за которым маячит призрак культа личности. У невовлеченного наблюдателя, уже лет пять-семь назад смертельно уставшего от новостей с Северного Кавказа и переключившегося на футбол, давно уже сложилось впечатление, что семейство Кадыровых – панацея для решения всех проблем Чечни. В окрестностях Кремля и в Ростове-на-Дону тоже искренне убеждены в безальтернативности Рамзану. В деталях никто даже не думает разбираться. Детали эти, мягко говоря, неоднозначны и выглядят пугающе, если смотреть на ситуацию в Чечне не с точки зрения сиюминутного кадрового решения, а с более высокой наблюдательной позиции в бинокль: с перспективой лет эдак на десять.

Изначально, в 2000 году выбор Кадырова-старшего в качестве опоры в Чечне, в которой тогда вовсю еще шли бои, был исключительно прагматичен. Муфтий находился в затяжном вооруженном конфликте с ваххабитами, имел собственную крупную базу – Гудермес, второй по значимости город республики и опирался на крупное подразделение: отряд своих одноклассников братьев Ямадаевых, переросший в то, что сейчас называется батальоном «Восток». Другого такого человека в республике тогда действительно не было. Но даже тогда многие люди, близкие к разведке, либо недоумевали («Ты не знаешь, кто его в Кремль-то порекомендовал?» – поинтересовался у меня один из них), либо в них открывалась бездна веселого цинизма («Да, конечно, Ямадаевы – бандиты законченные, но Гудермес-то они без боя отдали!» – веселился один известный и тогда влиятельный генерал ФСБ). Кроме того, кто-то очень умный вспомнил о существовании тейпов (ранее оригинальная система самоорганизации чеченского общества спецслужбами и политиками просто игнорировалась), и эта «эврика» тоже пришлось кстати: Кадыровы и Ямадаевы принадлежат к самому крупному по численности тейпу беной, распределенному к тому же ровным слоем по всей территории республики.

Самое интересное, что на тот момент выбор оказался верным. Кадыров-старший быстро и успешно превратил свое довольно шаткое со всех точек зрения положение в неберущуюся крепость. Кадыров-юниор вырос из совершенно необразованного мальчишки-боевика в политика, способного носить галстук, открытого для прессы, порой даже свертоткрытого (уже два-три года назад ему можно было просто позвонить на мобильный телефон и получить любой требующийся комментарий), и употребляющего многосложные заимствованные термины. Оставшиеся в живых Ямадаевы получили батальон «Восток» и место в Госдуме. Идиллия. Прямо хоть делегацию ПАСЕ приглашай. Поймите меня правильно: я не иронизирую и не нападаю на Рамзана. У него множество положительных и отрицательных черт, как у всех людей этого поколения с тяжелой судьбой.

Например, положительные. Ему только 29 лет, он энергичен, пользуется влиянием среди людей с оружием, не замечен в финансовых махинациях, имеет личные мотивы для борьбы с религиозным экстремизмом и сепаратизмом, он готов мыслить европейскими категориями, молясь по пять раз в день, внушает уважение личной храбростью и открытостью.

Отрицательные. Ему только 29 лет, из которых 15 он не снимает камуфляж и спит с автоматом у изголовья. Он слишком энергичен, но недостаток образования и мирного опыта иногда канализирует эту энергию в поступки нервные и несуразные вроде изгнания из Чечни датских специалистов по беженцам. Он популярен у вооруженной части населения, в том числе и среди боевиков, искренность перехода которых на сторону федеральных властей порой весьма сомнительна. Боевики скорее переходят на сторону лично Рамзана, а не России.

Кадыров-младший полон парадоксов. Он не замечен в махинациях, хотя фактически сосредоточил в своих руках всю финансовую помощь из Москвы и несколько раз высказывался за полную автономию нефтегазового комплекса Чечни от федеральной экономики. Он ведет свою личную войну против конкретных людей среди экстремистов, несколько снисходительно относясь к тем из них, кто не навредил ему лично, его семье или его тейпу. Он постепенно переходит на европейскую систему мышления, но при этом опирается на абсолютно чеченскую систему организации власти и общества, постоянно упирая на то, чей он сын, какого он тейпа и как правильно он себя ведет с точки зрения шариата и неписанного кодекса поведения (оъздангалла — благородства). Он храбр, но вряд ли главе правительства пристало лично с автоматом в руках бегать по горам за своими кровниками. Он открыт, но из-за все того же отсутствия какого-либо образования и масштабного мышления может сболтнуть такое, что потом Москве приходится два месяца оправдываться.

И он при этом идеальная фигура на пост премьер-министра республики. Если забыть о перспективе.

Трагическая судьба Абрамова показала, как тяжело быть чужаком в закрытом обществе. Нелепая автоавария стала лишь жирной чертой, подведенной под его премьерство в Чечне. После гибели Кадырова-старшего некоторые

шаги, как и бытовое поведение Абрамова вызывали искреннее уважение, некоторые – улыбку. Прессинг, который оказывал на него Рамзан, постоянно демонстрировавший свою личную к нему дружбу, был ужасен. Абрамов постепенно потерял нити управления (если вообще обладал ими со дня приезда в Грозный). Он принялся учить чеченский язык, чтобы понимать, что происходит у него за спиной. Стал вникать в хитросплетение родственных и вирдовых (религиозных) взаимоотношений, чтобы понять, как на самом деле делаются дела. Не помогло. Из этого умного, честного и добросовестного человека сделали театральную декорацию, на фоне которой разворачивалась антреприза под названием «Рамзан Кадыров, великий и ужасный».

Этот неудачный опыт обескровил тех аналитиков, кто настаивал на непосредственном участии в управлении республикой «русских варягов». «Отдавать все нити управления Чечней в руки только одной семьи или одного тейпа – смерти подобно», – говорили эти печальные люди. «Не верьте тем, кто говорит, что европеец не сможет понять, как замыкаются электрические сети в мозгах вайнахов», – твердили они. «Надо тащить за волосы вайнахское общество из средневековья в мир Интернета, классической музыки, Шекспира и MTV», – чуть не плакали эти несчастные. Большинство из них молодые, сильно пьющие люди в очках и в старых свитерах. И их прокуренные голоса заглушаются хором других аналитиков, только недавно снявших спецназовскую форму и имеющих правильное место рождения.

Если подробно объяснять, как функционирует вайнахское общество, – получится объемистый трактат. Но есть несколько стереотипных заблуждений, которые доминируют в России, в том числе и у тех, кто принимает решения. Во-первых, принято считать, что тейповое устройство расчленяет чеченское общество на конкурирующие кланы. Это не так. Тейповая система, наоборот, цементирует миллион с лишним чеченцев, в том числе и чересполосицей проживания. Во-вторых, все чеченцы верят в Единого бога и пророка его Магомета одинаково, за исключением отщепенцев-ваххабитов. Это не так. Внутри чеченцев уже более ста лет идет конкурентная борьба между двумя суфийскими орденами, а внутри между вирдами – более мелкими течениями, и на этой борьбе спекулировали и спекулируют все светские правители, от русских царей до Джохара Дудаева. В-третьих, вся диаспора – воры и мошенники, поддерживающие сепаратистов. Это не совсем так. Диаспора разная, внутри нее есть волны, формировавшиеся в различные исторические эпохи, и даже те, кто отчислял деньги на нужды боевиков, сильно этим тяготились. Денег было все-таки жалко. В-четвертых, террористическая активность поддерживается исключительно финансово, а если сто долларов шахиду не пообещать, то он и не взорвет ничего. Это совсем не так. Это миф. Механика терроризма слишком сложна и многогранна, чтобы сводить ее только к одноразовым выплатам исполнителям или чему-нибудь подобному.

Ну, и объясните, как на фоне всех этих, скажем так, заблуждений, европейцам эффективно работать в Чечне? Да, конечно, нет сомнений, что Кадыров-младший довольно долго не упустит из своих рук власть, осо-

бенно на фоне присутствия во власти другой семьи – братьев Алхановых, но потом-то что? Через пять-шесть лет Москве разобратся в ситуации в Чечне будет уже слишком сложно, чтобы эффективно ее контролировать. Абрамов был назначен «варягом» очень своевременно, когда необратимых процессов еще не было. А через пару лет ни одному европейцу, как бы он ни старался, не удастся перетянуть на себя хотя бы маленький краешек одеяла республиканской власти. Такая перспектива печалит и нервирует одновременно. Вот почему не хочется аплодировать единогласному избранию Рамзана Кадырова, каким бы хорошим парнем он ни был.

Постоянный адрес страницы: <http://www.prognosis.ru/news/secure/2006/3/17/chtch.html>

Сергей РОМАНЕНКО

СЛАВЯНСКИЙ СОЮЗ НЕ НУЖЕН

18.1.2006

Постсоветское пространство переживает очевидный системный кризис. Одним из его составных элементов стал кризис национальной и государственной идентичности, с особой остротой и в специфических формах проявляющийся в отношениях между тремя «славянскими сестрами» — Россией, Украиной и Беларуссией, равно как между тремя «славянскими братьями» — русским, украинским и белорусским народами. Суть этих кризисов одна, но проявления разные. В белорусском случае — «притягивание», попытка частичного восстановления СССР, в украинском — «отталкивание» даже ценой возможной угрозы территориальной целостности Украины. Одинаковой — мифологической — является и психологическая и идеологическая основа восприятия в массовом и обыденном сознании народов и государств, которая определяет и политику. Выход из кризиса в Москве зачастую видится в ликвидации существующих ныне независимых государств — в поощрении центробежных тенденций в украинском государстве (миф о «брате-враге») и в объединении с Беларуссией (или ее присоединении) — миф о «брате-союзнике»

История взаимоотношений двух родственных славянских народов — русских и белорусов, проблема их сосуществования в одном государстве вовсе не так проста, как кажется на первый взгляд. Ни в Российской империи, ни при Временном правительстве белорусы, также как и украинцы, вовсе не почитались самостоятельным и, тем более, суверенным, народом. Эта же политика «единой и неделимой» России была унаследована и большевиками, на словах провозглашавших свободу национального самоопределения, а на деле под лозунгами «мировой революции» стремившихся не только к сохранению старых, но и к приращению новых территорий. В советский период Беларуссия пережила как период «белорусизации», так и борьбы с «национал-уклонизмом». В последний период существования СССР и первые годы после возникновения независимой Беларуссии происходит раскрепощение и рост национального самосознания белорусского народа, активизация процесса его национального политического самоопределения. Однако Александр Лукашенко, придя к власти, возобновил политику русификации и подавления национальной белорусской культуры и языка.

Демократическая Белоруссия долго не забудет правящему классу России поддержку этого лидера.

Концепция восстановления СССР рассматривает его как «славянское» государство, а планируемое воссоединение, независимо от его формы — как союз близкородственных наций. Однако это очень непрочная и расплывчатая основа. Во-первых, Россию, не говоря уже об СССР, никогда нельзя было назвать исключительно славянским и православным государством, в том числе и исключительно этнически русским. Россия, прежде всего, многонациональное и поликонфессиональное государство. Поэтому неизбежно возникает вопрос: что могло бы стать основой ментальной близости — этнокультурная и конфессиональная общность (славянство) или принадлежность к распавшемуся государству и опыт «социалистического строительства»? «Славянские» концепции в любой их форме являются в своей основе разновидностью этнического национализма. История показала, что на этой основе невозможно создать прочное государство, поскольку оно будет чужим не только для неславянских народов, которые неизбежно войдут в его состав, поскольку практически не существует этнически «чистых» территорий, но и для самих славянских народов.

Ни белорусскому, ни украинскому национальному сознанию не свойственно восприятие друг друга как части «одного разделенного народа», который надо воссоединить, и во взаимных представлениях ни украинцы, ни белорусы вовсе не отрицают наличие друг у друга национальной и государственной идентичности. В Украине и Белоруссии происходит смена регионального сознания. Значительная часть обеих наций считает себя и свои государства частью не бывшего СССР, не Восточной Европы, а Европы Средней, или даже Европы в широком смысле слова. Это подтверждает и участие не только Украины, но и Белоруссии в различных средневропейских организациях и проектах. Ни одно из постсоветских и постсоциалистических государств не захочет возвращения в Восточную Европу, поскольку для них это будет означать возврат в прошлое и утрату независимости, с таким трудом обретенной.

На какой основе могло бы сформироваться новое образование? Будет ли это объединение народов и обществ или объединение двух режимов, двух государств исходя из геополитических, экономических и материальных и интересов? И здесь мы сталкиваемся с двумя мифами. Миф первый: в случае объединения те социальные гарантии, которые в данный момент выгодно отличают Белоруссию от России, будут распространены на Россию. На самом деле, очевидно, что произойдет обратное. Белорусская «модель» ограничена рамками «своего» общества и государства и по своему потенциалу вовсе не рассчитана на распространение в огромных масштабах. Белорусское «благополучие» во многом оплачивается из российского бюджета, например, сохраняющимися даже сейчас «льготными» ценами на газ в 47 долларов. Не нужно, однако, забывать, что и в отношениях с нынешней официальной Белоруссией «отключение газа» также использовалось как политическое оружие. В случае объединения белорусская система прекратит свое существование, а Белоруссия превратится в российскую провинцию.

Миф второй: о необходимости объединения во имя единства демократических сил. Однако то функциональное состояние, в котором находятся сейчас российские и белорусские демократы не позволяет говорить о возможности создания эффективного движения. До сих пор многие российские демократы полагают, что национальное самоопределение можно «отменить», что это не исторически закономерный процесс, а затея кучки злобных интеллигентов, которые-де только и думают, как «насолить» России. В ответ они получают обвинения в том же «национализме», только направленном на сохранение русского государства, и в «имперскости». Россия, в том числе и демократическая, в большинстве своем с трудом понимает устремления соседних малых этнически родственных народов, по традиции рассматривая их исключительно как орудие своей внешней политики, а регион — как арену соперничества с Западом. Подобный подход противоречит не только устремлениям самих этих народов и выстраиванию с ними новых добрососедских отношений, свободных от имперских и советских принципов. Такой подход все больше противоречит новой международной ситуации и никуда, кроме как в тупик, Россию не приведет.

Возможное объединение иногда рассматривается как воссоединение одного разделенного народа. В этом случае объединение привело бы к окончательной русификации, к исчезновению белорусов как этнической, культурной и политической общности. Вряд ли на такой основе возможно объединение демократических сил. Если в начале XX века идея создания славянских государств совпадала в какой-то мере с тенденцией к национальному самоопределению, то теперь она, и это подтверждает распад других многонациональных славянских федераций — Югославии и Чехословакии, очевидно противоречит ему. В случае осуществления интеграции мы окажемся перед неприятной дилеммой: неизбежно придется принести в жертву либо российскую, либо белорусскую государственность.

Двухчленная федерация, состоящая из столь разновеликих республик и народов в качестве ее субъектов оказывается диспропорциональной и, следовательно, нежизнеспособной. Формальное равноправие субъектов федерации означало бы отрицание равноправия граждан. А это, в свою очередь, приводило бы к постоянным взаимным претензиям, и в конце концов закончилось бы либо быстрым распадом «общего» государства, либо ассимиляцией более крупным и сильным народом и большим субъектом меньшего, созданием этноцентристского и централистского государства. Более крупный «родственный» народ в этих условиях начнет угнетать меньший. Вследствие этого у «меньшего брата» вновь неизбежно возникает национальное движение, ставящее своей целью отделение и создание своего независимого национального государства.

Создавать образование типа Евросоюза для противостояния Евросоюзу — еще более нелепо. Не говоря уже о том, что для того, чтобы достичь уровня развития (не только социального, но государственного и политического) стран ЕС, надо пройти долгий путь существования национальных независимых государств и только потом думать об интеграции. Объедине-

ние двух отстающих в своем развитии государств не приведет к созданию одного передового. Скорее, наоборот, процесс развития еще больше замедлится. Идеи ЕС и восстановления СССР — вещи несовместимые. Зачем создавать союз России и Белоруссии на принципах ЕС, если обеим странам (особенно Белоруссии) можно либо присоединиться к ЕС, либо налаживать с этой организацией пусть и трудное, но сотрудничество. Кроме того, страны ЕС находятся на иной стадии развития, имеют иные традиции межгосударственных и межнациональных взаимоотношений. Поэтому попытка создать на просторах постсоветского пространства организацию, сходную с ЕС не по форме, а по сути и задачам, просто нереальна. Кроме того, в случае ЕС не идет и речи об упразднении национальной государственности и восстановлении распавшегося коммунистического многонационального государства. Для Европы объединение — новая форма интеграции развитых национальных государств. Для постсоветских государств это означает отрицание такой возможности.

Попытки России вернуться в прошлое приведут — и уже привели — только к тому, что национальное самосознание зарубежных славянских народов формируется и будет формироваться на антироссийской и антирусской основе. И в сознании самой России, и в сознании ее непосредственных соседей слова «демократический» и «антироссийский» будут восприниматься как синонимы. Объединение России и Белоруссии не только невозможно, но и не нужно — ни России, ни Белоруссии. Свободные народы и суверенные государства вполне могут поддерживать равноправные и взаимовыгодные отношения. Если же произойдет объединение на авторитарной основе, то оно не будет ни эффективным, ни долговечным. Результатом будет лишь взаимное разочарование со всеми вытекающими отсюда последствиями.

*Автор — ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН*

Постоянный адрес страницы: <http://www.prognosis.ru/news/world/2006/1/18/slavonicunion.html>

Андрей РЯБОВ

СПРАВЕДЛИВОСТЬ: МИРОВОЙ ТРЕНД-2006

23.12.2005

«Тенденция, однако» — эти слова из старого анекдота обрели осязаемую политическую актуальность, когда из далекой Боливии пришло известие об избрании президентом Ево Моралеса. В мире стало больше еще одним главой государства, являющимся ярко выраженным популистом. Уго Чавес в Венесуэле, Александр Лукашенко в Белоруссии, Махмуд Ахмадинежад в Иране. А теперь вот еще и Ево Моралес. Возможно, на первый взгляд, эта цепочка может показаться надуманной. Лидеры эти появились в совершенно разных, даже с цивилизационной точки зрения, странах (только Чавес и Моралес представляют единый политико-географический регион — Латинскую Америку) и к власти пришли при непохожих обстоятельствах. Да и задачи, стоящие перед ними, как и перед странами, ими возглавляемыми, тоже неодинаковые.

Тем не менее, есть нечто общее, что их объединяет. Прежде всего, внутриполитическое кредо. Президенты-популисты пытаются говорить от имени большей части граждан своих стран, в первую очередь бедных слоев. Главной целью они видят более справедливое перераспределение национальных богатств. У Чавеса и Ахмадинежада — это доходы от нефти, у Моралеса — от газа и олова. У Лукашенко собственных природных ресурсов нет, он пользуется заемными — российскими. Однако в отличие от прежних времен, современные борцы за социальную справедливость не собираются призывать к тотальному обобществлению собственности, максимум, ограничиваясь национализацией только ключевых отраслей и предприятий. Что же касается мелкой, средней, а иногда и крупной частной собственности, то ее никто не собирается запрещать. Главное, чтобы элиты не забывали о своей социальной ответственности перед обществом и щедро делились доходами с «униженными и оскорбленными».

Важным фактором, поддерживающим существование современных популистских режимов, является наличие мощного внешнего врага, в роли которого неизменно, будь то Иран, Латиноамериканские страны или Белоруссия выступает мировой гегемон — США. Еще одна особенность лидеров, поставив-

ших целью добиваться справедливого распределения, состоит в том, что они не собираются замыкаться в изолированных от соседей национальных территориях, а стремятся собрать под свои знамена как можно больше бедных государств, недовольных современным мировым порядком. И на этом пути популистские лидеры начинают тесно взаимодействовать друг с другом. Благо и ресурс, имеющий глобальное значение, — нефть — в их распоряжении есть.

Отношение к демократии в ее традиционном понимании у популистских режимов неодинаковое. В Боливии, в меньшей степени в Венесуэле и даже в Иране политический плюрализм в различных пределах все-таки существует. В Белоруссии он искоренен практически полностью.

Думается, возникновение «мировой дуги» популистских режимов нельзя объяснить случайными совпадениями. Появление таких режимов есть реакция на реалии нынешнего этапа глобализации с ее острыми противоречиями и растущим неравенством в развитии и потреблении между населением ведущих индустриальных стран («золотым миллиардом»), с одной стороны, и большей частью человечества — с другой. Поскольку робкие попытки развитых индустриальных стран уменьшить, или хотя бы смягчить последствия этих разрывов до сих оказывались безрезультатными, народы бедных стран, судя по всему, начинают «брать дело в свои руки».

Симптоматично, что в том же контексте эволюционирует и всемирное движение антиглобалистов. Если отвлечься от активно тиражируемой большинством СМИ внешней стороны их шумной, разгромно-эпатажной деятельности, не трудно заметить, что программные установки этого движения близки идеям современного социал-популизма. Лидеры антиглобалистов во главу угла ставят справедливое социальное перераспределение, благодаря которому глобальная экономика должна стать социально-ориентированной во всемирном масштабе. Не нужно быть особо проницательным, чтобы предположить: если разрыв между развитыми странами и основной частью человечества в условиях глобализации с характерным для нее демонстрационным эффектом сохранится или тем более усилится, то социальный популизм как всемирное движение и популистские режимы продолжат победное движение по планете, особенно по государствам третьего мира.

Затронет ли этот процесс Россию? Судя по всему, полностью такой возможности исключать не следует. Нельзя не заметить роста популистского запроса в российском обществе. И эта тенденция подтверждается не только данными различных опросов общественного мнения, фиксирующими как ценностные предпочтения россиян, так и их реакцию на события текущей политики. Результаты выборов в региональные парламенты, состоявшиеся в 2005 г., продемонстрировали определенный рост электоральной поддержки политических партий, в той или иной степени использующих популистские идеи («Родина», КПРФ, Партия Пенсионеров, ЛДПР). Однако следует отметить, что уровень предложения популистских идей и политиков явно не соответствует формирующемуся запросу. Партии и политики, использующие популистские идеи, либо уже глубоко интегрированы в эту систему, либо не пользуются сколько-нибудь серьезным доверием населения.

Единственный на сегодняшний день тяжеловес, способный претендовать на роль главного популиста России – белорусский президент Лукашенко. Но шансы на его проникновение на российский политический рынок, возможного только при реализации проекта Союзного государства России и Белоруссии, весьма незначительны. Вероятность популистского сценария в РФ может возникнуть лишь при условии неожиданного и системного кризиса нынешней централизованной системы, имеющей четко выраженный элитарный характер и разделяющей общество на привилегированное меньшинство и «остальных». В этом случае ситуация неизбежно выбросит на поверхность политического процесса новых лидеров популистского толка.

*Автор – главный редактор журнала
«Мировая экономика и международные отношения»*

Постоянный адрес страницы: <http://www.prognosis.ru/news/world/2005/12/23/populism.html>

Михаил Маяцкий

ГЛАС ИНДИЙСКИХ БОГОВ

13.3.2006

В 1930-е годы Федор Щербатский тщетно пытался привлечь внимание Бертрانا Рассела и Анри Бергсона к буддистской логике. Им помешало буддистское неприятие аристотелевского принципа непротиворечивости. Буддистская логика еще допускала, что одной вещи нельзя приписать некое качество и его противоположность, но отказывалась принимать, что всякой вещи *обязательно* можно приписать либо некое качество, либо его противоположность (принцип исключенного третьего). Согласно буддистам, должно быть возможно и ни то и ни другое, ни А ни не-А.

Логика лишь до предела заостряет различие между европейской и индийской мыслью вообще. Двойко-лицемерный жест сопровождал отношение европейской мысли к индийской, начиная с последней четверти XVIII века, когда индийские священные тексты стали переводиться на английский язык: докажите нам сначала, что это философия (т. е. что это похоже на нашу философию), чтобы мы смогли вам сказать, что именно в силу этого сходства она нам и не интересна. *Карма* в Европе вошла в моду, поскольку была похожа на рок, зато *дхарме* пришлось труднее: она не сводится ни к принуждению, ни к свободе, хотя имеет отношение к обоим. А *нирвану* европейская рецепция XIX века толковала как культ пустоты, ничто, как близнеца европейского нигилизма, отказываясь понимать, как это можно: и преодолевать индивидуальное существование, и при этом не погружаться в небытие.

Если XXI век уже не будет европейским, то это не значит, что он обязательно станет китайским. Рядом с Китаем просыпается его младший азиатский брат, который, по всей видимости, не вечно будет довольствоваться почетным вторым местом. Уже опережая его по ряду экономических и политических показателей, Индия обгонит Китай по численности населения к середине века. Китайской окажется, возможно, только первая его половина.

Строго говоря, применительно к Индии еще в большей мере, чем к Китаю, речь должна идти не об индустриализации, а о реиндустриализации. Путешественники XVIII века сообщали о богатых странах с бурной, не в пример европейской, торговлей. Индия и Китай особо славились производством текстиля. На котором, как на грех, Европа решила провести свою модернизацию. В результате целенаправленной британской колониальной полити-

ки к 1900 году Индия вынуждена была уже ввозить текстиль. Сходная участь постигла и индийскую металлургию. Общий объем производства упал здесь с 1750 к 1900 году в 14 раз, тогда как в Европе он в это время вырос в три раза. В начале XIX века доход на душу населения в Индии практически совпадал с европейским, в конце века он оказался в три раза ниже.

Сегодня Индия просто начинает возвращать себе место, отнятое у нее два века назад. Пятилетки плановой социалистической экономики Неру и Ганди заложили основу политической зрелости и будущего экономического возрождения страны, но в сочетании с кастовой системой они дали и неповоротливую и коррумпированную бюрократию с ее печально знаменитой «лицензией Раджи». Решающий толчок к нынешней метаморфозе дали либеральные реформы 1991 г., спасшие страну от острейшего финансового кризиса.

В сегодняшней Индии галопирует не только производство, но и потребление. Если прежде демонстративное потребление было к лицу только принцам и брахманам, но осуждалось и социалистической этикой, и моралью торговых каст, то теперь оно стало общо всем, кто может себе его позволить, превратившись, таким образом, в трансрегиональный и трансконфессиональный фактор национального единства. «Новых индийцев» пока мало: даже если прибавить к 27 долларовым миллиардерам всех, кто зарабатывает больше \$ 1000 в месяц, получится всего 35 миллионов, что не густо для миллиардной страны. Зато их число прирастает на 10 % в год. Однако пока остается 450 миллионов тех, кто зарабатывает меньше \$ 1 в день. Сегодня для всех, невзирая на лица и касты, героем и образцом для подражания стал Билл Гейтс. Пару лет назад народ устроил ему прием, на который не могли претендовать махараджи или космонавты. Впрочем, образцов теперь хватает и своих. Достаточно упомянуть Лакшми Митталя, британца индусского происхождения, который не сходит со страниц европейской прессы. Пусть его металлургический концерн имеет заводы в 14 странах мира (но не в Индии), т. е. представляет собой типичную межнациональную корпорацию, — в Европе он олицетворяет новую индийскую угрозу и привлекает на свою голову громы и молнии нового экономического патриотизма, если не сказать расизма.

Сакраментальным вопросом европейского и американского капитала становится сегодня: куда надежнее вкладывать, в Китай или в Индию? Предприниматели, работавшие и там, и там, говорят, что в Китае работать легче, чем в Индии: там профессионалы, тут люди. Если в Китае время — уже — деньги, то в Индии оно — еще — вечность. Что отражается и на стиле работы бюрократии: посттоталитарная перестроилась быстрее постсоциалистической. Чтобы открыть завод в Индии, нужно 90 дней, в Китае — только 30. Демократия требует жертв. Для постройки дороги в Китае к деньгам достаточно прибавить директиву сверху, тогда как в Индии нужно еще проверить десяток-другой судебных процессов.

Зато, как представляется, если китайцы готовы пожертвовать всем во имя своего экономического чуда и соответствующего благосостояния, то индий-

цам важно, в какую картину мира и индийскости впишется то или иное преобразование, и споры об этом протекают на уровне партийных программ и парламентских дебатов. На одном полюсе — «хиндутва», род индийского негритюда или «лада», идеология подлинности и расовой чистоты, рассматривающая свою историю в перспективе виктимальной: как череду вмешательств, которой теперь надо положить конец. На другом — видение Индии как страны невероятной способности накапливать различия, не стирая их. Страна была и остается многосоставной и многослойной, но это, кажется, ей не мешает. Вместо американской «кастрюли» (melting pot) Индия практикует другую модель — «салатницы», где разные компоненты соседствуют, не теряя своей особенности. Индия не собирается вдруг начать выбирать между А и не-А. Она наверняка еще долго останется секулярной и религиозной, современной и архаичной, высокообразованной и безграмотной, кастовой и демократической.

Не без смущения вспоминает европеец свое недавнее убеждение, что модернизация и промышленная революция — удел только Европы и Нового света, и что Восток обречен остаться Востоком в силу самых разных — далее следовал длинный и убедительный перечень — причин: религиозных, культурных... Поддавшись этому убеждению, и сами индийцы до совсем недавнего времени использовали термин «вестернизация» в качестве синонима модернизации. Пока не поняли, что повторения пути быть не может.

Впрочем, в завуалированной форме это убеждение более живуче, чем можно было подумать. Недавний весьма позитивный отчет о глобализации, осуществленный МПТ, уверяет, что пресловутая деллокализация — явление сугубо маргинальное и статистически ничтожное. И главное, она ничего не меняет по сути: как и прежде, на нашей, западной стороне остается интеллект, тогда как на их стороне — одни руки.

Стыдно, дамы и господа. Нынешние молодые индийцы грызут гранит точных наук с остервенением, напрочь забытым европейской молодежью. Индия стала гигантской империей высшего образования. Ежегодно здесь выпускается 100 000 компьютерных инженеров и 70 000 программистов. Масса студентов учится за пределами Индии, преимущественно в США. Индийцы стали самым многочисленным этносом в американских кампусах (13 % от всех иностранных студентов). 35 % научных сотрудников NASA, IBM, Microsoft — индийцы или имеют индийские корни. Как никакая другая младо-индустриальная страна, Индия не желает повторять зады европейской модернизации и делает решительную ставку на индустрию услуг. Это прежде всего информационные услуги. Всемирный Банк, Британские авиалинии, Carte bleue, Nestle деллокализуют в Индию свои сервисные отделения, бухгалтерии, call-centers.

В ходе деиндустриализации Европа вынуждена будет претерпеть ломку более болезненную, чем Индия в ходе стремительной реиндустриализации. Модернизация производства, потребления, быта, досуга обставляется здесь мягким консервативным декором: возвращение к домашним ценностям, к набожности, к жизненному циклу, отбиваемому ритмом семейных празд-

ников, к комфорту кланово-кастового кокона. Воспевающая эту нетравматическую модернизацию Bollywood-ская киноиндустрия (1000 фильмов в год) ведет дело по последнему слову мирового маркетинга. Ее целевая аудитория — устремленная на Запад молодежь и ностальгическая индийская диаспора на Западе. И А, и не-А. Явный знак успеха: из объекта туризма Индия превращается и в его субъект. В 2005 году впервые доходы от туризма уравнились с расходами индийских туристов на поездки по миру.

Индия напоминает миру о том, о чем она в угаре неслыханного экономического подъема и не думает забывать. В «Курортнике» уже выздоравливающий паломник в страну Востока Гессе порицает себя за недавнее уныние: и в него впал «я, слышавший глас индийских богов!» Через своих европейских глашатаев, от Шопенгауэра до Beatles, через йогу и аюрведу Индия мягко и неотступно заботится о нас, когда мы сами забываем «заботиться о себе».

Европа и Индия. Брюзга-Европа видит свои отношения с Индией как конкурентные, в лучшем случае партнерские. В свою очередь Индия, переживая острую эйфорию цивилизационного подъема, жаждет не реванша, но шанса — для обоих! — и оптимистически представляет себе Индию и Европу в виде тантрийской пары, в самозабвенном чувственном наслаждении заново создающей мир.

Постоянный адрес страницы: <http://www.prognosis.ru/news/world/2006/3/13/maiatky.html>

ОБ АВТОРАХ

Валлерстайн Иммануил — заслуженный профессор Йельского университета; директор Центра им. Фернана Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций; выдающийся представитель исторической социологии; автор концепции анализа мировых систем. Основные работы: *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб., 2001; *Конец знакомого мира*. М., 2003; *После либерализма*. М., 2003; *Раса, нация, класс*. М., 2003 (совместно с Э.Балибаром); *The Modern World-System, vols. I–III* (1976, 1980, 1989); *Historical Capitalism* (1983); *Geopolitics and Geoculture* (1991); *Decline of American Power* (2003)

Купер Роберт — крупный британский дипломат и внешнеполитический теоретик; в 1989–1993 годах — глава департамента внешнеполитического планирования министерства иностранных дел Великобритании; в настоящее время — верховный представитель ЕС по вопросам общей внешней и оборонной политики; вместе с Э.Гидденсом оказал значительное влияние на политическое мировоззрение Тони Блэра; автор концепции «нового либерального империализма». Основные работы: *The Post-Modern State and the World Order* (2002); *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century* (2003).

Куренной Виталий Анатольевич — историк западной философии XIX–XX вв. Преподает на философском факультете ГУ-ВШЭ, сотрудник Центра феноменологической философии РГГУ, научный редактор журнала «Логос», обозреватель «Политического журнала».

Маркедонов Сергей — зав. отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа, кандидат исторических наук.

Маяцкий Михаил — доктор философии (Фрибуржский университет, Швейцария). Публиковал статьи в журнале «Логос» и других (в том числе западных) изданиях, автор книги *Во-вторых. Ультиматумы с оговорками конца прошлого века*. М., 2002. В настоящее время — исследователь при Университете г. Фрибург. Живет в Париже.

Мерари Ариэль — профессор психологии Тель-Авивского университета (Израиль); исследователь политического насилия, экстремизма и терроризма.

Мертон Роберт (1910–2003) — один из крупнейших американских социологов XX века; представитель структурно-функционального анализа, предложивший разграничение «скрытых» и «явных» функций, понятие «дисфункции» и обосновавший необходимость разработки теорий «среднего уровня», призванных связать теоретическую социологию с эмпирическими исследованиями; автор многих работ, посвященных социологии знания и средствам массовой коммуникации. Основные работы: *Социальная структура и аномия // Социология преступности*. М., 1966; *Явные и латентные функции // Структурно-функциональный анализ в современной социологии*. М., 1968; *Social Theory and Social Structure* (1949); *The Sociology of Science* (1973); *Sociological Ambivalence* (1976)

Мюнклер Герфрид — профессор политических наук Университета им. Гумбольдта (Германия); председатель международного Фонда им. Маркса и Энгельса; автор многочисленных исследований, посвященных истории политической мысли и теории войны.

Основные работы: *Odysseus und Cassandra. Politik im Mythos* (1990); *Hobbes zur Einführung* (1993); *Politische Bilder, Politik der Metaphern* (1994); *Reich, Nation, Europa* (1996); *Über den Krieg* (2002); *Die neuen Kriege* (2002); *Der neue Golfkrieg* (2003); *Vom Krieg zum Terror* (2006); Европа как политическая идея // *Неприкосновенный запас* 2003. № 4 (30).

Погорельский Александр Львович – кандидат экономических наук, директор Института Восточной Европы.

Урбан Майкл – профессор политологии университета Санта Круз (США). Исследовательские интересы связаны с СССР, Россией и постсоветским пространством. Темы и содержание исследований: политический язык и идеология, динамика массовых социально-политических движений, элиты посткоммунистических режимов, формирование социальных идентичностей и сообществ в условиях нестабильности.

Феннема Мейндерт – профессор социальных и политических наук Утрехтского и Амстердамского университетов (Нидерланды), специалист по проблемам расизма, этнической мобилизации, политического насилия и мультикультурной демократии. Основные работы: *Racistische partijen in West-Europa* (1992; в соавторстве с Ф. Эльберс); *De Moderne Democratie* (1995); *Turkse organisaties in Amsterdam* (1997; в соавторстве с Дж. Тилли); *Islamitische organisaties in Nederland* (2004).

SUMMARY

Immanuel Wallerstein. Utopistics, or, Historical Choices of the Twenty-First Century

Utopias have religious functions and can even lend themselves to serving as mechanisms of political mobilisation. However, in the realm of politics their effect can be quite contrasting: utopias generate illusions and therefore are bound to create disenchantment. Moreover, utopias can be – and are indeed usually – used to justify the cases of appalling malice. New utopian ideas is what we need least.

Robert Cooper. The Post-Modern State and the World Order

Europe has been determining the course of international affairs for almost 500 years. 1989 was the year not only of the termination of the Cold War but also of the collapse of the European system of power balance. Nowadays, the system of power balance is being replaced by the system of post-balance. Europeans now face a twofold task – that of creation of a new security model while continuing to live in a world which is still operated by the old set of rules.

Herfried Munkler. The logic of world domination – from Ancient Rome to the United States

Arguments over the last war in Iraq, the assumed back door planning and ulterior goals of this latest military intervention of the United States into the oil region of the Gulf, over the role of the US in the Gulf and in Central Asia, as well as rift over resources in transatlantic relations – all this sharpened the question in Europe of the development of a new world order after the East-West conflict ended.

Maxim Momot. Non-American century: Pseudo democracy and socialism deprive the West of its future. Democracy and liberalism – the two doctrines that Western people owed their success to – have now largely exhausted their potential. The weakening of the West coincided with the escalation of the numbers and activity of the non-Western peoples who exhibit readiness to explode the present world order.

Mikhail Afanasiev. The Russian state in the thoughts of the Russian elite

There is no strategy for state construction in present-day Russia, and no civil debate on the various alternatives of such a strategy. President Vladimir Putin is yet to offer a strategic project that could inspire and unify the nation. Discussion of the national project may enhance the chances for consolidation of the new elite capable of taking on the function of strategic leadership.

Alexander Pogorelsky. Business around terror

In the contemporary world, terror has become a system-forming factor. A powerful economic infrastructure has been built around it, which enables a large stratum of people, or even nations and states, to live off it. The article focuses not merely on terror per se and ways of capitalizing upon it, but also on the opposing business, which is based on anti-terror and which is of no lesser scale and carries no less serious consequences.

Ariel Merari. Terrorism as a Strategy of Straggle: Past and Future

The hope that the new world order will bring an end to terrorism is based on two false premises: that terrorism is an issue of domestic security of the states, and that terrorism is a certain type of social or political malady which will be once and for all cured once a proper antidote is found.

Vitaliy Kurennoy. War, terrorism and media

The classical symmetrical war of modern times becomes history. The new type war is local, and one of its species is the terror war. It is conducted not by states, but by local chiefs, warlords, members of terror organisations. The militarization of the media and their integration into the military conflict emerges with the onset of mass war. The media becomes an instrument of mass propaganda. The military control over the media entails the loss of journalist identity, based on objective description of events.

Shamsudin Mamaev. At the brink of 'Fourth World War' with terrorism

London bombings were carried out by the people generated by Afghan and Iraq wars, that is, by the very strategy of anti-terrorism. 'War with terror' is being replaced by a new strategy of 'Global struggle against extremism and violence'. Al-Qaeda is no longer being declared the number one enemy of the USA – this role is assumed now by the extremist movements that exploit Islam for their political agenda and constitute a part of the global web of hostile networks.

Kim Kraig, Sarah Daily. The dynamics of terrorist threats: group motivation and opportunity in the modern world. Today governments and security forces of many countries fight terrorist threats, which constantly change, either decreasing or increasing. The article identifies internal and external factors influencing terror groups, which can be used in the fight against terrorism.

Evgeniy Krutikov. The end of the Potsdam era

The principles of border inviolability and of territorial integrity, defined by Potsdam, died in front of our eyes, having demonstrated to us all the harmfulness of their uncreative application. It is difficult to even imagine what they will be replaced by. In the ethnic history of the Balkans, there are realities that are impossible to forget. Is Slobodan Milosevic the person to blame for those bloody wars and for Yugoslavia's terrible end?

Robert K. Merton. The Self-Fulfilling Prophecy

Contemporary social processes are well-described by Prof Thomas' theorem: 'If people define situations as real, their consequences will be real'.

Sergey Markedonov. Year of Dagestan in the Caucasus

The year 2005 will make it into history of Northern Caucasus as Year of Dagestan. In the first half of it alone, the biggest republic of Northern Caucasus has had 80 terrorist acts. Terrorism in Dagestan is marked by its more advanced level and quality when compared to that of neighbouring Chechnya.

Meindert Fennema. Populist parties of the right

The study of the specificity and perspectives of European radical anti-immigration parties, such as ultra-right, racist and populist.

The interview of Ruslan Khestanov with Michael Urban

The perspectives of Russian statehood are being discussed, together with the problems of the evolution of contemporary leftist movement (which is now facing an ideological crisis); and civil society as reality and ideological concept is being analysed.

Mikhail Mayatzky. A holiday resort called Europe

Contemporary civilization imposes a lesser labour burden upon an individual and does less in terms of teaching him how to entertain himself. Asceticism was disposed of together with Christianity, while idea of self-improvement was discarded together with the Enlightenment. Europeans are torn between the two desires: to free time from labour in order to do politics and 'take care of themselves'. However, politics loses its position. Recreation is Europeans' most recent religion which will soon replace the Christian competition for employment.

ГДЕ КУПИТЬ ЖУРНАЛ «ПРОГНОЗИС»

По вопросам оптового распространения обращаться в **книжный магазин «ГНОЗИС»** Зубовский бульвар, 17, стр. 3, тел. 247-17-57

Фаланстер

Малый Гнездниковский пер., д. 12/27, тел. 629-88-21, 504-47-95

Панглосс, библиоцентр

ул. Пречистенка, 8/3, стр. 1, тел. 202-29-33

Книжная галерея «Нина»

ул. Бахрушина, 28, тел. 959-21-03, 959-20-94

«Историческая книга», магазин при Исторической библиотеке

Старосадский пер., 9, тел. 921-48-95

Ад Маргинем

1-й Новокузнецкий пер., 5/7, тел. 951-93-60

Летний Сад

ул. Б. Никитская, 46, тел. 255-01-98, 290-06-88

Книжный киоск Института Философии РАН (1-й этаж)

ул. Волхонка, 14, тел. 334-40-57

Книжная лавка обществоведа

Нахимовский пр., 51/21. В здании ИНИОН РАН,
тел. 332-47-25

400 экземпляров журнала рассылаются в университетские и научные библиотеки России